ХЕРБЬЁРГ ВАССМУ

НАСЛЕДСТВО КАРНЫ

Унесенные северным ветром...

Бурные, полные страстей и опасных приключений истории о жизни непредсказуемой, яркой и своевольной красавицы Дины — безусловно, достойны называться «Европейские Унесенные Ветром».

АЗБУКА

Хербьёрг Вассму

Наследство Карны

Посвящается Хильде

Основополагающим в человеческой экзистенции является то, что человек — это индивид и как таковой представляет собой и самого себя, и весь род человеческий, поскольку весь род присутствует в индивиде, как и индивид — во всем роде[1].

Серен Кьеркегор. Понятие страха

Пролог

Итак не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано.

Евангелие от Матфея, 10:26

Лесенка была крутая и узкая. На нижней ступеньке виднелась глубокая зарубка, словно кто-то ударил по ней топором.

Однажды лаз в большую черную пещеру остался открытым.

Карна знала про эту пещеру — взрослые постоянно поднимались туда. Но сама она никогда там не бывала.

Сперва она поднялась всего на несколько ступенек, потому что на лесенке не было перил. Но потом решилась и поднялась так высоко, что смогла заглянуть в темноту.

Пока она стояла, сунув голову в пещеру, темнота шевельнулась, зашептала ей что-то, поманила к себе.

Карна положила руки на пол и ощупала его. Здесь могла таиться опасность, но в чем она заключалась, Карна не знала.

Мало-помалу темнота подобрела и позволила ей разглядеть сундуки, ящики, коробки, чемоданы, сломанные стулья, мешки и связки старых газет. Возле лаза стояла детская плетеная коляска с откидным верхом.

Карна знала, что, обернувшись и увидев внизу свет, уже не осмелится подняться выше. Поэтому она быстро преодолела последние ступеньки, и наконец ее босые ноги ощутили дощатый пол чердака.

Она думала, что пол будет холодный, но он оказался гораздо теплее, чем внизу, в ее комнате. Словно тепло половиц шло откуда-то изнутри.

По мере того как она двигалась вперед, погружаясь в темноту, они становились теплее. Воздух здесь почему-то казался густым.

Крыша лежала на стропилах, толстых, как руки тролля. Карна лишь угадывала их у себя над головой. Между стропилами были глубокие впадины, там таилось что-то, спрятанное не людьми.

Свет здесь был только тот, что доставал сюда из лаза. Сердце Карны вдруг выросло — ее напугала собственная тень. Оно так стучало, словно готово было выпрыгнуть наружу.

Возле ближайшей печной трубы стоял чемодан с металлическими накладками. Это было первое, что темнота явила Карне. Карна подняла крышку, и послышалось слабое шуршание. Кто это?

Она зажмурилась и сосчитала до трех, потом открыла глаза и отчетливо увидела, как что-то пронеслось мимо ее ног. Как ветер.

Сердце бешено колотилось. Карна замерла. Потом сунула руку в чемодан, там зашелестело что-то, похожее на шелковистую бумагу, из которой Сара делала гирлянды на Рождество.

Под бумагой лежало платье, мягкое, как бархат или кожа. Карна взялась за него обеими руками и вытащила его наружу. Оно оказалось больше ее самой. Она поволокла его за собой, не смея ни взглянуть на него, ни прижать к себе.

Наконец она разложила платье там, где было посветлее, и в лицо ей ударил аромат лета. Чужой и в то же время знакомый.

Сперва Карна решила, что это обыкновенное платье из красного бархата с длинными рукавами и черным кружевным воротником.

Но вот платье расправилось и село.

Перед ней сидела женщина с длинными волосами и протягивала к ней руки. Звякнули браслеты. Тихонько, только для Карны. Они блестели в полумраке, и их было больше, чем она могла сосчитать.

Карну начало мутить. Руки и ноги сделались ватными, в ушах послышался знакомый звон. Она поняла, что сейчас у нее начнется припадок.

И тут же всем телом ощутила неровность половиц.

Наконец к ней вернулось сознание, перед глазами плыли красные и черные пятна. Тупо болела голова. Карна обнаружила, что во время припадка прикусила язык. Шея и лицо были мокрые и липкие. Изо рта текла слюна.

Карна попыталась ее вытереть, но безуспешно. Ей было холодно. Обхватив себя трясущимися руками, она ощутила мягкий бархат. Она лежала у кого-то на коленях. К ней прикоснулись руки, теплые, осторожные, с поющими браслетами.

Карна зажмурилась. Потом открыла глаза и посмотрела в лицо женщине, чей портрет висел над пианино. На ней было такое же платье. Но здесь оно было настоящее.

Бабушка Дина держала ее в объятиях и ждала, чтобы она очнулась.

Значит, бояться нечего, подумала Карна и снова закрыла глаза. Тогда она услыхала голос:

— Я знала, что когда-нибудь ты придешь сюда.

— Ты ждала меня?

— Конечно.

— Я бы пришла раньше, если бы знала, что ты здесь, — слабым голосом проговорила Карна.

— Тебе было бы не поднять крышку лаза.

— Сегодня она была поднята. Это ты?..

— Или кто-то другой.

— Как же я подниму крышку, если захочу снова прийти сюда?

— Попроси Вениамина, он поднимет.

— А если он не захочет?

— Ему придется.

— Почему?

— Ты ведь уже вытащила меня из чемодана.

По лесенке поднялась Бергльот, она испуганно звала Карну.

Карна неподвижно лежала в бархатных объятиях.

Ее отнесли вниз, в ее комнату. Через открытую дверь Карна слышала, как Бергльот бранили за то, что она оставила лаз открытым.

Стине, по обыкновению, сидела у постели Карны, читала вслух «Отче наш» и поила ее отваром из манжетки.

— Вы должны привести с чердака бабушку Дину, — проговорила Карна между двумя ложками.

Взрослые, не понимая, с испугом посмотрели на нее.

Она начала вырываться и отказалась пить отвар.

— Господи, спаси и помилуй! Наверное, она видела привидение! — прошептала Бергльот.

Карна поняла, что ей придется простить их. Ведь они ничего не знали. Она вспомнила, как Олине однажды сказала:

— У Дины было много красивых платьев. Она была щеголиха и любила наряжаться. На чердаке осталось немало ее нарядов.

— Принесите мне бабушкино платье, — строго сказала Карна.

И настояла на своем.

Теперь Карна часто бывала на чердаке. И не только летом, когда половицы казались теплыми. И не только в дождь. Нет, в любое время, когда ей хотелось.

Здесь было много вещей, которыми люди пользовались и которые они носили в прежние дни.

Стине и Олине считали, что Карне опасно одной подниматься на темный чердак. Если у нее там случится приступ падучей, она может сильно разбиться.

А вот папа говорил, что Карне надо научиться угадывать приближение припадка, чтобы успеть лечь до того, как он начнется. Оберегать ее не следовало.

Когда Вениамин поднял для Карны крышку лаза, Олине крикнула ему из кухни:

— Ты плохой отец, Вениамин! Разве ты не понимаешь, что ребенок может ушибиться, там все доски прогнили!

Но Карна знала, что на чердаке у нее больше не будет припадков. Там было темно и тихо. Лишь порой где-то шуршали мыши.

Папа помог ей поставить ящики и чемоданы возле лаза, где было светлее. Лампы с собой на чердак ей не дали.

Они с бабушкой часами рылись в старых, никому не нужных вещах. Перед глазами у Карны мелькали неясные картины. Люди, которых она никогда не видела. Не все говорили, как их зовут, но Карне это не мешало.

Бабушка сказала, что они с Карной ищут время.

Иногда они примеряли платья. Бабушка не смеялась, как бы нелепо Карна в них ни выглядела. Она только помогала ей застегивать пуговицы и завязывать тесемки.

Смешнее всего были туфли, на ногах Карны они были как лыжи и при ходьбе царапали пол.

Однажды они нашли длинную шаль из перьев. Шаль змеей обвилась вокруг Карны, от нее пахло так же, как от папиного докторского чемоданчика. Карна обмотала ею шею и поняла, что шаль живая.

Перед уходом Карны бабушка сняла красное платье, чтобы Карна смогла унести с собой вниз запах лета. Карна взяла платье и повесила его на спинку стула у себя в комнате.

Теперь бабушка как будто сидела на стуле. Лежа в постели, Карна могла дотронуться до нее рукой.

Музыка моря. Это было первое, что Карна запомнила. Запомнила чувство, будто она покидает самое себя. Потому что должна покинуть. Или хочет этого?

Еще лежа в постели, Карна уже куда-то скользила. Стоило ей открыть глаза, как неодолимая сила оказывалась рядом с ней. Свет поднимал и притягивал ее к себе. Заставлял слушать музыку моря.

Сон еще был рядом, а она уже летела над морем на сильных руках ветра.

Музыка. Вдали, у шхер, слышался грохот. Музыка приближалась, становилась отчетливей, в ней возникала грозная жалоба. Она повторялась снова и снова. Жалобы сливались в мощный хор, и хор этот в одно и то же время шептал, пел, бранился, благодарил и молился.

Музыка моря была величайшей музыкой в мире.

Иногда Карна слышала, как большая волна обрушивалась на бугор, на котором стоял флагшток. Ей не нужно было видеть эту волну. Она и так знала, как волна выглядит. Волна дыбилась и бросалась на все, что было рядом.

Побледнев от гнева, она пыталась дотянуться до неба. Но это всегда кончалось ее падением.

А бугор с флагштоком так и оставался на своем месте. Он был вечен. Хотя сам флагшток время от времени приходилось чинить.

Карна проснулась в своей комнате, все было серым и черным. Ветки розовых кустов царапали стекло. Негромко, но тревожно.

Карна вспотела, хотя ей было холодно. Она не сразу спустила ноги с кровати.

Удушливая тревога сжала ей сердце, и она не могла больше летать.

Лоскутный половик был полосатый, но разглядеть цвет полосок Карна не могла. Половик был холодный и неровный. Она ощутила это еще до того, как поставила на него ноги. Самыми неровными и выпуклыми были синие полоски. На них пошло старое зимнее пальто Ханны.

Карна вышла в столовую, где уже гудела растопленная печка, и побрела на кухню. Сперва тепло коснулось ее босых ног, потом окутало ее всю целиком. И внутри этого тепла ее всегда ждала Олине.

Когда-то Карна думала, что Олине и ее табуретка на колесиках — одно целое. Но как-то раз Олине заболела и осталась в постели. Пустая табуретка одиноко стояла перед плитой. На табуретке лежала синяя клетчатая подушечка, которой Карна прежде не видела.

Случалось, Карна просыпалась с неприятным вкусом во рту, напоминавшим ей, что папы не было дома, когда она заснула.

Тогда оставалось только забраться к Олине на колени и спросить:

— А папа вернулся домой?

Когда вновь появлялось солнце, свет был повсюду, его излучал даже снег. Глаза невольно щурились, словно хотели спрятаться.

Но прятаться было бесполезно. Сперва смотреть на свет было больно. Карне казалось, что сквозь ее голову проносятся стайки верткой плотвы.

И все-таки она не могла жить без света.

Если она долго смотрела на затянутое дымкой солнце, ее уносила музыка моря. А потом наступало мучительное пробуждение.

Карну утешали папины объятия. Его голос. Рука на лбу.

Было хуже, если она встречала чужие глаза или ей случалось обмочиться во время припадка.

Папа укутывал Карну одеялом и относил в ее комнату. Но он не всегда был рядом.

Однажды Карна легла на спину на белый, только что выпавший снег. Даже с закрытыми глазами она чувствовала, что теплый свет и холодный снег — единое целое. Как море и небо за островами и шхерами.

От этой мысли ее голова раскололась на части и устремилась в небо.

Ей пришлось помахать руками и ногами, чтобы убедиться, что она цела. Потом она осторожно встала, стараясь не оставить на снегу следов.

Когда она открыла глаза, на снегу лежал ангел. На том месте, где только что лежала она сама. Она создала ангела по своему образу и подобию.

Карна рассказала Олине про ангела и услышала в ответ, что это богохульство.

Она не стала возражать, но поняла, что Олине не всегда бывает права.

Карне хотелось думать, что Ханна всегда была одна и та же. Но это было не так. У нее вдруг появился другой голос.

И другие платья. И руки у нее были не такие решительные, как у прежней. И пахла эта новая Ханна не так, как все в Рейнснесе.

Однажды, должно быть, уже после того, как у Карны появились первые туфли на пуговках — она хорошо помнила, как они стучали по лестнице, — у окна в зале, закрыв лицо руками, стояла новая Ханна.

Карна хотела прикоснуться к ней, но новая Ханна наклонилась и обняла ее. От новой Ханны исходил терпкий и сладкий запах. Она всхлипнула. Лицо у нее было мокрое.

Тогда Карна первый раз ощутила пустоту, которая иногда возникала вокруг взрослых. От нее стены становились бесцветными и дышали холодом, даже если в печке пылал огонь. И случалось это всегда неожиданно.

Папа вошел в комнату, но легче от этого не стало. Он не смотрел на

Карну, он видел только новую Ханну. Лицо у него было незнакомое, он произнес какие-то слова, их звук запал Карне в голову, хотя о чем он говорил, она не запомнила.

Зашуршала юбка, и чей-то высокий голос произнес слово «отъезд».

Папа схватил Карну и прижал к себе. Руки у него были недобрые, она вырывалась и даже крикнула:

— Ты не мой папа! Ты злой!

Она почти не помнила, что случилось дальше. Но папа держал ее так крепко, что ей стало больно.

— А чей же я еще папа, черт бы тебя побрал, сопливая девчонка!

Так Карна оказалась виноватой в том, что новая Ханна хотела уехать. Но почему, она не знала.

Впрочем, Карна всегда знала, что Ханна не одна. Потому что настоящая Ханна уже уехала со своим сыном Исааком в Страндстедет.

Когда настоящая Ханна шила, она всегда держала во рту булавки. От нее пахло тканью и недошитыми платьями, которые висели по стенам.

Прежде чем что-то сказать, она вынимала изо рта булавки и втыкала их в черный бархатный грибок. Грибок был прикреплен к краю стола. Булавки красиво поблескивали при свете лампы.

С Ханной было хорошо, но Карна никогда не была уверена, что непременно застанет Ханну на месте. Поэтому она искала ее во всех. Даже в новой Ханне. Это ее не пугало. Ведь настоящая Ханна с Исааком все равно уехали. Рано или поздно все уезжают на пароходе.

Сначала слышались стук и плеск, потом пароход выныривал из-за бугра с флагштоком и замирал на месте, не переставая урчать.

К нему на лодке направлялся приказчик Ливиан. Если море было неспокойно, лодка то взлетала на волнах, то проваливалась между ними. Она была такой одинокой! В тихую погоду лодка, словно птица, подплывала к большому пароходу.

Бывало, что с пароходом, кроме мешков и ящиков, прибывали люди, которых Карна прежде не видела. Если они приходили в дом, ее заставляли выйти к ним и поздороваться с ними за руку.

По их глазам Карна сразу понимала, видят они ее или нет.

Новая Ханна увидела ее сразу, как только приехала. Она смотрела на Карну даже больше, чем на папу.

Сперва она сказала что-то непонятное, и папа также непонятно ответил. По пути от причала до дому она держала Карну за руку. Несколько раз она

останавливалась, опускалась на корточки, делаясь одного роста с Карной, и произносила свои странные слова.

В присутствии новой Ханны голос у папы становился нежным. Даже после того дня, когда он в зале крикнул те злые слова. Может, после того дня даже чаще.

Новая Ханна сидела у пианино.

Пахло травой, на окнах висели белые занавески. Время от времени они надувались от ветра. Через мгновение они опадали, и Карна уже не знала, было ли это на самом деле.

Она подползла вплотную к этому черному ящику, чтобы лучше слышать, как новая Ханна заставляет его петь.

На педалях стояли босые ноги новой Ханны. Когда она нажимала на педали, большие пальцы задирались вверх. Они казались злыми, хотя не делали ничего плохого. А может, они просто чего-то боялись? Например, что их кто-нибудь схватит.

Несколько минут Карна слушала музыку, пытаясь понять, чего же так боятся пальцы Ханны, а потом нагнулась и укусила один из них.

Новая Ханна отдернула ногу, и пианино загрохотало. Потом ее лицо нырнуло вниз. Волосы почти коснулись пола. Они, точно занавеска, повисли между нею и Карной. Не такие черные, как у настоящей Ханны, но тоже красивые.

Подбежал папа, браня Карну за то, что она помешала музыке, и за ноги вытащил ее из-под пианино.

— Оставь ее, — сказала новая Ханна и взяла несколько сердитых аккордов.

Но она не сердилась. Она смеялась.

Папа взгромоздился вместе с ней на табуретку. Их головы надолго словно слились друг с другом. Послышались странные звуки.

Карна выпрямилась, ей хотелось, чтобы они обратили на нее внимание.

Они не обратили.

Тогда она потянулась и обеими руками ударила по клавишам. Из пианино вырвался громкий вопль. Но они все равно не видели ее.

Наконец она крикнула:

— Можешь уехать обратно на своем пароходе!

Папа рассердился, однако новая Ханна посадила Карну к себе на колени и своими пальцами прижала к клавишам ее пальцы. Карие стало даже немного больно.

— Поиграй нам! — сказала новая Ханна и снова нажала на пальцы

Карны.

Послышалась мелодия — «Старик Ной».

Когда новая Ханна отпустила ее руки, Карна, не отрывая глаз от клавишей, стала нажимать на те, в которых, по ее мнению, прятались звуки.

И в гостиной еще раз зазвучал «Старик Ной».

На комоде в гостиной в резной рамке стояла фотография. Взрослые говорили, что это ее мама.

— Это твоя мама, Карна, тебя назвали в ее честь, — сказал папа. — Она умерла, когда ты родилась.

Карна много раз слышала это от папы. Но это были просто слова.

Таким же словом был для Карны и Копенгаген. Там люди умирали. И виновата в этом была она, потому что ей всегда говорили: «Когда ты родилась…»

Иногда она придвигала к комоду стул и залезала на него, чтобы мама Карна могла ее видеть. От этого ей всегда становилось грустно.

Когда настоящая Ханна приезжала в Рейнснес, все уже знали заранее, когда она уедет обратно в Страндстедет.

Вместе с ней уезжал и Исаак. Исаак и Карна спали в одной комнате, хотя он был старше ее. Если Исаак сердился на Карну, он уходил спать в дом к Фоме и Стине.

Когда Исаак бывал в настроении, с ним было весело. Но он быстро начинал сердиться и называл Карну малявкой и дурой. Карне это не нравилось. Однако изменить этого она не могла. Она могла толкнуть стул ногой или пойти в конюшню и тыкать в лошадей палкой, пока они не заржут. Но это ничего не меняло.

Однажды у Карны случился приступ падучей оттого, что Исаак на нее рассердился. Прибежали взрослые. В том числе и Ханна. Исаак убежал в летний хлев и прятался там весь день.

Ханна спала в южной мансарде. Раз и навсегда, говорила Олине. Это означало, что так будет долго. Может быть, до самого Рождества.

Но после Рождества все разъезжались. Уезжал и папа со своим докторским чемоданчиком.

Однажды папа с Карной ловили мелкую сайду, папа был мрачный.

— Позови Ханну обратно домой, и ты снова будешь веселый, — сказала ему Карна.

— Ты же знаешь, она живет в Страндстедете и шьет для людей.

Карна знала, что Ханна единственная женщина, которая сама решает, где ей жить. Ханна делала то, что хотела, тихо и спокойно.

Стине объясняла это по-своему.

— Ханна делает только то, к чему у нее лежит душа, — говорила она.

Карна понимала это так: если Ханна хочет сидеть в Страндстедете, набрав в рот булавок, то так и будет.

Но вообще понять, к чему у Ханны лежит душа, было трудно. Порой душа у нее лежала к Карне. Но не всегда. К Исааку у нее душа тоже лежала не всегда.

В таких случаях Олине говорила:

— Парнишке нужен отец.

Раньше Ханна часто приезжала в Рейнснес, и они с папой смеялись по вечерам. Карна слышала их смех, сидя в своей комнате.

Они играли в шашки и шахматы. Но ведь это были лишь фигурки на доске.

Однажды Карна поднялась наверх. Ханна что-то искала в шкафу с постельным бельем. Рядом с ней стоял папа.

В полумраке Карпе показалось, что они дерутся. Но они не дрались. Заметив Карну, они ласково заговорили с ней, оба сразу.

Карна уже не помнила, было это до или после появления новой Ханны.

Олине сказала:

— Раньше в Рейнснесе было слишком много женщин, теперь — слишком мало.

Карна поняла: это потому, что тут нет настоящей Ханны.

Однажды в хорошую погоду папа поехал с Карной кататься на лодке. Лодка быстро летела вперед. Карне было так хорошо, что она сказала:

— Я не виновата, что она уехала.

— Конечно нет! Не думай об этом!

Он глядел куда-то в пространство, и в голосе у него дрожала нежность.

— Кто же тогда виноват?

— Я.

— Потому что ты был злой?

— Да, поэтому.

— Она вернется?

— Не знаю.

— А ты попроси ее.

— Может быть…

— Ты не хочешь?

— Это не так просто.

— Разве она тебе не пригодится?

Папа засмеялся, но лицо у него было грустное.

— Я еще не знаю, что со мной будет…

Карна испугалась — она знала, о чем он думает. О том, чтобы уехать. Куда-нибудь далеко.

В тот раз, когда папа сказал, что у него в Страндстедете будет свой кабинет, Карна не поняла, что он собирается там ночевать.

Он уехал, его не было день и ночь, не приехал он и на другой вечер, и Карна спросила у Олине, где же он спит.

— В Страндстедете, в комнате рядом со своим кабинетом, — ответила Олине.

— Я хочу, чтобы завтраком меня кормил папа!

Взрослые сказали, что так не годится. Тогда Карна решила, что вообще перестанет есть.

Два дня Олине, Стине и служанки пытались заставить ее есть. Олине силой впихнула в нее кашу, но Карну вырвало прямо на стол.

Тем не менее ее не оставили в покое. Тогда она залезла на стол у окна и смотрела на вечернее солнце, пока зазвучавшая музыка моря не унесла ее с собой.

На берегу и в прибрежных камнях у Стине стояли ящики. В них жили гаги, когда сидели на яйцах, из которых должны были вылупиться птенцы.

Прошло столько дней, что Карна уже не могла сосчитать их, а папа так и не вернулся домой. Тогда она пошла к ящикам и выгнала из них птиц. Потом начала топтать яйца. Не одно, не два, много.

В одних яйцах была только противная на вид каша. В других — клювики, коготки и синеватая пленка. Чтобы рассмотреть их, Карна поковыряла разбитые яйца палкой.

За этим ее и застал Фома. Он страшно рассердился и потащил ее к Стине.

— Папа! Папа! Он должен приехать! — кричала Карна и топала ногами.

От страха у нее стучали зубы.

Стине повела себя неожиданно для всех. Она посадила Карну к себе на колени и сказала:

— Бедная девочка!

У Карны хлынули слезы, и она обмочилась. Когда она пришла в себя, между зубами у нее была всунута деревянная палочка. Вся в испарине, но дрожа от озноба, она лежала на скамье в доме Стине.

Стине повязала ей на запястье серую шерстяную нитку и читала над ней «Отче наш».

Эту нитку Карна должна носить всегда. Всегда.

Так ей будет легче жить с ее Даром, и она перестанет прикусывать язык.

Даром Карны была не нитка, а падучая.

Карна сидела на коленях у Стине и рисовала мертвых птенчиков гаги. Красных и синих. Она хотела поставить рисунок на комоде рядом с фотографией покойной Карны. Это единственное, что она могла сделать для них.

Стине пела ей о птицах, которые летают ночью под облаками и дают маленьким девочкам пух для перинок.

На другой день папа вернулся домой. Узнав о птенцах и о припадке, он сказал, что будет лучше, если Карна вместе с ним переедет в Страндстедет.

Такая глупость взрослого человека испугала Олине и всех женщин Рейнснеса.

— Раз мы с Карной вместе приехали в Рейнснес из Копенгагена, мы вместе переедем и в Страндстедет, — сказал он. — Я найду там экономку.

— Мы поедем на пароходе и найдем там себе Ханну, — вмешалась Карна.

В комнате воцарилось молчание.

Но явно не из-за того, что в Страндстедете Карне могла угрожать опасность. На ее вопросы взрослые отвечали, что сначала папа должен заработать денег и найти для них жилище и няню.

А пока ей следует смириться с тем, что иногда он будет оставаться на ночь в Страндстедете.

Если папа отсутствовал несколько дней подряд, у Карны все сжималось внутри, и она превращалась в ничто. Или погружалась в музыку моря.

Несколько раз, когда Карна была погружена в музыку моря, мама Карна выходила из фотографии и обнимала ее. Правда, Карна никогда не знала заранее, выйдет она или нет. И она никогда не выходила, если кто-нибудь мог их увидеть. Другое дело, когда звучала музыка моря: тогда мама Карна

выходила, чтобы Карна нашла дорогу домой.

Однажды, рассердившись на папу из-за того, что он уезжает к больным, Карна сказала, что глупо думать, будто ей приятно иметь маму, которая стоит за стеклом на комоде.

Папа с ней согласился. Но ничего не предпринял, и все осталось по-старому.

Никто, кроме папы, не ездил по округе с черным докторским чемоданчиком, в котором хранились коричневые пузырьки с лекарством и белоснежные салфетки, и не сидел возле стеклянного шкафа, принимая больных.

Но папой он был только Карне.

Она понимала, что женщины ему нравятся больше, чем мужчины. Когда он смотрел на них, в его взгляде появлялось что-то непонятное. И в голосе тоже. Они приезжали в Рейнснес, когда знали, что доктор дома.

Карна не верила, что все они были больны. Но надолго они не задерживались.

В хорошую погоду папа брал Карну с собой к больным. И она подолгу караулила лодку, пока он ходил из дома в дом. Она знала, что по его просьбе кто-нибудь непременно присматривал за ней. Но почти никогда никого не видела.

В одной усадьбе был только маленький домишко и землянка.

Карна спросила, почему там нет других домов.

— Чтобы построить дом, нужны деньги, — ответил папа.

— А почему у нас в Рейнснесе столько домов?

— Потому что в прежние времена у хозяев Рейнснеса было много денег.

— А почему у тебя нет денег, чтобы мы могли построить дом в Страндстедете?

— Я не умею зарабатывать деньги. А вот ты когда-нибудь научишься. Как Дина.

— Почему Дина не живет в Рейнснесе?

— Потому что ей захотелось поглядеть мир.

— Она когда-нибудь наглядится на него?

— Не знаю.

— В Рейнснесе слишком мало женщин. Ты не можешь попросить ее вернуться?

— Я просил.

— Значит, плохо просил!

— Может быть.

— Она добрая?

Папа задумался и улыбнулся словно про себя.

— Не со всеми. Со мной она была добрая, но строгая.

— И со мной тоже будет строгая?

— Не думаю.

— Тогда еще раз попроси ее приехать.

— Попробую. А ты не хочешь послать ей какой-нибудь рисунок?

— Мертвых птенцов гаги?

— Нет, живых.

— Да, мертвые птенцы некрасивые.

Папе нужно было изменить курс, и Карне пришлось замолчать, чтобы не мешать ему. К тому времени, когда парус был закреплен, она уже придумала, что сказать:

— Наверное, Дина уехала потому, что вы были недобрые.

— Почему ты так решила?

— Просто так.

— Кто же, по-твоему, был недобрым?

— Не знаю.

— Иногда человеку необходимо уехать, — сказал папа.

— И тебе тоже необходимо?

— Может быть.

— Но ты же не уехал! Папа долго не отвечал.

Она вздохнула, грудь была как будто забита осколками стекла.

Папа смотрел вдаль:

— Я предупрежу тебя, если мне понадобится уехать.

Карна встала, схватила двумя руками один из булыжников, которые лежали на дне лодки для балласта, и хотела прыгнуть с ним за борт к музыке моря.

Папа бросился к ней и успел схватить, лодка накренилась. Он страшно рассердился.

Лодка сбилась с курса, оттого что папа выпустил руль. И прошло много времени, прежде чем паруса снова поймали ветер.

— Ты некрасивый, когда сердишься, — сказала Карна.

— Ты тоже, когда собираешься прыгнуть за борт. — Он помолчал. — Иди сюда и сядь рядом со мной! — велел он.

Она перебралась на корму, прижалась к нему и услыхала, как бьется его сердце.

— Папа, твое сердце хочет выпрыгнуть!

— Оно испугалось, что может потерять тебя. Теперь мы будем вместе править лодкой.

Она кивнула.

Стояла непривычная тишина. Даже моча в горшок лилась беззвучно.

Пол был холодный, но Карна не надела теплых носков, что лежали на полу возле кровати. Убрав ночной горшок на место, она прислушалась к спящему дому. Окна были серые. Даже море молчало.

Она открыла дверь на кухню и увидела у стола Олине. Щека Олине лежала на столе. Носки туфель торчали из-под стола в разные стороны.

Карна осторожно подошла к Олине, ей хотелось посмотреть, чем так заинтересовалась Олине, что даже положила голову на стол.

Она обняла ее и попыталась понять, на что так пристально смотрит Олине.

Но все было самое обычное. Даже птички на подносе.

Утреннее солнце еще не добралось до крышки колодца, и работник еще не выпустил кур из курятника. Трава вокруг голубятни серебрилась после ночного дождя, птицы в аллее молчали. Может, ночь еще не кончилась?

Карна прижалась к Олине и хотела забраться к ней на колени.

Неожиданно Олине распрямилась, словно тряпичная кукла, и упала грудью на стол. Она была мягкая и как будто спала.

Карна толкнула ее, чтобы привлечь к себе внимание. Но Олине по-прежнему не смотрела на нее. Карна толкнула еще раз. От пальцев Карны в Олине осталась ямка.

И снова Олине с шумом распрямилась и соскользнула с табуретки. Поднятые руки упали на голову, Олине даже не попыталась за что-нибудь ухватиться. А звук был такой, точно кто-то громко шлепнул по тесту.

Голова Олине ударилась об пол, ей откликнулись оконные стекла и чашки на столе.

Олине не обратила на это внимания. Она даже не пошевелилась. Седая косица была похожа на маленькую метелку, перевязанную белой тряпочкой.

Одна рука лежала ладонью вверх. Словно Олине ждала, что в нее что-то положат.

Карна дала ей плюшку с блюда, стоявшего на столе.

Но Олине не взяла плюшку. Приоткрыв рот, она смотрела на Карну снизу вверх незнакомым взглядом. Черты лица у нее заострились.

У Карны застучало сердце. Сперва просто быстро. Потом загрохотало уже без остановки. Ноги стали как ватные, и она легла рядом с Олине. Она

не знала, сколько они так пролежали.

Наконец она подняла руку и положила ее на грудь Олине.

И услыхала тишину. Огромную, как небо. Она была даже больше, чем музыка моря.

Книга первая

Глава 1

С небес призираех Господь, видит всех сынов человеческих.

Он создал сердца всех их и вникает во все дела их.

Псалтирь, 32:13 и 15

Карна была всего лишь небольшим комочком. Но Вениамин уже знал, что у комочка есть характер. От ее крика он до кончиков пальцев покрывался испариной.

Команда парохода и двое пассажиров их сторонились. Им была предоставлена вся каюта.

Двое суток Карна сердито кричала. Ночью на третьи сутки начался шторм, и она уснула так крепко, что ему пришлось разбудить ее, чтобы накормить с ложечки разбавленным коровьим молоком.

На каждое кормление уходило полчаса. Из-за сильной качки Вениамину приходилось зажимать коленями чашку с молоком, чтобы освободить руки. Одной он держал ребенка, другой — непослушную ложку.

Через два дня от его брюк уже воняло кислятиной. Он старался не выходить из каюты, так что этот запах досаждал только ему. Он напомнил Вениамину, как они с Андерсом ходили на Лофотены. Тошноту. Унижение, которое он испытал, когда его сунули головой в бочку с рыбьим жиром. Страх — когда бросили в ледяную воду.

Шторм стих, помощник кока сказал, что молоко в камбузе скисло и не годится в пищу для грудного ребенка. Он предложил приготовить картофельное пюре на воде.

Море было гладкое, как стекло, но Карну вырвало прямо на Вениамина, и она зашлась от крика. В конце концов она посинела и затихла. Глаза у нее закатились, как у умирающей, на губах выступила пена.

Вениамина охватила паника, он пытался вспомнить, чему его учили и что он знал, когда был ординатором в клинике Фредерика. О грудных детях, их потребностях и поведении.

Знал он немного. Подняв девочку за ноги, он несколько раз шлепнул ее. Личико у нее покраснело, и она затихла. Но только на мгновение. Когда он перевернул ее и прижал к груди, она снова раскричалась.

Он положил ее на койку и перестал обращать внимание на ее крик, но это было еще хуже. Ее нельзя было оставить ни на минуту.

Если бы Вениамин не был так измучен, он мог бы порадоваться, что у девочки крепкие легкие. Но его пугала мысль, что она может замолчать навсегда. И в душе он уже раскаивался, что не оставил ее в Копенгагене.

Быть одиноким отцом такого ребенка было бы наказанием для любого мужчины.

18 сентября ярко светило солнце. В старинном календаре было написано: «Если в этот день погода хорошая, вся осень будет хорошая».

Тремя днями позже, чем было указано в посланной Андерсу телеграмме, Вениамин набросил одеяло на кричащую Карну и вынес ее на палубу, чтобы наблюдать, как пароход входит в Воген.

Наверное, запах берега поразил девочку, так или иначе, но она замолчала.

И вскоре молодой доктор Вениамин Грёнэльв в пропахших кислым молоком брюках и со своим свертком под мышкой, испытывая несказанное облегчение, спустился по трапу на бергенский причал. Как ни странно, девочка молчала.

Однако стоило ему проявить к ней внимание и прижать к груди, она тут же начала плакать. Словно повинуясь инстинкту, он снова сунул ее под мышку. Оттуда она наблюдала за происходящим круглыми серьезными глазами.

Внутри, в одеяле, она старалась как можно шире раскинуть руки и ноги и принять позу полета. Напрягшаяся шейка с трудом держала головку — девочка боялась упустить что-нибудь важное. Иногда головка падала, но тут же снова занимала прежнее положение.

Правда, Карна видела только то, что открывалось ей при каждом движении Вениамина, но новые впечатления поразили ее, и она молчала.

Непривычная поза, в которой ее держали, мало свидетельствовала о любви. Но это действовало.

Ханна остановилась в лучшем номере постоялого двора. Хозяин предупредил ее, что пароход из Копенгагена задерживается из-за непогоды.

В первый вечер он собственноручно подал Ханне теплый шоколад со

сливками.

У Ханны не было опыта общения с хозяевами постоялых дворов, и она не знала, как следует вести себя в таких случаях. Однако когда поздно вечером хозяин поднялся к ней, чтобы забрать чашку, она через дверь сообщила ему, что уже легла.

Так Ханна постигла, что в Бергене следует спать с запертой дверью. На другой вечер она сама спустилась в кухню за вечерним шоколадом.

— Чтобы избавить хозяина от необходимости приносить его мне наверх, — объявила она изумленной служанке.

Все было поставлено на свои места.

— Неужели такая красивая молодая дама из Нурланда путешествует одна? Совершенно одна? — спросил хозяин с таким видом, будто подозревал в ней переодетую каторжницу. Или женщину легкого поведения.

Ханна растерялась. Опустив голову, она выслушала хозяина. Потом быстро взяла себя в руки.

— Неужели бергенские дамы из хороших семей не путешествуют вообще? Так и томятся дома?

— Да, сударыня, или путешествуют с провожатыми.

— Разве в Бергене столько грабителей и жуликов, что даме опасно одной выходить из дома?

— Надо соблюдать приличия, — мрачно сказал хозяин.

Но когда она сообщила, что приехала, чтобы встретить доктора Вениамина Грёнэльва, который едет из Копенгагена с грудным ребенком, хозяин сразу переменился. И сам подал ей кофе.

Грёнэльв? Вы сказали, Грёнэльв? Хозяин хорошо помнил высокую темноволосую Дину Грёнэльв из Рейнснеса.

Если он не ошибается, она осталась вдовой после гибели Иакова Грёнэльва и потом вышла замуж за Андерса из Рейнснеса. Она еще играла на пианино. Это было так необычно! Конечно, он ее помнит. Он еще все гадал, почему она больше не приезжает в Берген.

— Сколько же вам лет, если вы хорошо помните Иакова Грёнэльва? — нанесла ему удар Ханна.

Хозяин замолчал. Его усы смотрели вниз, и на жирном подбородке шевелилась холеная бородка.

— Дина Грёнэльв сейчас живет в Берлине, она играет там на виолончели. Концертирует, — сообщила Ханна.

Весь день слово «концертирует» доставляло ей удовольствие.

Ханна знала, что отправилась в эту поездку не только из-за Вениамина и его ребенка. Когда Андерс попросил ее поехать в Берген, она отнеслась к этому как к долгожданному приключению. Господь благоволил ей! Желание поехать в Берген было больше страха перед неведомым.

Когда она овдовела и на похоронах мужа хотела положить венок на его могилу, как было заведено в Рейнснесе, ей напомнили, что она дочь лопарской девки.

Как только останки бедного Хокона были преданы земле, Ханна написала Андерсу. Она спрашивала, не разрешит ли он ей вернуться в Рейнснес, чтобы помогать в лавке. Андерс ответил ей телеграммой и отправил за ней судно.

Тогда свекровь Ханны сменила гнев на милость и попыталась уговорить ее остаться.

— Я еду не только в Рейнснес, мне еще хочется съездить на пароходе и в Берген, — сказала Ханна, глядя ей в глаза.

Она сама не знала, почему ей пришло в голову так сказать.

После ее отъезда говорили, будто она была такая гордячка, что каждый день раздевалась почти догола и мылась за ширмой. Даже зимой.

Но в Берген она все-таки поехала!

Ханна часто думала о Вениамине. Каким-то он стал? Как выглядит? Узнает ли она его?

Последний раз они виделись, когда она была девчонкой, до которой только-только начало доходить, что, хотя они вместе выросли и учились по одним учебникам, она ему неровня.

Андерс сказал, что Вениамин выучился на доктора. Теперь он умеет лечить все болезни и недуги.

Ханну было нелегко удивить. Но что Вениамин, которого она когда-то знала, сумел выучиться на доктора, ее все-таки поразило.

Ее успехи не шли ни в какое сравнение.

Пять лет назад в Рейнснес приехал молодой рыбак и обратил на нее внимание. Раньше такого не бывало.

Она уехала с ним на Лофотены и жила там среди незнакомых людей. Они обвенчались в ледяной, почти пустой деревянной церкви. Свадебное платье, сшитое ею собственноручно, выглядело здесь таким же чужим, как и она сама.

Даже пастор не получил приглашения разделить с ними после венчания жидкий мясной суп.

С тех пор Ханна всегда чувствовала тошноту при виде мясного супа. Да

и тогда она с трудом проглотила лишь несколько ложек.

Однако воспитания, полученного ею в Рейнснесе, у нее не мог отнять никто. Она пользовалась ножом и вилкой так же ловко, как лофотенские женщины заплетали косы. Ведь ей приходилось есть за одним столом с самим пробстом[2] и праздновать Рождество с семьей ленсмана[3] Холма.

Ханну не огорчало, что у семьи ее мужа не было своей лавки или люстры под потолком. Хуже, что она не нашла даже полки, на которую могла бы поставить свои книги.

Она вышла из положения, положив книги в ящик комода и доставая их по мере надобности. Но чтение считалось здесь бесполезной тратой времени.

— Голове тоже нужна работа, не только рукам! — упрямо отвечала Ханна.

Им пришлось согласиться, что работать она умеет.

Случалось, свекровь велела Ханне сделать то, что она уже давно сделала. Ханна молча показывала ей на выполненную работу. Если свекровь не видела ее жеста и, не услышав ответа, повторяла свое приказание, Ханна просто садилась.

Таким образом домашние обратили внимание на то, что Ханна почти никогда не сидит.

В Стурвогаре не привыкли, чтобы женщина, стоя у окна, читала книгу, когда она месит тесто. В хорошую погоду Ханна ходила в лавку с раскрытой книгой в одной руке и с корзинкой в другой. Но это вовсе не означало, что ей не о чем было говорить с людьми. Напротив, в Рейнснесе она научилась также и поддерживать беседу. Когда у Ханны было хорошее настроение, слова сыпались из нее как горох, и она всегда знала то, о чем говорит. Например, как положено украшать лодку и наряжаться самой, если предстоит ехать в церковь. Особенно тому, кто родился в Рейнснесе. Или как следует варить рыбу.

В Стурвогаре и слыхом не слыхивали, что вяленую треску следует варить каким-то особенным образом.

Свекровь Ханны варила в одном котле и рыбу, и икру, и печень. Так в ее семье варили из поколения в поколение. Это позволяло экономить топливо.

Ханна же варила все по отдельности и до подачи к столу заворачивала рыбу с икрой в белую холщовую ткань. Но тогда после обычного обеда оставалась еще и стирка. Это было расточительно.

Ей сделали замечание, но она дерзко отвечала, что именно так подавали рыбу ленсману Холму. У них была отдельная кастрюля, в которой для него

варили тресковую печень с рубленым луком. А Андерсу из Рейнснеса подавали отдельную тарелку для икры, потому что он не любил, когда на икру попадал рыбный бульон. Икру следовало подавать сухой и горячей. К ней полагались масло и лепешки.

В первую весну Ханна спросила у свекрови, где у них на огороде грядки для пряностей. Ей хотелось посеять семена, которые ей дала Стине. Свекровь презрительно фыркнула, но Ханна надела сапоги, взяла лопату и начала копать. Муж счел, что ей надо помочь, отобрал у нее лопату и даже поставил ограду, чтобы овцы не попортили грядки.

Летом вокруг дома благоухали травы Стине. Скалы, птичий помет и прибрежные водоросли получили серьезного конкурента.

Свекровь сдалась, но ничего не сказала. А в женском собрании, где она могла поговорить с разумными, людьми, называла это Ханниной травой.

Как ни странно, но уже на другую весну еще две женщины вскопали скудную почву между кустами красной смородины и хлевом и выпросили у Ханны семян. Летом они сравнивали свои грядки и смеялись.

Они были согласны, что пользы в том мало. Но ведь и от герани на окнах ее было не больше.

Ханна быстро освоилась в Бергене и сумела выполнить все, что значилось в ее списке. Она побывала даже у деловых партнеров Андерса и попросила, чтобы вместо одного счета за поставленные канаты и инструменты Андерсу были посланы три отдельных счета в течение трех месяцев.

Поскольку она не подозревала, что подобная просьба равносильна признанию поражения, она исполнила свою роль с такой убедительностью, что получила согласие.

Было у нее и еще одно, пожалуй, самое важное дело. Они со Стине накопили денег на швейную машину, и теперь ее следовало приобрести.

Приказчик разрешил ей испробовать несколько машин. Он даже сам умел на них шить, хотя это было не мужское занятие. Но, видно, в Бергене так было принято. Он горячо расхваливал преимущества той или другой машины, заставить его замолчать было невозможно. В конце концов они сошлись на том, что двухниточный «Гамильтон» с патентной системой подходит Ханне лучше всего.

Она предупредила, что ящик для машины должен быть особенно прочный, и объяснила, какое путешествие ждет ее покупку. На постоялый двор машину должен доставить работник.

Это пустяки, ведь она оплатит покупку наличными?

Сперва Ханна не могла понять, почему швейную машину, за которую заплачено наличными, легче доставить, чем машину, купленную в кредит. Но это, очевидно, относилось к тем правилам, которые здесь сильно отличались от тех, что были приняты там, откуда она приехала.

Ханна видела, что в Бергене швейные машины продавались и в других местах. Важный приказчик смущал ее. Однако она вскинула голову и сказала, что заплатит наличными, если получит пятипроцентную скидку и он доставит машину на пароход в тот день, когда она будет уезжать.

Приказчик закатил глаза, словно пытался остановить хлынувший у него в черепе дождь. Потом милостиво кивнул Ханне.

Ее порадовало, что вид у него был не слишком довольный.

Глава 2

В дверях показалась невысокая женщина в черном. Она шла, словно танцуя. Темные миндалевидные глаза смотрели прямо на Вениамина.

Он стоял у стойки в приемной постоялого двора со своим свертком под мышкой.

— Ханна! — вырвалось у него.

И как будто все было продолжением их детской игры и они виделись ежедневно, она ответила почти угрюмо:

— Я решила, что приехать следует мне.

У Вениамина ломило тело от долгой поездки по морю. Окруженный ящиками и чемоданами, он чувствовал странную слабость.

Ханна заранее придумала, что она скажет. Он же оказался неподготовленным. В детстве в таких случаях он сердито дергал ее за косы.

Теперь же он испытал облегчение. И радость. Оттого что приехала именно она.

Ханна почти не изменилась. Во всяком случае, внешне. И все-таки она стала другой. Что-то незнакомое появилось в ее облике, в высоко поднятой голове, в выражении рта, в упрямо сжатых губах. Казалось, она ни разу не смеялась с тех пор, как они расстались.

Но золотистая кожа… Вениамин забыл, какой золотистой была всегда Ханна.

Он как будто впервые увидел ее. В Рейнснесе она просто была как все остальное.

Но, наверное, больше всего изменился он сам.

— Решила приехать сама? — Он даже не заметил, как перешел на родной диалект.

Она не улыбнулась, но подошла ближе и протянула ему руку.

Девочка заорала, будто ее укололи иглой. Вениамин переложил ее себе на бедро и свободной рукой обнял Ханну.

Прижался на мгновение лбом к ее лбу, злясь на себя, что его растрогала эта встреча.

Служащий за стойкой не спускал с них глаз.

— Судя по голосу, она здорова, — сказала Ханна.

— Во всяком случае, здоровее меня, — признался он.

Ханна спокойно взяла ребенка у него из рук.

Вениамину сразу стало легко. Он даже чуть не упал и невольно ухватился за Ханну, чтобы не потерять равновесия.

— Чтобы такая кроха была такой тяжелой! — смущенно сказал он.

— Как ее зовут?

— Карна.

Ханна смотрела на маленькое личико.

— Карна так Карна. Олине со временем привыкнет к такому имени.

Вениамин проспал почти сутки. Его разбудило чувство тревоги, в окно смотрело уже вечернее солнце. Тишина!

Не открывая глаз, он стал шарить кругом в поисках ребенка.

— Карна!

При звуке собственного голоса он все вспомнил. Откинулся на подушки и потянулся. Потом закрыл глаза и вздохнул, наслаждаясь покоем.

Ханна была рядом.

До отплытия парохода на север оставалось еще трое суток.

Вениамин хотел купить детскую плетеную коляску с откидным верхом, какие видел в Копенгагене.

Ханна считала, что такая коляска вряд ли понадобится в Рейнснесе. Но когда они все-таки купили это чудо и Ханна покатила его по брусчатке, уголки губ у нее шевельнулись. Это было похоже на улыбку.

— Немного вызывающе, но забавно, — сказала она.

Вениамина не огорчало, что его ребенок завернут в старое тряпье, собранное в дорогу бабушкой Карны. Но Ханна не пожелала с этим мириться:

— Ты намерен привезти ребенка домой в этом рванье?

Кончилось тем, что они зашли в мануфактурную лавку и приобрели для маленькой Карны приданое на сумму, оплатить которую Вениамин был не в состоянии. Но оказалось, что Андерс снабдил Ханну деньгами.

Продавщица приняла их за супружескую пару с первенцем. Они не разубеждали ее, по потом как будто забыли об этом недоразумении.

По дороге на постоялый двор Ханна остановилась и наклонилась к коляске.

— Ну вот, теперь ты выглядишь как приличный ребенок! — сказала она и поправила на Карне кружевной чепчик. — Какие у нее странные глаза! Ты обратил внимание? Если б я не знала, что это невозможно, я бы сказала, что она в родстве с нашим Фомой.

У Вениамина покраснели даже мочки ушей. Но Ханна не глядела на него. Она не отрываясь смотрела в широко открытые глаза Карны — один карий, другой голубой.

— Ничего, она красива и с такими глазами!

— Смотри, дождь начался, — сказал Вениамин, и они пошли дальше.

Вечером, перед тем как лечь, Вениамин захотел проведать Карну. Он постучал и услыхал недовольное «войдите».

Ханна сидела на кровати, держа на руках Карну. Она была без блузки.

— Подай мне блузку! — велела она, не глядя на него.

Вениамин схватил блузку со стула. Заметил, что у него дрожат руки. Все было не так, как он ждал. Они уже не были детьми, которых не смущала нагота друг друга.

Их связывали детские воспоминания. Игры, которые они хранили в тайне от всех.

Вениамин быстро протянул Ханне блузку, стараясь не задеть ее рукой. Ханна положила спящую девочку на кровать и оделась. Он не смог заставить себя отвернуться.

— Я и забыл, какая золотистая у тебя кожа, — растерянно сказал он.

Застегнув блузку, Ханна встала и переложила ребенка в коляску. Вениамин следил за ее легкими движениями. Загрубелые руки не соответствовали ее тонкой талии и стройной спине.

Ханна нагнулась над коляской. Округлые бедра. Талия. Вениамин судорожно глотнул воздух. Почему он растроган? Или это что-то другое?

Ханна озабоченно сложила крохотные распашонки и подоткнула перинку.

Вениамин весь налился тяжестью, но старался не показать этого.

Словно зная, что он наблюдает за ней, Ханна обернулась и выпрямилась.

— Садись, — пригласила она беззвучным голосом.

Они сели. Он смотрел на свои руки.

— Спасибо, что ты приехала нас встретить! — сказал он, кашлянув.

Ханна заморгала, потом быстро сказала:

— Ты же прислал телеграмму, что едешь один с маленьким ребенком. Хотя мы в Рейнснесе даже не знали, что ты женат!

— Вот как?

— А где ее мама?..

— Умерла, — глухо сказал он, словно говорил неправду.

— Оставив такую крошку… Как это случилось?

— Не спрашивай… Не теперь…

Ханна сжалась. Потом вскинула подбородок. Вениамин узнал это движение. Она была обижена.

Он наклонился к ней.

— Ханна!

— Что?

— Жалко, что мы больше не можем спать вместе…

Лицо Ханны сморщилось, стало почти некрасивым. Поглядев на него, она покачала головой.

— Прости меня! Я… Господи, ведь мы уже не дети. Прости! — взмолился он.

Тишина давила Вениамина. Ханна обхватила себя руками, словно ей было холодно.

— Ты уже сейчас хочешь лечь?.. — спросил он.

— Необязательно.

Она сидела, выпрямив спину и плотно составив колени.

Карна посапывала в коляске. Вениамин взглянул на коляску. Улыбнулся Ханне, но она не ответила на его улыбку.

— Расскажи о своем муже, — попросил он, снова садясь.

— Его нет, он тоже умер, — коротко ответила она.

«Мы квиты», — подумал он.

— Я еду в Рейнснес и ничего ни о ком не знаю. Даже о тебе. Почему?

Она помолчала, с интересом разглядывая круглую дырочку на вязаном покрывале.

— Хокон был рыбаком. Своего карбаса у него не было. Было маленькое хозяйство. Две коровы, восемь овец. Он был добрый. Так получилось, что мы поженились. Родился сын. Мы назвали его Исааком в честь его дедушки, который погиб в море. Ему был всего годик, когда утонул Хокон. У них в семье все тонут. Все мужчины.

— Исаак? Сколько ему сейчас?

— Три года. Он любит Фому и любит копать землю. Копает всюду, где можно. Может быть, он не утонет.

Она смущенно замолчала. Не каждый день она так много рассказывала о себе.

— А она… Твоя жена?

— Мы не были женаты, — ответил он.

— Почему?

— Так.

— Господи, спаси и помилуй!

Раскачиваясь на стуле, она обеими руками разгладила кожу лица снизу вверх.

— Но ребенок!.. Ты должен просить пробста благословить Карну, Вениамин!

Он кивнул. В Копенгагене это не пришло ему в голову. Но, наверное, так было бы лучше всего.

Пароход «Микаэль Крон» вошел в пролив.

На бугре с флагштоком лениво играл ветер. Флаг был поднят. Ветер, дувший с берега, нес в море хлопья сырого тумана. Берег был хорошо виден. Два лодочных сарая и два причала с пакгаузами и лавкой были не такие красные, какими Вениамин их помнил. Наличники и стены, обращенные на юго-запад, посерели, двери были закрыты.

В конце аллеи среди яркой зелени возвышался большой дом с красными и белыми строениями по бокам. Двор напоминал шахматную доску с расставленными на ней фигурами. В центре выделялись колодец и голубятня. Серая, крытая шифером крыша главного дома и поблескивающие ряды окон слабо светились, дом для работников из-за торфяной крыши был похож на покрытую росой большую кочку. Выкрашенный охрой бывший Дом Дины — в нем теперь жили Стине с Фомой — со стеклянной верандой, смотревшей на море, нарушал строгие ряды красного и белого.

А выше, в горах, полыхала осень. Желтые рябины на аллее были усыпаны кроваво-красными гроздьями. Сад был обнесен желтым и зеленым штакетником. Вениамин разглядел за деревьями восьмиугольную беседку.

Из трубы над кухней шел дым, на амбаре звонил колокол. Его ждали.

Как он мечтал об этом мгновении! Там, в Копенгагене, он только об этом и думал. Видел все таким, каким оно врезалось в его память.

Он не ждал, что встреча подействует на него так сильно. Ему пришлось отвернуться и вытереть глаза.

Но чем ближе пароход подходил к Рейнснесу, тем больше постройки утрачивали белизну и яркость. Крыша на пакгаузе Андреаса выглядела неважно. Здесь, на берегу, осень ощущалась более явственно. К зелени уже примешались желтый и коричневый цвета.

По-своему так было даже лучше. Лучше, что действительность вдребезги разбила мечту. Взрослому человеку уже не над чем было плакать.

Фома приехал за ними на лодке.

Вениамин был готов к этому. Они сидели друг против друга и говорили о поездке, ветре, погоде.

Фома не задавал вопросов, на которые было бы трудно ответить. Ребенок был для него лишь хрупким грузом. Фому, очевидно, не интересовало, что у него где-то должна была быть мать.

Ханне он сказал «здравствуй» и «с возвращением домой» и больше уже никак не отмечал ее присутствия. Его внимание было занято багажом и касалось только практических вещей — он работал веслами.

Вениамин забыл, как это бывает. Человек и лодка. Весла. Ловкость. Безмолвная гордость.

Сам он в этих краях едва ли считался стоящим человеком. Его поездка за границу, где он выучился на доктора, очевидно, казалась здесь сущей безделицей. Уже одно то, что мужчинам теперь придется снимать шляпу при встрече с доктором, вызывало неприязнь.

Мозолистые руки Фомы крепко держали весла. Руки были покрыты свежими царапинами и трещинами. Глаза так часто щурились на солнце или на снег, что вокруг них белели глубокие канавки морщин. На куртке из домотканого сукна не хватало пуговицы. Непокорную рыжую с проседью шевелюру трепал ветер. Глаза, один голубой, другой карий, смотрели прямо. Но это ничего не значило.

Когда Дина несколько недель назад сказала Вениамину, что Фома — его отец, он спросил:

— Почему Фома?

Она ответила вопросом на вопрос:

— А почему Карна?

Теперь ее слова прыгали на гребешках серых волн.

Никого не заинтересовало, что один глаз у Карны был голубой, другой — карий. Даже Олине.

Означало ли это, что все знали, но молчали? Или никто просто не задумался над очевидным?

Ребенка приняли как бесценное сокровище. А плетеная коляска с откидным верхом! Никто и не мечтал когда-нибудь увидеть такое чудо! Все гладили розовое атласное одеяльце, поднимали и опускали верх коляски, качали и катали ее.

Маленькому Исааку пришлось уступить свои позиции. До сих пор он безраздельно владел коленями толстой Олине и других женщин. Теперь

ему пришлось довольствоваться твердыми мужскими коленями и сидеть в клубах дыма, поднимавшегося из их трубок.

А Карна переходила из рук в руки. Под восхищенными взглядами ее взвесили на кухонных весах, измерили и записали цифры в тетрадь.

Женщины качали головами, не понимая, почему Вениамин, отец и доктор, не сделал этого раньше. Тогда бы они знали, достаточно ли было девочке того питания, какое она получала во время этого долгого путешествия. Не было ли у нее поноса? Или кашля? Может, сыпь? Или желтуха? Или что-нибудь более серьезное?

Узнав, что Вениамин даже не окрестил ребенка перед тем, как пуститься с ним в путешествие, Олине зарыдала.

Потом велела Вениамину принести Динину Библию и фарфоровое блюдо из залы, а Андерсу — сменить рабочую куртку на свежую рубашку. Олине решила устроить домашние крестины, дабы уберечь девочку от случайных опасностей.

Однако она не была уверена, что этого достаточно и что не последует возмездие Небес. Вениамин был вынужден обещать, что девочку окрестят еще и в церкви. И крестной матерью будет Ханна.

Глава 3

Через год после возвращения Вениамина в Рейнснес случился небывалый улов сельди. Андерс называл Карну «своим селедочным счастьем» и думал, что сельдь уже не уйдет. Во всяком случае, продержится еще года два, и он успеет вернуть долг бергенским купцам.

Однако удача изменила уже на другой год. В 1875 году море, как говорили, было черным. Большая сельдь ушла. Три невода для сельди висели без дела большую часть года, и Андерс до сих пор за них так и не расплатился. О том, чтобы их продать, нечего было и думать. Кто купит невод для сельди, если сельди нет и в помине?

В это время в их местах появился молодой человек из дальнего рыбацкого поселка в Сенье. Его звали Вилфред Олаисен, он хорошо танцевал. Даже дочери известных трезвенников не отказывались танцевать с ним.

Целый год Олаисен работал пароходным экспедитором в Страндстедете. А потом начал понемногу скупать скалистые берега — хотел заняться вялением рыбы.

Олаисен был слишком молод и красив, чтобы люди могли поверить, будто он способен не только встречать и провожать пароходы. Грести он еще может, считали мужчины, но грузить тяжести — едва ли: он слишком нарядно одевался по будням. Некоторое время они посмеивались над этим молокососом. Ишь чего захотел — приехать в Страндстедет с какой-то продуваемой ветром шхеры на западе и пустить тут корни.

Но свои скалы они отдавали ему за гроши. И с подозрением судачили о том, откуда у него столько денег.

Однажды Олаисен явился к Андерсу, надеясь купить у него часть скалистого берега. Он готов приобрести заодно и неводы для сельди, за сходную цену, конечно, если только Андерс готов с ними расстаться. Так что, продаст он ему скалы?

Андерс, который уже давно устал от неудач и почти потерял зрение, обрадовался. Ведь он так и не использовал принадлежавшие ему скалы возле Страндстедета.

Вилфред Олаисен получил и скалы, и неводы за сумму, которая устраивала их обоих.

Вениамин слышал об этой сделке. Но он привык не сомневаться, что Андерс всегда поступает правильно.

Он и сам не брал денег за пилюли, бинты и йод, хотя Андерс считал, что у всякой доброты должен быть предел, иначе все перевернется вверх дном.

Андерс никогда не жалел, что Вениамин не унаследовал Дининой деловой хватки. Он вообще старался не произносить ее имени.

Когда же избежать этого было нельзя, он говорил: «Да-да, спасибо, все хорошо! Она писала, что летом, может быть, приедет домой».

Одно лето сменялось другим. И теперь уже давно никто не спрашивал у него о Дине.

Старый ленсман, как его теперь называли люди, безвыездно сидел у себя в Фагернессете и чистил ружья. О нем почти не было слышно. Особенно с тех пор, как он совсем оглох.

Ленсман не стал ни злым, ни угрюмым, но разговаривать с ним было трудно. Впрочем, Вениамин считал, что так было всегда. Он помнил, как всех донимали громовые раскаты его голоса, когда в Рейнснесе праздновали Рождество или собирались по каким-нибудь другим торжественным поводам.

Ленсман и Дагни приехали в Рейнснес взглянуть на новоиспеченного

доктора и маленькую Карну. Вениамина поразило, что ленсман говорит еще громче и привычки у него еще грубее, чем Вениамину казалось в детстве.

Конечно, ленсман состарился и не вполне сознавал происходящее, однако он сохранил свою гордую внушительную осанку и от него пахло сигарой. При виде Андерса он неизменно приказывал-ему привезти Дину из Берлина домой. Слышать это было тяжело всем, не только Андерсу.

Кроме того, он был недоволен, что Андерс разрешил пристроить к дому, стоявшему на усадьбе, стеклянную веранду, выходившую на море. В порядочной усадьбе не строят стеклянных веранд в домах для работников, если в главном доме нет вдвое большей веранды. По мнению ленсмана, это было унизительно.

Андерса мало интересовали стеклянные веранды.

Вениамин решил поддержать Андерса и сказал, что архитектура главного дома была бы нарушена, если бы к нему пристроили стеклянную клетку.

— Чепуха! — воскликнул ленсман и прибавил, что человек, приехавший из Дании, не может знать, что хорошо для Нурланда.

— Вот состаритесь и поймете, как приятно смотреть на море, сидя в тепле. Тогда вам будет не хватать именно стеклянной веранды. Нет, Дина знала толк в подобных вещах!

О Дине ленсман говорил так, как говорят о покойниках.

Вениамин напомнил ему, что Дина в свое время не сочла нужным пристроить стеклянную веранду к главному дому.

— Чепуха! — опять воскликнул ленсман. — У нее просто не было времени!

Тогда Андерс решительно вмешался и попросил гостей налечь на угощение, пока трапеза не закончилась. И по обыкновению, когда Андерс считал нужным сказать что-то в присутствии ленсмана, он говорил негромко, но властно.

Разговор зашел о другом. Ленсман тоже больше не возвращался к веранде.

Дагни кокетничала с Вениамином и настаивала, чтобы он приехал к ним в Фагернессет.

Вениамин отказывался — он столько времени тратит на поездки к больным, что каждую свободную минуту старается проводить дома.

Дагни не отпускала Вениамина и долго занимала его разговором. Так было всегда. С остальными членами семьи она держалась холодно и сдержанно.

Как только ее сыновья подросли и смогли обходиться без нее, она стала через лето уезжать к родным в Берген. Чтобы не отстать от мира, как она говорила.

Вениамин помнил ее с детства. Помнил вызываемое ею волнение, в котором никогда никому не признавался. Он наклонился к ней и заговорил тихим голосом — ей это явно понравилось.

Беседуя с Дагни, Вениамин думал: а ведь она ждет смерти ленсмана. Но ему и в голову не пришло осудить ее за это. Сколько он себя помнил, у ленсмана всегда было больное сердце. Хотя вообще здоровье у него было отменное.

Позже он высказал свои соображения Андерсу и услышал в ответ:

— Его сердцу недостает не здоровья, а сострадания. Поэтому он еще и жив.

Ленсман Холм скончался следующей весной. Сердце его остановилось, когда он ехал на торги в своем карбасе с казенкой.

Теперь он больше не метал громы и молнии по адресу дочери, не подававшей признаков жизни. Хотя теме этой был верен до самой смерти.

В последнее Рождество, когда все в тишине, без музыки, водили хоровод вокруг елки, ленсман со слезами и бранью требовал от Андерса, чтобы тот вернул Дину домой.

Как обычно, Андерс выдержал этот напор, не возразив ни слова.

Теперь в семье должен был воцариться мир.

Вениамин написал Дине о смерти ленсмана. Рассказал о Рейнснесе, об Андерсе и всех остальных, о Карне и о себе. О своем намерении снять квартиру в Сграндстедете и перенести практику туда. Многие нуждаются в услугах доктора, но мало кто может платить за лечение. Зато повсюду полно торговцев и ремесленников. Лавка в Рейнснесе пустует — ни товара, ни покупателей. По этой причине Ханна и уехала в Страндстедет, чтобы шить там для людей.

Написал он и Акселю, в Данию, на адрес его родителей. Письмо было выдержано в легком, беззаботном тоне и содержало приглашение приехать в Рейнснес в любое время.

Аксель ответил из Берлина и сообщил, что пытается открыть частную практику. Это нелегко. Он предпочел бы работать в клинике. Приобрести опыт. Но это почти невозможно. Ведь он не обладает качествами Вениамина. И ему пришлось бы основательно выучить немецкий.

Так, словно Дина была лишь их общей знакомой, Аксель сообщил, что она снимает большую квартиру в лучшем районе города. Сам же он снимает комнатушку в пансионе поблизости от нее.

Бессмысленная ревность помешала Вениамину дочитать письмо до конца.

Его мать живет с его лучшим другом, который всего на два года старше самого Вениамина! Между Диной и Акселем не меньше пятнадцати лет разницы. Мало того, она предоставила Акселю сообщить Вениамину об их отношениях. Это было уж слишком.

Что, интересно, произойдет, когда Аксель надоест ей? Или, хуже того, когда он устанет от нее?

Вениамин снова взял письмо.

Как бы там ни было, но из письма Акселя явствовало, что они живут порознь. Так что большого скандала быть не могло.

Из страха, что письмо Акселя может попасть в руки Андерсу, Вениамин сунул письмо в печку. Он долго смотрел, как пламя уничтожает его, а потом сел писать ответ.

Он предостерегал Акселя: нельзя жить во грехе и вмешиваться в чужой брак.

Перечитав письмо, Вениамин скомкал его, отчего у него на ладонях остались чернильные пятна. Какого черта он читает мораль Акселю? Он?

Через два дня он написал новое письмо в таком тоне, словно они были еще студентами и у них не было других неприятностей, кроме тех, которые они сами доставляли себе.

Попросил передать поклон Дине. Если, конечно, они видятся.

Глава 4

Коричневая контора совсем обветшала. В ней пахло табаком, бумагой и штемпельной краской. Андерсу и Вениамину никто не мешал. Лавка была пуста. На полках и в ящиках пылились остатки неходового товара. Того, что мог долго храниться и когда-нибудь понадобиться в хозяйстве. Просмоленные нитки и щеточки для трубок. Стекло для керосиновых ламп и рулоны поблекшей клеенки.

Андерс несколько дней готовился к тому, что он скажет. Они с Вениамином наполнили рюмки. Ром.

— Все дело в тяжелом финансовом положении… — начал Андерс с добродушной улыбкой.

Если он правильно понял, Вениамин хочет поселиться в Страндстедете, забрать Карну и нанять служанку? Он должен прямо высказать свое мнение по этому поводу. Эта задачка не сойдется с ответом.

Вениамин не знал, как ему отнестись к этим словам. Он уже не мальчик, которого любой по настроению может поставить на место.

Да, он собирается открыть практику в Страндстедете. Он уже говорил об этом с окружным доктором. Там требуется еще один врач. Это бесспорно.

Андерс и не сомневался, что докторская практика Вениамина принесет людям пользу. Он уже убедился, что о Вениамине идет добрая слава и он пользуется уважением. Все это очень хорошо. Но на это не проживешь, если не позаботиться о том, чтобы тебе платили за твой труд.

Андерс прямо сказал, что чувствует себя обремененным Рейнснесом, до которого никому, кроме него, нет дела.

Для Андерса такая откровенность была необычной.

Поскольку от его собеседника не последовало возражений, он продолжил свою самую длинную речь с того раза, как проучил рыбаков, наказавших Вениамина на Лофотенах.

Большая сельдь снова ушла. С 1864 года он уже не имеет возможности, как в былые времена, фрахтовать уловы местных рыбаков в обмен на товары. Теперь все хотят, чтобы им за рыбу платили звонкой монетой. В противном случае они идут к другим перекупщикам. А в лавке Рейнснеса уже давно перестали пользоваться деньгами. Вот рыбаки и уходят туда, куда их ведет чутье.

К тому же ему приходится расплачиваться с ними до того, как он продаст рыбу в Бергене! Теперь он один отвечает за качество рыбы. Один несет убытки за все, что в Бергене оказывается забракованным.

А эти проклятые пароходы! Они перебивают фрахт и ходят точно, как часы, независимо от ветра и погоды.

А сколько теперь развелось торговцев! Повсюду — в Страндстедете, по берегам пролива и даже на островах. Кто угодно может открыть лавку. Если бы пролив в Рейнснесе не был таким мелким, он, несмотря на свою чертову слепоту, поставил бы все на одну карту — купил бы пароход и стал перевозить и людей, и грузы.

Новые времена заставили сойти с фарватера не только Рейнснес. Многие известные торговые дома и постоялые дворы оказались в таком же положении. И если Вениамин считает, что в этом можно найти утешение, он глубоко ошибается!

Теперь лофотенские рыбаки продают торговцам свежую рыбу, а те уже

сами вялят ее. Такие выскочки, как Олаисен, делают на это ставку. Но Олаисен молод, у него хорошее зрение и твердый доход. Эти парни заставляют женщин и детей работать, как скотину. Не за кусок хлеба, а за деньги.

Вениамин напомнил Андерсу, что тот продал свои скалы в Страндстедете. Наверное, это нельзя назвать умным поступком?

Андерс горько усмехнулся и принялся объяснять, что слепому шкиперу не под силу стать крупным производителем вяленой рыбы. Кроме того, нужно было покрасить большой дом и пакгаузы. Во всяком случае, с юго-западной стороны. Расплатиться за снасти и канаты, взятые в Бергене в кредит. Сменить на шхуне старые паруса.

Работники, которых нанимают на страду, уже не довольствуются только пищей и одеждой, они хотят, чтобы с ними расплачивались деньгами. Солью он еще мог бы заплатить им, но уж никак не мукой.

Сам он уже не может считаться полноценным шкипером на своей шхуне. Для поездок в Берген надо нанимать лишнего штурмана. А что делать с людьми, которые постоянно жили и работали в Рейнснесе? Их же не отправишь на все четыре стороны. Куда им идти?

Усадьба и скот в надежных руках Фомы. Счетами он пытается заниматься сам, но полуслепому человеку это не под силу. Да и душа у него не лежит к этой работе. Он был моряком, моряком и остался.

— Но ты, Вениамин, ты столько всему учился, может, ты разберешься в этих цифрах? — заключил Андерс и хлопнул рукой по столу.

Вениамин выслушал эту речь, как библейское пророчество, и отрицательно покачал головой.

— Давай наймем счетовода, который наведет порядок в цифрах, — предложил он.

— Еще одного, которому придется платить? Нет! Ведь дело не только в счетах. Нам нужен доход.

Неужели этот ученый доктор не понимает, что все это очень серьезно?

— Ты хоть понимаешь, как у нас обстоят дела?

— Да… Но мы же еще не разорены?

— Однако близки к тому, — сухо сказал Андерс.

Вениамин предложил посвятить во все Фому.

Андерс смотрел в пол. В Рейнснесе нет обыкновения посвящать работников в эти дела.

— Фома не просто работник, просто работником он был до моего рождения, — заметил Вениамин.

Они обменялись взглядами.

Андерс согласился, что он немного старомоден. Ведь Фома так и так управляет усадьбой. И она приносит пусть небольшой, но твердый доход. Если не в деньгах, то в продуктах и многом другом, необходимом для дома.

— Ты когда-нибудь считал, сколько бы нам стоило, если бы мы все покупали за деньги?

Нет, этого Андерс не считал.

— Тогда давай позовем Фому и посмотрим, на чем можно сэкономить и заработать.

Они послали за Фомой.

На это ушло время. Фома должен был закончить работу, умыться и переменить рубашку. Он не показывался в рабочей одежде перед людьми с чисто вымытыми руками. Правда, до бритья дело не доходило.

Если Фома и удивился, что его вдруг посвятили в тяжелое положение Рейнснеса, то не показал этого. Он просто притих на время, а потом сказан:

— Треска более надежна, чем сельдь. Мы можем расчистить скалы к югу от лодочных сараев. Там они покрыты лишь тонким слоем мха да вереском. Если начнем сейчас, западный ветер с дождем вымоют их нам задаром еще до начала сезона. Потом у тебя есть скалы в Страндстедете. Привезем рыбу с Лофотенов на своей шхуне и сами разложим ее на скалах.

— Скалы в Страндстедете я продал Вилфреду Олаисену, — угрюмо сказал Андерс.

Фома оторопел, но не подал виду.

— На мой взгляд, скалы в Рейнснесе лучше, чем в Страндстедете. Они ближе, и на них удобней пластать рыбу. К тому же у нас есть причалы и достаточно места для людей, которых мы наймем…

— Мне со всем этим не справиться, — решил Андерс.

— Может, попытаться Фоме?

Вениамину было не по себе в роли посредника.

Фоме это казалось сном. Он сидит в конторе при лавке и на равных обсуждает судьбу Рейнснеса! Было решено, что он наймет мальчишек, чтобы они за деньги очистили скалы. За счет Андерса. Потом начнет покупать рыбу и нанимать людей. Это уже на свой страх и риск.

Фома посмеивался, возвращаясь домой ужинать. Еще и на другой день в его глазах теплилась улыбка. Ему нужно было все обдумать. Он не помнил, чтобы ему когда-нибудь приходилось столько думать. Деньги! Это тебе не землю пахать или держать быка-производителя!

Если удачная мысль приходила ему в голову, когда он шагал за плугом,

он шел в дом, умывался и отправлялся в контору к Андерсу, который с увеличительным стеклом работал там над бумагами.

Глава 5

Однажды в марте Вениамина позвали в дальнюю усадьбу: там заболели сразу четверо детей. Родители долго считали их болезнь обычной лихорадкой с кашлем. Но в последние дни младшему стало так плохо, что они послали за доктором.

У детей была высокая температура, сыпь и белый налет на языке. Младший совсем ослабел, и у него вокруг рта появилась характерная белизна.

— Это скарлатина, — сказал Вениамин и объяснил родителям, что они должны делать. К вечеру младший ребенок умер. Сидя там, Вениамин видел перед собой не чужого ребенка, а Карну. Эта смерть тяжело подействовала на него.

Поздно вечером он долго шагал по мокрому снегу, пока не добрался до Рейнснеса, до тепла и света. Он мечтал вымыться, поесть и лечь спать.

Бергльот принесла ему в залу воды и «Тромсё Стифтстиденде». Из газеты выпало письмо. Крупный, твердый почерк. До Вениамина не сразу дошло, что это письмо от Анны.

Он еще хорошо помнил унижение, испытанное им при расставании. И все-таки в нем всколыхнулась надежда. Он задыхался, как после долгого бега. Пульс бился не на месте. Во рту. В ушах. В голове.

Вениамин заставил себя не спеша открыть письмо ножом для бумаги.

Перед глазами поплыли чернила. Буквы были тайными знаками, связанными друг с другом неожиданными черточками.

Он взял себя в руки. Попробовал читать. Кажется, Анну обрадовало его письмо. О том роковом вечере в ее письме не было ни слова. Ни малейшего упрека. Даже между строк.

Может, она считала его просто одним из своих знакомых? Или давала ему возможность начать все с начала? А может, эта воспитанная профессорская дочка просто соблюдала вежливость?

Вениамин заснул только под утро. Проснувшись, он первым делом схватил письмо.

С тех пор письма Анны стали для Вениамина веревочкой, связывавшей его с остальным миром. Отдыхом от обязанностей и будней.

Он обращался к ней регулярно, словно писал дневник. Писал о трудностях, радостях, обо всем понемногу. Пытался избегать слов, которые

могли бы напомнить ей об отставленном женихе. Или о признании в любви. Что-то подсказывало ему, что так будет лучше всего.

Страниц, которые вызывали в нем сомнение, он не отправлял. Вместо того писал что-нибудь забавное о Карне. Но свои мысли об отцовстве и о том, что он чувствует себя приговоренным всю жизнь прожить в Рейнснесе, он оставлял при себе.

Зато рассказывал о тяжелых случаях, произошедших у него на глазах. Например, о смерти от скарлатины трех ребятишек арендатора. Чтобы у нее не создавалось впечатления, что жизнь его невесела, он иронизировал над собственным несовершенством. Ему было приятно перечитывать потом эти места.

Иногда он давал ей понять, что ему хочется уехать. Но не распространялся о том, насколько сильно это чувство.

Анна отвечала нерегулярно, сначала нерегулярно. И письма ее были сдержанны, в них не было той легкой доверчивости, какой отличались его письма.

Но постепенно она менялась. Впрочем, ему с самого начала казалось, что она скрывает свои истинные чувства.

Может, она хотела сохранить расстояние между ними?

Несколько раз он ловил себя на том, что думает о ней как о женщине, которую еще не встретил, но мечтает встретить. Которая ему снится. Она постоянно присутствовала в его мыслях. Так было всегда.

Все остальное для него не имело значения.

Анна никогда не вспоминала о его последних днях в Копенгагене. Об их разрыве. Не упоминала об Акселе. Но зато живо рассказывала о своей поездке в Англию и Шотландию. О том, что давала уроки музыки и даже дала несколько концертов. Два из них — в Копенгагене.

Два письма он получил из Лондона, где она жила у своей тети. Она упоминала об одном шотландце, с которым недавно познакомилась, и несколько раз потом возвращалась к этой встрече.

Вениамин ответил сразу, он был как в угаре. Просил ее все хорошенько взвесить. Подходит ли ей этот человек? Глупо принимать серьезные решения только из страха, что ее назовут старой девой.

В ее ответе между строчками он услыхал смех. Она и не собиралась выходить замуж за шотландца. Во всяком случае, за этого. Он слишком увлечен деньгами и каламбурами. Она терпит его лишь в небольших дозах. Тогда он даже занятен.

Однако ни один шотландец не настолько интересен, чтобы везти его в

Копенгаген. Не всякий мужчина годится для импорта, писала она.

Вениамин без конца перечитывал ее письма. Иногда вслух Андерсу, правда, не целиком. Но так он мог хоть с кем-то делить свою радость.

Таким образом Андерс, не задавая вопросов, узнал о существовании Анны. Он посмеивался над ее шутками, запоминал их и повторял, развлекая себя и Вениамина.

«Не всякий мужчина годится для импорта».

— Как и вяленая рыба, — прибавлял он от себя.

Или: «Английская пища объясняет, почему англичане империалисты. Жестокость сидит у них в кишках».

— Молодец! Ха-ха!

Вениамин помечал в календаре крестиком день получения письма. Так он вел отсчет времени. Или ставил знак, на который при желании можно было взглянуть. Как на письмо.

Но этим он не делился ни с кем.

Однажды в минуту доверия он попытался облечь свои мысли в слова. Они сидели с Андерсом в каюте на шхуне, стоявшей на якоре.

— Нам с тобой не больно повезло с женщинами, — сказал он.

Андерс покосился на него сквозь дым, поднимавшийся из трубки.

— Ну… тебе еще предстоит возмужать, прежде чем ты определишь свои координаты. А вот для меня путешествие уже закончилось.

— Думаешь, она так и не вернется домой?

— А что ей здесь делать?

— Но ты же здесь, в Рейнснесе. И Карна.

— Окстись, парень.

Это воинственное спокойствие взбесило Вениамина. Андерс как будто заморозил в себе все чувства и гордился этим. Может, и Дину это тоже бесило?

— Я написал ей и просил приехать, чтобы решить, что делать с Рейнснесом, — вдруг сказал Вениамин.

Андерс вычистил трубку. Снова набил ее. На это ушло время. Покончив с этим, он долго раскуривал ее. Почмокал, вынул изо рта и подозрительно прищурился. Никакого намека на огонь. Он сделал еще одну попытку. Трубка оставалась такой же черной. Тогда Андерс достал из коробки с табаком четырехдюймовый гвоздь и выковырнул табак из трубки. В коробке вырос коричневый холмик. Андерс с интересом его разглядывал.

— Ну что ж, если веришь в чудеса…

Потом он отложил трубку и снова налил им рома.

Вениамин по-прежнему снимал в Страндстедете у сапожника две комнаты. Там он принимал больных два раза в неделю, когда погода позволяла ему добраться до Страндстедета на своей небольшой лодке.

Он признавался, что Бог не дал ему таланта ходить под парусом. Но Андерс был прав, говоря, что даже то дело, к которому не лежит душа, постепенно входит в привычку.

Со временем Вениамин привык ходить в море под парусом в любую погоду. Он был один, и никто не видел, как сильная зыбь под Сенье или большие волны в Анд-фьорде лишали его мужества. Или как он плакал, когда приходилось идти на веслах против ветра и на руках у него лопались водяные мозоли.

У Вениамина была хорошая лодка. Но даже небольшое волнение на море заставляло его мечтать о Копенгагене. Думать об отступлении. О бегстве.

Студенческая жизнь представлялась ему нескончаемым праздником и свободой. Жизнь и работа среди островов и шхер опустошала его, он чувствовал себя старым.

Если позволяла погода, он, сидя под парусом, мечтал уехать в Копенгаген или в Германию, ему хотелось стать настоящим специалистом.

Можно было еще поехать и в Берген. Там была женская клиника. Он бы помогал детям появляться, на свет. Лечил бы женщин…

Случалось, он даже назначал день, когда он напишет ходатайство о месте. Но сильного бокового ветра было достаточно, чтобы смыть эти мысли. Или же их смывал каре-голубой взгляд Карны, приковылявшей на берег, чтобы встретить его.

К Вениамину часто приходили женщины. Молодые и старые. Они просили у него совета или лекарства. Зимой он почти не видел их из-за теплой одежды. Летом замечал на себе их взгляды. Родинки. Улыбки. Пряди волос. Но все они были для него как будто ненастоящие. Только тот или другой недуг. Ему приходилось принимать их, иногда утешать. Случалось, он замечал жар, исходивший от их кожи. И сразу настораживался. Он-то для них был настоящий.

Оставаясь ночевать в Страндстедете, он иногда посещал места, где не было больных. Дурацкие базары, собиравшие средства на благотворительные цели. Или клуб читателей, организованный редактором

газеты. Слушал, как там читают отрывки из романов.

Но Страндстедет не был Копенгагеном. Женщины в Страндстедете не прогуливались под деревьями в тонких летних платьях. Их каблучки не стучали по брусчатке. Перед мысленным взглядом Вениамина проносились образы, встречи, картины. В них всегда присутствовали женщины в широкополых шляпах. Они стояли к нему спиной, и их округлые бедра маняще покачивались. Воистину, Создатель был распутным дьяволом!

Любовь?

Нурланд был неподходящим местом для такого, как он.

Однажды Вениамин навестил Ханну. Она снимала две комнатки в некрашеном доме рядом с телеграфом.

Он не видел ее уже несколько месяцев. Она редко приезжала в Рейнснес.

Как-то раз в Страндстедете она зашла к нему за микстурой от кашля для Исаака. Ждала в его маленькой приемной с таким видом, будто она одна из всех.

Она его избегала. Или это он избегал ее?

С нескрываемым удивлением она приняла его в своей маленькой гостиной позади рабочей комнаты. Здесь было уютно, но тесно.

Ханна предложила ему кофе с печеньем и села обметывать петли на платье.

Вениамин знал, что она много работает, чтобы заработать на самое необходимое. Несколько раз он передавал Стине немного денег для Ханны, но просил не говорить, что это от него.

Теперь ему было неприятно думать об этом. Словно он хотел что-то купить.

Они поговорили о детях. Вениамин принес Исааку оловянного солдатика.

— Он играет на берегу, — сказала Ханна.

Несколько дней назад Вениамин предложил Исааку съездить с ним к больному. Погода хорошая, а к вечеру они вернутся домой. Исаак играл один возле лодки Вениамина. Пытаясь скрыть радость, он рассудительно ответил, что должен предупредить Ханну.

Они говорили о большом мире, скрытом за горизонтом. И о нарыве на пальце, который Вениамин вскрыл в присутствии Исаака.

Мальчик в отличие от Ханны доверчиво относился к миру. Но заслуга в этом была ее. Если другие вдовы оберегали и баловали своих детей, Ханна предоставляла Исааку полную самостоятельность. Он выполнял разные

поручения, ездил с доктором к больным, плавал в гавани на лодке и посещал кузницы на берегу.

В тот раз Исаак первый завел разговор о пароходном экспедиторе:

— Он присылает к маме заказчиц. У него много знакомых.

— Правда?

— Да, он говорит, что мы можем переехать к нему в дом. Он хочет пожениться.

— Ты это сам слышал?

— Может, слышал, а может, нет… Такое само залетает в уши! Я уже лежал, но не мог уснуть.

— И что же мама ему ответила?

— Этого я не слышал. Но он подарил ей брошку.

Вениамин хотел рассказать Ханне о поездке с Исааком, но неожиданно увидел у нее на груди эту брошку. Или все было как раз наоборот?

Вместо рассказа о поездке с Исааком он заговорил о брошке.

— Она лежала у пароходного экспедитора без дела… Но я еще не заплатила за нее.

— Пароходный экспедитор так богат, что может дарить брошки? — шутливо спросил Вениамин.

Ханна насторожилась и быстро заговорила. Олаисен хочет построить пристань для пароходов.

— Пристань?

Тут же она сообщила, что экспедитор получил наследство от дяди, жившего в Америке.

— Ты часто с ним видишься?

— Иногда. Исааку он нравится.

— А тебе?

— Мне? — Она опустила шитье.

— Это серьезно?

— Ты имеешь в виду, что он ко мне посватался?

— Да, вроде того.

Ее глаза были прикованы к ткани. Она обметывала петли. Быстрые, точные стежки, но лицо у нее было такое, словно она их ненавидела:

— Ты тоже хочешь взять на себя заботу обо мне?

— Нет, я только спросил. Ведь мы с тобой как брат и сестра.

— Как брат и сестра?

Пальцы остановились. Потом иголка решительно описала дугу и приготовилась к очередному стежку. Ханна без остановки втыкала иголку в ткань.

— Нет, мы не брат и сестра. Мы с тобой вместе выросли, но мы не брат и сестра! Я приблудная дочка лопарской девки. А ты наследник Рейнснеса, который поехал в Копенгаген, чтобы выучиться на доктора!

Вениамин хотел открыть ей, чей он сын на самом деле. Хотел сказать, что любит ее. Но как-то не получилось.

— Кто говорит про лопарскую девку? — У него не хватило духу произнести слова «приблудная дочка».

— Моя свекровь.

— О такой свекрови нечего жалеть.

— Я и не жалею. Поэтому я живу здесь и шью для богатых.

— Ты злишься?

— На что?

— Например, на жизнь.

— Нет, что от этого изменится?

— А я иногда злюсь.

— Ты? Впрочем, важно не как человек живет, а как он к этому относится.

Вениамин решил не продолжать эту тему.

Через некоторое время она сказала:

— Он ко мне посватался.

Вениамину стало неприятно.

— Правда?

Она смотрела ему в глаза.

— Что мне ему ответить?

— А что тебе говорит сердце? Оно единственное не ошибется.

— Ты в этом уверен?

Ханна шла напрямик. Ему следовало поостеречься.

— Всегда можно найти выход, тебе необязательно…

— Я жду неделями, чтобы мне заплатили за работу, потому что боюсь сказать, что мне нужны деньги. Боюсь, что богатые дамы рассердятся и больше не придут ко мне со своими заказами.

Вениамин встал. Остановился за ее стулом.

Словно обжегшись, Ханна вскочила и положила шитье на стол.

— Ты уже уходишь? — спросила она.

Не думая, что делает, он обнял ее. Сколько он помнил, за последнее время он не обнимал никого, кроме маленькой Карны и больных.

Теплая, живая, свежая кожа! Он уткнулся носом ей в шею. Брошка Вилфреда Олаисена царапнула ему щеку.

Вениамин крепко прижал Ханну к себе.

Она замерла, словно не могла поверить в случившееся. Потом ее руки высвободились и приподняли его лицо, она вопросительно смотрела ему в глаза.

Вениамину было приятно ощущать ее близость. Ему было так приятно! Он пробормотал ее имя. Прикоснулся губами к шее, к щеке. Крепко прижал к себе.

Ханна, казалось, приняла решение. Она вырвалась из его рук и прислонилась спиной, к стене. Глядя на него, она с трудом переводила дыхание, словно только что закончила какую-то тяжелую работу.

— Ты должен понимать, Вениамин, что такие игры мне не по средствам. Ставка для меня слишком высока. А мы с тобой… — Она замолчала, поправляя воротник дрожащими пальцами.

Он подошел к ней и неосторожно повторил:

— А мы с тобой?

Она так сильно ударила кулаком по стене, что стена загудела.

Вениамин остановился, не дойдя до нее; смотрел он на потертые половицы.

— Прости… Больше этого не повторится.

Положив ладони на стену, она прижалась к ним лбом. Из-под зажмуренных век потекли слезы.

Вениамин ждал, не зная, что делать. Ханна замкнулась. Он снял со стены куртку. Вытащил из бумажника три бумажки, положил на стол, схватил свой чемоданчик и ушел.

У кромки воды бродил Исаак и пытался проникнуть в тайны отливной полосы.

Вениамин взъерошил ему волосы и в луже между скалами стал пускать его деревянную лодочку. Исаак собирался приехать погостить в Рейнснес, как только его мама закончит шить платье.

— Можешь приехать и один, если очень захочешь, — сказал Вениамин и хлопнул его по плечу.

— Прямо сейчас?

— Нет, не сегодня…

Рука, лежавшая на плече мальчика, вдруг стала вялой. Словно Вениамин долго был на морозе и потерял чувствительность.

Исаак поднял голову и доверчиво посмотрел на него. Потом серьезно кивнул. Как взрослый, он ухватился за докторскую лодку и провел ее между камней. Подняв руку в знак прощания, он не опустил ее, пока лодка не скрылась за мысом.

Сперва Вениамин налег на весла. Потом ветер слабо шевельнул парус. И наконец наполнил его. Вениамин отложил весла и пересел к рулю.

Как обычно, его охватила тоска по Акселю. По другу, с которым можно поговорить. Посоветоваться. Поспорить. И даже подраться.

Она не была схожа с той обжигающей тоской и одержимостью, какая иногда охватывала его при мысли об Анне, и скорее напоминала тоску по теплому пальто. По пиву и копенгагенским трактирчикам. Ни к чему не обязывала, но помогала жить.

Может, дождаться конца лета, а там уехать? Как уехала Дина?

Он вел спор с самим собой. Карна еще маленькая. И у нее падучая. Кто будет заботиться о ней? Объяснять? Утешать?

Почему не поступить, как поступают другие мужчины? Почему не найти женщину, которая всем бы пожертвовала ради него?

Глава 6

Календарь показывал 3 февраля 1876 года, Синий понедельник[4], который, как говорилось в календаре, «вдохнет жизнь во все члены весны».

В этот день от Анны пришло письмо, не похожее на другие.

Оно начиналось словами: «Мой дорогой Вениамин». И заканчивалось как обычно: «Твоя подруга Анна». Однако само письмо вызвало в нем недоверие. Анна благодарила его за приглашение, которым он всегда заканчивал свои письма: «Приезжай в Рейнснес, Анна!»

Он привык, что она либо не упоминала об этом, либо вежливо, но решительно отказывалась. И вдруг она пишет: «Мы приедем вместе с Софией!»

Мимоходом Анна сообщила, что отказала третьему жениху, хотя Вениамин не знал, что она отказала двум первым. И что каждую весну, с тех пор как они расстались, она боролась с желанием приехать в Рейнснес.

Последний отказ особенно огорчил ее мать, и отец, вспылив, сказал, что ей нужно поехать в Нурланд, чтобы избавиться от старых призраков.

Она не была настолько скрытной, чтобы не позволить себе подтрунивать над родителями, которых огорчало, что их дочь может остаться старой девой.

Значит, Анна все-таки существует?

Вениамин вдруг понял, что уже давно возвел Анну в ранг своего духовного единомышленника. Своей доверенной. Его жизнь благодаря ее письмам стала намного богаче.

Он даже подумал, что, если она приедет, писем больше не будет.

И вот она приезжает! Вместе с Софией! От неожиданности он упал в кресло, стоявшее в конторе при лавке.

Оглядел угол, в котором обычно принимал больных. Сегодня все казалось темным и старым. Запирающийся стеклянный шкаф с инструментами и лекарствами когда-то был белый. Теперь он посерел, и там, где облупилась краска, темнели безобразные пятна. Вениамин купил подержанный шкаф.

Креслу требовалась новая обивка. Из подлокотников торчал волос. Старая бурая обивка была удобна, ведь на нее иногда попадала кровь. Но Анне оно могло показаться непривлекательным и нечистым.

Письменный стол был новый. Он не вызывал возражений. Как и стулья, стоявшие в конторе. Но было что-то унизительное в том, что ему

приходилось принимать больных в конторе при лавке, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

Сейчас февраль. Что он успеет сделать до июня?

Понравится ли Рейнснес Анне?

Большой дом прошлым летом заново покрасили со стороны моря. Но лавка являла собой жалкое зрелище, так же как и один из пакгаузов. В беседке часть стекол была разбита, в скамейке на парадном крыльце не хватало одной планки. Вениамин вспомнил, что в гостиной под окнами обои покрыты пятнами. Наверное, окна следует заново промазать замазкой?

Он ходил взад-вперед по стертым половицам, голову давила непонятная боль.

Куда же их поместить? В большую комнату для гостей? Нет, она для них мала. У них наверняка будет много туалетов, им нужно место. Лучше он освободит для них залу.

Но как объяснить домашним, почему он уступил Анне из Копенгагена свою спальню? Они решат, что он посватался и получил согласие.

Ломая голову над этими мелочами, Вениамин мог не думать о главном — о приезде Анны.

Олине шел семьдесят восьмой год. Сидя на табуретке с колесиками, она еще управляла кухней и домом.

Несколько лет назад у нее на ноге появилась язва, которая никак не заживала. Олине не жаловалась, но часто громко и тяжело вздыхала. Волосы у нее поредели. Она заплетала их в косицу и закалывала ее на макушке тремя шпильками. А вот кожа осталась удивительно гладкой и свежей. Как молоко с медом, говорил Андерс, когда хотел ее задобрить.

Олине милостиво кивала. Она достаточно повидала на своем веку и не от любого принимала комплименты. Когда она хотела, ее замечания были безжалостны.

Олине видела людей насквозь, словно они были прозрачные. У нее сохранилось хорошее зрение, не то что у Андерса. Зато шевелюра у него была по-прежнему густая и непокорная.

Вениамин выбрал время, когда служанки не было на кухне. Он зашел к Олине и сел к столу.

— Олине, мне нужен твой совет.

— ???

Она отвернулась от плиты вместе со своей табуреткой и,

прищурившись, оглядела его с головы до ног.

— Весной к нам приедут важные гости.

— Кто?

— Одна барышня… вернее, две. Из Копенгагена.

Олине сжала губы и приложила к ним палец. Еще во времена его детства это означало, что Олине думает.

Он не мешал ей.

— Это не просто барышня, верно?

— Нет, не просто.

Олине скрестила на груди полные руки, глаза у нее стали веселыми.

— Как ее зовут?

— Анна Ангер.

— Анна. Христианское имя. И что же эта Анна будет делать в Рейнснесе?

Вениамин покраснел как рак.

— Ее сестру зовут София. Они приедут в гости, — ответил он.

Олине наморщила лоб, пропустив его слова мимо ушей.

— Наконец к нашему Вениамину приедет дама. Что ж, ты ведь уже взрослый. Больше тридцати. Одинокий отец, а одинокому плохо. Сам Бог это сказал.

Она энергично кивнула головой. Словно посоветовалась с Господом, и он с ней согласился.

— Обручение будет здесь?

— Успокойся, Олине. Ко мне просто приедут гости. Она никогда не была на севере. Их отец профессор, я у него учился.

— Настоящая профессорская дочка? Спаси и помилуй! Что едят профессорские дочки? Бедная я, бедная! В Рейнснесе будет, как в прежние времена. Важные гости, телячий бифштекс и двенадцать человек за столом. И поздний обед. Придется нанять еще одну служанку. Господи, дай силы справиться! Я уже так давно…

Олине сияла, она была довольна.

— Я хотел с тобой посоветоваться.

— О чем?

— У них, наверное, будет много вещей. А комната для гостей небольшая…

— Комната для гостей! Для профессорской дочки с сундуками платьев, картонками для шляп и всякой всячиной? Ни в коем случае! Тебе придется освободить залу. Эка важность, что ты доктор! Она будет жить в зале, и точка! У тебя нет ее фотографии?

— Нет.

Олине вздохнула и осторожно поправила повязку на ноге.

Вениамин тоже вздохнул.

— Она красивая?

— Да. И ее сестра София тоже.

— Бог с ней, с Софией. А Анна веселая?

— Нет, не знаю.

— Красивая. Но не слишком веселая?

— Она всегда очень серьезная, почти всегда, — признался Вениамин. И начал старательно перевязывать Олине ногу.

— Не понимаю, как я не потеряла ногу, пока тебя не было? Она могла у меня просто отгнить… Подожди, я что-то хотела сказать… Вот, вспомнила! Ханна знает про фрёкен Анну?

— Нет, я тебе первой сказал.

— Меня это не касается, но на твоем месте я бы сама сказала об этом Ханне до того, как она узнает это от других.

— Почему?

Олине внимательно поглядела на Вениамина, стоявшего перед ней на коленях и укреплявшего повязку.

— Так мне кажется…

Окружной доктор прислал за Вениамином. Вениамин решил, что это связано с медицинским отчетом. Старый доктор не любил бумаги и отчеты, одинаково скучные каждый год. Теперь писать их ему помогал Вениамин. Особого внимания требовал раздел «Болезни в округе», приносивший много неприятностей.

Вениамин приехал в Страндстедет и направился к дому доктора. Старый доктор обычно приглашал его обедать и угощал пуншем. Дом был гостеприимный, хозяин — умный. Но он лучше разбирался в людях, чем в медицинских отчетах.

Когда Вениамин впервые посетил его, чтобы узнать, не возражает ли старый доктор, чтобы он открыл свою практику, тот принял его под свою опеку. И даже больше. Он был явно благодарен Вениамину, что тот взял на себя посещение больных. Теперь доктор мог спокойно сидеть в своем кабинете в Страндстедете, не рискуя промочить ноги, как он выражался.

К недоразумению, возникшему между ним и комитетом по делам неимущих из-за того, что доктор оплатил транспорт, которым пользовался Вениамин, а не он сам, доктор отнесся с веселым негодованием. И произнес перед Вениамином и своей женой пламенную речь о недостатке

ума у членов местной управы.

Доктор вел долгую и сложную переписку с председателем комитета по делам неимущих Петтерсеном. В последнем письме Петтерсен требовал, чтобы окружной доктор не направлял свои жалобы амтману[5].

Окружной доктор отправил это письмо ему обратно с требованием, чтобы председатель комитета по делам неимущих поставил на нем дату, как предписывали правила. Петтерсен ответил незамедлительно и назвал подобное требование неслыханной дерзостью со стороны окружного доктора, который «и пальцем не шевельнет, чтобы подготовить больного человека к худшему».

Последняя фраза привела окружного доктора в восторг. Он написал амтману, что не понимает языка председателя комитета по делам неимущих. Должно быть, это недоразумение, и он, с позволения амтмана, будет считать, что отнюдь не должен готовить своих пациентов к худшему.

Вениамин надеялся узнать у доктора о продолжении этой переписки. А также принес ему данные, которые нужно было вставить в отчет.

Но старый доктор был явно чем-то недоволен. Его лицо и седые растрепанные волосы свидетельствовали о праведном гневе. Из больших ноздрей торчали кустики волос. При свете лампы они придавали доктору особенно воинственный вид.

Доктор поднял пунш с таким лицом, словно пил кровь врага. Должно быть, амтман сделал ему внушение за то, что доктор подтрунивал над председателем комитета по делам неимущих. Как бы там ни было, а что-то дало доктору повод для саркастических замечаний. Вениамин достал свой черновик медицинского отчета.

— Сыпной тиф, брюшной тиф, инфекционный менингит и ветряная оспа — ни одного случая. Скарлатина — четыре случая, из них три с летальным исходом. Корь — ни одного случая. Дизентерия — ни одного случая. Родовая горячка — ни одного случая. Рожа — четыре случая, из них два с летальным исходом. Краснуха — два легких случая в усадьбе Сёрланд. Чесотка и парша — обычные заболевания в рыбачьих поселках…

Окружной доктор поднял руку.

— Я сам могу заболеть от этого медицинского отчета! — прервал он Вениамина. — Отчет подождет. Я получил сегодня подлое письмо из столицы!

Вениамин положил свои бумаги на стол и ждал продолжения.

— Там, на юге, люди часто теряют рассудок…

— В чем дело?

— По их мнению, Вениамина Грёнэльва следует считать не врачом, а

знахарем.

В клубах дыма от мужниной сигары добрая докторша вышивала что-то круглое. Вениамину показалось, что это салфетка. Коричневая с желтым.

После слов мужа она легко встала и вышла из комнаты. Что-то было не так. Обычно докторша некоторое время сидела с ними, а потом уходила спать. Вениамина охватило недоброе предчувствие. Неужели он чем-то обидел ее?

— Там сочли, что вы не имеете права на врачебную лицензию, потому что получили образование не в Норвегии, а в Дании. И предписали мне быть вашим палачом! Черт бы их там побрал! Но мы будем жаловаться! — услыхал Вениамин голос доктора.

В ушах у Вениамина зашумело.

— Почему вы молчите? — Доктор внимательно наблюдал за ним.

— Вы считаете, что я не имею права лечить, потому что учился в Копенгагене?

— Нет, я так не считаю, но в Христиании предпочитают национальную медицинскую практику. Норвежцев должны лечить норвежские врачи.

— Но ведь я норвежец!

— Несомненно. И ваше образование лучше того, что вы могли бы получить в Христиании.

— Так в чем же дело?

— Таковы правила. Закон. Но, с моей точки зрения, это чистый протекционизм.

— Неужели это правда?

— Боюсь, что так. От глупости не спастись. Мы повсюду с ней сталкиваемся. В местной управе, в комитете по здоровью, в Христиании… Но мы будем жаловаться. Я объясню им, что мне не справиться без вашей помощи. Мы не сдадимся!

В ушах продолжало шуметь. Неужели все годы в Копенгагене потрачены впустую? Неужели несколько жалких стариков в Христиании обладают достаточной властью, чтобы запретить ему лечить людей, несмотря на его диплом?

— Но ведь я доложил вам, когда приехал домой, что…

— А я доложил выше и считал, что все в порядке. Государственная мельница мелет медленно, но безжалостно.

— Но ведь медицинский факультет в Христиании был создан с помощью датских профессоров?

— Безусловно. Однако нам предписано быть норвежцами. Норвежские клизмы, норвежские сыворотки, норвежское вздутие живота, норвежская

смерть и норвежский сифилис. Да пошли они все к черту! И награди их, Боже, хроническим норвежским поносом!

— Когда-то Дания и Норвегия были одним государством! Мое преступление лишь в том, что я изучал медицину в Дании!

Окружной доктор пощелкал языком, словно придавая особую силу своим проклятиям.

— Норвежцы должны были помочь датчанам при Дюббеле… А мы трусливо предали их! — воскликнул Вениамин.

— Мы с вами не всегда разделяем одну и ту же точку зрения, молодой человек, давайте придерживаться дела! — проворчал старый доктор.

— У меня нет прав! Что я могу?

— Обжалуйте решение! На это уйдет время.

— И что?

— А я тем временем заступлюсь за вас как за исключительно умелого знахаря! — сердито заявил старый доктор и позвал жену таким голосом, будто в случившемся была ее вина. Она принесла им еще пунша.

Некоторое время они лечили горе пуншем, потом старый доктор сказал:

— Пусть это останется между нами. Зачем без нужды портить вашу репутацию. Надо выиграть время.

— Но я не могу практиковать на таких условиях! Это…

— Придется привыкнуть! Вы здесь нужны! Если бы вас не было здесь этой зимой, мне бы конец. Этого они там, в Христиании, не понимают. Они там ездят на национальных извозчиках, погруженные в свои национальные мысли, а лошадь роняет национальный навоз. В Нурланде же, молодой человек, всю грязь уносит в море. Но такие, как мы, преодолеют все националистические препоны. Поверьте мне!

— Я бы предпочел утопиться.

— Будьте мужчиной! Или я помру еще до того, как мы получим ответ. И буду заменен каким-нибудь идиотом из Христиании. Кто тогда заступится за вас?

В тот вечер у Вениамина не было сил уехать в Рейнснес. Он долго ворочался без сна на своей узкой кровати в комнатке за кабинетом.

Анна, о которой он на время забыл, снова всплыла в его мыслях, усилив его позор. Что такой знахарь, как он, может предложить профессорской дочке?

Глава 7

Олине оказалась права. Ханна приехала в Рейнснес на Троицу и узнала, что доктор ждет в гости профессорскую дочку из Копенгагена.

Служанка на кухне только об этом и говорила. В честь ее приезда в зале повесили новые летние занавески.

Ханна поднялась в свою комнату. Постояла у окна, глядя на море. Потом медленно, почти мечтательно, уложила в чемодан свои вещи, прибавив к ним те, которые держала в комнате, чтобы они напоминали, кому эта комната принадлежит.

На это ушло мало времени. Ханна воспользовалась одним из старых чемоданов Дины. Замок был сломан, и чемодан валялся без дела.

Сперва она хотела сразу же вернуться в Страндстедет, но ей было жаль разочаровывать Исаака, который так радовался поездке в Рейнснес. Поэтому она задвинула уложенный чемодан под кровать и переоделась в будничное платье. Потом спустилась на кухню и спросила, не требуется ли там ее помощь.

Олине внимательно посмотрела на нее. Потом милостиво разрешила помочь, но вопросов не задавала. Пока они не остались одни.

Конечно, Ханна слышала, что Вениамин ждет возлюбленную из Копенгагена. Он прав. Маленькой Карне нужна мать, и…

Чем дольше Ханна говорила, тем безразличней звучал ее голос. Так ей казалось. Она нагнулась над кухонным столом и потерла рукой лицо. Потом выбежала за дверь. Она бежала по аллее к прибрежным камням. Ее видели сквозь пелену дождя, шедшего с юго-запада.

Когда Ханна приехала, Вениамина не было дома — он навещал больных на северных островах. Вернулся поздно, все уже спали.

Вениамин зашел на кухню, чтобы немного поесть.

Было тихо. Выстиранные полотенца и тряпки висели на веревке над лестницей. Слабо пахло щелочью, как всегда, когда кухня была вымыта на ночь.

Олине слышала его шаги.

Лестница, ведущая в комнату служанок, проходила над кроватью Олине. Это устраивало приличных людей, которые посылали своих дочек в Рейнснес учиться вести хозяйство, — ни один ночной гость не мог бы незамеченным прокрасться туда.

Не оказался исключением и голодный доктор. Олине остановила его

движением руки, когда он хотел подняться, чтобы разбудить одну из служанок. Ужин ему стоит под салфеткой в буфетной.

Вениамин устало улыбнулся и пожелал Олине покойной ночи.

Но Олине сказала еще не все. Она была сердита.

— Новая служанка из Страндстедета все разболтала Ханне.

— Что разболтала?

— О профессорских дочках из Копенгагена.

Он остановился в дверях.

— Понятно.

— И Ханна заболела.

— Заболела?

— Да, прости, Господи, меня, грешную! — Олине высморкалась.

— Ты хочешь сказать… Что с ней? Она действительно больна?

Олине кивнула, колыхнувшись всем телом. Потом откинулась на подушки, как готовый к схватке морж.

— Ты должен с ней объясниться. Сейчас же!

— Что ты хочешь? Чтобы я пошел к ней?

— Ей нужен доктор.

Вениамин забыл об ужине, ждавшем его в буфетной. Олине по скрипу шагов следила, куда он пойдет. Он поднялся по лестнице и остановился перед дверью Ханны.

Может, она уже спит? Нет, он уловил за дверью какое-то движение.

Вениамин осторожно постучал.

— Войдите, — ответил едва слышный голос.

Он вошел, и его встретил полный недоверия взгляд.

— Олине сказала, что ты заболела…

Ханна не ответила. Его словно ударили в солнечное сплетение.

Вениамин исчез, остался доктор, он сел на край кровати и положил руку Ханне на лоб.

— Температура нормальная, — сказал он.

Она смотрела на него пустыми глазами.

— Ханна, — позвал он и погладил ее по щеке.

Она схватила его руку и сжала, словно тисками.

— Уходи! — сердито сказала она. — Да, я больна с тех пор, как в детстве увидела тебя с Элсе Марией у летнего хлева, — Думала, никогда не осмелюсь сказать тебе это. Но вот сказана. И теперь, когда твоя возлюбленная из Копенгагена приедет в Рейнснес, помни, что в Страндстедете больна Ханна.

Она как будто рухнула в пропасть, и это была его вина.

Вениамину стало тяжело, но он продолжал сидеть.

— Ханна? — шепнул он через несколько минут.

Она не ответила.

— Я мог бы сказать, что она вовсе не моя возлюбленная, и это была бы правда… Ты мне веришь?

— Нет!

— Хочешь снотворного?

— Нет.

Понимая, что это безумие, Вениамин сбросил сюртук и башмаки. Потом забрался к ней в постель. Просунул руку ей под голову и ждал, что она оттолкнет его. Она не оттолкнула.

Его обожгло ее тело под тонкой ночной сорочкой. Он повернулся к ней и обнял другой рукой.

— Помнишь, как мы маленькие спали в одной постели?

Она не ответила. Только закрыла глаза и отпустила его руку. Он двумя пальцами осторожно погладил ее запястье.

— Никто на свете не сделал для меня столько, сколько ты. Ты приехала встретить меня в Бергене. Я помню, как ты вдруг появилась там передо мной. И ты всегда так добра с Карной.

К ним заглянуло полуночное солнце. Оно перебралось через дорожный саквояж Ханны, стоявший в углу. Забралось на спинку кровати.

— Мне следовало рассказать тебе об Анне. Но я не решился. Не думал, что это так важно. К тому же ты рассердилась на меня, когда мы виделись в последний раз.

Он сознавал, что это звучит неубедительно.

— Ты сказал, что мне нужен жених, а сам…

— Это было глупо, — быстро перебил он ее.

Прикрыв глаза, она наблюдала за ним:

— Я не твоя собственность, хотя мы и выросли вместе.

— Я знаю, — согласился он.

— И ты не должен требовать, чтобы я всегда была у тебя под рукой, ведь ты скрыл от всех, что позвал сюда свою возлюбленную из Копенгагена.

— Ты права.

— Чего ты от меня хочешь, Вениамин?

Он глубоко вздохнул, время работало на него. Полуночное солнце достигло руки Ханны, лежавшей в желтом гнезде на одеяле.

— Во всем виноват я, — начал он. — Я запутался. Когда думаю, что мне придется всю жизнь прожить в Рейнснесе… Мне здесь тесно. Здесь

нечем дышать. И всегда приходится плыть морем. У меня к нему не лежит душа. Я боюсь один идти под парусом в непогоду. Никогда не слышал, чтобы Андерс или кто-то другой боялись моря. Я живу здесь и мечтаю о другой жизни. Далеко отсюда. Господи, о чем я только не мечтаю! Даже о том, что могу стать известным специалистом. Разве это не глупо?

— Нет.

Он смотрел в ее расстроенное лицо. И в порыве благодарности за то, что она понимает его, чуть не сказал ей: «Давай уедем, Ханна! Давай вместе уедем отсюда!»

Но не сказал. И пустота, навалившаяся на него от этого, стала невыносимой. Тем не менее он как ни в чем не бывало продолжал лежать рядом с ней.

— Иди ко мне! — позвана она его.

Ее слова лаской коснулись его слуха, и он почувствовал на себе ее руки. Этого не могло быть. Но он рванулся ей навстречу. И все остальное исчезло.

Если доктор Грёнэльв по совету Олине и дал Ханне ночью снотворного, оно не сняло лихорадки. Напротив. Лихорадило их обоих. Они даже не потрудились запереть дверь.

Они спали, сплетясь друг с другом, словно крученая пряжа. И всякий раз, когда один шевелился, другой просыпался с мыслью:

Она тут, со мной!

Или:

Вениамин со мной, это не сон.

Наконец он оказался в своей комнате, и уже ничего нельзя было вернуть.

Раздеваясь второй раз за эту ночь, Вениамин закинул голову и попытался успокоиться. Тяжелое похмелье еще не покинуло его. Ханна еще была у него в крови. Ее запах окружал его, впитался в его кожу. Он хотел вытравить ее из себя. И вместе с тем дышал ею, словно она была животворным воздухом, окружавшим его, а не случайной встречей за какой-то дверью.

Вениамин пытался осознать случившееся. И в то же время упрямо отключал сознание. Все было правильно. Ханна всегда была частью его самого.

Но он никогда не думал, что она такая горячая, такая открытая и страстная. Сила, с которой она отдалась ему, была ничуть не меньше той,

что вот уже четыре года удерживала его на расстоянии.

Ханна стала запретной частью его самого. Игрой, о которой никто не должен был знать. В нем пылало желание. Он мог бы сейчас кричать, петь, бесноваться. Лишним было только внимание окружающих, которого теперь было не избежать.

Вениамин не мог дождаться следующего раза. И это ожидание было не сравнимо ни с чем. Его желание было ненасытно, хотя еще совсем недавно он, кажется, утолил его. Оно делало Вениамина сильным. Он мог бы сейчас отправиться на своей лодке к больным, не проспав ни минуты.

Олине, сидя на табуретке, следила за кофейником. Она не разрешила служанкам подняться на второй этаж, где спали мужчины.

— Не шумите. Доктор не спал всю ночь из-за больного, и Ханна тоже еще слаба.

Карна прибежала из своей комнаты и получила большой кусок кренделя. Потом она залезла на стол у окна, чтобы не пропустить, как на Троицу над крышей хлева пролетят ведьмы.

Из дома, где жила Стине, прибежал Исаак, он хотел подняться к Ханне, но его к ней не пустили, зато тоже угостили кренделем. В ведьм, которые летают на Троицу, он не верил, но забраться на стол не отказался.

И Олине разрешила ему, как и Карне, перейти границы дозволенного.

Видно, она хотела искупить перед Господом Богом свое участие в том грехе, который случился наверху. Но держала это про себя.

Ханна вынула свои вещи, которые сложила в чемодан Дины. Одну за другой она клала их на прежнее место. Иногда она наклоняла голову набок и улыбалась.

И даже тихонько насвистывала, умываясь холодной водой, налитой из кувшина в синих цветочках.

Вениамин не мог сдерживаться. Он прикасался к Ханне, как только они оставались одни, и радовался своей глупости.

— Пойдем в летний хлев, — предложил он и подул ей в затылок. В столовой никого не было, кроме них; Ханна накрывала на стол.

Она улыбнулась и сделала вид, что не слышит.

— Встретимся ночью у озерка, — сказал он, когда она убирала посуду; из столовой все уже разошлись.

Она снова улыбнулась и ничего не ответила.

Во второй половине дня Вениамина вызвали к человеку, который рассек топором ногу.

— Поедем со мной, Ханна, — шепнул он ей.

Она отрицательно покачала головой.

Прибежал Исаак и спросил, пробудут ли они в Рейнснесе три дня, и Вениамин с облегчением услышал ответ Ханны:

— Да, мы пробудем тут еще три дня.

Все равно дальше Страндстедета она не уедет, подумал он, схватил куртку и свой чемоданчик и побежал к лодке.

Лодка летела как птица. Ее нос раздвигал бедра Ханны. Вениамин не мог думать ни о чем, кроме ее объятий. Из-под штевня летела пена.

Лодка то взлетала на волну, то проваливалась вниз. Качалась и падала, падала и снова качалась. Страсть ярилась в Вениамине, как росомаха. Он встал в лодке, направил ее против волны и тут же вымок до нитки. Соленая холодная вода. Он повелевал волнами. Был сильнее их.

В тот день Вениамин Грёнэльв был непобедим. Он мог бы пуститься наперегонки с самим чертом. Он поедет в Христианию и покажет им, кто из них знахарь!

Вениамин вернулся вечером, Ханна издалека увидела его лодку. Она сидела на берегу под проливным дождем.

Светло-зеленое пальто, которое она сама сшила, намокло и потемнело.

Вениамин чувствовал, как его поры открываются навстречу теплому ветру. Перед ним всплывали картины детства. Ханна и он. Ханна ушиблась и плачет в его объятиях. Ханна бежит по полю, намного опередив его. На спине, словно вожжи, висят косы.

Вид Ханны трогал в нем что-то хрупкое. Ему хотелось защитить ее.

Намокшие волосы темными прядями висели вдоль щек, падали на шею, но Ханна не обращала на них внимания. На ногах у нее были рыбацкие сапоги, не подходящие к нарядному пальто.

Она пробралась среди камней и схватила лодку.

— Ты намочишь пальто! Не надо! — крикнул Вениамин и прыгнул в воду.

Она не ответила, но еще крепче ухватилась за борт лодки. Они вместе вытащили лодку так далеко, что она завалилась набок.

Вениамин знал, что их могут увидеть из всех окон, но все-таки обнял ее.

— Ты неосторожен, — тихо упрекнула она его.

— Почему?

— Нас могут увидеть.

— Пусть смотрят.

Ханна тяжело прислонилась к нему:

— Тебе пришлось зашивать рану?

— Да. Рана была страшная. Но теперь он как новенький. Я хорошо шью.

— Я тоже целыми днями шью!

— Кто бы подумал, что нам обоим придется работать иглой!

Они засмеялись. Мир полнился смехом. Смех пузырился и звенел.

Пока они шли по аллее под каплями, падавшими с деревьев, Ханна рассказала ему, с каким уважением люди называют его доктор Грёнэльв или просто доктор. Она постоянно слышит это в Страндстедете.

Несколькими словами, произнесенными за то время, что они шли к дому, Ханна облагородила его готовность лечить людей.

Его деятельность получила более высокий смысл.

Разве доктор Грёнэльв не плывет к больному один в любую погоду? Разве не появляется в любом месте со своим тяжелым чемоданчиком, чтобы помочь всем? И бедным, и богатым. Он умеет лечить все. Зашивает раны. Даже после удара топором.

Вениамин смущенно улыбался, но не возражал.

И вдруг почему-то подумал: Анна бы так никогда не сказала.

Он дождался, пока все лягут спать. Вышел в стоящую на отлете уборную, чтобы иметь алиби, если кто-то услышит, как он ходит. Потом прокрался к Ханне.

Какая радость! Жаркое тело. Он должен был обладать им. Он тоже имел право жить.

А Ханна? Ведь он знал, что она дарила наслаждение не только ему.

Потом, уже вернувшись к себе, в зеркале, висящем в простенке между окнами, он увидел чужого мужчину. Но только на мгновение.

Будущее? Пусть сначала кончится Троица!

Близнецы, идущие поперек! Это не страшно, если только погода не помешает молодому доктору приехать. С ним никто не мог сравниться! А потом он, как обычная повитуха, пил с женщинами кофе с коньяком.

Тогда как другие мужчины бежали из дому, пока все не кончится, он сидел с роженицей. Держал ее за руку, разговаривал между схватками, хвалил за усердие.

Жена сапожника Персена рассказывала, как ее сестра Элсе Мария родила своих близнецов. Фру Персен примеряла у Ханны платье, потому что собиралась ехать в Тромсё на день рождения.

— Кажется, вы с Элсе Марией давние знакомые? — спросила она.

Ханна кивнула, и жена сапожника застрекотала опять. Она слышала, что некоторые женщины делают вид, что им хуже, чем на самом деле, чтобы послали за доктором. Но Элсе Мария не из таких. Даже когда речь идет о ее жизни.

Старая повитуха отказалась от помощи мужчины, но в конце концов ей пришлось согласиться, чтобы послали за доктором. Фру Персен сказала ей:

— Если моя сестра умрет без молодого доктора, вина будет лежать на тебе.

И только потому, что ребенок, который должен был идти первым, пожелал повернуться к миру спиной!

Слава Богу, что в этот день доктор был в Страндстедете! Он прибежал в одной рубашке. Схватил кричащую женщину за руки. Расспросил обо всем. Успокоил и сказал, что скоро все кончится.

Рассказывая, фру Персен расправляла воланы на юбке. Они должны быть тяжелыми и естественно падать с бедер. Вот так!

Словом, доктор вымыл в тазу руки и разложил свои инструменты, будто собирался вырезать младенца из утробы матери. Он осмотрел роженицу. Ощупан живот. Измерил что-то руками, заглянул в ее чрево, словно в печь для хлеба, при этом он говорил так спокойно, точно речь шла о том, чтобы вовремя достать из духовки рождественское печенье.

Повитуха сочла, что доктор неуважительно отнесся к распростертому перед ним полуобнаженному женскому телу. Она хотела прикрыть Элсе Марию и выставить доктора за дверь. Пусть скажет, что надо сделать, и все будет сделано.

— И знаете, что он ей ответил? — воскликнула фру Персен, укладывая воланы на груди.

«Сначала я выну рукой первого ребенка», — сказал доктор и нырнул между коленями Элсе Марии. Повитуха не успела и глазом моргнуть. Бедняжка Элсе Мария вся извивалась и стонала.

«Скоро все кончится. Потерпи!» — сказал доктор и дал ей глотнуть водки из своей фляжки. Фляжка так и сверкала. Наверное, она была серебряная.

Нет, тут, под грудью, нужно немного убрать. Вот так!

Ханна послушно сделала, как ее просили.

— Да, так вот, они и глазом не успели моргнуть, как доктор вытащил за ножку первого ребенка. Точно теленка. Я чуть не упала в обморок. А доктор хоть бы что. Как будто он проделывает это каждый день. Мы еще не опомнились от удивления, как за первым ребенком появился второй.

Крови, конечно, было много, но чего же вы хотите! Потом он стал ее зашивать, и шил он не менее ловко, чем вы, Ханна. И все время нахваливал Элсе Марию. Вспомнил даже, что она любила дикую клубнику, когда вместе с матерью жила в Рейнснесе. Сказал, что сейчас ей надо выпить рюмку рому и как следует поесть. Дайте-ка нам поесть, я тоже не откажусь! И они оба принялись за еду, подтрунивая друг над другом. Вы можете себе такое представить?.. Нет-нет, здесь надо убрать еще немножко. Вот так! — И жена сапожника, задержав дыхание, прихватила платье на талии.

Потом она рассказала, что Элсе Мария вскрикнула разок или два, когда он зашивал ее. И что же тогда сделал доктор? Он перестал шить и попросил у Элсе Марии прощения! Слышал ли кто-нибудь что-либо подобное? Про мужчину?

Конец оказался еще более удивительным. Когда доктор завершил работу и снова мыл в тазу руки, у него по лицу текли слезы! Странно. Ведь плачут только религиозные люди.

Повитуха говорит, что у доктора легкая рука. Вот еще немного повзрослеет и научится уважать наготу, так ему равных не будет! Ха-ха! Так и сказала!

А Элсе Мария, которая уже приготовилась умирать, не отпустила доктора, пока не пожала ему руку.

Ханна редко перебивала своих заказчиц, когда они болтали во время примерки. Так было и на этот раз. Она не сказала, что была свидетельницей того, как завершилась эта история.

Вернувшись тогда домой, Вениамин подошел прямо к фотографии матери Карны. Даже не разделся. Он уперся руками в комод и произнес несколько слов, которых Ханна не поняла.

Она не решилась спросить, чем закончился его визит. Не хочет ли он есть?

Он уронил голову на руки, спина его вздрагивала.

Ханна молча стояла рядом. Она так ни о чем и не спросила.

Глава 8

Они знали день приезда Анны.

Сара взяла с собой Карну, и они с бугра, на котором стоял флагшток, следили за проливом. Дома служанки то и дело подбегали к окнам, а у Олине не нашлось времени, чтобы позволить Вениамину сменить ей на ноге повязку. Но он буркнул, что от раны будет идти запах, и она сдалась.

Когда в проливе загудел пароход, он бинтовал Олине ногу.

Он заставил себя закончить перевязку, словно и день, и пароход были самые обычные.

Олине вздыхала и торопила его. Послышались быстрые шаги и приглушенный возглас. Пароход уже обогнул шхеры!

— Беги же, беги! — крикнула Олине и толкнула Вениамина ногой.

Он выпрямился, глянул на дверь, ведущую в сени, и наконец бросился прочь.

Прыгнув вместе с Фомой в лодку экспедитора, он почувствовал, как у него стучит сердце.

Вениамин сразу узнал фигуру у поручней, но боялся поверить себе. Он даже не обратил внимания на то, что рядом не было Софии.

Произошла заминка со спуском трапа. Наконец Вениамин схватил его обеими руками и немного поднялся, чтобы помочь Анне.

Спускаясь, она стыдливо придерживала юбку. Один раз край юбки задел Вениамина по лицу. Он дотянулся до ее руки. И вот Анна с ним внизу!

В лодке она словно возникла из тумана и обрела очертания. Из-за яркого солнца, блеска воды или Бог знает отчего еще у нее как будто не было лица.

Не отпуская ее рук, Вениамин сел. Если он хотел, чтобы она тоже села, то не догадался сказать об этом.

Он видел только глаза Анны. Две небесные бездны.

Все смотрели на них. Черт, чего они так уставились! Краска залила ему лицо, он чувствовал себя идиотом, самым большим идиотом в Нурланде.

Но мир вокруг него переливался синью и серебром.

И когда Анна, не дождавшись приглашения, опустилась против него на скамью, он подумал: Ханна в Страндстедете сейчас страдает.

Потому что встреченный им взгляд Анны мгновенно опалил его жизнь.

Как он мог думать, что его переписка с нею была не больше чем переписка с Копенгагеном!

— Добро пожаловать в Рейнснес, Анна!

Он упражнялся, как следует произнести эти слова. Хотел, чтобы его приветствие было так же естественно, как раскуривание трубки. Но это у него не получилось.

Фома уже успел помочь матросу спустить в лодку два чемодана, а Вениамин все еще не знал, что сказать.

— По-твоему, я сильно изменилась? — засмеялась Анна.

— Нет, нисколько.

— Тогда почему ты так на меня смотришь?

Он встал, очень серьезный, и взмахнул над головой фуражкой. Потом плюхнулся на скамью так, что лодка закачалась, но через мгновение снова вскочил и сдернул фуражку.

Держась за скамью обеими руками, Анна с недоумением наблюдала за ним.

С трудом сохраняя равновесие в качающейся лодке и глядя Анне в глаза, Вениамин проговорил первое, что вспомнил из Книги Песни Песней. Его слова летели далеко над водой.

— Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе. Кто эта блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?[6]

Фома перестал грести. Лодка покачивалась на волнах, с весел капала вода.

Анна не отрывала глаз от своих ботинок. Но когда Вениамин замолчал, она выпрямилась и захлопала в ладоши. Потом ответила ему стихами из Эленшлегера:

В Иванову ночь мы выходим
И бродим, как сны наяву,
Мы медленно в поисках бродим —
Иванову ищем траву.
Стоит она, ростом мала,
Зато так свежа и мила,
Зато так светла и чиста
Простая ее красота[7].

Ее чистый голос звучал торжественно. Словно она пела гимн.

Вениамин помнил это стихотворение, его читали в Дюрехавене в Иванов день.

Закончила Анна строками из «Плавания по Эресунду», заменив Эресунд на Нурланд и «ночную тьму» на «светлую синь». Они звучали так:

Пусть плывет кто пожелает,
Пароход нас ждет.
Нурланд путь нам устилает
Светлой синью вод.

Матросы и пассажиры слушали, стоя у поручней. Когда Анна умолкла, пароход наконец дал гудок к отправлению. Кто-то из пассажиров крикнул слова приветствия, и они запрыгали по водной ряби. Заработали лопасти колеса. «Президент Кристи» взял курс на север. Пока лодка шла к берегу, Вениамин пытался справиться с волнением и размышлял, как переправить Анну на сушу так, чтобы она не замочила ног. Почему ты так на меня смотришь? Это было глупо с его стороны.

Он перенес Анну на берег на руках. Нес, крепко прижав к себе, и думал с торжеством: у нас это позволено! Мы не в Копенгагене. У нас женщину держат крепко, когда переносят из лодки на берег. Он не отпускал ее столько, сколько, по его мнению, позволяло приличие — ведь кругом стояли люди. Его дыхание свидетельствовало о том, что это было долго. Только опустив ее на землю, он понял, как это было. Ощутил ее аромат, бархат пальто и тепло бедер под юбкой.

Анна присела на корточки перед Карной и взяла ее за Руку:

— Ты Карна?

Карна кивнула, внимательно разглядывая гостью. Потом ужасно засуетилась. Она бегала от одного к другому и называла каждого по имени: Сара, Уле, Фома, Андерс. А это Олине и Бергльот, она помогает Олине на кухне. Стине живет в Доме Дины. А Исаак — в Страндстедете. С Ханной… Произнеся имя Ханны, она замолчала, бросилась к Вениамину и уткнулась ему в ноги. Но, поднимаясь к дому, она снова взяла Анну за руку и стала внимательно разглядывать ее кольца и браслет.

Олине мечтала устроить званый обед. Но Вениамин не пожелал приглашать гостей. И Андерс, конечно, тоже. И все равно Олине было трудно управлять всем со своей табуретки, ей помогала Стине. На троих обедавших было две служанки! Меньше было бы неприлично. На первое был суп с кербелем. Кербель Стине собрала на рассвете в тот же день, тщательно перемыла и мелко изрубила. Варился он в крепком мясном

бульоне, приправленном имбирем, а потом в него вбили десять желтков и сливки. Подавался он с яйцом и молотым имбирем. На второе была запеченная в духовке лососина. Вымытую и вытертую лососину обваляли в муке, посыпали молотым перцем, мускатом и мелко нарубленным луком, добавили четыре филе анчоусов, соль и масло. Спрыснули белым вином, водой с лимоном и поставили в духовку. Подавали лососину с крупным продолговатым картофелем, правда, еще прошлого урожая, домашним хлебом и сметаной. На десерт была морошка со взбитыми сливками в вафельных стаканчиках. К вину не смог бы придраться даже самый капризный копенгагенец. Белое и красное бордо, сотерн, поиденсак и портвейн по одному талеру за бутылку. Вино было из торгового дома Уле М. Гюндерсена, который безотказно и быстро снабжал всю округу. Расход на вино тяжелым грузом лег на плечи Андерса. Но выбора у него не было.

Узкая юбка туго облегала бедра Анны. Вениамин поднял было руки, чтобы прикоснуться к ним, но тут же спрятал их в карманы. Анна спускалась по лестнице в чем-то небесно-голубом. Переливающемся. Она шла легко, как королева эльфов. Вениамин едва заметил ленту, которой были схвачены волосы на затылке. Ни украшений, ни колец. Он хотел удержать взгляд на ее лице, но она проплыла мимо него. Это казалось миражем. Он вынул руки из карманов. Почему это к ней нельзя прикасаться? А если она сейчас споткнется и упадет? Разве он не подбежит и не подхватит ее? Не дай Бог он не успеет поддержать ее и предотвратить перелом ноги! Но он стоял неподвижно, словно истукан. Вениамин вспомнил, как в Копенгагене Анна сказала ему: «Не надейся! Я не флиртую с тобой».

Когда они сидели за столом друг против друга — Андерс сидел во главе стола, — Вениамин заметил у нее на руке родимое пятно, чуть ниже локтя. Раньше его не было.

Он заново открывал Анну. Родимое пятно появилось, чтобы порадовать его! Он не отрывал от него глаз, словно боялся, что оно исчезнет. Андерс был необычно оживлен. За супом Анна дважды смеялась над его словами. Когда она засмеялась первый раз, Андерс вскинул подборок и улыбнулся ей. Если раньше Вениамин раздумывал, каким образом привлечь к себе внимание Анны, то теперь ему стало ясно, что, не будь здесь Андерса, Анне пришлось бы разговаривать с самой собой. Вся воспитанность, все хорошие манеры куда-то исчезли. Он не мог придумать ничего, чтобы поддержать разговор. Ни одного вопроса. Родимое пятно на руке Анны

приковывало его взгляд, он был не в состоянии даже передавать соль или перец. Андерс сказал, что через несколько дней уходит в Берген, и пригласил Анну побывать до этого на шхуне. Сперва он отправится в Страндстедет за грузом, не хочет ли она присоединиться к нему? Новая шхуна не привыкла к присутствию женщин, как «Матушка Карен», но он надеется, что они не потерпят кораблекрушения.

— У вас много предрассудков о судах и женщинах? — спросила Анна.

— Я бы не стал называть предрассудками все, чего нельзя объяснить, — насмешливо сказал Андерс. — Твоя мать, Вениамин, тоже рассказывала о плаваниях. Ты помнишь?

— Дина?.. — Вениамин запнулся, увидев лицо Андерса. С него как будто стерлись глаза и губы.

Андерс медленно наклонился, достал из кармана часы и посмотрел на них. Во время обеда!

Воцарилась тишина. Анна сразу уловила неловкость.

— Как вкусно! — воскликнула она, пытаясь поймать взгляд Вениамина.

— Пятно! — воскликнул он.

Она взглянула на свое платье.

— У тебя на руке родимое пятно!.. — чуть не с торжеством объявил он. Отложив прибор, он наклонился к Анне и прикоснулся пальцем к ее пятну с таким видом, точно поставил трудный диагноз.

Анна растерялась.

Наконец ему удалось отчетливо увидеть ее всю целиком. На другой стороне стола.

Он втянул в себя воздух и выдохнул его через нос. И опять втянул, не снимая пальца с маленького коричневого бугорка.

Андерс снова принялся за еду.

— Наша Олине — лучшая кухарка в приходе! — объявил он.

Ему никто не ответил. Анна не шевелила рукой. Нежная краска залила ей лицо и шею.

Вениамин еще ниже наклонился к ней через стол. Он даже привстал и согнул спину. Подняв ее руку, он внимательно рассматривал родимое пятно.

— Потом я еще раз посмотрю его, — сказал он и отпустил руку Анны.

В тот вечер Андерс рано лег спать.

Динино пианино стояло в столовой. Анна откинула чехол.

— Какой чудесный инструмент! — Она взяла несколько аккордов и тут же скривилась: — Оно совершенно расстроено.

— Я знаю. — Вениамин был пристыжен.

— На нем никто не играет?

— Завтра же пошлю за настройщиком. Мне следовало раньше об этом подумать. — Он стоял, засунув руки в карманы.

Анна закрыла пианино чехлом.

— На нем играла только твоя мать?

— Сара тоже немного играла.

— Сара?

— Дочь Фомы и Стине.

Анна кивнула. Она познакомилась с ними на берегу, но их было так много. Она не запомнила всех. Не поняла, кто из них был прислугой, а кто — родственниками.

За обедом выяснилось, что членами семьи были только Андерс и маленькая Карна.

— Наверное, если я стану на нем играть, это всколыхнет воспоминания?

— О чем?

— О твоей матери.

— Когда это было!..

Он сам слышал, что это звучит неубедительно.

— Может, мне начать учить Карну?

— Она еще мала для этого.

— Чем раньше, тем лучше.

— Что ж, если она захочет, было бы неплохо.

Он хотел снова наполнить ее рюмку. Вопросительно улыбнулся. Но она отрицательно покачала головой.

— Давай прогуляемся перед сном? — предложила она. — Так светло. Трудно поверить, что уже поздно.

Они шли через сад мимо беседки.

— Как романтично! — воскликнула Анна и заглянула внутрь.

— Дина любила по ночам пить здесь вино, если ей не спалось. Я не видел ничего романтичного… когда находил ее с пустой бутылкой и недокуренными сигарами.

Это прозвучало более горько, чем ему хотелось бы.

— Ей было так трудно?

Он насторожился, но весело ответил:

— Рейнснес — неподходящее место для таких женщин, как Дина. Да и для таких, как ты, наверное, тоже?

Анна шла немного впереди него, она обернулась:

— Это предупреждение?

— О чем?

Она остановилась. Белый песок из ракушечника поскрипывал у нее под ногами.

— Как бы там ни было, а я все-таки приехала в Рейнснес. Можно было бы все сказать ей сейчас. Повод был подходящий. Хочет ли она тут остаться? Или ей мало того, что он может ей предложить? Ведь здесь, в Нурланде, он всего-навсего знахарь.

Лицо, обращенное к нему, выглядело таким беззащитным.

Он вообще не мог говорить. Не смел к ней прикоснуться. Боялся отпугнуть. Чувствовал себя горой, которая чуть не обрушила лавину камней на что-то очень хрупкое.

— Ты хочешь что-то сказать мне?

«Как ей удается быть такой спокойной?» — подумал он, глядя на ее нос. Это было самое безопасное.

— Я рад, что Рейнснес кажется тебе романтичным.

— Я приехала не только затем, чтобы увидеть Нурланд.

— Правда?

— Меня заставили приехать твои письма. Ты считаешь, что это неприлично?

— Нет, смело.

— Почему?

— Ты забыла, что я дикарь с Северного полюса?

— Который цитирует Песнь Песней Соломона. — Анна улыбнулась.

Они прошли несколько шагов. Она снова обернулась к нему:

— Почему ты писал мне?

Он быстро подумал: надо сказать ей правду! Сказать, что его лишили лицензии. Нет, только не сейчас!

— Я не мог потерять тебя. Хотел занимать в твоих мыслях хоть маленькое местечко. Письма можно читать и перечитывать. Каждое письмо можно перечитывать без конца. Я думал так: даже если она выйдет замуж и нарожает кучу детей, она все равно сможет иногда писать мне и ее муж не найдет в этом ничего подозрительного. Ведь я всего лишь неопасный друг, живущий так далеко. Друг юности. Пусть идут годы, думал я, у меня есть ее письма. А мысли, о которых она не решается писать, потому что не хочет никого обидеть, я все равно читаю между строк. И никто не в силах отнять у меня мои мечты.

Он замолчал, потому что она отвернулась в сторону.

Они дошли до пакгаузов. Долго смотрели на чаек и гаг, находившихся под опекой Стине. Птенцы уже вылупились, и матери пытались заманить их в воду.

— Тут все похоже на сказку! — Анна глубоко вздохнула.

От ее слов Вениамина обдало жаром:

— А чего ты ждала?

— Не знаю. Наверное, холода… Подумать только, уже почти полночь, а солнце светит, как днем! Я читала про это. Но другое дело — увидеть все своими глазами.

Вениамин захотел показать ей, как солнце поворачивает с вечера на утро, минуя ночь. С бугра, на котором стоит флагшток. Он так спешил, что Анна не поспевала за ним.

На Купальском лугу он замедлил шаг и подождал ее. Она шла навстречу свету, все было залито красным и фиолетовым. Из-за яркого света ее тонкое платье казалось прозрачным.

Господь Бог позолотил Анну и зажег огнем ее волосы. И Вениамин думал, что если ему все равно предстоит умереть, то лучше всего умереть сейчас, глядя, как она идет ему навстречу.

Потом они молча сидели на скамье. Солнечный диск окунулся в море. Горизонт растворился. Границы исчезли.

По мере того как солнце поворачивало, Анна становилась все более прозрачной. Он смотрел сквозь нее. Как в микроскоп. Пушок на верхней губе. Тонкие сосуды на веках. Пульсирующая жилка на шее. Легкий пар, окружавший ее, как аура.

Может, она не совсем настоящая? Он пальцем осторожно коснулся под шалью ее руки. Родимого пятна.

Анна со вздохом тяжело прислонилась к нему.

Он поцеловал ее. Но только как джентльмен. Не так, как хотелось. Он не должен был терять голову, и потому в этом не было удовольствия. Наверное, и для нее тоже?

Он вспомнил, как целовал ее в последний раз.

А она, она вспомнила?

Конечно, он мог бы спросить ее об этом. Но это было бы приглашением к разговору о будущем. И тогда ему пришлось бы признаться, что ему почти нечего ей предложить.

Вениамин проводил Анну обратно в дом и у дверей залы пожелал ей доброй ночи. Поинтересовался, есть ли у нее все необходимое.

Не успела между ними закрыться дверь, как начались мучения: Анна здесь, всего в нескольких метрах от него. Через коридор. В его постели.

Сон как ветром сдуло. В голове билась лишь одна мысль: туда нельзя.

И все-таки он вышел в коридор. Подошел к ее двери, вернулся к своей. Подумал, что, если открыть шкаф с постельным бельем, она услышит его и пригласит зайти.

Это неизбежно. Чего она ждет?

Он снова, скрипя половицами, подошел к ее двери. Потом обратно. Остановился. Прислушался. О том, что его услышит Андерс или кто-то другой, он не думал.

Вениамин спасся, спустившись во двор. Пошел к лодочным сараям. И наконец улегся на старом диване в конторе при лавке, укрывшись попоной.

Проснулся он оттого, что солнце светило ему в лицо и мухи приняли его за съестное.

Он вяло потянулся, проклиная себя за подлую трусость.

Анна спустилась к завтраку и объявила, что спала на дивной кровати в самой красивой комнате на свете.

Она с улыбкой поблагодарила Вениамина. Они были одни. Андерс и Карна обычно завтракали рано на кухне.

— Анна, я теряюсь перед тобой, — признался он и провел рукой по лицу.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он открыл рот, но тут же снова закрыл его, вдруг решив, что люди с открытым ртом похожи на рыб.

— Что ты имел в виду? — шепотом спросила она.

Он отложил нож, вилку и сложил салфетку, словно завтрак окончился, не успев начаться.

— Я так мечтал о тебе! Так боялся, что тебе здесь не понравится… что ты подумаешь… Заранее придумал все, что надо сказать. Что все будет хорошо. Что ты должна чувствовать себя здесь как дома. А на деле не смог даже поддержать разговор. Не говоря уже о том, чтобы спать с тобой в одном доме, не…

Анна тоже сложила салфетку. Аккуратно засунула ее обратно в серебряное кольцо с монограммой Иакова Грёнэльва.

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

Он вскочил и бросился к ней вокруг стола, упал перед ней на колени.

— Вениамин, пожалуйста… — Она улыбнулась ему сверху вниз.

В это время в комнату вошла Карна. Она замерла в дверях, с

удивлением глядя на стоявшего на коленях отца, который смотрел на приехавшую даму. Потом сказала, подражая Олине:

— Папа! Ты не должен вставать из-за стола, пока все не поели!

Вениамин встал и раскрыл объятия:

— Ты права, моя девочка! С добрым утром!

Они пожелали друг другу доброго утра, и все встало на свои места.

Карна подвинула к Вениамину стул и села. Ее личико поднималось над краем стола. Из-за того, что один глаз был голубой, а другой — карий, казалось, что она косит. Взгляд у нее был открытый, она вертела головой с двумя толстыми косичками, из которых все время выбивались упрямые пряди.

Когда Карна родилась, волосы у нее были темные, как у Вениамина. К приезду в Рейнснес они выпали, а те, что выросли заново, были светлые, как у матери, которой она не знала. Со временем волосы у Карны потемнели и приобрели медный оттенок.

— Олине сказала, что мне можно взять медовый коржик, — объявила Карна.

Вениамин протянул ей коржик.

Маленькие пальчики отщипнули кусочек и задумчиво сунули его в рот. Карна глядела то на Анну, то на Вениамина.

— Сколько тебе лет? — спросила Анна.

— Четыре.

— Значит, скоро ты начнешь учить буквы и цифры?

Не переставая жевать, Карна смотрела на Анну.

— Ты долго будешь у нас жить? — спросила она.

Анна быстро взглянула на Вениамина:

— Немного поживу.

— Тебе надо много лекарств?

— Нет, мне они не нужны. — Анна улыбнулась.

— Значит, ты не больна? Папа, она здорова, — объявила Карна и схватила Вениамина за руку: — Можно мне еще один коржик?

— Нет, — ответил он, не в силах скрыть улыбку.

Карна заметила это и склонила голову набок.

— Только один?

— После обеда.

— Нет, сейчас!

— Карна! Олине сказала — один!

Карна поджала губы, но просить перестала. Вскоре она соскользнула со стула и убежала.

— Какая необычная девочка! — сказала Анна, когда дверь за Карной закрылась.

Вениамин несколько раз провел рукой по волосам.

— Странно видеть тебя… в роли отца. С тобой это не вяжется. Я хотела сказать… в Копенгагене ты был совсем другой.

— Надеюсь, я изменился в лучшую сторону? — Он попытался быть дерзким.

— Посмотрим.

Она наклонилась к нему, и он увидел ее маленькие крепкие груди. И затылок, когда она немного повернула голову. Волосы были подняты вверх и закручены в тяжелый узел.

На него нашло безумие. Как в комнате Акселя, когда он «нет» принял за «да» и все испортил.

И все-таки она приехала в Рейнснес. Он должен следить за собой. Следить.

Глава 9

Фома и Стине приехали в Страндстедет. Но в некрашеный дом, в котором жила Ханна, Стине пошла одна, чтобы рассказать дочери о приезде гостьи. Фрёкен Анны из Копенгагена.

Стине допускала, что Вениамин принял эту городскую даму только из вежливости. Ханне хотелось этому верить. Конечно, он скажет этой Анне, что любит не ее, а Ханну. И что они должны быть вместе.

Не повышая голоса, Стине говорила, что люди часто меняются. Что воля мужчины порой бывает подобна железу в плавильном тигле. Она становится мягкой и течет, куда ей велит форма. Не успеешь и глазом моргнуть, как все, что казалось тебе незыблемым, превратится в черный комок.

Всю ночь Ханна сидела над платьем для сестры Вилфреда Олаисена, а наутро собрала вещи, взяла Исаака и поехала со Стине в Рейнснес.

Считалось, что Стине привезла помощницу для Олине, потому что в доме были важные гости. Это было понятно всем.

К тому же Ханна не случайный человек. У нее своя комната в большом доме. Стена к стене с комнатой, которую теперь занимал Вениамин. Таким образом она могла следить за ним и днем, и ночью.

Только увидев Ханну в столовой, Вениамин понял: он все время надеялся, что она не приедет в Рейнснес. Во всяком случае, без его приглашения. Что ей здесь делать?

Ему захотелось провалиться сквозь землю.

Они с Анной только что позавтракали, и Бергльот убирала со стола. Как только Ханна вошла в столовую, Бергльот ушла в буфетную и больше не показывалась.

Лишь после ее ухода Вениамин сообразил, что поведение Бергльот было необычным. Почему она не вернулась из буфетной?

Он встал и представил женщин друг другу:

— Это Ханна! Ханна Хервик! Я тебе говорил о ней. А это фрёкен Анна Ангер!

Анна встала, Женщины пожали друг другу руки и обменялись словами вежливости.

— Мы с Ханной все равно что брат и сестра, вместе росли, вместе учились читать и писать.

— Вы дочь Стине и Фомы? — мягко спросила Анна.

— Нет, мой отец умер, а потом уже мама вышла замуж за Фому.

Анна кивнула:

— А теперь вы вместе с сыном живете в Страндстедете?

— Да. Я овдовела. У меня маленькая швейная мастерская, или даже не знаю, как это назвать.

— Вы шьете? Как интересно!

Ханна закатила глаза к потолку и сухо сказала:

— Ничего интересного, это бессонные ночи и исколотые пальцы.

— Наверное, вам лучше перейти на «ты», — как бы между прочим предложил Вениамин.

Анна взглянула на него. Он не понял ее взгляда. Ему стало неловко. Ладно, будь что будет. Ему приходилось думать о них обеих.

— Да, пожалуй, так будет лучше, — вежливо согласилась Анна.

— Я не против, — сказала Ханна таким тоном, который означал, что она задета.

Дальше, по мнению Вениамина, все шло неплохо, пока он не сообразил, что Ханна останется в Рейнснесе и будет помогать Олине до отъезда Анны.

Его охватил гнев, но он понимал, что в этом вопросе решение было за женщинами. Им не требовалось даже советоваться с ним.

Одно неосторожное слово с его стороны могло вызвать взрыв. И тогда Анна все поняла бы.

Поняла бы, что бросила цивилизацию и Копенгаген лишь затем, чтобы убедиться: Вениамин Грёнэльв как был бабником, так им и остался. И что зря она не вышла замуж за того шотландца. Или он был англичанином?

Анна поддерживала разговор. Она с интересом расспрашивала о Страндстедете и различиях между швами. Отвечая ей, Ханна оценивала соперницу. Платье, волосы, руки. Словно хотела понять, какие у Анны преимущества. Или что Вениамин в ней нашел.

От бешенства Вениамин лишился дара речи и предоставил разговор им. Постепенно он стал прислушиваться к словам женщин. Сравнивал их. Видел воспитанность и вежливый интерес Анны. И сдержанную неприязнь Ханны, которую Анна не позволяла себе замечать.

Он сложил салфетку. Она приятно холодила влажные ладони.

От него больше ничего не зависело.

И пока он украдкой наблюдал за женщинами, его вдруг обдало жаром. Кто сказал, что не дозволено любить сразу двух женщин и не чувствовать

при этом никаких угрызений совести?

Андерс напомнил Анне, что она собиралась на днях съездить с ним в Страндстедет. Ханна тут же предложила поехать с ними и все показать Анне.

Анна приняла предложение.

Вениамину казалось, что он смотрит плохую пьесу.

Ранний обед, за столом четверо. И ребенок. Совсем не то, что представлял себе Вениамин. Хотя он уже не помнил, было ли у него в мыслях что-то определенное.

Так, глупые мечты. Поздние обеды вдвоем с Анной после того, как Карна уже ляжет спать. Долгое сидение за столом. Вино. Разговоры о том, чего он не мог открыть никому все эти годы. Прогулки, как в первый вечер. Может, даже вино в беседке? Анна должна была всем восхищаться. Должна была заставить его увидеть Рейнснес новыми глазами.

И второй этаж должен был принадлежать только им!

Он слышал, как Ханна ворочается за стеной. Значит, и она слышит его. Она стала его тюремщиком. Паучихой, поджидавшей, что его слепые грехи однажды ночью залетят в ее сети.

А напротив через коридор на его кровати спала Анна.

Какое было у Ханны лицо, когда она узнала, что Анне отдали залу! С каким нескрываемым отчаянием смотрела она на него!

Интересно, заметила ли это Анна?

«Мы с Ханной все равно что брат и сестра», — сказал он Анне. Ханна не возразила. В тот раз не возразила.

На другой день во время завтрака Бергльот сказала, что за доктором срочно прислали из Сундета.

Молодой парень упал с крыши прачечной, он не может ни двигаться, ни говорить.

Вениамин тут же поспешно вышел из столовой, как всегда, когда за ним присылали. Схватил с полки в прихожей свой чемоданчик и прыгнул в лодку, не успев ни о чем подумать. Только поставив парус и почувствовав, как ветер треплет ему волосы, он сообразил, что ушел из дома, не сказав Анне ни слова. Ее это должно было удивить.

Парень умер на руках у Вениамина. Он был единственным сыном вдовы, которая работала у Фомы на вялении рыбы. Вениамин остался с ней до вечера.

Женщина тупо смотрела вдаль. Иногда ее бил озноб. Потом она успокаивалась и снова сидела неподвижно с пустым выражением лица и сухими глазами.

— Я дам тебе снотворного, чтобы ты заснула, — сказал Вениамин и вспомнил, что последний раз говорил эти слова Ханне.

Женщина не ответила ему.

— Постарайся… поплачь… Надо поплакать. — Он заботливо обнял ее.

Но она была вне досягаемости. Ее дочь, напротив, громко рыдала. Пришла соседка. Она обмыла покойника, обрядила его и ушла.

Из-под савана виднелись только босые ноги да светлые вьющиеся волосы.

Вениамин снова был в Дюббеле. Все стихло. Пушки. Приказы. Крики. Солдаты, зовущие маму. Брань. Запах запекшейся крови. Карна сидела, прижав к груди голову молодого солдата. Просто была с ним. Как и он сейчас здесь.

На обратном пути не существовало ничего, кроме моря, солнца и его самого. Чистого, соленого запаха. Смолы на белых и зеленых досках. Ветра не было, и ему пришлось взяться за весла. Это помогло.

Анна сидела у пианино, на его крышке лежали раскрытые ноты.

Динины ноты. Их нашла Ханна. Вениамин подумал, что ему самому следовало найти их задолго до приезда Анны. Как и позаботиться о том, чтобы инструмент был настроен.

Женщины склонились над нотами. Их головы и руки почти касались друг друга. Вениамину стало не по себе.

Но его состояние объяснялось скорее видом парня, завернутого в саван.

— Я знаю, кто мог бы настроить пианино. Вернее, его знает мой знакомый…

Миндалевидные глаза Ханны прятались в тени. Но Вениамин чувствовал, что она наблюдает за ним. Она слышала, как он вошел. Когда Анна тоже увидела Вениамина, Ханна уже не могла притворяться, что не видит его.

— Добрый вечер! Ну что, доктор помог больному? — шутливо спросила она и, протянув руки, пошла ему навстречу.

Зачем это? Ведь она никогда так не встречала его!

— Я бы не сказал, — буркнул он и словно невзначай обошел Ханну. Почему он избегает ее? Он почувствовал, что она так и подумала: почему

он избегает меня?

— Давайте откроем окно, вечер такой теплый. — Он сел.

Ханна открыла окно.

— Как себя чувствует больной? — спросила Анна и сложила ноты в стопку.

— Он умер.

В комнате воцарилась липкая тишина.

Он кашлянул, раскурил трубку и оглянулся в поисках газеты.

— Боже мой! — воскликнула Ханна.

Анна промолчала. Но Вениамин чувствовал на себе ее взгляд.

— Ты не смог помочь ему?

Вениамин знал, что, не будь здесь Анны, Ханна не стала бы донимать его такими вопросами. Она играла роль легкомысленной дурочки. Зачем? У Анны могло сложиться о ней превратное мнение. И о нем тоже.

Он заметил, что и сам играет роль этакого надменного человека, который не воспринимает всерьез своих собеседниц.

— Нет, Ханна, не смог.

Холодный, немного насмешливый тон. Он никогда не говорил с Ханной таким тоном.

Она вышла в коридор, но тут же вернулась. Поискала что-то на столе. Сделала вид, будто искала газету, которую тут же протянула Вениамину.

Он смотрел в сторону и не взял газету.

— Ханна знает человека, который мог бы настроить пианино, — услыхал он голос Анны.

— Правда? Кто же это?

— Вилфред… Олаисен…

— Я не знал, что Олаисен обладает также и музыкальным слухом, — перебил он Ханну и почувствовал на себе взгляды обеих женщин.

— У него сейчас гостит его знакомый из Трондхейма, он настройщик, — безразлично сказала Ханна. Слишком безразлично.

— Прекрасно, — деловито проговорил Вениамин.

— Удачное совпадение, — заметила Анна.

— Ханна, пригласи к нам их обоих. Устроим обед, пока Анна еще здесь.

Он встал за газетой и снова сел. Вызывающе зашелестел страницами, но не мог прочитать ни слова.

— Когда? — тихо спросила Ханна.

— Когда хочешь. Чем раньше, тем лучше.

— В субботу?

Ханна вопросительно смотрела то на Анну, то на Вениамина.

— Прекрасно, пусть будет в субботу! — решил Вениамин.

Анна положила на пианино стопку нот.

— Твоя мать все это играла?

— Да, и не только это. Она чаще играла на виолончели… Только, наверное, те ноты она забрала с собой.

Он встал и бросил газету:

— Ну что, Анна, тебе было скучно в этом забытом Богом краю?

— Нисколько. В Рейнснесе очень красиво и интересно. Мне жалко, что я не живописец. Здесь такой необычный свет.

Позже Ханна ушла с Исааком к Стине, и Вениамин вздохнул с облегчением, но тут Анна сказала:

— Вы так близки, что Ханна все от тебя терпит?

— Что она терпит?

— Ты ее унижаешь.

— Я ее не унижаю.

— Унижаешь и знаешь это.

Вениамин промолчал. Ханна добилась своего. Он вел себя так, что уже не нравился Анне. Через мгновение он сообразил, что виновата не Ханна, а он сам!

— Сам не знаю, что на меня нашло. Наверное, из-за смерти этого парня, — пробормотал он, и ему стало стыдно за свое извинение.

Больше Анна ничего не сказала. Она стояла у открытого окна.

Он смотрел на мягкие линии ее спины.

Они поехали с Андерсом в Страндстедет, Ханна играла роль хозяйки. Она все знала про всех. Рассказывала смешные истории, не спускала глаз с детей и подтрунивала над Андерсом и его расходами. Ведьма!

Рассказ Вениамина о жизни в Копенгагене только дал ей повод задавать Анне вопросы.

Между женщинами установились отношения, которые никак не соответствовали тому, что чувствовал он сам.

Однако он перестал унижать Ханну. Во всяком случае, при Анне.

Ему не раз хотелось пригласить Анну съездить с ним в Тромсё. Но это могло бы ее скомпрометировать. Достаточно и того, что она одна приехала в Рейнснес. А ехать куда-то вместе с ним…

Ночь с пятницы на субботу. Звуки ночного дома. Тишина. Морские

птицы. Ветер в аллее. Сознание, что Ханна следит за ним.

Ворочаясь без сна, Вениамин с облегчением услышал, что кто-то постучал в сени, услышал голоса и понял, что приехали за доктором.

Он быстро оделся и уже спускался по лестнице, когда служанка поднялась, чтобы разбудить его.

Морской воздух принес облегчение. Вениамин поднял парус. Ветер был попутный. Его ждали на Грютёйе, где ребенок уже трое суток ничего не ел, у него были рвота и понос.

За Вениамином приехал сам отец. Теперь он плыл впереди на своей лодке.

В конторе при лавке, куда они зашли за угольными таблетками и вообще за всем, что могло понадобиться, Вениамин постарался успокоить отца:

— Все будет хорошо! Я сам поеду с тобой и осмотрю ребенка.

Отец нетерпеливо переминался с ноги на ногу и кивал, но, по-видимому, даже не слышал того, что ему говорил доктор.

Вениамин задержался у больного до утра. Понос прекратился. Значит, это не тиф. Ребенка не вырвало после питья, и он даже немного порозовел. Вениамин велел родителям дня два не пускать к больному других детей. Похоже, что малыш просто чем-то отравился, но кто знает…

Мать опасалась, как бы у ребенка не открылся кровавый понос или что-нибудь похуже.

Вениамин успокоил родителей. Велел матери проверить, свежая ли у них еда. Это задело ее, но она промолчала — речь шла о жизни ребенка.

— Надо выбросить всю старую пищу и тщательно перемыть посуду.

Хозяин смущенно предложил Вениамину деньги, но Вениамин отказался.

— Ты промышляешь лосося?

— Да.

— Когда мальчик поправится, пришли мне хорошую рыбину, и будем в расчете!

Он приложил к фуражке три пальца — привычка, сохранившаяся со студенческих времен, — и пошел к своей лодке.

Дул сильный встречный ветер. Вениамин попытался лавировать. Но из этого ничего не получилось. Пошел дождь.

Он натянул непромокаемую робу и начал раскуривать трубку. Но из этого ничего не вышло. Хорошо еще, берег был знакомый и он мог определить, где находится.

Зато здесь, в море, он мог свободно думать. Как в свое время Андерс.

Дождь был холодный. Он хлестал по лицу, по рукам. Тек ручьем по шпангоутам и по обшивке. Стучал по банкам и камням, лежавшим на дне лодки для балласта.

И всякий раз, когда парус ловил ветер, лодка накренялась и вода текла в обратном направлении.

Сквозь этот потоп Вениамин видел Ханну, приехавшую, чтобы играть роль хозяйки дома. И Анну возле расстроенного пианино.

Он мысленно складывал головоломку, стараясь, чтобы все сошлось, но не обдуманно, а случайно, само собой. И должен был себе признаться, что точно так же он складывал и свою жизнь.

Надо поговорить с Ханной, пока еще не все испорчено.

В конце концов ему пришлось убрать парус и взяться за весла.

Когда он наконец добрался до причала, его уже собирались искать. Андерс и Фома стояли среди прибрежных камней. Оба бросились в воду, чтобы принять лодку.

В сенях лавки Андерс заметил, что негоже, если у доктора вместо лодки квашня для теста.

Вениамин устало хохотнул в знак согласия, стаскивая с себя робу.

Фома буркнул, что погода не лучше январской. Вениамин обратил внимание на его взгляд — Фома боялся за него. Ему стало приятно.

Рябины в аллее клонились до самой земли, но дождь прекратился.

В окнах за горшками цветов виднелись лица. Однако Вениамин слишком устал, чтобы обратить на них внимание.

Анна сбежала по лестнице в золотом облаке юбок.

— Слава Богу, вернулся! — прошептала она, обвив руками его шею.

В гостиной смеялась Карна. На кухне мололи кофе, из буфетной доносился голос Бергльот. Кто-то шел по дорожке. И благословенный ветер еще кружил в вальсе вокруг домов.

Вениамин непонимающе уставился на Анну. Наконец до него дошел смысл ее слов, и он обнял Анну мокрыми руками.

— Мы так боялись!

Их тут же окружили. Он еще обнимал Анну.

В дверях гостиной показалась Ханна. Их глаза встретились над плечом Анны. И Ханна исчезла.

Хотя он не погиб в море и был возведен в ранг любимого всеми патриарха, Ханне удалось испортить ему радость.

Во время завтрака Ханна встала, чтобы выйти на кухню. Проходя мимо Анны, она наклонилась и что-то прошептала ей на ухо. Обе засмеялись.

Вениамина охватила усталость. Он вежливо извинился. Не спал всю ночь…

— Мы знаем, — с участием сказала Ханна.

Старый, усталый человек поднимается по лестнице, думал он.

Вениамин лежал, пытаясь заснуть. Несколько раз до него донесся женский смех. В полусне перед ним мелькнула картина детства. Ханна и Элсе Мария. Они смеялись над ним.

Ханна ловкая, думал он сквозь дрему. Она всегда была ловкая. Он задумался. Может, не такая ловкая, как коварная? Хитрая? Нет, тут же защитил он ее, просто она старается хорошо относиться к Анне.

Неожиданно он начал искать Элсе Марию. Белая, в веснушках кожа. Рыжие волосы и светлые ресницы.

Он пошел за сарай и собрал немного черники, нанизав ее на стебелек. Пришел Фома, он держал под уздцы лошадь и сообщил, что Элсе Мария вышла замуж и вот-вот родит близнецов. Вениамин взял в руки скальпель, приготовился. Элсе Мария закричала, когда он подошел к ней. И вдруг он обнаружил, что это уже не Элсе Мария, а Ханна.

— Ханна вдова, — сказал Фома и с трудом разминулся с Вениамином на узкой тропинке. Лошадь чуть не задела Вениамина. Ему хотелось сойти с тропинки, но ноги его не слушались.

Фома отпустил лошадь. Это была Элсе Мария. Вениамин вскочил на ее белую, в веснушках спину. Она заржала и вместе с ним бросилась в темную пропасть. Падение было мягким и влажным.

Глава 10

Как только ветер утих, Вилфред Олаисен и Юлиус Линд прибыли на лодке из Страндстедета, чтобы не пропустить обед в Рейнснесе.

Вилфред Олаисен отдыхал в беседке с кружкой баварского пива из Трондхейма на подносе, а Ханна ходила между беседкой и домом.

После бури все было свежим, светлым и тихим. Даже звуки в столовой. Олине следила, чтобы никто не шумел, пока доктор спит. Однако он спал так долго, что она забеспокоилась — Бергльот не успеет накрыть стол к обеду.

Юлиус Линд потребовал, чтобы его оставили одного с его инструментами и не мешали ему.

Сквозь открытое окно столовой и дверные щели доносились звуки настраиваемого пианино. Словно напоминание о других временах.

Вениамин проснулся было, но снова заснул.

Оказалось, что Дина перенесла пианино в беседку. Для того чтобы его туда внести, она сломала одну стену. Топор бросила на черную полированную крышку. Из кармана темно-красного халата торчала погасшая сигара. Дина держала в руке зеленую бутылку с длинным горлышком, она то пила из бутылки, то ударяла ею по клавишам. Пианино то журчало, как ручей, то в его звуках грохотал каменный обвал. На столе красовалось полдюжины пустых бутылок.

Она обернулась к нему, это была Анна, а не Дина.

В конце дня его разбудила Карна:

— Папа! Буря кончилась. И к нам приехали два человека. Один из них сломал пианино.

— Это не страшно.

— Я хочу, чтобы у меня были свои куры! — Она забралась к нему в кровать.

— Какие куры? — Вениамин еще не совсем проснулся.

— Исаак говорит, что это не мои куры. Он один собрал все яйца и отнес их Стине.

— У Исаака в Страндстедете нет кур. Пусть собирает яйца, когда приезжает в Рейнснес!

— Нет!

— Почему?

— Он говорит, что у больных детей не может быть кур!
— Я ему объясню, что он ошибается.
— Не надо. Он будет думать, что я наябедничала.
— А разве нет?
— Да, но ведь он этого не знает.
— Может, вы будете собирать по десять яиц каждый?
— По десять?.. А кто соберет остальные?
— Работник.
— Ты ничего не понимаешь. Работники не собирают яиц.
— Ладно, мне пора встать.
— Я затем и пришла.
— А я думал, из-за яиц!
— Нет… Надо было что-то рассказать, чтобы ты проснулся.

Он на руках отнес ее вниз. Хотя оба считали, для этого она уже слишком большая.

— Но если ты так хочешь, — великодушно разрешила она.

Анна села к пианино, чтобы поиграть до того, как подадут обед. Собрались гости, хозяева и служанки. Двери и окна были открыты.

Карна стояла возле пианино и водила пальцем по гладкой поверхности. Глаза ее перебегали с лица Анны на ее пальцы на клавишах.

«Патетическая соната» Бетховена захватила всех.

Юлиус Линд не скрывал, что он ценитель музыки. Олаисен сидел в кресле, засунув большие пальцы в проймы жилета, лицо было поднято к потолку. Его грудной клетке мог позавидовать любой мужчина, за пухлыми красивыми губами белели безупречные зубы.

Ханна с непроницаемым видом стояла за пустым стулом, держа Исаака за руку. Красное летнее платье подчеркивало ее красоту. Фасон был взят из журнала, присланного из Христиании. Платье она шила по ночам, отрывая время у сна.

Анна была в белом, сшитом на заказ платье.

Вениамин видел разницу. Но гордость Ханны тронула его.

У Исаака текло из носа. Ханна быстро нагнулась, вытерла ему нос и строго поглядела на него.

Андерс не видел Анну, потому что всю комнату заполнила Дина.

Фома слушал музыку, не выходя из дома. Он уже закончил дела и брился. Вдруг он вздрогнул.

Из пореза на верхней губе потекла кровь.

С пепельно-серым лицом он смотрел на свое отражение.

Вениамин слушал, прислонившись к стене у всех за спиной. Один раз Анна оторвала глаза от нот и взглянула на него.

Карна засунула в рот большой палец, закрыла глаза и крепко прижалась к пианино. Ее тело сотрясал гром. Звуки заполнили ее. Они бились в ней, все сильнее и неистовее.

Пальцы летали над клавишами. Вот они протянулись над ее головой. Выросли. Приблизились. Превратились в угрей. Извиваясь, угри тянулись к ней. Уже не угри, а камни с острыми краями, они царапали ее.

Карна перестала сопротивляться им. Позволила поднять себя к солнцу, и все исчезло в сверкающей черноте.

Вениамин видел, как она упала навзничь. Шум ее падения заглушил музыку. Маленькое тельце изогнулось над полом.

Он тут же оказался рядом и сунул ей в рот два пальца. Острые зубки впились в них. Что-то хрустнуло. Но он стерпел.

Плечи Карны вздрагивали, ноги били по половицам. Лицо покраснело и блестело; пена и кровь — Вениамин надеялся, что это его кровь, — бежали у него по пальцам.

Широко открытыми глазами она смотрела сквозь него.

Анна вскочила, она побледнела, и ее руки замерли в воздухе.

Последних грохочущих звуков в нотах не было. Меж тем они еще звучали в комнате.

Потом их заглушила тишина.

Увидев, что лицо Карны посинело, Вениамин с силой выдернул пальцы из ее зубов, чтобы она могла дышать. Ему показалось, будто он сломал рыбе шею и вытащил внутренности через жабры. Наконец он рванул лиф нарядного платьица Карны, и пуговки запрыгали по полу.

Белые стеклянные пуговки с красным сердечком. Одна подкатилась к новеньким летним туфлям Вилфреда Олаисена и закачалась на месте.

Незаметное подергивание подсказало Вениамину, что Карну сейчас вырвет. Он перевернул ее на бок и услыхал в пустом пространстве собственный голос.

Он звал Карну. Спокойно, ласково, неутомимо.

Глаза ее еще ничего не видели, но тело у него в руках выпрямилось и обмякло. Она затихла и побледнела.

Ни на кого не глядя, Вениамин унес Карну в ее комнату, оба были мокрые от пота.

Покой после припадка всегда приносил облегчение. Так было и на этот раз.

Но Вениамин получил предупреждение. Припадки падучей у Карны могли стать сильнее, чем он предполагал.

У Стине всегда был наготове отвар манжетки. Она тихонько вошла и молча поставила его на стол.

Вениамин не протестовал. Он знал, что Стине дает Карне и более сильные средства, которые плохо сочетались с его лекарствами.

Он обмыл Карну, переодел и сел рядом с ней.

Постепенно она пришла в себя.

— Папа, у тебя кровь. — Это первое, что она сказала.

Он взглянул на свою руку. Она прокусила ему указательный палец.

— Поспи, Карна, у тебя был сильный припадок. — Он смахнул с бледного личика влажные волосы.

— Ты не бойся, руки Ханны не опасные, — пробормотала она.

И забылась тяжелым сном.

Стол накрыли с обычной пышностью, ничего не забыли. Линду и Олаисену приходилось бывать на званых обедах, и они щеголяли перед дамами своей искушенностью.

За столом их было шестеро, Андерс и Вениамин сидели друг против друга в концах стола. Вениамин чувствовал необъяснимое раздражение. Стол не раскладывали, он был небольшой, но Вениамин в своем конце чувствовал себя одиноким.

Он должен был признать, что Олаисен, бесспорно, относится к тем, кого называют настоящими мужчинами. В Нурланде это имело большое значение. А настройщик, как слышал Вениамин, был к тому же еще и знатоком искусств.

Вернувшись в столовую, он заметил, что мужчин удивило его отношение к своим отцовским обязанностям.

Он так и слышал, как они говорят, оставшись одни: «Никто не спорит, припадок был страшный, и Грёнэльв, конечно, доктор, но разве он должен при этом быть еще и нянькой?»

Все молчали. Как молчат, когда на глазах у всех случается что-то неприличное. Вениамин уже сталкивался с таким поведением. Люди пугались припадков Карны и старались не замечать их. Его это возмущало, но он ничего не мог с этим поделать.

Анну посадили ближе к Андерсу. Бесконечно далеко от Вениамина.

Наверное, поэтому он и не слышал, спросила ли она о самочувствии Карны.

Ханна же сидела рядом с ним. С другой стороны от нее сидел Олаисен с его огромными ручищами. Он держал их перед тарелкой, словно два редких, выставленных на обозрение предмета. Они говорили: «Вот руки настоящего мужчины! Они-то умеют грести!»

Андерс держал руки под столом. Словно боялся, как бы кто-нибудь, увидев его кулаки-кувалды, не подумал, что он собирается лишить человека жизни.

Впрочем, Олаисен привлекал к себе внимание не только своими ручищами, но и остроумными репликами. И своими планами. Будущее было в его руках, он собирался все поставить на свои места.

Вениамин вспомнил, что при первом знакомстве Олаисен показался ему весьма толковым. Немного наивным, может быть, слишком откровенным и хвастливым. Его пригласили в Рейнснес, потому что он привез настройщика, чтобы Анна могла играть на пианино. Кроме того, он сватается к Ханне и хочет построить пристань.

— Не какой-нибудь пирс для лодок, а большую пристань для пароходов! — скромно объяснил он.

Чем-то он напоминал Акселя. Поговорить с ним было бы интересно. Но в тот день все шло кувырком. Особенно когда Олаисен открывал рот. Он говорил без умолку. Слова сыпались из него как горох. Что ж, пусть Ханна слушает, если ей это приятно.

— Фрёкен Ангер, вы очень музыкальны, — сказал Юлиус Линд. — Но иногда у вас бывает слишком сильный удар. Если хотите, я покажу вам после обеда, — милостиво пообещал он и повернулся к Ханне: — Какое красивое платье! Бьюсь об заклад, что вы сшили его сами! — Он пососал зуб, деликатно прикоснулся к руке Ханны и продолжал: — В Трондхейме дамы одеваются немного иначе. Но вы очаровательны в этом платье, фрёкен Ханна.

Из-за рук Олаисена и снисходительности Линда Вениамину расхотелось есть. К тому же он заметил, что Анна как будто всем телом улыбалась Олаисену.

Будь здесь Аксель, Вениамин отвел бы его в сторонку и сказал ему голосом господина Линда: «Красивое платье, ты не находишь?»

Аксель откинул бы голову и засмеялся своим булькающим смехом, похожим на бульканье в неполной пивной бочке. Но Аксель был далеко. Он держался за Динину юбку где-то в Берлине.

Вениамин знал, что от недосыпания появляется чувство одиночества.

Но сегодня вечером жизнь решительно устроила против него заговор. И сверху, словно крышка, на всем лежала усталость.

Он опустошил свою рюмку.

Бергльот поспешила к нему с графином.

— Прикажете подать кофе и коньяк в курительную, господин доктор? — спросила она и тихо добавила: — И дамы пойдут туда?

Он тоже понизил голос и попросил ее почаще заглядывать к Карне. Потом с улыбкой обратился к гостям:

— Если дамы готовы терпеть дым в нашем обществе, сейчас в курительную подадут кофе.

У Анны пылали щеки. Она со смехом сказала, что он еще со студенческих времен должен помнить, как она любит курительные.

Вениамин отметил, что она говорит слишком громко.

Ханна милостиво кивнула. Близкая связь, которая, по-видимому, была между Вениамином и Анной в курительных комнатах Копенгагена, заставила вспыхнуть в ее зрачках яркие точки.

Олаисен засмеялся, сверкнув глазами:

— Значит, вы привыкли к табачному дыму еще в Копенгагене, фрёкен Анна? Это очень интересно…

Господин Линд встал и помог встать Анне, он что-то шепнул ей, отчего она стала еще красивее.

Олаисен тоже вскочил и помог Ханне, словно играл в новую для него, интересную игру.

Линд попросил пунша вместо коньяка. Если можно? И хорошо бы расположиться в беседке, а не в доме. Если можно?

— Там будет прохладно, — заметила Ханна.

Но Анна тоже предпочла беседку, и это решило все.

Пришлось Бергльот подать в беседку чашки и рюмки, горячий пунш и коньяк. Было уже девять вечера.

Дамы закутались в шали, расположились на принесенных для них подушках, и только после этого мужчины наконец раскурили сигары.

Вениамин извинился и ушел к Карне.

Цвет лица и пульс были у нее уже нормальные. Кожа — почти сухая.

Он потрогал ее руку, она схватила его за укушенный палец, причмокнула языком и вздохнула.

Вениамин почувствовал себя счастливым. Все постороннее исчезло. Он уже не мог вспомнить, что его огорчало.

В коридоре он разминулся с Бергльот, она несла поднос с посудой,

волосы у нее растрепались. Она убирала в буфетной. Он тепло прикоснулся к ее плечу:

— Заглядывай к Карне… почаще. Мы будем в саду и обойдемся без тебя. Я оставил ее дверь приоткрытой. Только крикни, если что-то будет не так.

— Я не помню у нее такого сильного припадка, — Бергльот робко взглянула на него.

— Да, — согласился он.

И вдруг подумал, что только Бергльот говорила сегодня о Карне.

— Вы устали, господин доктор?

Что-то шевельнулось у него в груди. Застряло в горле.

Господи, подумал он, неужели достаточно такой малости? Нескольких слов, говорящих о том, что кто-то понимает, как ему дорог его ребенок.

Он взял из рук Бергльот поднос и отнес его на кухню. Она пришла, когда он пристраивал его на заставленный посудой стол.

— Не надо, господин доктор… Олине рассердится.

На столе стояла открытая бутылка мадеры. Вениамин налил две рюмки, протянул одну Бергльот, чокнулся с ней и крикнул в сторону комнаты Олине:

— За твое здоровье, Олине! И спасибо за обед! Ты ангел!

— Как все прошло? — послышалось оттуда.

— Прекрасно. Бергльот тоже ангел.

— Ей, бедняжке, сегодня досталось.

— Ничего, теперь отдохнет. — Вениамин просунул голову в дверь.

Олине возлежала в кровати по обыкновению с рюмкой в руке.

— Это разжижает кровь. — Она сконфузилась.

— Ты права! — засмеялся Вениамин и закрыл дверь.

Бергльот стояла у кухонного стола. Он подошел к ней:

— Очень устала?

Она подняла глаза и покраснела.

— Нет, что вы!

— Постараюсь поскорей отправить гостей домой, — сказал он, словно говорил с союзником, а не со служанкой.

— Нет, что вы! — снова воскликнула она.

Открыв дверь беседки, Вениамин услыхал смех.

Ему захотелось уйти, но он передумал. И устроился снаружи, чтобы чего-нибудь не пропустить.

Он не успел закурить сигару, как почувствовал первых комаров.

Олаисен заговорил о пристани.

Он уже раздобыл капитал для приобретения леса. Остается только нанять рабочих. За сходные деньги. Может, доктор или Андерс — Олаисен быстро отказался от официального тона в разговоре с Андерсом — захотят вложить капитал в такое предприятие? Будущее, несомненно, на стороне Страндстедета.

Он говорил долго. Анна вставляла восхищенные фразы, ей все здесь нравилось — пейзаж, свет, зелень. Такая яркая… Листья, трава…

Олаисен продолжал гнуть свое. Он предсказывал, что в скором времени пароходы перестанут заходить в небольшие местечки. Нет, он вовсе не считает, что Рейнснес относится к таким отжившим местечкам. Однако Рейнснесу полезно иметь прочную основу. Рейнснес из поколения в поколение жил покупкой, продажей и фрахтом рыбы. Но всему свое время. Пристань — вот что необходимо. Пристань в Страндстедете. Прогресс остановить невозможно. Погрузка, разгрузка, экспедиция — все прямо на пристани.

Андерс сказал, что уже слишком стар, чтобы говорить о делах в это время суток. Он просит извинить его. Осушив свою рюмку, он пожелал всем доброй ночи и ушел.

Вениамин подумал, что из Олаисена получился бы хороший проповедник. У него было призвание. И имя ему было Пристань.

Он снова наполнил рюмку и пробрался на место Андерса. Рядом с Анной. Вполголоса поблагодарил ее за то, что ей нравится его страна.

Потом он сказал Олаисену — и это была чистая правда, — что все его богатство ограничивается Рейнснесом и докторской практикой. Так что компаньоном он быть не может. Капиталом и торговлей в Рейнснесе распоряжается Андерс.

— Но я ценю внимание, которое вы оказали Рейнснесу, господин Олаисен, — прибавил он.

Анна с удивлением подняла на него глаза. Она уловила иронию. Даже дворники на Конгенс Нюторв в Копенгагене уловили бы ее, а вот Олаисен ничего не заметил.

Он вскочил:

— Ради Бога, зовите меня просто Вилфредом!

Вениамин не успел и глазом моргнуть, как все стали звать друг друга просто по именам, а комары искусали его так, что он не мог уже сосчитать всех укусов.

Другие тоже страдали от комаров. Анна обмахивалась концом шали, и только одну Ханну они, по-видимому, не донимали.

Она равнодушно следила, как очередной из них, утолив голод, лениво собирался взлететь с раздувшимся от крови брюшком, и прихлопывала его точным ударом. Вениамин еще с детства помнил эту ее неприятную привычку. Это, как и многое другое, всегда давало ей превосходство. В известной степени она сохранила его до сих пор.

— Так не годится! — решительно заявил Вениамин. — Надо перебраться в дом. Если комары не уважают сигарного дыма и коньяка, от них надо бежать.

Анна наградила его благодарным взглядом. И он с удивлением понял, что все подчинились только потому, что он хозяин.

Надо и в будущем подчеркивать свое положение. Пусть он не умеет настраивать пианино и ничего не понимает в строительстве пристани, но он может брать власть в свои руки, хотя бы когда донимают комары.

По правде сказать, он рассчитывал, что это будет сигнал гостям поблагодарить за вечер и объявить, что пора возвращаться домой. Но этого не случилось.

В одиннадцать часов они все еще сидели в курительной. Юлиус Линд с жаром рассказывал Анне о музыкальной жизни Трондхейма. Ханна пошла проведать детей.

Вернувшись, она кивнула Вениамину:

— Спят как ангелы!

Он покраснел: ему показалась, что она громко сказала при всех: «Помнишь, как в Бергене ты хотел остаться у меня на ночь?»

Нет, этого Ханна не сказала, но она напомнила о своем особом положении в Рейнснесе.

Кому? Вилфреду? Анне? Им обоим?

Они пили бутылку за бутылкой. Принеся очередную бутылку, Бергльот стала неловко переливать вино в графин у них на глазах.

— Это делают в буфетной, — сделала ей замечание Ханна.

Анна с удивлением взглянула на нее. Гости говорили о своем, никто этого не заметил.

Вениамину хотелось, чтобы кто-нибудь приехал сейчас за доктором. Он встал и взял бутылку из рук Бергльот.

— Тебе надо поесть, Бергльот, — сказал он. — А с этим мы и сами справимся.

Девушка испуганно взглянула на Ханну, потом на него и снова на Ханну. Это не ускользнуло от глаз Анны.

— Покойной ночи, Бергльот! Спасибо тебе, — сказал Вениамин.

Она сделала реверанс, пробормотала «доброй ночи» и ушла.

Вениамин разлил вино, не вынимая изо рта сигары.

Ханна пила малиновый сок, она наливала его из графина, на котором была выгравирована монограмма Дины и Иакова Грёнэльва.

Дина наливала в этот графин портвейн, когда пила у себя в зале.

Вениамина раздражало, что Ханна взяла для сока именно этот графин. И что она красива. Цвет лица, голос, движения. Она словно говорила всем и каждому: «Ну что, видите? А вы попробуйте меня получить! Это не так-то просто!»

Анна вполголоса разговаривала с настройщиком. Интересно, о чем? Когда это они так разговорились? У этого трондхеймца такой вид, будто они уже договорились о помолвке.

Вениамин хотел вмешаться в их разговор, но у него дрогнула рука, и он чуть не уронил сигару на колени Анны.

Ему захотелось чем-нибудь уязвить ее. Нет, не ее, а Ханну! А может, сразу обеих? Сказать, например: «Ханна, уже поздно. Проводи, пожалуйста, гостей. А мы с Анной пойдем спать».

Он громко рассмеялся, представив себе, какое впечатление произвели бы эти слова. Все уставились на него.

Вилфред, который все еще разглагольствовал о своей Пристани Будущего, спросил:

— Что случилось?

Вениамин глядел на свою сигару, пепел с которой упал на ковер.

— Неужели кто-нибудь из вас полагает, что любовь можно грузить с причала?

Ему никто не ответил.

Это ужасно! Им нечего сказать по такому важному вопросу!

— Ну хорошо, — добродушно заключил он. — На этом и закончим. Пора ложиться спать.

Вилфред вскочил. Он был такой же белый, как и его зубы.

— Нет-нет, не беспокойтесь, я сам найду дорогу, — сказал Вениамин и, проходя мимо, похлопал Олаисена по плечу. Почему-то у него было две головы. Обе красивые, но Вениамин видел их как в тумане.

Когда Вениамин улегся голый в зале на кровати с пологом, он подумал, что, должно быть, решил так поступить заранее. По крайней мере не в последнюю минуту.

Воздух в комнате, постельное белье были пропитаны ароматом Анны. Все вокруг пахло ею. Открытое окно впустило в комнату море. Это было

не только его море. Оно принадлежало и Анне.

Он проснулся оттого, что она трясла его.

— Ты понимаешь, что ты делаешь?

— Ты должна утешить меня! — пробормотал он.

— Что ты себе позволяешь! Вставай и отправляйся к себе!

— Я у себя.

— Ты компрометируешь меня перед своей семьей!

— Пристань и Настройщик уже уехали?

— Да! Вставай и уходи!

Он хотел притянуть ее к себе, но она вырвалась из его рук. Он не сразу сообразил, что она ушла. Но у него не было сил пойти за ней. Он снова упал на подушки и уснул.

Глава 11

Утром Бергльот понесла фрёкен Анне горячую воду для умывания. В зале она оторопела. Поставила трясущимися руками кувшин с водой и сделала реверанс:

— Простите, господин доктор! Я не знала…

Вениамин мгновенно проснулся. Его пронзило раскаяние. К тому же он лежал голый, даже без перины.

Служанка была уже у двери.

— Подожди! Подожди, Бергльот. Я, кажется, попал сюда по ошибке и оставил фрёкен Анну без ночлега.

Он вскочил, и начал искать свою одежду.

Бергльот забилась в угол, не смея уйти, и со страхом смотрела на голого Вениамина.

— Где же она спала? Ты должна… Бергльот, это должно остаться между нами, слышишь?

Она серьезно кивнула и хотела что-то сказать, но не смогла.

— Ты ее видела?

Бергльот отрицательно покачала головой.

— Может, фрёкен Анна… наверное… она в комнате господина доктора?

Вениамин наконец надел брюки, схватил рубашку.

Пробегая мимо Бергльот, он вспомнил, что они теперь союзники, и погладил ее по щеке.

— Это наша с тобой тайна! Слышишь? Ты не пожалеешь! Никому ни слова!

Бергльот было семнадцать. Эта светловолосая добрая девушка из хорошей семьи уже второй год жила в Рейнснесе, обучаясь домоводству и хорошим манерам. Она в жизни еще не видела голого мужчину.

— Ни слова!

Бергльот выскочила за дверь.

Вениамин нажал на ручку и обнаружил, что дверь заперта. Значит, Анна спала в его комнате. Позвать ее он не решился.

Порог был стерт, и в середине под дверью образовалась небольшая щель. Вениамин вернулся в залу, нашел перо и чернила и написал: «Милая Анна! Берег свободен! Прости меня, прости меня! Твой Вениамин».

Он прислушался, тихонько вышел из залы, просунул записку в щель и подождал. Они стояли каждый со своей стороны двери и знали о присутствии другого. Он слышал ее дыхание.

Потом она повернула ключ и появилась перед ним. В очаровательном голубом халате. Платье ее лежало в комнате на стуле.

В эту минуту в коридор вышла Ханна.

Женщины обменялись взглядом.

Вениамин попытался вспомнить, что говорят в таких случаях. Но мучительная головная боль мешала разумному поведению.

Ханна глубоко вздохнула.

— Доброе утро! — сказала она. — Надеюсь, вы хорошо спали?

— Это не то, что ты думаешь, — заикаясь проговорила Анна.

— Меня это не касается, — сказала Ханна и подошла к перилам лестницы.

— Это я виноват… — начал Вениамин.

Ханна угрюмо засмеялась:

— Не сомневаюсь. Я помню, что ты не любишь спать один!

Он бросился к ней. И только потом понял, что непременно ударил бы ее, если б успел. Но Ханна вихрем слетела по лестнице.

Анна прошла мимо, не удостоив его взглядом. Лишь когда за ней закрылась дверь залы, Вениамин оценил размеры катастрофы.

Он вошел в залу не постучавшись.

Анна стояла у окна спиной к двери и делала вид, что не слышала, как он вошел.

— Анна!

— Я знаю, это твоя комната, но, будь добр, уйди и позволь мне привести себя в порядок.

Голос у нее был ледяной. Он поразил Вениамина. Кажется, в нем звучала горечь.

— Прости меня, идиота!

— Я простила тебя четыре года назад. Но я не могу простить, что ты и меня выставляешь идиоткой. В глазах своей семьи, своих слуг. Я слишком хороша для этого.

Она обернулась, к нему. Глаза лучились яркой синевой, как ледник. Он узнал прежнюю Анну. Да, это была Анна. Гневная. Умная. Холодная. Прекрасная. Женщина, которая умела пользоваться своей силой. Умела усмирять. Ставить на место.

Он пригладил волосы.

— Анна, — сказал он, — у меня не было злого умысла. Мой поступок отвратителен. Если хочешь, я дам в «Тромсё Стифтстиденде» объявление на две колонки, в котором принесу тебе свои извинения. Только, ради Бога, прости меня!

— Это уже многим известно?

— Никому! — солгал он.

— Ханна считает, будто ей известно.

— Я объясню…

— Это бесполезно, вспомни ее последние слова.

— Если хочешь, я сам все объясню домашним.

— Что именно ты хочешь им объяснить?

Она лихорадочно перекладывала предметы женского туалета со стула на стул.

— Знаешь, как я злюсь! — Она старалась говорить спокойно.

— У тебя есть для этого все основания. Эти гости… Они вывели меня из себя. Я ведь почти не спал в предыдущую ночь… А вечером выпил лишнего и плохо соображал. Глупо получилось.

— Еще как глупо, Вениамин!

— Что же мне теперь делать?

— Сначала уйди отсюда, чтобы я могла умыться. Потом последи, чтобы не выпить лишнего за завтраком. И мы совершим с тобой долгую прогулку по берегу. Только вдвоем. Но ты должен быть трезвым!

Ночью прошел дождь. Когда он шел к уборной, пахло мокрой травой и березами.

Он запер дверь на крючок и перевел дух. Наконец он остался наедине с собой и своим нестерпимым желанием. Желанием ощутить ее кожу.

Почти теряя сознание, он закрыл глаза.

Все было сделано быстро. Потом он оттолкнул Ханну и оставил рядом с собой Анну. Она легко прикасалась к нему.

Ханна завтракала на кухне. Это была демонстрация.

Вениамин решил поговорить с ней в тот же день. Или на следующий. Во всяком случае, скоро. Когда подвернется возможность.

Анна почти не разговаривала. Скрежет ножа и вилки о тарелку раздражал Вениамина. Кофейная чашка, поставленная на блюдце, вызвала грохот обвала.

Хлеб был какого-то странного цвета, и Вениамин не прикоснулся к нему. Масло выглядело неаппетитно, как и варенье. Неужели у него

хватало сил всего полчаса назад испытывать страстное желание?

Он был опустошен. Голова словно отсутствовала. Ему хотелось только лечь и не двигаться.

Из кухни донесся голосок Карны, и Вениамин сообразил, что забыл о ее существовании. Не было ли у нее ночью еще одного припадка? Такого же тяжелого? Хотя обычно припадки случались не так часто.

Будто стараясь успокоить свою совесть, он стал думать о том, что повезет ее в Христианию или в Копенгаген. Покажет врачам. Может, ей поможет бром?

— Тебе что-нибудь передать? — Анна кивнула на стол.

— Анна, мне так стыдно!

Он вдруг обнаружил в ее глазах смех. Ох уж эти женщины! Никогда не знаешь, чего от них ждать.

Разве только что она не объяснила ему, как отвратителен его поступок? А теперь смеется? Смеется, хотя ему так плохо, хотя он признался, что ему стыдно? Конечно, он смешон. Неужели единственное, что им нужно, — это поставить мужчину на колени? Ну что ж, она поставила его на колени.

Вениамин быстро осмотрелся — дверь в буфетную была приоткрыта. Он наклонился над столом и прошептал:

— Я так хотел тебя. Ни о чем другом я весь вечер не думал. Я устал, злился и все равно хотел тебя.

Анна чуть не улыбнулась, но вовремя прикусила губу. Губа покраснела и стала полнее. Анна все знала! Знала!

Вырез на ее платье был неглубокий. Легкая ткань то поднималась, то опускалась. Ямка на шее. Узкий кружевной воротничок. Анна теребила его двумя пальцами.

Наверное, ей нравится, что он не спускает с нее глаз? Она наслаждается, видя его таким несчастным и бледным с похмелья. Видит, что у него кусок не лезет в горло, но он все-таки пожирает ее глазами.

— Анна… я потерял рассудок… ты так близко, но… Я похищаю тебя! Мы пойдем на пастбище за скалы. Или лучше в горы. Там мох мягкий как бархат. Вот увидишь…

— Доктор Грёнэльв! — Ее предупреждение прошелестело, словно дуновение ветра. Глаза сияли, она раскраснелась и снова прикусила губу.

Они шли по пастбищу к озеру, все стало уже обычным.

— Ты скучала вчера, когда я был у больного? — спросил он.

— Почему ты все время об этом спрашиваешь?

— Была непогода, и этот забытый Богом край…

— Глупости! Я изучала: модные журналы Ханны и боялась, что ты утонешь. Очень боялась. Потом мы с Карной вели глубокомысленные разговоры о муравьиной куче за хлевом. Она умная девочка. Жаль, что у нее бывают эти припадки. Надеюсь, мой отец сможет помочь ей или порекомендует кого-нибудь, кто сможет. Потом я зашла в конюшню. Ваш Фома такой добрый, мне он нравится. Он сказал, что, когда твоя мать жила здесь, у нее была верховая лошадь. Что тогда здесь все было иначе.

Вспомнив Фому, Анна улыбнулась.

«Фома, — мог бы сказать ей Вениамин, — понимаешь, Анна, Фома — мой отец!» Но вместо этого он сказал:

— По-моему, Фома и Дина знали друг друга всю жизнь.

— Ты получаешь от нее письма?

— Редко.

— Карна сказала, что ее бабушка живет на чердаке.

— Да, она так считает. Мы с ней иногда говорим о Дине. А вот Андерс — никогда, если его не вынуждают к этому обстоятельства. Ты ведь знаешь, что они женаты?

— Он и Дина? Странные тут у вас семейные связи!

— Еще какие странные!

Они сели на большой плоский камень. Солнце стояло высоко и просвечивало сквозь березовую листву.

— Расскажи о своей семье.

— Дина вышла замуж за Андерса, чтобы Рейнснес и я попали в хорошие руки.

— Только поэтому? Ведь он видный мужчина.

— И все-таки она уехала от него! А может, от самой себя.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам не знаю, — уклонился он от ответа.

— Может, одной любви ей было мало?

— Андерс так считает… Но у него осталось горькое чувство.

— Почему он не поехал за ней?

— Андерс — человек моря, он бы умер в большом городе.

Они помолчали.

Еще недавно Анна сердилась на него, теперь они могли вместе даже молчать, не испытывая при этом неловкости.

— Раз уж мы заговорили об этом… Скажи, почему ты не женился на ней? Я вчера весь вечер думала об этом.

Анна зашла с тыла. Это было нападение. Он взглянул на нее, сделав вид, что не понимает вопроса.

— На ком?

— На Ханне. Ведь она любит тебя. Разве ты не знаешь?

«Знаю ли я?» — подумал Вениамин.

— Потому что мы вместе выросли? Ты это имеешь в виду? — безразлично спросил он.

— И это тоже. Ханна красивая… и хорошо относится к Карне!

— А почему ты не вышла замуж за Акселя?

— Он некрасивый и не такой хороший, как Ханна, просто мы с детства знали друг друга, — со смехом ответила она.

Он невольно улыбнулся. Все стало проще. Все, что касалось Ханны.

— Ты однажды сказала, что все любят Акселя. Помнишь?

— Помню. А Ханну? Ее тоже все любят?

— Думаю, да.

— И ты тоже?

Как просто было бы сказать: «Нет, я не люблю». Но что-то подсказало Вениамину, что Анна ему не поверит. И его ложь будет напрасной.

— Конечно. Люблю и всегда любил. Но…

— Но?

— Это совсем другое.

— Чем что?

Следовало сказать: «Чем то, что я чувствую к тебе». Но Вениамин и этого не сказал.

— Ты понимаешь, о чем я, — сказал он вместо этого.

Она промолчала.

— Ты знаешь, что Аксель и Дина живут в Берлине вместе? — спросила она погодя.

Вениамин глотнул воздуха.

— Да, но я не знал, что и ты…

— Она… Дина прислала мне два письма.

— Тебе? — Вениамин был изумлен.

Анна не позволила себе этого заметить.

— В первом она спрашивала, не знаю ли я чего-нибудь о тебе. — Она помолчала. — И еще о том, хочу ли я выйти замуж за Акселя или… Если я предпочитаю Акселя, она тут же отправит его домой. Но при одном условии.

— Какое же это условие?

— Я должна простить его.

— Черт, этого еще не хватало!

— Тебе интересно, что я ответила?

Он глупо поглядел на нее.

— Я ответила, что она может оставить его себе. Что мы с Акселем знали друг друга с детства. И не больше. Через некоторое время она написала мне и спросила, кого я предпочитаю.

Анна встала и, упершись руками в бока, с вызовом посмотрела на него. Словно чего-то ждала.

Вениамин растерялся. Он не мог ей признаться, что никогда не получит должность окружного врача. Сейчас не время и не место для таких признаний. Это было бы слишком много для одного дня.

Она поплотнее закуталась в шаль. Ветер рвал шаль v нее из рук. Трепал платье и волосы.

— Смотри, какой ветер! — только и смог сказать он.

Она отвернулась и пошла по тропинке к полю. Шаль надулась парусом у нее за спиной. Желтая бахрома в белом свете.

— Анна! — крикнул он.

Она остановилась и оглянулась.

— Мы только путешественники, — сказала она. — Вот и все. — Голос у нее был грустный.

И она быстро пошла прочь. Он бросился за ней, но, когда догнал, их уже могли видеть из окон дома.

Из-за похмелья, из-за волнения и сознания, что их могут увидеть, Вениамин едва не лишился чувств. Ловя ртом воздух и забыв обо всяком достоинстве, он жалко ухватился за Анну. Но она не убежала.

— Я не смею просить… Не могу запереть тебя здесь… Ты здесь просто умрешь. Я сам с трудом выдерживаю.

— Тогда давай уедем отсюда. Вместе! — Она стиснула его руку.

— Карна…

— Возьмем ее с собой!

— Она будет тебе обузой.

— Почему же обузой?

— Она не твой ребенок.

— Ты тоже не мой. И все-таки я делаю тебе предложение. Ты согласен?

Он забыл, какой бывает Анна.

— Ты хорошо подумала?

Она накинула на него свою шаль.

— Я думала четыре года. И приехала к тебе. Одна. Про Софию мы придумали, чтобы успокоить маму. Иначе о поездке не могло быть и речи. В последнюю минуту София притворилась больной, и я уехала одна. Неужели ты ничего не понимаешь? Идиот!

Вениамин аккуратно сложил шаль. Посмотрел на нее. Сложил еще раз и сунул в карман. Шаль не поместилась туда целиком и медленно вытекла из кармана. Ветер подхватил ее и обвил ею его ноги, бахрома зацепилась за ширинку.

— Я согласен!

— Это уже немало! Значит, ты признаешь…

— Нет! Я хотел сказать, что принимаю твое предложение. Но сперва я должен кое-что рассказать тебе.

В ее глазах мелькнуло подозрение.

Вениамин с огорчением развел руками. Это выглядело глупо, словно речь шла о каком-то несчастье. И все-таки он еще раз развел руками.

— Норвежские власти не дают мне лицензию на лечение больных! — вырвалось у него.

Она с изумлением смотрела на него. Все кончено. Ну и пусть. Зато это уже позади.

— В чем же ты провинился?

— Ни в чем. Но они не признают диплом, полученный в Копенгагене.

— Не может быть!

— Может! Господа в Христиании считают именно так! Теперь понимаешь, что мне нечего предложить тебе?

Она по-прежнему не спускала с него глаз. Что ей еще нужно? Он был готов провалиться сквозь землю.

— Я хочу, чтобы ты сделал мне предложение независимо от этой лицензии, — вдруг сказала она. — Я могу давать уроки музыки. Мы будем сажать картошку.

Он засмеялся, это было какое-то безумие.

Но все было уже решено! Решено, черт побери! Раз и навсегда! Они будут вместе!

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Когда? — практично спросила Анна.

— Когда хочешь! Осенью. Нет! Чем раньше, тем лучше!

Ветер мешал ему дышать, но в груди робко зашевелилась радость.

Анна сияла. Голубые глаза лучились. Он уже видел у нее такие глаза. Ему стало тяжело.

Справится ли он? Будут ли ее глаза лучиться от радости всю жизнь?

— У тебя такие глаза…

— Какие? — Она прижалась к нему.

— Когда-нибудь ты упрекнешь меня за то, что я на тебе женился.

— Я люблю тебя, Вениамин!

Он крепко обнял ее. Она была слишком легко одета. Их закачало вместе. Он расставил ноги, обхватил ее бедра и прижал ее к себе. Она была такая податливая. Мягкая, но упругая.

На небе показались детские колени покойной Карны. Между ними на шхеры текла красная река.

Неужели он осмелится, чтобы Анна когда-нибудь забеременела?

Практичность женщин всегда приводила Вениамина в изумление.

Анна решила тут же уехать в Копенгаген, чтобы подготовиться к свадьбе. Он должен будет приехать потом. Ей хотелось немедленно сообщить обо всем домой. Времени в обрез. Нужно все хорошенько обдумать. Иначе «мама просто умрет, когда узнает об этом».

Он сказал, что не может на несколько недель уехать от Карны.

— Возьми ее с собой. Рано или поздно им придется смириться с тем, что у тебя есть дочь.

Его испугала решительность, звучавшая в ее голосе, но вместе с тем стало легче — она так просто отнеслась к этому!

В тот же вечер он созвал домашних, чтобы сообщить им важную новость.

Они с Анной обручились.

Никто не удивился. Это не было неожиданностью.

Сидя на своей табуретке в открытых дверях кухни, Олине сокрушалась, что свадьба будет не в Рейнснесе. Но больше для вида. Ей это было бы уже не под силу. Она была более слабой, чем хотела признаться.

Андерс обрадовался и поцеловал Анне руку.

— Будь я молодым, я бы поехал на свадьбу!

— Ты должен приехать! — сказала Анна.

Он улыбнулся и поцеловал ее в обе щеки.

Ханна с серым, застывшим лицом подошла их поздравить. Темные глаза были прикованы к чему-то за спиной Вениамина. К чему-то, что было далеко-далеко.

— Чтобы управлять Рейнснесом, нужна настоящая дама, — тихо сказала она.

В ее словах звучала едва уловимая насмешка. Вениамин вспыхнул. Он надеялся, что Анна ничего не поняла. Ему следовало заранее подготовить Ханну. Но как к такому готовят?

На другой день Ханна собралась обратно в Страндстедет. Она должна

сшить платья для сестер Олаисена. Они едут в Берген.

Вениамин предложил отвезти ее домой. Он назвал «домом» комнаты, которые она снимала в Страндстедете. Еще накануне он бы так не сказал.

Но Ханна уже обо всем позаботилась. В Рейнснес приедет Олаисен, ему надо что-то обсудить с Андерсом. Он сам заберет ее.

Сделав многозначительное ударение на слове «сам», Ханна посмотрела на него. Глаза у нее блестели, как у больной. Ресницы дрогнули и словно два опахала легли на щеки.

Вениамин кивнул. Прекрасно, она будет в надежных руках.

Они не разговаривали после того злосчастного утра возле его комнаты. Он не мог бы сказать, кто из них избегал разговора.

— Когда-нибудь я приеду в Страндстедет и посмотрю, как ты живешь, — сказала Анна.

— Милости прошу! У меня не так роскошно, как в Рейнснесе, — весело сказала Ханна.

Прибежала Карна, Ханна наклонилась и обняла ее.

— Ребенку нужна мать! Желаю удачи! — сказала она Анне.

Анна смутилась. Словно поняла: Ханна сомневается, что она способна справиться с ролью матери.

Вилфред Олаисен прибыл с кожаной папкой. Он показал Вениамину чертежи новой пристани и заговорил о сотрудничестве с Рейнснесом в отношении фрахта.

На пристани он поставит здание. Там будут почта и отделение для будущего телеграфа. Ему необходимы почта и телеграф. Олаисен хотел обсудить с Андерсом важный вопрос. Как он слышал, дела со скалами, которые расчистил Фома, идут неважно?

Вениамин кивал, не вслушиваясь в слова Олаисена.

И вздохнул с облегчением, когда Андерс увел гостя в контору при лавке.

Он не помнил, чтобы кто-нибудь без всяких на то причин был ему так же неприятен, как Вилфред Олаисен. И Ханна, взяв Исаака, отправилась с этим человеком по неверному морю!

Вместо того чтобы вздохнуть с облегчением, Вениамин стоял у окна с таким чувством, будто его обокрали. Но так ведь оно и было, черт побери!..

Андерс ушел на «Лебеде» в Берген. Теперь Вениамину не надо было делить Анну ни с кем. Не помня себя от радости, он бросился в залу и нашел Анну в слезах.

До нее дошли разговоры: Ханна страдает. Страдает из-за того, что Вениамин предпочел Анну.

— Кто тебе это сказал? — вырвалось у него.

— Я слышала, как это говорила служанка. Она думала, что вы с Ханной обручились на Троицу. Ее нисколько не смущало, что я могу это услышать, хотя Бергльот и просила ее говорить потише.

Анна высморкалась и вытерла глаза:

— Она сказала, что у вас был такой вид, будто вы обручились.

— И ты этому поверила?

— Карна сказала мне, что «настоящая» Ханна плакала перед отъездом, потому что хотела остаться с папой, — прошептала Анна.

Вениамин потерял самообладание. Карна?

Он бросился из комнаты, чтобы сейчас же найти Карну. Напрасно Анна звала его обратно.

Вениамин обогнул дом и выбежал в сад, он громко звал Карну. Хотя понимал, что она не отзовется, пока он так сердит. Когда он вернулся в залу, он нашел Карну в объятиях Анны.

Вениамин рванул ее к себе. Она испугалась и громко заплакала, но он не отпустил ее.

«Сейчас я наделаю глупостей, потому что боюсь потерять Анну», — думал он, унося брыкающуюся Карну из комнаты.

— Я хочу на чердак, к бабушке! — кричала Карна.

Он молча поставил ее на пол и открыл крышку лаза. Потом поднял Карну на чердак.

— Я скажу бабушке, что сегодня ты злой!

— Говори что хочешь, сопливая девчонка!

— Я больше никогда не спущусь вниз!

— Я сам спущу тебя!

— Ты меня не найдешь!

— Найду, тебе нигде от меня не скрыться! Во всем мире у нас никого нет, кроме друг друга!

— Это правда, папа?

Она обернулась к нему, продолжая держаться за край лаза, как он учил ее.

При виде ее испуганного личика гнев Вениамина улетучился. И на смену гневу пришло бессильное чувство стыда.

Постучавшись, он вошел к Анне. Она была сдержанна, но спокойна. Он закрыл дверь и шагнул к ней:

— Прости, что я вспылил.

Она кивнула, перебирая что-то на комоде.

— Ханна страдает, — сказала она, стоя к нему спиной.

— Что же нам делать? Нам с тобой?

— Мы должны соблюдать приличия.

— И в чем же состоят эти приличия? Может, нам включить Ханну в наш союз? И жить втроем на мой знахарский доход?

Она обернулась к нему:

— Она не виновата, что любит тебя.

— А я виноват?

— Не знаю, но я поеду в Страндстедет и поговорю с ней. Одна!

— И что это даст? — спросил он резче, чем хотел бы.

— Не знаю.

— Это глупо, Анна!

— Не уверена, — упрямо ответила она.

Глава 12

Вениамин отвез Анну в Страндстедет и показал ей дорогу к дому Ханны. А сам пошел в единственный здесь погребок. Четыре ступеньки вниз. И занял столик у пыльного окна, чтобы не проворонить Анну.

Через час он увидел ее на склоне холма. Она шла сгорбившись.

Он вышел на улицу, Анна кивнула ему и молча взяла за руку. Он был не в силах расспрашивать ее.

— Давай поедим в гостинице, — предложил он.

— Я не хочу есть.

— А я хочу. — Он был настроен решительно.

— Как тебе будет угодно.

Пока они шли по Страндвейен, он рассказывал ей, каково быть доктором в таком захолустье. Не хочет ли она взглянуть на его кабинет? Они не успели побывать там, когда приезжали сюда с Андерсом.

— Я часто обедаю в гостинице, но боюсь, что до Копенгагена ей далеко.

Он болтал без умолку.

Ему казалось даже, что она его слушает. Но вдруг она схватила его за руку.

— Ханна живет в такой бедности! Она трудится день и ночь и не может свести концы с концами! Неужели ты не понимаешь, что она надеялась?

— На что?

— Что ты вернешься домой и женишься на ней.

— Анна, Ханна была замужем. Она вдова. Она жила своей жизнью, и я никогда не слышал, чтобы она на что-то надеялась.

— Ты и правда такой равнодушный? Или притворяешься?

Он остановился:

— Хорошо. Тогда скажи, что я должен сделать.

— Позаботиться о ней.

— Я пробовал. Она не хочет.

— Вы должны были пожениться?

— Нет, с чего ты взяла?

— Она так думала, ведь ты спал с ней! Перед моим приездом!

Ударила молния. Жизнь покинула тело. Вениамин удержался на ногах только благодаря силе земного притяжения.

— Она так сказала?

— Ну, не прямо…

Вениамин пошел дальше, заложив руки за спину. Он так спешил, словно речь шла о спасении жизни. Вскоре он обнаружил, что идет один, и остановился. Обернулся к Анне.

Она стояла там, где он бросил ее. Бросил? Вид у нее был как у брошенной. Он вернулся и обнял ее.

Но она даже не заметила этого.

— Я знала, что мне будет нелегко. Но думала, что, став отцом, ты поумнел. А ты идешь по накатанной дорожке, как в студенческие времена. Разве не так?

— Нет. Что тебе сказала Ханна?

— Это наше с ней дело.

— Ты ее расспрашивала? Нарочно поехала в Страндстедет, чтобы узнать у нее, спал ли я с ней?

— Я не скрыла от тебя, что хочу с ней поговорить… Почему же ты сам не рассказал мне об этом? — шепотом спросила она.

Он с мольбой взял ее за руку:

— Анна, разве о таком говорят?

Они пошли по дорожке, посыпанной гравием. Моросил дождь. Анна выдернула руку и обошла лужу. Он ждал ее.

Они уже почти дошли до белого дома с зеленой дверью. Между окнами висела вывеска «Сентрал Отель». Перед тем как подняться на крыльцо, Анна обернулась к нему:

— После того как мы с тобой все решили, я каждую ночь ждала тебя…

От удивления он начал заикаться.

— Я… Я не знал… не думал… Мне было стыдно за тот вечер… когда я напился.

Он махал руками и, заикаясь, просил прощения. Она стояла на крыльце чуть выше его, щеки у нее пылали.

— Не ты один живой человек, — шепотом сказала она.

Он замотал головой и схватил ее руку. Потом с преувеличенной любезностью распахнул перед ней дверь, и они чинно вошли в гостиницу.

Помещение было большое и светлое. Слишком светлое, подумал Вениамин. На забавных креслах с подлокотниками, покрытых вышитыми чехлами, сидеть было неудобно. Кружевные салфеточки на красных бархатных скатертях, крошки пищи.

Они сделали заказ и наконец остались одни.

— Я должна признаться тебе в одной вещи, — опять шепотом сказала

Анна.

— Это связано с Ханной?

— Нет, с одним человеком, которого я встретила.

— Которого твоя мать назвала бы партией, хорошей во всех отношениях?

Она не ответила, молча поправила нож и вилку.

— Я никогда не стану таким богатым, как этот… англичанин.

— Шотландец.

Склонив голову набок, Анна вызывающе изучала Вениамина. Он разозлился:

— А ты с ним спала?

Только по выражению ее лица он понял, что сказал.

Анна положила перчатки на свободное кресло.

— Анна! Прости! Беру свои слова обратно!

Она смело взглянула на него. Словно забыла, что между ними произошла размолвка, и, наоборот, хотела довериться ему.

— Да. Я с ним спала. В башне замка, построенного в тысяча триста пятьдесят седьмом году в Уэльсе. Мы оба были далеко от дома. И я твердо решила больше никогда не думать о Вениамине Грёнэльве.

Он мог бы поклясться, что все это происходит во сне. Что она во сне произнесла эти чертовы слова, которые легли между ними. Его глаза искали точку опоры. И нашли стену у нее за спиной. Тишина обоев обожгла ему сетчатку.

Анна кашлянула. Этот сухой звук не имел к нему никакого отношения.

— Он считал, что мы поженимся. Мы не поженились, но не по его вине.

— Не может быть! — выдавил он наконец, не глядя на нее.

— Я уехала на другой день. Сбежала, не знаю, как иначе это назвать.

— Интересно! — Голос Вениамина звучал презрительно.

Но Анна как будто не слышала его. Она как будто делилась с подругой чем-то сокровенным.

— Я вдруг поняла самое себя, — продолжала она, не переводя дыхания и глядя ему в глаза. — Это невероятно! Я имею в виду, что совершила недопустимый поступок! Что я такая испорченная! Ты понимаешь?

Это было слишком вульгарно для того, чтобы быть правдой. Анна просто играет. Вот и все.

— Я чувствовала себя настоящей грешницей. Поверь, это было непередаваемое чувство свободы! Но когда я вернулась домой и оказалось, что я не забеременела, я не могла даже вспомнить, как он выглядел… Тогда я написала твоей матери и спросила ее, что она думает о таком

безумном поступке.

— Ты… написала… Дине?

— Да, не могла же я посоветоваться с собственной матерью. Или с тобой. И Дина написала мне, что и прежде с женщинами из хороших семей случалось нечто подобное и что я должна просто забыть об этом грехе и поехать в Рейнснес. Потому что ты — последний из всех, кто имеет право меня судить.

Он видел ее как в тумане. На лбу у нее появилась некрасивая складка. Воротник блузки сбился на сторону.

— Это мне помогло. И вот я здесь. И рассказала тебе всю правду!

Вениамин никогда не любил остывшее жаркое под жирным соусом. Но то, что ему подали здесь, было решительно несъедобно.

Тем не менее он не мог оторвать от него глаз. Его словно заворожили и соус, и остывшее перепревшее мясо. Бедное животное напрасно лишилось жизни.

Анна через стол протянула ему вазочку с брусникой. Неужели она улыбается? Хитрая улыбка, игравшая у нее на губах, несмотря на то что им подали нечто несъедобное, доконала его.

Вениамин положил на мясо бруснику. Когда он воткнул в него нож, брусника брызнула во все стороны и растворилась на красной скатерти.

Нож тоже никуда не годился. Вениамин взвесил его на руке — ручка ножа была слишком тяжела. Она качнулась к тарелке. Пользоваться таким ножом было невозможно.

Он подозвал официантку в черном платье с кружевным передничком и объяснил ей, что мясо несъедобно, а нож туп. Нет ли у них другого прибора?

— Но это тот же прибор, которым вы обычно пользуетесь, когда обедаете у нас, господин доктор! Я, конечно, сейчас поищу другой… А мясо… я могу его подогреть…

Она с достоинством взяла его тарелку и протянула руку за тарелкой Анны.

Но Анна с улыбкой покачала головой:

— Пожалуйста, не затрудняйтесь. Я съем и так. Мясо превосходное!

Черная официантка кинула на доктора красноречивый взгляд и величественно удалилась.

Вениамин провел рукой по волосам. Он ненавидел эту свою привычку, но никогда не мог вовремя удержаться.

Анна ела, опустив глаза. Медленно, не разжимая губ. Почти незаметно глотала пищу. Она взяла на вилку новый кусочек — мясо, овощи, чуть-

чуть соуса, — потом открыла рот и положила в него пищу.

Их глаза невольно встретились. Вениамина поразила посадка ее головы. Блеск голубых глаз.

«У нее есть власть надо мной, — подумал он. — Стоит ей захотеть, и я превращаюсь в ничтожество. За те годы, что мы не виделись, она еще больше убедилась в моей никчемности». Он положил на край стола сжатую в кулак руку. Другая рука лежала в кармане, он откинулся, и спинка кресла больно впилась ему в лопатки.

Вздернув подбородок, Вениамин с профессиональным интересом изучал лицо Анны. Не слишком пристально, чтобы не вызвать чувства жалости к себе, мягко, но соблюдая определенную дистанцию. Именно так он смотрел бы на трудного пациента.

— Итак, милая Анна? — сказал он наконец с вопросительной интонацией, словно у нее на сердце было что-то еще, что она боялась ему доверить.

— Что ты хочешь сказать?

— Я? Почему я? — Он улыбнулся.

Анна невозмутимо продолжала есть.

— Тебя это задевает? — спросила она.

Да она вовсе не женственна! И не так привлекательна, как кажется с первого взгляда, думал он.

— Какого черта! Как ты могла? С шотландцем? — прошипел он.

Официантка в черном принесла его тарелку. Не спеша холодно произнесла «прошу вас», сделала реверанс и удалилась. Вернее, начала в углу складывать салфетки.

Вениамин с грозным видом повернулся к ней:

— Может, вы разрешите нам спокойно поесть?

Официантка подскочила и словно испарилась. Упавшая на пол салфетка, которую она не успела сложить, показывала, в каком направлении она скрылась.

— Ты и правда несносен, — сказала Анна.

Она уже кончила есть.

— Как ты могла так поступить, если не имела в виду выйти за него замуж?

Она задумчиво, почти с сожалением посмотрела на него:

— Не знаю. Я была одинока, брошена. Мне все говорили, что годы идут, что мои подруги давно повыходили замуж. Мне хотелось уехать из дому, обрести свободу. Хотелось быть любимой… полюбить того, кто полюбит меня. Хотя бы на мгновение. Знаешь, как это бывает?

Он не прикоснулся к ножу и вилке.

— Ешь, дорогой… ради меня, — попросила она.

— Какой он?

— По-моему, это был самый красивый мужчина, какого я знала. Очень воспитанный, с приятным чувством юмора. Правда, он никогда не относился с иронией к самому себе. Только к другим. Его жизнь в основном была посвящена геральдике.

— Как это?

— Очень просто. Он думал о гербах даже на поле для гольфа. Это очень типично для шотландских дворян, однако… Он, безусловно, кое-чему научил меня.

— Чему же?

— Иронии. По отношению к другим.

Вениамин взял себя в руки и прикоснулся к пище. Нож и вилка царапали его голову изнутри.

— И что он делает… теперь… этот шотландец?

— Приехал в Копенгаген и хочет стать правой рукой моего отца. Изучает болезни сердца. О моем сердце он знает уже все. О безраздельном контроле сердца над мозгом… по крайней мере. А химические процессы, которые превращают нас в хороших или плохих людей! А удары пульса! А правый и левый желудочки! Он часами читал мне лекции о стимуляции, которые вгоняли меня в краску.

— Зачем же ты приехала сюда?

— Ничего не могла поделать со своим непослушным сердцем, доктор Грёнэльв, с моим дорогим необузданным сердцем. Я не могла всю жизнь прожить в Лондоне, спрятавшись за каким-нибудь гербом.

Он растерянно смотрел на нее:

— Я этого не вынесу, Анна. Что нам делать?

— Пожениться и тем самым уменьшить мои грехи.

Когда они возвращались домой, море было спокойно, солнце затянуто легкой дымкой. Вечером на западе вспыхнул красно-белый пожар.

Вениамин спустил парус; слабый ветер, дувший с берега, легко покачивал лодку, Потом он снял одну скамейку и постелил на балласт робу и запасной парус.

Анна удивленно следила за его движениями.

— Анна! Иди ко мне! Мы одни.

Она неуверенно приподняла юбку, чтобы перешагнуть через скамью. Он встал на колени и обнял ее. Бедра под мягкой тканью. Талия. Губы.

Осторожно расстегнул пальто, лиф. И наконец они приникли друг к другу.

Море тихо дышало. Где-то вдали Вениамин угадывал зыбь. Могучую волю черных глубин. Выжидавшую. Неодолимую, но спокойную. С игривой нежностью захлестывавшую через борт.

Тем временем лодка плыла вдаль. Туда, где никто не мог достичь их.

Три часа ушло у Вениамина той ночью, чтобы привезти Анну обратно в Рейнснес.

Глава 13

Олине проснулась от странной тяжести в голове. Она встала и согрела чайник. Налив себе чаю, села у окна и стала смотреть на скользивших над аллеей птиц. И почему-то с грустью думала о своей жизни.

Она видела себя только что приехавшей в Рейнснес. Через какое-то время она уже не могла себе представить, что можно жить в другом месте. Иаков Грёнэльв давно умер. Да и будь он жив, она все равно жила бы здесь и смотрела, как он стареет.

Рана на ноге сегодня почти не болела.

Олине не заметила ничего, кроме мгновенной тяжести в голове, и продолжала сидеть за столом в синей кухне Рейнснеса.

Но потом пришла Карна и прикоснулась к ней, тогда полное тело Олине распрямилось.

Она сдалась. Наступил покой.

Солнце уже коснулось нижних бревен хлева и крышки колодца, когда Вениамин и Анна в обнимку поднялись от причала к дому.

Вениамину пришлось грести, чтобы доставить домой и Анну, и повисший парус. У него приятно ныло все тело. Уже в бухте Анна увидела, как у берега играет мелкая сайда, ей захотелось поудить.

Вениамин уступил. Он все видел ее глазами. Берег, горы, солнце, море. Часа два он покорно возил Анну от мыса к мысу по всему заливу.

Она вытягивала из моря рыбу и смеялась от гордости. Потом потрошила ее. От них обоих пахло рыбой.

Вениамин принес из лодочного сарая ведерко для рыбы. И они вместе понесли его к дому. Анна шла босиком, подоткнув подол юбки.

Ее ботинки, связанные шнурками, висели у Вениамина на шее. Его глаза упивались Анной. Она шла среди привычного ему ландшафта, и этот ландшафт превратился для него в храм. Купол был бесконечно высок, и в его вышине горели все свечи мира. Вениамин был одновременно и маленьким мальчиком, и взрослым мужчиной, между ними не было разницы. Потому что рядом шла Анна.

Ее присутствие все очистило. Ему нечего было скрывать от нее. Даже о себе. О Фоме он собирался рассказать ей в более подходящее время. И о русском в вереске.

Потом.

— Давай пройдем через кухню и возьмем там чего-нибудь поесть, — предложила Анна.

Он согласился. Никого не было ни видно, ни слышно. Время приближалось к пяти.

Анна приложила палец к губам и приоткрыла дверь кухни. Потом широко распахнула ее перед Вениамином.

Они лежали на полу рядом. Маленькая и большая.

Карна — на боку, положив руку Олине на грудь. Рот у Олине был открыт. Она смотрела на что-то, видимое только ей. Прислушивалась к чему-то. Только не к скрипу половиц и не к звяканью крючка. К иному. К чему-то, что она услыхала впервые, не похожему ни на что.

Вениамин опустился на колени рядом с ними. Шепотом позвал Карну, попытался ее поднять. Она была тяжелая, как свинец.

Широко открытые глаза были неподвижны. Но Вениамин видел, что это не обычный припадок.

Еще не прикоснувшись к запястью Олине, он уже все понял.

Олине больше нет.

Он отпустил ее розовую ладонь, и из нее под табуретку выкатился кренделек. Хоть он и сломался, упавшие кусочки все-таки сохранили его форму.

— Олине не хотела брать кренделек.

Голос Карны звучал, как его собственный много лет назад. Или теперь?

— Не огорчайся, Карна, Олине больше не нужны крендельки.

Карна отказалась уйти из кухни, и папа разрешил ей посидеть у плиты на коленях у новой Ханны.

Бергльот развела огонь под кофейником. Это полагалось делать не ей, а Олине. Узкие, острые языки пламени лизали кофейник, он почернел и стал пушистый от сажи. Карна знала, что это не полагается.

От новой Ханны пахло не так, как всегда. От нее пахло рыбой. Или так только казалось, потому что в открытых дверях сеней стояло цинковое ведерко с рыбой?

— Олине будет готовить рыбу? — спросила Карна.

— Нет, мы сами потом ее приготовим, — тихо ответила новая Ханна. Слишком тихо.

Все по очереди приходили в кухню. И уходили. Одни плакали. Другие стояли или сидели, притихшие и серьезные.

Стине сказала, что Олине уже давно состарилась. Она налила в таз воды и пошла в комнату Олине, где папа с Фомой уже положили Олине на кровать.

Фома должен был привезти гроб из Страндстедета. Тот, что всегда стоял наготове на сеновале, достался арендатору, который упал, когда пахал залитое солнцем поле.

Олине сказала, что это прекрасная смерть. Но теперь из-за этой прекрасной смерти у нее не было гроба.

— Куда ты? — спросила Карна, увидев Стине с тазом в руках.

— Обмыть Олине.

Стине улыбалась своей обычной улыбкой и больше всех остальных была похожа на себя.

— Можно, я помогу?

— Нет, Олине хочет, чтобы это сделала я.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все. Но когда я закончу, ты сможешь пойти к ней.

Потом Карна пошла к ним. Их было только трое, и Олине была такая же, как всегда. Если не считать, что она лежала на доске для теста, а не между периной и тюфяком. Руки ее были сложены на груди. Об этом позаботилась Стине. Но открыть глаза Олине не пожелала. Ни за что.

— Почему она лежит на этой доске?

— Чтобы потом ее легче было положить в гроб.

— Вы ее перекатите?

— Да, примерно так.

Спокойный голос Стине мало помог Карне. Он не нарушил окружавшую ее тишину.

Потом Стине шепотом попросила Карну сделать одну вещь, но только никто не должен знать об этом! Понятно?

— Что я должна сделать?

— Сначала обещай, что никому не скажешь!

Карна обещала.

Стине велела ей трижды проползти под кроватью Олине, пока она сама будет читать «Отче наш» за них за всех.

Карна поняла, что это связано с падучей, музыкой моря и ее разными глазами — одним карим, другим голубым.

Стине не теряла надежды и продолжала по-своему лечить Карну, хотя папа ей это запретил.

Однажды Стине протащила Карну через дупло в сосновом стволе,

читая при этом «Отче наш», — это был первый метод Стине, который Карна запомнила. Потом она напоила Карну заячьей кровью. Папа тогда рассердился.

Но Стине не сдавалась. Она готовила отвары и напитки, похожие по вкусу на кровь, на смолу, на гнилой картофель или на дохлых мух.

Карна всегда подчинялась Стине.

Ведь бабушка на чердаке сказала, что через некоторое время она сможет рассказать обо всем папе. Если только он поклянется никому не говорить об этом. В том числе и Стине.

— Никто не знает, что может помочь. — Стине прикрывала глаза, словно говорила с Богом. — Твоя болезнь — это Дар, и я не собираюсь лечить тебя, только хочу, чтобы припадки были не такие тяжелые и ты бы не прикусывала себе язык.

Карна легла на пол и проползла под кроватью. Один раз, другой, третий. Проползая под кроватью, она увидела, что тюфяк провис под тяжестью Олине. Хотя теперь Олине лежала на доске для теста. Может, если человек спит на кровати так долго, как Олине, тюфяк всегда провисает?

Когда Карна в очередной раз высовывала голову из-под кровати, Стине встречала ее молитвой. Потом она на руках пронесла Карну над Олине.

Карна раскинула руки и нош и представила себе, что она бумажный змей, летящий в небе. Но Олине лежала с закрытыми глазами и не хотела ее видеть.

Почти весь день Карна провела на кухне или в комнате Олине. Наконец из Страндстедета вернулся Фома. Он привез с собой настоящую Ханну и гроб.

Исаак тоже приехал с ними. Но от этого ничего не изменилось. Он не хотел спать в комнате с Карной, потому что у нее за стенкой лежал покойник.

Ханна схватила его за волосы. У Исаака брызнули слезы. Однако он не издал ни звука. Ханна редко его наказывала, разве что у нее не было другого выхода или она не могла объяснить, в чем он провинился.

Она и Карну дергала за волосы, но не так сильно, как Исаака.

Папа пытался держаться как обычно. Правда, у него это не получалось. Поэтому он почти не разговаривал. Ни с кем, даже с Карной.

Но вечером он сам уложил ее спать. Наконец она могла поговорить с ним.

— Папа, это я виновата?

— Конечно нет, даже не думай об этом!

— Просто я ее тронула, и она упала.

— Она уже была мертвая.

— А выглядела как обычно. Была совсем целая… — Не такая, как птенцы гаги, хотела сказать Карна, но вовремя спохватилась.

— Даже целый человек может быть мертвым.

— Как же тогда узнать, кто живой, а кто мертвый?

— Люди знают.

— Мертвые не отвечают, когда с ними разговаривают?

— Нет.

— А они что-нибудь слышат?

— Им не нужно слышать.

— Они о нас не думают?

— Им не надо думать.

— Разве и ты не будешь думать, когда умрешь?

— Тогда тебе придется думать за нас обоих!

— Я не умею.

— Придется научиться.

— Пожалуйста, не умирай!

— Постараюсь подольше остаться живым. Но Олине была уже очень старая и слабая.

— Ты тоже немножко старый…

— Но еще не такой, как Олине.

Карна сделала вид, что успокоилась, хотя это было не так. Ночью она проснулась с криком, и папа отнес ее к себе в залу. Там же была новая Ханна. Карна удивилась. Она не была уверена, что ей это нравится.

Правда, кровать в зале была слишком велика для одного.

— А дочка может умереть раньше папы? — спросила Карна, обращаясь к пологу.

Новая Ханна ничего не ответила. Но теперь от нее уже не так сильно пахло рыбой.

— Случается. Но ты не умрешь, — сказал папа.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую.

— Ты должен всегда это чувствовать… каждый день, — сказала она и заснула.

Похороны были пышные. Люди говорили, что таких похорон не было с тех пор, как матушка Карен совершила свой последний путь в каменную церковь.

Кое-кто считал, что они даже слишком пышные. Ведь Олине не была членом семьи. Просто сидела в кухне на своей табуретке…

Но, судя по похоронной процессии, в это трудно было поверить. Видно, не только обитателям Рейнснеса было чем помянуть Олине.

Стине одной было бы не справиться, и Ханна приехала, чтобы помочь ей.

Рейнснес потихоньку отпускал ее. Чем больше она разводила и месила тесто, чем больше рубила, раскатывала и терла, тем дальше удалялся от нее Рейнснес и вся ее жизнь. Это был конец. Все! Теперь ей надо будет привыкнуть к пароходному экспедитору, который собирается построить пристань.

По возвращении в Страндстедет она известит его о своем решении. Исаак отнесет ему запечатанное письмо.

«Господин Вилфред Олаисен. Я долго думала над Вашим предложением. И решила принять его. С уважением. Ханна Хервик» — будет написано в этом письме.

Не больше и не меньше. Она распрощается с бедностью, с туманными грезами и бессильным ожиданием того, чему не суждено сбыться.

Любовь не для таких, как она. Зато ей оказана честь стать избранницей человека, который получил американское наследство и был готов приумножить его.

Она уговорит его построить дом с резными подзорами и верандой с цветными стеклами, как в Рейнснесе. Ей хотелось иметь обитую бархатом кушетку с кистями на подлокотниках. И книжный шкаф со стеклянными дверцами!

А когда-нибудь у нее будет даже служанка!

Мысли об этом способствовали тому, что поминки Олине особенно удались.

В церкви Ханну трясло, когда пастор говорил о способности некоторых людей находить свое место в жизни. Олине нашла свое место. Она не знала ни злобы, ни зависти.

Ханна понимала, как возникает зависть. Чаще всего зависть возникает, когда люди, не прилагая никаких усилий, получают все. А на долю таких, как она, выпадает только зависть к ним.

Теперь Ханна поняла себя. Она вовсе не злая. И любовь тут ни при чем. Глупости! Она не злая. Все это только зависть, как сказал пастор.

Если б она носила фамилию Грёнэльв, она бы никому не завидовала. И,

уж конечно, не позволила бы какому-то рыбаку или пароходному экспедитору стать ее мужем. Она бы просто наслаждалась любовью, как всякая городская барышня.

Но ненависть была хуже зависти. Ненависть нужно было сдерживать. Ничего другого не оставалось. А вот в зависти можно было признаться, не рискуя попасть в ад.

На передней скамье в церкви сидел Вениамин. Ханна видела его как в тумане. Олине забрала Вениамина с собой.

Вечером в день похорон Вениамин спустился на кухню, чтобы поблагодарить всех — Стине, служанок, Ханну.

Она выскользнула в сени, как раз когда он хотел обратиться к ней. Он не пошел за ней.

Только вернувшись в Страндстедет, Ханна смогла по заслугам оплакать Олине.

Глава 14

На последний четверг августа у Анны было заказано место в каюте на пароходе и до Бергена и дальше, до Копенгагена.

Но умерла Олине. И была Карна. И Вениамин, который почти перестал разговаривать, словно Олине была его матерью.

Анне не приходилось сталкиваться с горем. Все ее близкие были живы. Теперь она просыпалась, когда Вениамин обнимал ее, лишь затем, чтобы почувствовать, что она рядом.

Однажды ночью ему приснилось, что он находится на поле сражения под Дюббелем. В другую ночь он звал какого-то Лео.

Раньше Анна не чувствовала, что кому-то нужна, от нее ждали лишь воспитанности и корректности. Жизнь ее подчинялась немногим, но твердым правилам.

Долгое ожидание любви открыло ей: нужно быть там, где эта любовь обитает. А ее любовь обитала не в Копенгагене, где мать была занята приготовлениями к их с Вениамином свадьбе.

Стоял август, и до осенних бурь еще оставалось время. Жители Нурланда неохотно пускались в путешествия, когда начинались бури. Это она уже знала.

Вениамин уговаривал Анну ехать, а то ее мать умрет от огорчения или, не дай Бог, возненавидит его, считая, что он удержал ее. Хватит и того, что ему придется рассказать ее родителям, что он не имеет в Норвегии права на врачебную практику.

— Но ведь ты заявил протест! Вот увидишь, все будет в порядке!

— Надеюсь, но я не такой оптимист, как ты.

В его голосе было больше отчаяния, чем надежды.

Анна почувствовала себя отвергнутой и уложила необходимые вещи.

В ночь перед отъездом они оба не спали. Бродили по берегу.

Волосы Анны завились от росы, мокрый подол прилипал к щиколоткам.

Словно исполняя обет покаяния, она сняла башмаки и шла босиком, не замечая острых камней и колкой сухой осоки.

В зале они прильнули друг к другу, точно это была их последняя ночь. И когда утренний свет пробился к ним сквозь небо, серое, как те месяцы, что им предстояло прожить в разлуке, они оба заплакали.

Вениамин сам повез Анну к пароходу, порывы дождя были пронизаны солнечными лучами.

Она хотела сказать, что никогда не видела такой погоды, но нижняя губа у нее задрожала.

Они подплыли к черному корпусу судна, которое должно было увезти Анну. Вениамин не смел поднять на нее глаз.

— Весной я приеду, и мы поженимся, — сказал он. — Вот увидишь, зима пройдет быстро.

Матрос крикнул, что груза сегодня нет и он готов спустить для Анны трап.

Ее лицо превратилось в маску, выражавшую решимость.

— Я передумала! Я никуда не еду! — крикнула она матросу на своем ломаном норвежском.

Приставив ладонь к уху, матрос склонился через поручни. Анна еще решительнее повторила свои слова.

Как просто, оказывается, сказать о своем решении у всех на глазах.

Вениамин молчал. К чему что-то говорить? Но он повернул лодку к берегу.

Он все еще не смел взглянуть на нее. Просто медленно греб, чтобы у нее было время, если она передумает еще раз.

Но Анна не передумала, она начала смеяться. От смеха у нее текли слезы, и горы откликались ей эхом. Потом она запела. Псалмы и песенки вперемежку.

Вениамин перестал грести и наконец осмелился взглянуть на нее.

Ему было трудно понять Анну. Но он видел: она совсем не та женщина, которую он знал в Копенгагене.

— Меня заколдовали, и я останусь тут! — пропела Анна в середине одного из гимнов, славящих Бога.

На Вениамина снизошел покой. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь у него на душе было так покойно.

Вечером Динино пианино весело звучало на весь дом. Анна играла и пела для Карны все детские песенки, какие знала, какие принято петь в Рождество, в Пасху, в Троицу, в Иванов день. Иногда она отрывала руку от клавишей, показывала на Карну и пела: «Наша Карна хороша, фалле-ри, фалле-ра!»

Карна не отрывала от нее глаз и качала в такт головой.

Однажды утром — они еще лежали в постели — Вениамин сказал:

— Мы не можем так жить. Ты можешь забеременеть. Пробст мог бы тайком обвенчать нас. Пусть это будет, так сказать, предварительное венчание, а то твоя мать просто умрет…

— Мама уже не раз умирала и возрождалась. Она прекрасно знает, как мы живем. Мне даже неудобно показать тебе ее последнее письмо.

Но едва ли это письмо доставило Анне душевные страдания.

Вениамин и Анна съездили к пробсту и изложили ему свою просьбу — они хотят обвенчаться быстро и без лишнего шума.

Пробст согласился, что при сложившихся обстоятельствах это было бы разумно. На то время, пока фрёкен Анна не уедет в Копенгаген. Как он понимает, приезд ее родных в Нурланд совершенно исключен.

Что касается оглашения в церкви, оно совершается в том приходе, где живет невеста. Но ведь фрёкен Анна приехала сюда, чтобы остаться? Наверное, у нее есть нужные документы?

Анна кивнула.

Тогда можно сделать оглашение здесь. Уж три-то недели они могут подождать?

Вениамин и Анна быстро переглянулись и покраснели под взглядом пробста. Вениамин кашлянул и взял ответ на себя:

— Три недели? Да, конечно.

Через три недели пробст приехал в Рейнснес с чемоданом, словно случайно проезжал мимо. В чемодане были облачение и книга.

Вернувшегося из Бергена Андерса единственного посвятили в предстоящее событие. Всем было сказано, что они намерены совершить прогулку в Анд-фьорд. Ни домашние, ни команда шхуны не знали, что стоит за этой прогулкой.

Пробст и Андерс не протестовали против места венчания, хотя и были в некотором сомнении. То, в чем не были уверены пробст и шкипер, было предоставлено решить Господу Богу.

Когда шхуна находилась в полосе плотного тумана, Андерс неожиданно распорядился спустить паруса. Рискуя получить выговор от епископа, пробст без лишних церемоний обвенчал молодых в каюте шхуны.

Андерс, рулевой и новая повариха, которую они по пути захватили на Андёйе, были свидетелями.

На обратном пути ветер усилился. В Аид-фьорде невесту вырвало.

Пробст подумал, что успел вовремя обвенчать молодого доктора и фрёкен Анну. Господь простит ему, что он уступил обстоятельствам и не настоял на том, чтобы молодые совершили ритуал, как того требуют предписания церкви.

Но он не забыл трижды благословить молодых. И произнес трогательную речь. Естественно, пробст больше говорил о женихе, которого знал лучше, чем невесту. Зато он призвал молодого мужа оказать внимание городской девушке, осмелившейся покинуть цивилизацию и приехать так далеко на север. Возможно, она затоскует здесь уже в первую зиму, предупредил пробст и закончил церемонию четвертым благословением — уже только невесты.

Они отвезли пробста домой и к полуночи вернулись в Рейнснес. Андерс снял фуражку, приставил ко рту рупор и властным голосом крикнул на весь берег:

— Имею честь сообщить о прибытии доктора Вениамина Грёнэльва с супругой Анной Грёнэльв, урожденной Ангер. Они садятся в шлюпку. Поднять флаг! Пунш будет подан в столовой, места хватит для всех!

Люди, которые уже легли спать, не сразу поняли смысл его слов. Но когда он повторил их в третий раз, над трубой кухни появился дым.

Бергльот, на которой в это время лежала ответственность за кухню и весь дом, накинув на рубашку юбку, бросилась разводить огонь, чтобы приготовить пунш.

Вот так получилось, что женщины Рейнснеса были на этой свадьбе непричесанные, в случайной одежде, а мужчины — небритые, растрепанные и без галстуков.

Флаг подняли, хотя было уже за полночь и почти ничего не видно. От сильного ветра он сердито хлопал на флагштоке.

Когда первое волнение улеглось, все по очереди подошли поздравить молодых и пожать им руки. Застенчиво и не совсем понимая, как следует себя вести на такой необычной свадьбе. Но постепенно гости оправились от смущения, и пунш был выпит до последней капли.

Б два часа ночи жених объявил, что он голоден и готов съесть целого быка. И новой кухарке пришлось продемонстрировать свое мастерство прежде, чем она успела проспать в постели Олине хотя бы одну ночь.

В четыре утра кухня была уже выскоблена и вымыта, и люди во второй раз отправились на покой.

В доме было тихо, но Фома и Стине еще не спали. Они сидели на кухне. В эту ночь им было не до сна.

— Значит, он все-таки предпочел городскую девушку. — Фома зевнул.

— Да, дай Бог, чтобы это пошло на пользу Рейнснесу и Карне…

— Ты сомневаешься?

— Прости, Господи, мой язык! Она мне нравится, хотя хозяйки из нее не получится.

— Дина тоже была плохая хозяйка, — сухо заметил Фома.

— Дина — другое дело. Она умела на благо всем поставить нужного человека на нужное место.

На скатерти была складка, которая раздражала Стине. Она встряхнула скатерть и разгладила складку руками.

— Знаешь, я тут все думала… — начала она помолчав.

Фома повернулся к ней — он ждал, что она снова заговорит про Дину.

— У меня есть деньги… после Нильса. Те, что Дина положила в банк на мое имя. За эти годы их скопилось немало.

— Немало?

— Иногда я понемногу давала Ханне. Она так нуждается.

— Она имеет право на деньги своего отца… каким бы он ни был.

— Конечно, но там осталось еще много… Фома… давай уедем в Америку!

— Ты сошла с ума?

— Заберем Ханну с ребенком. Ничего хорошего ее здесь, в Рейнснесе, не ждет.

— В Америку!

— Ты сам много раз говорил об этом. Особенно в последнее время, когда пытался заработать для Рейнснеса на вяленой рыбе. Давай все оставим и уедем в Америку, сказал ты!

— Одно дело — сказать, другое — сделать…

— А мы сделаем! Мы ведь еще не совсем старые. Зачем нам оставаться в Рейнснесе и смотреть, как он ветшает и разрушается, а жизнь, несмотря на наши усилия, без толку проходит мимо.

Фома был поражен. Стине обдумала все до мелочей, прежде чем заговорила с ним об отъезде.

Конечно, он тоже мечтал. И ему было известно, что у Стине есть деньги в банке. Но он не предполагал, что их может хватить на билеты в Америку для трех взрослых и одного ребенка.

Он прямо сказал ей об этом.

— Так ведь ты никогда не спрашивал, сколько у меня денег, — напомнила ему Стине.

— А Сара и Уле?

Стине замялась:

— Они приедут к нам, когда мы там обзаведемся землей. Если захотят.

— Сара еще недостаточно взрослая, как она будет жить одна?

— Они справятся. И они не убиты горем, как Ханна. Я видела это по ней, когда она приезжала на похороны. Ей надо уехать.

— Думаешь, она согласится поселиться в прерии и копаться в земле? Ей нравится в Страндстедете.

— Посмотрим.

После той ночи у Стине и Фомы появилась общая тайна. Они садились и, сдвинув головы, начинали подсчитывать и прикидывать: что из имущества можно продать, что нужно взять с собой, с кем из шкиперов связаться, чтобы дорога до столицы обошлась подешевле. До Бергена они могут добраться с Андерсом. Это ожидание было новым в их отношениях.

Они писали письма и строили планы. У Фомы в Америке был дальний родственник. Он съездил домой к брату и взял у него адрес. Все это требовало времени, которое тянулось бесконечно медленно. Но решение было уже принято.

Однако Ханна, которую они хотели спасти от горя, отказалась уезжать в Америку. Она не верит в такие сказки. У нее другие планы, о которых она пока говорить не хочет.

Кроме того, она слышала, что многим тяжело дался переезд по морю. Люди теряли зубы, покрывались сыпью, умирали, и их выбрасывали в море на корм акулам и другим чудовищам.

Нет, никуда она не поедет!

А деньги… деньги принадлежат не ей, а Стине, так что они могут ехать, если им так хочется. Но Уле и Сару они должны взять с собой. Как Сара будет без них? С такой ножкой…

Мечты Стине и Фомы об Америке рухнули в тот день, когда они ездили в Страндстедет, чтобы поговорить с Ханной. Они возвращались домой, как два наказанных ребенка.

Однако недалеко от берега Фома поплевал на руки и посмотрел на море:

— Хватит мне пахать чужую землю, даже если она принадлежит Вениамину. Пусть дети поступают как им угодно, а мы с тобой все равно уедем в Америку!

Стине ослабила узел на платке.

— Да, Фома, уедем! — Ее голос звучал весело, как у девушки.

Глава 15

Олине больше не было на кухне. Просыпаясь утром, Карна надеялась, что уж сегодня-то она найдет Олине на ее табуретке.

Но Олине не было.

Тогда Карна садилась на табуретку и сама была Олине. Но ей это давалось с трудом. В горле начинало першить. Сердце давило.

Никого больше не заботило, что она не обута или ей хочется плюшки. Ведь Олине лежала в гробу, который закопали в землю в Страндстедете.

Кухня опустела, съежилась и стала тесной. Или, наоборот, раскинулась на всю усадьбу, и в ней было так же холодно, как снаружи.

На чердак Карна тоже не могла попасть, потому что папа вставал поздно, а будить его она не решалась.

Наверное, он вставал поздно из-за новой Ханны.

Иногда папа разрешал ей спать с ним. Но однажды вечером он сказал:

— Хватит, Карна. Ты должна спать у себя.

Новая Ханна стояла у ширмы. Она подозвала папу к себе и что-то шепнула ему.

— Нет! — сказал папа почти сердито.

— Она еще маленькая… — сказала новая Ханна.

— Нет! — сказал папа еще раз и повел Карну в ее комнату.

Она хотела заплакать, но потом передумала:

— Ты любишь новую Ханну больше, чем меня?

— Как ты сказала? Новую Ханну?

— Ну, ту, в зале. Я все знаю.

Все-таки она заплакала.

Он взял ее на руки, спустился по лестнице и прошел по коридору, через буфетную, в ее комнату. Он дул ей в шейку, в ухо, и в конце концов она засмеялась.

Уложив Карну, папа сказал очень серьезно:

— Запомни, ее зовут Анна, а не «новая Ханна». Договорились?

Карне пришлось кивнуть, потому что он был очень серьезен. Но этого ему было мало.

— Скажи: Анна! — велел он.

— Анна…

— Еще раз!

— Анна! — Карна рассердилась.

Но тут папа сказал слова, которые ей больше всего хотелось от него

услышать:

— Все равно, кроме тебя, у меня никого нет!

— Тогда, может, она… может, Анна будет спать в моей комнате, а я наверху? — осмелев, предложила она.

— Нет, Анна — моя жена и должна спать со мной.

— Почему?

— Так сказал пробст.

— Я тебе не верю.

— Спроси у него в следующий раз, когда он к нам приедет!

По голосу папы Карна поняла, что это правда.

— А с кем же спать мне? — всхлипнула она.

— Когда вырастешь, у тебя тоже будет муж.

— Когда еще это будет! А пока я должна спать совсем одна…

— Приоткрой дверь в кухню.

Карна покачала головой:

— Пусть новая Ханна приоткрывает дверь в кухню!

— Анна!

— Хорошо, Анна.

— Еще раз!

— Анна! Анна! Анна! — крикнула Карна и спрятала лицо у него на груди.

В Рейнснес приехал Исаак. У Ханны было много дел, она собиралась замуж за какого-то Олаисена.

Исаака это не огорчало. Он помогал работнику и Фоме собирать картошку из-под плуга.

— Нынче картошка уродилась, правда, дедушка? — сказал он и расправил плечи, совсем как Фома.

Карна тоже собирала картошку. Но не так быстро, как Исаак. У нее мерзли руки, и она грела их, засовывая в рот то одну, то другую.

— Почему ты дедушка Исааку, а не мне? — спросила она, выплевывая изо рта хрустевший на зубах песок.

Лицо у Фомы как-то странно перекосилось.

— Я могу быть дедушкой вам обоим, — сказал он наконец. И стал собирать картошку так быстро, что ушел далеко и от Карны, и от Исаака.

Вечером Карна задала тот же вопрос Вениамину. Он был согласен с Фомой — Фома может быть дедушкой и Карне, и Исааку. Но спросил с подозрением в голосе:

— Кто тебе сказал, что Фома твой дедушка?

— Никто, я сама так решила. Мне Фома нужен не меньше, чем Исааку!

Она поняла, что произносить слово «дедушка» не следует.

Потом Карна неожиданно привязалась к Саре. Правда, Сара хромала, но это не мешало ей хорошо читать. И писать в толстых книгах в конторе при лавке. Несколько раз Карна ходила с Сарой в лавку отпускать старые товары тем, кому они были нужны.

— Сара — очень умная девочка, — говорил всегда Андерс.

Она не задумываясь отвечала на вопросы Карны, чувствовала, если Карна бывала не в духе, и знача, как это исправить.

У Сары были толстые косы. Когда она распускала волосы и садилась на стул, то становилась похожа на хюльдру[8] с картинки в книге сказок. Но стоило Саре подняться и, прихрамывая, пройти через комнату, она сразу становилась самой собой.

Карна пыталась завести дружбу и с Уле. Он был еще более рыжий, чем она. И даже более рыжий, чем Фома.

Но Уле редко бывал дома. А говорил он только о том, что хочет куда-нибудь уехать. На Лофотены или в Финнмарк. Вот придет какая-нибудь шхуна, и он с ней уедет.

Приезжая домой, Уле привозил раскрошившуюся коврижку или какую-нибудь бородатую рыбину.

От Уле и его рыб пахло одинаково.

Бабушка жила на чердаке. Но с ней не всегда было интересно. Иногда Карне самой приходилось придумывать, чем им заняться. Случалось, бабушка не хотела помогать ей открывать ящики и сундуки.

Однажды Карна принесла на чердак платье, но бабушка отказалась надеть его. Карна положила куклу в старую детскую коляску и стала катать ее по чердаку, словно не заметив, что бабушка не в духе.

Но это не помогло, и Карна решила поговорить с бабушкой.

— Ты должна надеть это платье, — сказала она.

На чердаке было тихо, если не считать тех звуков, что долетали сюда через открытый лаз.

Карна слышала, как внизу Анна играет что-то быстрое. Словно ей было очень весело.

В балку над головой Карны было вбито много крюков. Там висели старые лампы с черными стеклами. Карна даже не видела, есть ли в лампах

фитиль.

От некоторых аккордов Анны лампы начинали звенеть. Это было так странно, что Карне захотелось плакать.

— Пожалуйста, надень платье, — попросила она бабушку. — И я тоже что-нибудь надену.

Наконец платье шевельнулось, приобрело объем. Поднялось. Зашелестело. Запели браслеты.

— Теперь у нас на кухне нет больше Олине, — быстро сказала Карна.

Бабушка не отозвалась.

— Почему ты не отвечаешь, когда с тобой разговаривают? — строго спросила Карна.

Но это не помогло.

— Никто не хочет быть моим!

Лампы снова звякнули. Но совсем тихо.

Тогда бабушка встала и подняла вверх руки. Это вызвало легкое дуновение. В углу над кривым комодом заколыхалась паутина.

— Иди сюда! — шепнула бабушка.

Карна встала и схватилась за бабушкину юбку. Они вместе затанцевали.

— Ты сегодня не будешь со мной разговаривать? — спросила она у бабушки.

— Тс-с-с! — шепнула бабушка, кружась вместе с ней.

Карне пришлось уступить. Танцевать с бабушкой было так приятно! В конце концов у Карны закружилась голова, и бабушка подхватила ее в свои объятия.

Порой Карна не находила себе места. Особенно когда думала об Олине.

Вьющиеся розы уже завели свою жалобу. Их колючки и сухие ветки противно царапали окно комнаты, где спала Карна. Звук был близкий, скрежещущий, надоедный.

Но что-то в розовых кустах и в музыке моря было общее. Их звук сметал снег с веток и заставлял ветки царапать стекло. Некоторые листья свернулись и стали жесткими, но еще держались между темными гроздьями роз.

До того как пошел снег, листья были красные и мягкие. Как кожа. От дождя они тяжелели. Но это было давно.

Однажды Анна положила ее пальцы на черные и белые клавиши и засмеялась, когда Карне удалось извлечь из пианино звук.

Папа почти всегда был веселый. Наверное, оттого, что Анна не уехала с пароходом.

Карна спросила, как было на шхуне, когда они поженились. Они переглянулись и засмеялись.

Ей это не понравилось.

Папа посадил ее к себе на колени и сказал, что теперь ее мамой будет Анна, потому что мертвая Карна мамой быть не может.

Тогда Карне пришлось прямо сказать им, что у них уже есть настоящая Ханна.

Папа рассердился.

И Карна поняла, что не следует произносить двух слов: дедушка и Ханна. Теперь всякий раз, когда она думала об этих словах, у нее перед глазами вставали замерзшие вьющиеся розы за окном.

Мороз был как темнота, как ночь. Он появлялся неожиданно. Интересно, откуда?

Глава 16

Вениамина и Анну пригласили в гости к пробсту. После обеда пробст заговорил о тяжелом положении школьного комитета в их приходе. И о малопригодном для своей должности инспекторе, которого никогда не было на месте, если что-то случалось. Инспектор как раз недавно подал просьбу освободить его на осень от его обязанностей — ему необходимо выкопать картошку и кое-что сделать по дому.

Ничего удивительного, что при таком инспекторе дети пренебрегают занятиями. А наложенные на родителей штрафы собрать невозможно.

— Когда дело доходит до бедняков, защитить право детей на обязательное начальное образование почти невозможно, — огорченно сказал пробст.

Он спросил, не согласится ли Вениамин сменить инспектора Ларса Ларсена на его посту. Пробсту были нужны молодые люди, понимающие значение образования и в то же время считающиеся с тяжелыми условиями, в каких живут бедняки. Вениамин как доктор — самый подходящий человек.

Вениамин был удивлен и польщен. Тем не менее он отрицательно покачал головой и попросил простить его — он не считает себя подходящим для этой роли. Вот если бы речь шла о комитете по здоровью, он согласился бы войти в него — в этом вопросе он более компетентен.

— В комитете по здоровью состоит наш уважаемый окружной доктор, а вот в качестве школьного инспектора нам нужен именно такой человек, как вы.

Попытки пробста уговорить Вениамина ни к чему не привели, тем не менее он продолжал развивать свою излюбленную тему — образование подрастающего поколения.

Его беспокоили не столько налагаемые на родителей штрафы, сколько то обстоятельство, что некоторые дети не имеют возможности посещать школу, в то время как это гарантировано им законом.

Анна поинтересовалась, почему родители не посылают детей в школу.

— Есть две причины, — ответил пробст. — Первая — болезни, особенно инфекционные, — это доктору прекрасно известно. И вторая: родители заставляют детей помогать им во время страды, во время лова и во многом другом. Некоторые так бедны, что не могут обеспечить ребенка одеждой и едой, чтобы послать его в школу. А просить помощи у комитета

по делам неимущих им не позволяет гордость. Им легче сказать, что их дети больны. Есть еще и приемные родители; те используют своих приемышей на всяких работах и прибегают к любой лжи, лишь бы удержать дома свою дешевую рабочую силу и вместе с тем избежать расходов на то, чтобы отправить ребенка в школу.

— И с этим ничего нельзя поделать? — спросила Анна.

— В нынешнем году мы обязали пятерых учеников явиться в школу в Страндстедете, потому что в прошлом году ни один из них ни разу не посетил занятий. Беда в том, что, несмотря на наши два объявления, у нас нет учителей. Это объясняется низким жалованьем. К сожалению, наша управа не желает этого понимать. А у нас в приходе не так много образованных людей, которые согласились бы взять на себя эту работу. Детей, которых обязывают посещать школу, учить трудно.

Анна поинтересовалась, что требуется от учителя.

— Знания лопарского языка, к счастью, не требуется, но учитель должен преподавать Закон Божий, чтение, письмо и арифметику. И пользоваться уважением. Ошибка многих учителей в том, что они чаще прибегают к розгам, чем опираются на свое уважение у детей.

— Жаль, что я недостаточно хорошо знаю норвежский! — вздохнула Анна.

Жена пробста, молчаливая женщина, которая редко вмешивалась в разговоры мужа, вдруг оживилась.

— Вы чувствуете призвание к педагогической деятельности, фру Грёнэльв? — спросила она.

— Ну, это слишком сильно сказано. Но мне бы хотелось попробовать. Отец позаботился, чтобы мы с сестрой получили хорошее образование, простите мне такую нескромность. Но я получила его в Копенгагене и не знаю, захотят ли здесь с этим считаться. — Она украдкой глянула на Вениамина.

Он ответил ей предостерегающим взглядом, который говорил: пробст ничего не знает о лишении меня лицензии.

— Но, наверное, у вас много времени занимает хозяйство? Такой большой дом… — снова сказала жена пробста.

Анна покраснела, ей стало неловко.

— Хозяйство идет само собой, у нас хорошие слуги, — быстро сказал Вениамин.

Он впервые услышал, что Анна хотела бы преподавать. И подозревал, что сама она тоже не знала об этом. Однако видеть ее смущение было ему неприятно.

Пробст, полагавший, что венчал беременную невесту, вдруг загорелся:

— Если вы и в самом деле хотите нас облагодетельствовать, думаю, ваш датский не будет служить препятствием. Наш предыдущий учитель был финн норвежского происхождения, он плохо говорил и писал по-норвежски. А ваш датский, фру Грёнэльв, безупречен. И речь идет всего о нескольких неделях перед Рождеством. Наверное, вы смогли бы втолковать детям самое важное из норвежского катехизиса. А счётами пользуются одинаково на всех языках, — с улыбкой заключил он.

К удивлению Вениамина, Анна ответила, что это в ее силах и если только пробст возьмет на себя смелость рекомендовать ее…

— Слава Богу! — вздохнула жена пробста.

Пробст обещал поговорить в школьном комитете. Выбора все равно нет. А какой выбор у несчастных сирот, попавших на воспитание К людям, которые взяли их, движимые не христианским долгом, а желанием приобрести дешевую рабочую силу?

— Но вам придется нелегко! — предупредил он Анну.

— Это меня не пугает! — весело ответила она.

— Когда можно собрать у нас в церкви это заблудшее стадо?

— Когда вам будет удобно.

— Вы доставили мне огромную радость. А вы, доктор? Не возражаете?

У Вениамина не было времени подумать, есть ли у него возражения. Он с улыбкой отрицательно покачал головой.

— Прекрасно! Я извещу школьный комитет. Объясню все обстоятельства. Что я еще хотел сказать? Да! Вы когда-нибудь давали уроки?

— Только уроки музыки.

— Уроки музыки! Правильно, ведь вы очень музыкальны! Но в вашем распоряжении всегда есть псалмодия{Своеобразный способ пения псалмов в форме мелодичной декламации.}.

— Сколько детей будет у меня заниматься? — спросила Анна.

— Пятеро. От десяти до пятнадцати лет. Четверо мальчиков и одна девочка.

— Так, может, нам лучше устроить школу в Рейнснесе? Места у нас много. Есть пианино. Мальчики могли бы спать с работниками, а девочка — со служанками в большом доме.

— Это очень великодушно с вашей стороны. Но посоветуйтесь сначала с мужем. Ведь я даже не знаю, может, кто-нибудь из детей болен паршой или у них вши.

— Уж с этим-то мы справимся, — не совсем уверенно сказал Вениамин

— на сегодня этого было слишком много.

Но если Анна готова спасать непросвещенных в Нурланде, то и он тоже готов. Еще до их ухода Анна уже перешла с пробстом на «ты». Вениамин обратил внимание, что пробст сказал: «До свидания, милая Анна», как будто говорил это тысячу раз.

Вскоре их известили о том, что занятия обязательной школы в Рейнснесе будут проходить в течение двух недель в начале ноября. Пятерых учеников следует обеспечить жильем, все необходимое они должны привезти с собой. Пища должна быть простая и сытная.

Фру Анне Грёнэльв, по доброте душевной взявшей на себя эту обязанность, положено вознаграждение в размере двух талеров в неделю.

Пробст лично будет следить, чтобы обучение шло в соответствии с норвежским законом. Он уже имел возможность убедиться, что язык фру Грёнэльв будет понятен ученикам и что она обладает солидными знаниями в требуемых дисциплинах.

Анна прибежала, радостно размахивая письмом, и с торжеством бросила его на стол перед Вениамином и Андерсом.

Вениамин прочитал письмо вслух.

— Неплохо. Но доктор ведь еще не знает, что за дети приедут к нему в усадьбу, — заметил Андерс.

— Двоих я уже заставил основательно вымыться, чтобы избавиться от вшей. — Вениамин насмешливо взглянул на Анну.

— Тогда главное, чтобы мы не разорились на их питании, — снова сказал Андерс.

— Но ведь они привезут еду с собой, — возразила Анна.

— Я знаю Бергльот, она не допустит, чтобы каждый из них ел свой заплесневелый хлеб, — сказал Андерс.

— Но мне заплатят четыре талера и еще деньги на продукты. Да и пробудут они здесь всего две недели!

— Конечно, конечно. — Андерс больше не возражал. Он считал Анну единственным безупречным человеком в Рейнснесе и из одного уважения соглашался почти со всем, что она говорила.

Сара помогла Анне наладить школу для четырех чужих мальчиков, которые спали вместе с работниками, и девочки по имени Матильда, которая всегда молчала, не поднимая глаз, и только делала реверанс. Чулки у нее были такие рваные, что Стине тут же связала ей новые.

Это была обязательная школа. Карне разрешили посещать занятия при

условии, что она будет сидеть тихо. Занятия проходили в людской. Под гудение печки Анна спрашивала уроки у этих чужих детей, рассказывала им что-нибудь, пела или читала вслух.

Она говорила так медленно и внятно, что можно было бы заснуть, но неожиданно что-то менялось, и дети боялись пропустить хотя бы слово из ее рассказа.

Карна слушала, как Анна и Сара готовились к очередным занятиям. Анна училась правильно произносить норвежские слова, встречавшиеся в учебнике.

— Ты очень способная! — похвалила ее Сара.

Фома с Андерсом улыбнулись, а Сара перевела разговор на Матильду, которая отказывалась говорить.

— Думаю, она просто не умеет читать, — огорченно сказала Анна.

— Умеет, она каждый день читает. Я сама видела, когда заходила в людскую. Никто не читает столько, сколько она.

— Почему же она не отвечает, когда я ее спрашиваю на уроке?

— Ты спрашиваешь, например, сколько людей Бог создал вначале. А по-моему, лучше попросить ее прочитать, что об этом написано в книге.

— Зачем? Она должна не читать, а помнить это наизусть.

Сара вздохнула и посмотрела на папу и Андерса, словно хотела заручиться их поддержкой. Но их это не интересовало. Они были заняты своими делами.

— Матильда боится рассказывать, ей кажется, что она ничего не знает. Но если ты велишь ей прочитать по книге, она перестанет сомневаться в своих знаниях.

— Встань и прочти урок, который я задала вам на сегодня, — обратилась Анна к Матильде на другой день. — Рассказ о сотворении мира.

Девочка встала, сложила руки под подбородком и подняла глаза к висячей лампе. Слова лились непрерывным потоком. О Боге, Адаме и Еве. По мнению Карны, даже сам пробст не рассказал бы обо всем лучше Матильды.

Голос ее звучал по-новому. Она рассказывала так долго, что Карна испугалась: вдруг ей захочется в уборную? Кто знает, сколько продлится этот урок!

Матильда едва успевала дышать. Лишь когда ей совсем не хватало воздуха, она делала короткий вдох. Сейчас она упадет, думала Карна. Но Матильда не упала.

Наконец она сказала «аминь», сделала реверанс и села на место.

— Спасибо, Матильда! Ты замечательно выучила урок, — похвалила ее Анна.

Матильда была и счастлива, и испуганна. Карне показалось, что испуганна она была даже больше, чем счастлива.

Сара и мальчики улыбались, обнажая в улыбке зубы. У одного мальчика был виден даже язык.

С тех пор Анна всегда просила Матильду «прочитать» урок.

Однажды во время занятий у Карны случился припадок.

После этого она поняла, что дети не хотят, чтобы она посещала занятия. Прямо ей никто ничего не сказал, но они как-то странно поглядывали в ее сторону.

Она сказала об этом папе, и он объяснил ей, что они просто испугались. Не надо обращать на них внимания.

До этого припадка они охотно болтали с Карной и брали ее с собой, когда играли на берегу. Теперь же с испугом издали таращились на нее.

Чужих всегда удивляли разные глаза Карны — один голубой, другой карий. С этим еще можно было мириться. Правда, она редко бывала где-нибудь одна, без папы.

Но приехавшие в Рейнснес дети сторонились ее, и потому ей хотелось, чтобы они поскорее разъехались по домам.

Папа посоветовал ей начертить на бумаге пять черточек. Каждый день она должна была зачеркивать по одной черточке, чтобы получался крестик. Так Карна всегда знала, сколько дней осталось до конца занятий. Ей стало полегче, но ненамного.

Если папа был рядом, Карну не огорчало, что Анна занимается с чужими детьми.

Она всегда мечтала, чтобы папа сказал ей, что не может без нее жить. Но он никогда этого не говорил.

Зато иногда он говорил:

— Карна! Доченька моя любимая!

Но всегда на этом чудном датском языке.

Она спросила, почему он говорит по-датски, и он ответил:

— У нас люди пользуются словами, когда им надо называть вещи или рассказывать, что они делают. А на датском я могу сказать, что я чувствую и думаю.

Глава 17

Зима была суровая, и весна долго не приходила. Снег не таял. Но в апреле хватка холодов немного ослабела и появились наконец признаки весны. Это была первая весна Анны в Нурланде.

В глазах Анны мелькало отчаяние, когда она вспоминала, что сейчас в Дании весна, а она здесь кутается в шубу, но она не жаловалась.

Однажды она обхватила руками только что распустившуюся березу. И дерево, и сама Анна стояли в глубоком снегу. У Вениамина защемило сердце. Он обнял ее и стал покачивать, как покачивал Карну, когда хотел утешить.

— Анна! Анна! Тебе плохо?

Она молчала.

— Может, ты хочешь съездить в Копенгаген? — шепнул он.

Анна замотала головой, обвила руками его шею и спрятала лицо.

После этого Вениамин не спускал с нее глаз. Старался облегчить ей жизнь. Они съездили на южные острова, которые были ближе к открытому морю, — там снега уже не было. Ему казалось, что это помогло. Анна снова стала жалеть, что она не живописец и не может передать неповторимый нурландский свет.

— В твоей стране, Вениамин, свет зеленого цвета. Он, как колонны, держит небо. Ты только посмотри! — Его трогал ее удивленный восторг.

Летняя жара началась однажды ночью в середине июня и растопила последние сугробы за беседкой.

Утром Анна обнаружила зеленую траву, которая до этого пряталась под снегом. Она бросилась в дом, чтобы разбудить Вениамина, — ей хотелось показать ему траву.

Стоя босиком на холодной зеленой траве, она рыдала, уткнувшись ему в плечо. Глаза Анны радовались тому, что он лишь мимоходом отмечал в своем сознании, и он был благодарен ей за это.

Вениамин сразу понял, что письмо из Христиании. Оно обожгло ему руки.

Анна стояла рядом и ждала. Он слышал, как она, вдохнув, задержала дыхание.

За окном зашуршал гравий — кто-то шел мимо. В колодец опустили ведро. Послышался скрип ворота и железной цепи. Ведро поднималось из

колодца бесконечно долго.

Вениамин пошел искать нож для разрезания бумаги.

— Анна, где нож для бумаги? — почему-то шепотом спросил он, так и не найдя ножа.

— Господи, зачем тебе нож?

Он не заметил, когда она выдохнула воздух.

— Так удобнее.

Она сбегала в буфетную и вернулась с ножом для хлеба.

Он взял нож, понимая, что теперь уж ему придется вскрыть это письмо.

Нетерпеливо переступая с ноги на ногу, Анна протянула руку, словно хотела забрать у него письмо.

Наконец он вскрыл конверт и вынул лист твердой бумаги. Взвесил его в руке, положил конверт на обеденный стол и развернул письмо:

«…в соответствии с законом от 29 апреля 1871 года норвежскому гражданину Вениамину Грёнэльву, Рейнснес, кандидату медицинских наук Копенгагенского университета, Universitas Hafniensis, выдается лицензия на осуществление врачебной практики в Норвегии. Как и на врачей, получивших дипломы в Норвегии, на него возлагается обязанность ежегодно представлять медицинские отчеты, сообщать о распространении эпидемических и инфекционных болезней, ставить в известность об изменении местожительства и т. п.».

Со странным звуком, вырвавшимся у него из горла и мало похожим на членораздельную речь, он передал письмо Анне.

Несколько недель он чувствовал себя победителем.

С тех пор как Ханна стала фру Олаисен, они с Вениамином виделись лишь в тех случаях, когда не могли этого избежать. Например, во время неожиданных визитов, от которых нельзя было отказаться.

Вениамин смирился с белоснежными зубами и самодовольством пароходного экспедитора. Таков был выбор Ханны. Говорить было не о чем.

Олаисен построил и пристань для пароходов, и здание для телеграфа. Купил землю — целый холм, от вершины и до самой воды, — и скалы, пригодные для пластания рыбы. Все, чем он занимался, приносило деньги и шло на благо Ханны.

Сразу после свадьбы, когда земля еще даже не успела оттаять, он занялся строительством дома. Дом был двухэтажный и венчал собой вершину холма. Белый, с резным штакетником вокруг сада и голубятней, которая как две капли воды походила на голубятню в Рейнснесе.

Вениамин нашел это забавным. Так же как и барскую веранду с цветными стеклами и флюгером на коньке крыши.

Ханна больше не шила для людей, теперь она наносила визиты. Очень редко она приезжала и в Рейнснес. С корзиной и чемоданом, набитыми всевозможными подарками для Стине и Фомы.

Вениамина и Анну она не предупреждала заранее о своем приезде.

Однажды в июне Ханна оказалась последней посетительницей в приемной у доктора.

Вениамин вежливо пригласил ее в кабинет.

Когда она встала и подошла к нему, он почувствовал стеснение в груди. Дверь закрылась, и Вениамин поверх ширмы глянул в окно, чтобы убедиться, что там никто не стоит. Почему? Ведь он знал, что в кабинет заглянуть невозможно. И все-таки ему стало тревожно, словно в приходе Ханны к нему в качестве пациентки было что-то предосудительное.

Он заставил себя подойти к умывальнику и, как обычно, вымыть руки. Вытирая их, он лихорадочно придумывал, что сказать.

— Чем могу служить? — спросил он.

Она нервно теребила ридикюль.

— Со мной все в порядке, я не…

Она замолчала.

Вениамин пытался угадать причину ее нерешительности. Что она не решается рассказать ему? Он украдкой наблюдал за ней. Обычное, что случается с молодыми женами? Но в таком случае она напрасно пришла к нему — это не болезнь.

— Ты поедешь сегодня в Рейнснес? Я бы хотела поехать с тобой.

Меньше всего он ожидал услышать такую просьбу. Нет, тут дело в чем-то другом. Что же она боится доверить ему?

Они не виделись с самой Пасхи. С тех пор Ханна посвежела и поздоровела. Значит, он не ошибся в своих догадках. Ему стало неприятно.

Золотистая кожа Ханны слепила ему глаза. Костюм туго облегал грудь.

Поехать с ним домой? Ради Бога. Но по пути ему надо заглянуть в Вику к больному и проверить, не воспалился ли у него шов.

— Как бы хорошо ты ни шил, а дикое мясо все равно нарастает, — объяснил он.

Ничего страшного, у нее с собой рукоделие. Она присмотрит за лодкой, пока он будет у больного.

Ханна улыбнулась и спросила, когда ей быть готовой.

— Сейчас и поедем, если тебя гонит в Рейнснес только тоска по

дому, — ответил он.

Она покраснела, но промолчала.

Вениамин хотел помочь Ханне нести корзину, но она отказалась от его помощи.

Тем не менее он забрал у нее корзину и спросил про Исаака.

— Спасибо, мой муж и Исаак здоровы.

Голос ее звучал тихо. Словно она боялась, что кто-нибудь, притаившийся в придорожной канаве, может услышать ее.

Когда дома Страндстедета были уже позади, Вениамин набрался смелости и спросил:

— А ты сама? Как тебе живется, Ханна?

— Спасибо, хорошо, — не сразу ответила она.

— Выглядишь ты великолепно!

Она покосилась на него и быстро проговорила:

— Мы ждем ребенка.

Не она, а мы! Это было сказано с торжеством. А может, с презрением? Кто знает?

Конечно, она ждала ребенка. Это было видно по ней. Вениамин кашлянул и улыбнулся.

Ханна была такая маленькая. Рядом с ней он всегда чувствовал себя высоким и крупным. Теперь их заслоняли пакгаузы. На мокрой дороге никого не было. Вениамин решил, что может пожать ей руку и пожелать счастья.

Но все-таки подождал, пока они не дошли до его лодки.

— Экспедитор, наверное, счастлив? — спросил он и, поставив корзину в лодку, положил руку ей на плечо.

— Счастлив? Конечно.

Он надел рукавицы, чтобы не попортить руки, пока возится с лодкой.

— Два месяца?

— Четыре.

Он кивнул и взялся за борт. От толчка лодка скользнула в воду. Он повис на ней, кляня себя за неуклюжесть:.

Ханна хотела пройти к лодке по воде, но Вениамин удержал ее и поднял на руки.

Он твердо стоял на скользких камнях. От вспыхнувшего желания ему стало трудно дышать, и он прижал Ханну к себе крепче, чем ему хотелось. Все было как в тумане. Ее дыхание щекотало ему щеку.

Она обвила руками его шею, как раньше. Когда же это было? Кто хоть

что-то знает о времени?

Он не шевелился. Лодка отплывала и снова возвращалась к его ногам. Лодка — время, бьющееся о его ноги. Ханна была легкая как перышко! Знакомая золотистая птичка, улетевшая от него и ставшая чужой.

Он держал ее на руках. Как когда-то давно. В сене. На поле. На чердаке. В конюшне. В одном из чуланов большого дома. И последний раз — в ее комнате.

— Отпусти меня, — сказала она, крепко держась за него.

Он послушался, и она разжала руки.

Но они уже перестали быть чужими.

Дул свежий западный ветер, лодка шла быстро.

Вениамин протянул Ханне свою куртку из тюленьей кожи, она закуталась в нее и замерла на носу лодки.

Подходя к Вике, Вениамин изменил курс, и ветер ударил им в борт. Он достал запасной парус и дал его Ханне, чтобы она закуталась в него. Но она уже промокла.

— Тебе не страшно? — крикнул он ей с кормы.

Она помотала головой.

— Я сглупил, нельзя было так резко менять курс, — сказал он уже у берега.

— А как же иначе? — возразила Ханна.

Когда он вернулся от больного, Ханна сидела на ящике и смотрела на море. Волосы под шляпкой растрепались. Ветер трепал одну прядь, и она металась черной полоской на фоне тревожного неба.

Она сняла чулки, чтобы высушить их на ветру. От них на камне остались мокрые полосы. Когда Вениамин подошел к ней, она спрятала покрасневшие ступни под юбку.

Его охватило бессилие. Захотелось встать перед ней на колени и спрятать ее ступни в своих ладонях, Засунуть их под рубашку, согреть.

Ханна надела чулки, башмаки и сама прыгнула в лодку с ближайшего камня.

Когда они завернули за мыс, ветер задул с правого борта. Вениамин понял, что им придется несладко. Ни цвет, ни сила волн не предвещали добра.

Он крикнул Ханне, что поведет лодку вдоль берега и между островами, несмотря на то что это потребует больше времени.

Ее ответа он не расслышал.

Он хотел поставить лодку поперек волны, но не успел, и волна обрушилась на них. Задохнувшись от ледяной воды, он почувствовал, что промок до нитки.

Ханна съежилась и крепко вцепилась в борт. Теперь внимание Вениамина было поглощено только лодкой.

Начался дождь. Он то падал отвесно, то ветер гнал его почти горизонтально. К дождю примешивались волны. Ледяные, неумолимые.

Лодка пошла быстрее, то проваливаясь между волнами, то, подобно неуправляемому корыту, снова взбираясь на гребень.

Вениамин решил пристать к берегу, но не сумел повернуть лодку. Некоторое время ему с трудом удавалось только вести ее с волны на волну. Потом он быстро изменил курс и направил лодку к ближайшему островку. С грехом пополам это у него получилось. Нос лодки с силой ударился в прибрежные камни. Вениамин выскочил в воду и с очередной волной вытащил лодку на берег. Ханна тоже спрыгнула с лодки и помогла ему. Тяжело дыша, они держались за борт.

Зубы у Ханны стучали, руки тряслись.

— Боже мой, Ханна, как ты? — простонал он.

Она не ответила.

Поставив лодку между двумя камнями, Вениамин вынул из нее корзину, свой чемоданчик, лежавший на дне балласт и попытался перевернуть ее килем вверх.

Ханна помогала ему с другой стороны. Она знала, что следует делать. Скамейки упали, и нос лодки стукнулся о землю, из отверстий для уключин побежала вода.

Они положили лодку на камни так, чтобы под нее можно было подлезть. Вениамин постелил на землю запасной парус и знаком показал Ханне, чтобы она заползла внутрь.

— Сними мокрую одежду, — сказал он.

Она вся сжалась, обхватив руками колени.

— У тебя в корзине найдется что-нибудь сухое?

Он вдруг понял, что она не хочет переодеваться у него на глазах.

— Я отвернусь.

Она не ответила.

— Будь благоразумна! — Негнущимися пальцами он начал расстегивать пуговицы на ее куртке.

Она не шевелилась, только дрожала.

Тогда он сорвал с себя мокрый свитер, рубашку и высунулся из-под лодки. Дождь лупил по его голой спине, но он в злости только мотал

головой. Он уже хотел совсем выбраться наружу и оставить Ханну одну, как почувствовал на спине ее руку, ледяную и влажную.

— Ты дурачок, — донесся до него ее голос.

Прошло немного времени — вечность, секунда. Кто знает, черт побери, как ведут себя в таких случаях. Не оборачиваясь, он снова залез под лодку.

— Ну? — спросил он, зубы у него стучали.

Ханна как будто проснулась. Порылась в своей корзине, нашла рубашку, блузку, еще что-то.

Полулежа, полустоя на коленях под низким сводом лодки, она стала раздеваться, снимая с себя одну вещь за другой.

Вениамин пытался отвести взгляд.

Она выжимала волосы, словно надоевшую тряпку. То совсем рядом с ним, то где-то в сумраке пылали ее глаза — фосфорическое свечение в черной пучине. Они молили и требовали.

Почему Ханна сняла с себя все? Почему, снимая вещь за вещью, не заменяла их тут же сухими? Почему?

Она не успела прикоснуться к сухой одежде, как он потерял рассудок.

Они лежали на твердом и влажном ложе, как можно дальше отодвинувшись друг от друга. Но когда ночной холод безжалостно всадил в них свои зубы, он придвинулся к ней и укрыл их обоих всем, что нашлось под рукой.

— Только бы ты не простудилась, — прошептал он.

Но вот утреннее солнце упало ему на лицо, и он понял, что в будущем эта ночь может им обоим стоить больше, чем они смогут оплатить.

— Отвези меня домой в Страндстедет, — попросила Ханна, уже сидя в лодке.

Он промолчал и ни о чем не спросил.

— Высадишь меня в бухте к западу от церкви.

— Почему? Ведь оттуда тебе далеко до дому.

— Он может увидеть нас, — чуть слышно ответила она.

— Ханна, люди видели, как мы садились в лодку. Мы не виноваты, что разыгралась буря. — Вениамин заставил себя улыбнуться.

Ведь они шли к лодке мимо стольких домов, мимо стольких окоп!

— Все равно, я не хочу, чтобы нас видели вместе.

— Ты жалеешь, что поехала со мной?

Прошло немного времени. Кто, черт побери, хоть что-то знает о времени? Пока не поймет, что уже слишком поздно.

— Нисколько, даже если я теперь из-за этого умру от родов!

Она плюнула вслед своим словам, словно произнесла заклятие. Ее глаза были бездонны. Темные волосы стянуты в тугой узел и прикрыты шляпкой, высокие скулы блестели.

Обезумевшие чайки дрались из-за рыбы. Солнцу лишь изредка удавалось прорваться сквозь возмущенное небо. Ветер был попутный, как на заказ, чтобы добраться до бухты за церковью.

— Если я снова забеременею, ты встретишься со мной опять? Как теперь? — спросила Ханна.

Он не сразу понял смысл ее слов. У нее покраснела даже шея, но она упрямо не сводила с него глаз.

— Если ты снова забеременеешь? Что ты хочешь этим сказать?

— Я не хочу зачинать своих детей в блуде. Только я одна должна расплачиваться за свой грех.

Он долго пытался придумать ответ, в котором не было бы лжи.

— Нет, Ханна, больше нет! Но я ни в чем не раскаиваюсь.

Не подходя к берегу, он закрепил руль и перелез к ней на корму.

— Ханна, ты мне не чужая. Посмотри мне в глаза!

Они молча приникли друг к другу.

По пути домой Вениамином овладел страх.

Неужели Ханна все подстроила? Испортила репутацию и ему, и себе? А он? Выходит, он только ждал случая? Или — что еще хуже — ему следовало жениться на Ханне?

Анна не находила себе места от тревоги. Но стоило из-за бугра с флагштоком показаться его лодке, как ее тревога сменилась необузданной радостью.

Она накинула шаль и, смеясь сквозь слезы, бросилась ему навстречу.

Он обнял ее, но это был не он. Другой. Этот другой мужчина смотрел на нее со стороны и удивлялся, как она похудела.

Он же успокоил Вениамина — вряд ли это случилось за одну ночь.

А может, все объяснялось тем, что он все еще обнимал другую женщину?

Вениамину не хотелось думать об этом, но его мучила беспомощность от сознания, что он даже не заметил, как похудела Анна.

— Ты насквозь мокрый! — испуганно воскликнула она. — Я боялась, что ты утонул!

— Нет, обошлось и на этот раз. Но уж теперь я непременно займусь дорогой через горы, — пробормотал он.

Вечером, лежа рядом с Анной в кровати с пологом, Вениамин рассказал ей о непогоде, о ночи под лодкой, и после его рассказа все как будто очистилось.

Ханны там не было. Поэтому он даже не упомянул о ней.

— Как тебе одному удалось перевернуть лодку? — воскликнула она.

Этот другой посмотрел на Анну, поцеловал ее в нос, погладил по голове. И этот другой не испытывал ни малейших угрызений совести из-за того, что все обошлось без осложнений.

Глава 18

Дело шло к весне, но в Берлине стоял настоящий зимний мороз. Служанка весь день топила печи, пока стены прогрелись.

Дина держала в руках два письма. Одно — из Рейнснеса, другое — от знакомого адвоката.

Письмо из Норвегии дошло до Берлина быстро, другое шло на удивление долго. Оба были датированы 22 февраля 1878 года.

В старинном календаре этот день был отмечен камнем. В знак того, что именно в этот день святой Петр бросил на землю раскаленный камень, дабы земля согрелась и лед растаял.

Дина сидела перед большим зеркалом. В ее темных волосах блестели серебряные пряди, но морщины скорее угадывались, чем были видны. Словно кожа, научившись сопротивляться возрасту, покрыла лицо тонким защитным слоем.

Лишь когда, как сегодня, неприятности или чувства заставали ее врасплох, этот слой трескался и обнажал морщины.

Обстановка комнаты говорила о вкусе и любви к роскоши и в то же время казалась почти выхолощенной в своей простоте. Картины, в углу — виолончель, посредине комнаты — рояль. Над ним большая хрустальная люстра; люстра слабо позванивала, когда тремя этажами ниже открывалась парадная дверь или мимо дома проезжали пролетки.

Белая кафельная печь от пола до потолка занимала целый угол. Медная дверца была открыта, отблеск огня падал на строгий узор паркета.

Письмо от адвоката Дина сложила и спрятала в шкатулку под почтовую бумагу и конверты.

С другим подошла к одному из трех окон, выходивших на шумную улицу с липовой аллеей. Она открыла окно и высунулась в него.

День близился к вечеру, падал снег. До нее долетали топот копыт, звук

торопливых шагов, стук колес и перекатывающихся бочек. С веток деревьев свисали солнечные лучи.

Дина высунула в окно руку с письмом, и оно мягко затрепетало среди снежинок.

К парадному подошел высокий мужчина.

Она помахала ему письмом.

Аксель не смотрел вверх, поэтому она сунула в рот два пальца и свистнула. Он тут же поднял голову, снял шляпу и махнул Дине.

Она подняла руку и уронила письмо вниз. Серьезно и молча выпустила его из руки, и они оба следили, как оно летело по воздуху.

Аксель поставил на землю докторский чемоданчик и попытался схватить падающий листок. Он бросился к нему всем своим крупным телом, но не поймал, лишь сделал несколько нелепых прыжков.

Слабый ветер, играя, держал письмо в воздухе и позволял снежинкам медленно скользить по бумаге. Чернила расплылись прежде, чем оно намокло и отяжелело настолько, что наконец упало на землю.

В конце концов Аксель схватил его и, наклонив голову, стал читать. Потом снова взглянул на окно.

Но Дина уже закрыла его.

Аксель протянул Дине письмо и поцеловал ее. Но она не взяла письмо, и оно на мгновение замерло в воздухе между ними. Наконец Аксель выпустил его, надеясь, что оно упадет на консольный столик под зеркалом.

— Ведьма! Почему ты бросила мне письмо? Когда оно попало ко мне в руки, его уже невозможно было прочесть. От кого оно? — спросил он и поцеловал ее в губы.

— От Анны. — Дина помогла ему снять пальто.

Аксель подошел к печке и стал растирать перед огнем замерзшие руки.

— От Анны? — равнодушно спросил он. — И что же она пишет?

— Она живет в Рейнснесе. Там сейчас темнее, чем летом.

— Почему?

— Зима.

— Понятно… А Вениамин?

— Наконец получил докторскую лицензию.

— Эти норвежцы — законченные идиоты! — воскликнул он.

— Но все-таки они дали ему лицензию.

— Отпразднуем?

Он обернулся к ней и кивнул на приоткрытую дверь спальни.

— Не сейчас.

— Почему ты так сурова?
— Я думаю.
— О чем?
— О моих домашних.
Он засмеялся и потянулся к ней.
— И что же ты о них думаешь?
— Я еще не кончила думать.
— Понятно. А что еще было в письме Анны?
— Она просит меня приехать.
— Они все время просят тебя приехать. Давай наконец съездим.
— Мы?
— Да, я поеду с тобой.
— Нет.
— Почему же?
— Потому что там, на севере, меня ждут муж и родные, которых я бросила.
— Подумаешь, это было полжизни назад. Твой муж знает, что ты… что мы…
— И поэтому мне позволено оскорбить его, притащив с собой любовника? Никогда!
Дина невозмутимо прошла в спальню и надела шляпу.
Аксель пошел следом и, пока мыл руки, через плечо наблюдал за ней.
— Где мы будем обедать? — спросила она.
Он обернулся так резко, что разбрызгал мыльную воду.
— Разведись! — сказал он сердито.
Она приколола шляпу булавкой и взяла ручное зеркальце, чтобы посмотреть, как шляпа сидит сзади.
— Нет!
— По-моему, вам давно пора развестись! Или я ошибаюсь?
— Я не могу развестись с Андерсом.
Он схватил полотенце и, вытирая руки, грозно двинулся к ней:
— Можно узнать, почему?
— Я никогда не опозорю брата, от которого видела только добро.
— Боже милостивый, так ты вышла замуж за брата? Но ты уже много лет не занималась кровосмешением. К тому же ты опозорила его, когда уехала из Рейнснеса.
— Замолчи!
Дина приложила палец к его губам и покачала головой.
— Какого черта! Должна же ты наконец принять решение! Поезжай

домой, поговори с ним. Андерс — старый человек, он все поймет. А потом мы поедем в Берлин и поженимся.

— Потом? После чего?..

— После того, как ты поймешь, что поступила правильно, съездив туда, побывав в Рейнснесе и разведясь с человеком, до которого тебе нет дела.

— Аксель, ты всегда забываешь одну вещь.

— Какую?

— Не в твоей власти изменить мою жизнь или мои мысли. И, между прочим, мне есть дело до Андерса.

— Ну ладно, не будем спорить. Поезжай одна. И выбери наконец! Меня… или его. Раз и навсегда!

— Если не ошибаюсь, такой разговор или очень похожий у нас с тобой уже был. В прошлый раз. После прошлого письма.

— Черт!

— Впрочем, маленькая разница все же есть.

— Какая?

— На этот раз я все-таки поеду. Этим же летом. И одна.

Аксель этого не ждал. Он смял полотенце и швырнул его в стену. Потом пересек комнату, схватил пальто и шляпу и, не дав себе времени надеть их, вылетел за дверь.

Дина положила зеркало на комод, последний раз взглянула на себя и натянула перчатки. Но в глубине светлых глаз уже заняла свое место пустота.

Она вышла из подъезда. Аксель курил на улице. Курил как одержимый, словно от этого зависела его жизнь. Он раскаивался в своих словах. Но было уже поздно. Он понял это, как только увидел ее глаза. Она сделала свой ход.

Книга вторая

Глава 1

Как в воде лицо — к лицу, так сердце человека — к человеку.

Книга Притчей Соломоновых, 27:19

Стоял холодный майский день 1878 года, все собрались в гостиной. Анна в окно следила за приближающейся лодкой Вениамина.

Пришла Сара читать Андерсу газету, зрение у него стало еще хуже. Как обычно, Анна и Карна тоже слушали Сару. Иногда она развлекала их, читая им списки пассажиров, едущих на пароходе. Она то жеманилась, изображая важную даму, то переходила на раскатистый бас, если среди пассажиров, направлявшихся на север или, напротив, на юг, попадались высокопоставленные личности с громкими званиями.

Пройдясь по адресу амтмана и какого-то английского лорда, она вдруг замолчала.

Молчание длилось так долго, что Андерс вынул изо рта трубку и нетерпеливо спросил:

— Ну а дальше?

И тогда Сара произнесла тихо, но внятно:

— С гамбургским пароходом «Харальд Прекрасноволосый», прибывшим в Берген третьего мая, приехала фру Дина Бернхофт.

Сара сидела в качалке, поставив ноги на раму, но, произнося эти слова, она перестала качаться. Просто сидела, выпрямив спину. Не глядя на Андерса, она опустила газету на колени.

Никто не шелохнулся, все молчали.

Наконец Анна отвернулась от окна и взглянула на Андерса.

На мгновение его лицо покрылось смертельной бледностью. Он прижал руку к сердцу. Подбородок немного опустился. Словно превозмогая сильную боль, Андерс прикрыл глаза. Потом выпрямился и попросил:

— Прочти-ка это еще раз.

— Я тоже хочу прочитать! — сказана Карна и потянулась за газетой. Сара неохотно отдала ей газету.

Карна долго смотрела на буквы, прежде чем из них сложились слова. Слова «гамбургский пароход» не сразу дались ей, и Сара шепотом подсказала их Карне.

Карна оскорбленно глянула на нее.

Андерс глубоко втянул в себя воздух и резко выпустил его:

— С-с-с-скажите!

Анна вышла в буфетную и налила стакан воды. Принесла Андерсу. Но Андерс не сразу заметил его. Она стояла и держала стакан, пока он пил, словно он был тяжелобольной.

Посидев немного с незажженной трубкой в руке, он медленно встал и поднялся на второй этаж.

Анна шла за ним по коридору. Но остановилась перед лестницей, понимая, что оскорбит его, если поднимется вслед за ним.

Наконец его дверь закрылась.

Она растерянно поглядела на пустую лестницу, потом вернулась в гостиную и забрала у Карны газету, чтобы самой прочитать любопытное сообщение.

— Ведь я уже прочла… — Карна замолчала.

— Да, Карна, твоя бабушка наконец приедет домой! — сказала Анна. В ее голосе не слышалось радости, какую должна была вызвать такая новость.

Лодка Вениамина пристала к берегу. Они даже не заметили этого и узнали о его возвращении, лишь когда в коридоре послышались его шаги.

Карна бросилась ему навстречу, чтобы сообщить важную новость.

Сара попрощалась и тихонько ушла. От нее о приезде Дины узнали Стине и Фома.

Вениамин замешкался в дверях. Потом поставил свой чемоданчик на полку и медленно расстегнул жилетку.

— Только этого нам… Как Андерс?

— Поднялся наверх, — шепотом ответила Анна и прошла в гостиную.

Карна потребовала, чтобы Вениамин поднял ее. Но он, наверное, забыл, как это делается. Он просто взял ее за руку и пошел следом за Анной.

— Как он отнесся к этой новости?

— Тяжело. Думаю, у него что-то с сердцем.

Ничего не говоря, Вениамин взбежал по лестнице.

— Почему вы не рады приезду бабушки? — спросила Карна.

— Мы рады! Просто мы очень удивились, — спокойно ответила Анна.

— Но Андерс не хочет, чтобы она приехала, правда? Потому он и ушел наверх?

— Андерс тоже рад, просто он всегда боялся, что не дождется этого.

Вениамин спустился в гостиную.

— Он говорит, что был удивлен. И только. И сердце у него не болит.

— Но я видела, что ему стало плохо, — упрямо сказала Анна и протянула Вениамину газету.

Он сел на краешек стула. Глаза быстро нашли список пассажиров.

— Да! Вот это новость!

— Ты тоже не рад, папа? — спросила Карна и забралась к нему на колени.

— Рад! — уверенно ответил Вениамин.

— Тогда почему вы все такие странные?

— Потому что это для нас неожиданность, — смущенно ответил он.

— И потому что бабушка не предупредила нас о своем приезде, чтобы мы успели приготовиться! — подхватила Анна.

Карна переводила взгляд с одного на другого.

Анна открыла дверь в столовую, ушла туда и села за пианино. Взяла несколько аккордов, но, передумав, весело заиграла что-то другое.

— Наконец-то к нам приедет кто-то из другого мира! Кто-то, с кем можно поговорить! Поиграть в четыре руки. Кто любит музыку! Это же замечательно!

Именно этого Карне и не хватало. Анниной радости. Она обхватила руками шею Вениамина.

— Беги на кухню, — улыбаясь, сказал он ей, — скажи, что к нам приезжает бабушка и что я хочу есть. Пусть мне чего-нибудь принесут. Хотя бы холодный обед.

И Карна убежала.

Анна перестала играть.

— Если пароход не опоздает, Дина будет здесь через три дня, — сказала она.

Карна прибежала обратно, она была взволнованна:

— Бергльот спрашивает, знает ли бабушка, что пароход больше к нам не заходит и что ей придется сойти в Страндстедете.

Анна полагала, что Дине это известно.

Вениамин молчал, он стоял спиной к ним и смотрел на пролив.

— Интересно, что эту новость нам принесла газета, выпускаемая выскочками с Олаисеном во главе в качестве главного акционера. И что Дина сойдет с парохода на пристань Олаисена! Чего только не бывает! — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Разве это имеет значение? — Анна подошла к нему.

— Конечно нет! — Он засмеялся.

В связи с приездом Дины у Бергльот возник вопрос, который сама она решить не могла. Она посоветовалась со Стине. Но и Стине не могла ей помочь.

Тогда Бергльот обратилась к Анне. Анна не сразу поняла, о чем идет речь.

— Так что же ты хочешь знать?

— Фру Дина… где она будет спать? В спальне Андерса? Или в какой-нибудь другой комнате?

— Спроси у самого Андерса.

— Нет, Боже упаси… Ему опять станет плохо. Как тогда, когда он узнал, что она приезжает.

— Ладно… я сама поговорю с ним.

Анна задала этот вопрос Вениамину, когда они остались одни. Он считал, что Дине нужно приготовить мансарду. Не надо тревожить Андерса по пустякам.

— Как будто он у нас недееспособен! — Анна растерялась.

— Нет, конечно. Но зачем смущать его такими вопросами. Будет только хуже.

Заметив, что Андерс спускается к лодочным сараям, Анна быстро пошла за ним. Ей хотелось поговорить с ним наедине.

Стараясь подладиться под его широкий шаг, она сразу заговорила о деле.

Андерс спокойно отнесся к этому разговору. Но уголки губ у него шевельнулись, приподняв усы.

— Мы с Диной женаты только на бумаге. И не спали вместе с тех пор, как Вениамин перестал быть ребенком. Я помогал ей его воспитывать. По-моему, не стоит донимать ее такими вещами. А что касается меня, так я рад, что она решила погостить дома.

Анна молчала, продолжая идти с ним в ногу. Андерс остановился и добродушно сгреб ее в объятия.

— Хорошо, если в доме достаточно комнат, чтобы у каждого была своя. Это только вы с Вениамином не можете друг без друга.

Анна наблюдала за ним. Он, безусловно, был ее другом. Несмотря на то что они были такие разные, они любили поговорить о всякой всячине. Она научилась понимать истинный смысл, который он вкладывал в свои простые слова. Он же любил с закрытыми глазами слушать, как она играет. Они часто коротали время вдвоем.

У Андерса была густая седая шевелюра. Жесткие усы, гладко выбритые щеки. Он всегда щурил глаза, словно пытался разглядеть суть чего-то, скрытого от других. Фигура у него была сильная и статная.

— Когда ты видел ее в последний раз?

— Целую вечность тому назад. Я уже давно перестал считать годы. От них превращаешься в морского призрака.

— В кого?

— В морского призрака. Знаешь, он обычно появляется на киле перевернувшейся в море лодки.

Анна задумчиво кивнула. Потом стиснула ему руку и прижалась к нему.

— Тебе интересно, какой она стала?

— Ну… Не стану отрицать.

— Ты все еще любишь ее?

— По-моему, собирается дождь. — Он прикрыл ладонью прищуренные глаза.

Анна сбоку украдкой наблюдала за ним.

Он немного смущенно похлопал ее по плечу:

— Самое важное, что ты приехала к Вениамину. Это будущее! А прошлое у каждого свое. Изменить его мы уже не в силах. Не мучай себя этим.

Карна не узнавала взрослых. Они что-то знали, но не говорили об этом. Что-то, что случилось еще до ее рождения и было связано с бабушкой. Они как будто даже побаивались ее приезда. Карне казалось, что они заговаривают о чем-то своем, как только она выходит из комнаты, и ей было неприятно.

Андерс теперь редко бывал в гостиной и все время проводил в пакгаузах или в конторе. За столом он почти не смотрел на Карну и молча разглядывал что-то у нее за спиной.

Остальные спешно готовились к важному событию. Больше других были похожи на себя Анна и Сара. Но и у них на лицах было написано: «Не мешай мне! Я думаю!»

Карна поднялась на чердак, чтобы рассказать бабушке, что делается в Рейнснесе. Она захватила с собой красное платье и по обыкновению расстелила его на полу.

Но бабушка не захотела надеть платье.

— Пожалуйста, бабушка! — шепотом попросила Карна — лаз был

открыт, и ее могли услышать.

Но ничего не изменилось.

Впрочем, бабушка плыла сейчас на пароходе, и у нее могла быть морская болезнь. Но сказать-то об этом она могла бы! Зачем она притворяется, будто ей нет дела до Карны?

— Как ты думаешь, будет у меня когда-нибудь муж или нет? — сердито спросила она.

Платье по-прежнему лежало неподвижно.

— Если ты не наденешь платья, я его сомну и брошу в погреб! — пригрозила она и подождала ответа.

Нет, бабушка решительно не хотела надевать сегодня платье.

— Если ты его не наденешь, я тоже буду сердиться, что ты к нам приезжаешь! Как все остальные!

Но и это не помогло.

Наверное, бабушка плывет сейчас где-то в музыке моря и потому не может надеть на чердаке свое платье. Но если у Карны случится припадок, бабушка сразу обратит на нее внимание.

Карна встала и долго смотрела на дневной свет, проникавший наверх через лаз. Она не моргала. Луч света играл с двумя дохлыми мухами, валявшимися на полу возле лаза. Слабое, едва заметное дуновение шевелило их крылышки. Но ведь Карна видела, что мухи мертвые. Может, бабушка тоже умерла? Перед самым приездом! И поэтому не хочет надевать платье?

Чтобы выяснить это, Карна попробовала вызвать припадок, но из этого ничего не получилось. В конце концов она уронила голову на руки и заплакала.

Ей было слышно, как внизу хлопочут Анна, Бергльот и служанка. От этого Карне стало еще более одиноко. Она потеряла бабушку, уступив ее той, чужой, которая должна была приплыть на пароходе.

Глава 2

Дул западный ветер, и небо было тревожное, когда они на двух лодках отправились в Страндстедет встречать бабушку.

— В такую погоду хорошо было бы идти на «Лебеде», — заметил Андерс.

Вениамин промолчал. Мало того, что Олаисен купил у Андерса шхуну и переделал ее в пароход. Он теперь возил на ней наживку на Лофотены и в Финнмарк, и это приносило ему неплохой доход.

Но сегодня главной была Дина.

В Страндстедет пароходы приходили три раза в неделю, и те, что шли на север, и те, что возвращались на юг. Почта же поступала дважды в неделю, а гамбургские пароходы — по четвергам, если они вообще ходили.

Они поставили свои лодки у причала Олаисена. Там были и трапы, и вообще царил порядок. Пахло свежими просмоленными бревнами.

Они были на берегу задолго до того, как послышался призывный гудок парохода. По причалам с грохотом катили бочки, из открытых дверей пакгаузов отдавались приказы, скрипели лебедки.

Встречающие болтали о пустяках, которые в другое время даже не пришли бы им в голову.

Было пасмурно. Моросил дождь, но ветер стих, когда начался отлив.

Карна держала Вениамина за руку. На ней было новое зеленое пальто с бархатным воротником. Но, как и все остальное, оно выглядело на ней так, словно вот-вот сорвется и улетит. Из-за тревоги, мучившей Карну, нарядная одежда выглядела на ней нелепо.

Ее это не смущало, но взрослые то и дело делали ей замечания: «Застегни пальто! Завяжи шнурки! Опять у тебя шапка съехала набок!» Или что-нибудь еще в том же духе.

Иногда она старалась угодить им, даже если не была с ними согласна. Их одергивания явно оставляли ее равнодушной.

Она вообще не слышала, что ей говорят, и стояла на ветру в пальто нараспашку. Ее оставили в покое. Тем более что на пути в Страндстедет у нее дважды чуть не случился припадок.

Вениамин раскланивался направо и налево, держа Карну за руку, и старался побыстрее закончить очередной разговор, но так, чтобы не обидеть заговорившего с ним человека.

Анна придерживала шляпку, ее большие голубые глаза были прикованы к серой воде. Порой она взглядывала на Вениамина и улыбалась.

Андерс стоял позади всех, прислонившись спиной к высокому штабелю из ящиков. Все давно привыкли к замкнутому выражению его лица. Он не выставлял напоказ свои чувства. Но никто и помыслить не мог, чтобы он не приехал встречать возвращавшуюся издалека Дину.

Пока пароход с грохотом и свистом пришвартовывался к причалу, Андерс хватался то за очки, то за трубку, словно не понимая, что же ему больше нужно.

Наконец он сдался, убрал и очки, и трубку и стоял, захватив рукой воротник тужурки, другая его рука неподвижно висела вдоль туловища.

В Страндстедете уже все знали, что Дина из Рейнснеса возвращается домой после многих лет, проведенных за границей. Люди собрались к гамбургскому пароходу, чтобы своими глазами увидеть, какой след оставили на ней эти годы. Особенно те, кто когда-то знал ее.

Она не стояла у поручней, пока пароход подходил к причалу. Не увидели ее и когда был спущен трап. Все ждали с волнением. Коротышки поднимались на цыпочки, чтобы шляпы стоящих впереди не загораживали им пароход, — хозяйки с мешками картошки за спиной, телеграфист в фуражке, экспедитор с кожаным портфелем.

Говорили, что у Олаисена теперь слишком много обязанностей, чтобы самому исполнять еще и обязанность экспедитора. На эту должность он нанял какого-то молодого человека с островов.

Поскольку Дина из Рейнснеса сразу не показалась, интерес людей вскоре переключился на другое.

Когда трап опустел, дверь салона снова открылась. Оттуда вышла высокая стройная женщина в темно-зеленом дорожном костюме. Лица ее не было видно. Его скрывала широкополая шляпа с вуалью, подвязанной под подбородком.

Андерс узнал и в то же время не узнал ее. Она шла словно в белом болотном тумане — он был без очков.

Он часто гадал, как она теперь выглядит. Нет, он не думал, что она стала некрасивой и старой, но все-таки она должна была немного поблекнуть…

Дина была не такая полная, как раньше, — это он сразу заметил. Худоба шла ей, но делала ее другой. Незнакомой. Может, она была уже слаба для сильного ветра? Как темный, видавший виды парус с

побелевшими швами.

Андерс вдруг подумал, что видел ее в разных состояниях. Не всегда уверенной в себе, с твердым взглядом. Так уж было ему суждено. Ему показалось, что сейчас она похожа на ту Дину, которая когда-то чуть не истекла кровью в Фолловом море.

Однако женщина, вышедшая из салона парохода, вовсе не выглядела несчастной. Она нашла себя. Или он ошибается?

Дина остановилась у трапа. Потом взялась рукой за поручни и медленно, ступенька за ступенькой, стала спускаться к ним. Она понимала, что сейчас за ней наблюдает пятьдесят пар придирчивых глаз.

Андерс снял руку с воротника и большими шагами двинулся ей навстречу. Сколько раз он видел это во сне! Сколько раз во сне подходил к ней и брал ее руки в свои!

Когда-то, когда в Рейнснес еще заходили пароходы, он сам плавал на лодке, чтобы встретить ее. Ее спускали к нему с парохода, она была так близка, так осязаема. И дело вовсе не в том, что в ту пору зрение у него было лучше. Нет, просто в нем тогда был жив ее образ. Не только в голове. Во всем теле.

В последние дни он много раз представлял себе их встречу в Страндстедете, все было, как сейчас. Небольшие отличия не сделали мысли о встрече менее правдоподобными.

Правда, он и подумать не мог, что на Дине будут перчатки. Зачем они, разве у нее на руках нет кожи?

Но делать было нечего, он взял в руки ее перчатки и кашлянул, прочищая горло. А потом громко отчеканил, чтобы его слышали все, кто стоял вокруг:

— Благослови тебя Бог, Дина! Добро пожаловать домой!

В последующие часы эти слова летали над Страндстедетом. Дразнили, как запах пищи дразнит уставших на поле работников. Подумать только, сказать так после всех этих лет! «Благослови тебя Бог, Дина! Добро пожаловать домой!» Как мог этот Андерс из Рейнснеса, одинокий и опозоренный, встретить беглянку такими словами? Это было выше всякого понимания!

Зачем она приехала? Что ей здесь нужно?

Она все еще была великолепна, хотя они помнили ее другой. Городская шляпка ничего не меняла, Дина и раньше носила такие, но от людей не укрылось, что она поседела. И похудела. Во всяком случае, что-то в ней изменилось. Наверное, в Берлине она не только наслаждалась жизнью.

Но те, кому посчастливилось оказаться поблизости и увидеть Динины глаза, заметили в них прежнюю силу. Кое-кто из ее должников ощутил неловкость. Ее стеклянные глаза смотрели прямо на человека. И как бы приветливы ни были ее слова, никто не сомневался, что она помнит каждый не возвращенный ей скиллинг.

Дина сошла на берег с висящим на руке ридикюлем, и, как всегда, потные мужчины несли за ней ее багаж.

Все понимали, что Дина собирается некоторое время пожить дома. Три больших сундука были словно набиты свинцом. Носильщики сгибались под их тяжестью. Кроме того, матросы спустили на берег три чемодана, три картонки для шляп и футляр с виолончелью. Да, Дина явно приехала надолго!

Неужели Андерс выдержит и не покарает ее? Андерс, которого они знали? Как бы там ни было, он благословил ее и поздравил с возвращением домой. Наверное, это и значит быть хорошим человеком?

Нельзя сказать, что они собрались на пристани, чтобы быть свидетелями, как он отвернется от нее с презрением, проклянет или прогонит палкой. Отнюдь нет. Но благословлять беглянку!.. Это было уж слишком.

У многих женщин на глаза навернулись слезы, они были растроганны. Андерс — настоящий мужчина, такие им по душе. Он человек чести. Но некоторые женщины были согласны с мужчинами: не проявив презрения, Андерс обнаружил свою слабость.

Никому не пришло в голову, что, ворочаясь по ночам без сна, Андерс давно придумал, что и как он скажет, если случится невероятное и Дина вернется домой.

Слова. Рукопожатие у всех на глазах. Не зная заранее, как следует действовать, если ветер переменит направление, такой человек, как Андерс, непременно потерпел бы кораблекрушение. Когда настал час, он не раздумывая сделал то, что нужно.

Если бы у него спросили, что он чувствовал в ту минуту, он с удивлением посмотрел бы на спросившего и покачал головой:

— При чем тут чувства? Что ты имеешь в виду?

Если Карна и представляла себе, как выглядит ее бабушка, то она ошибалась. Бабушка оказалась более явной и страшной, чем дома на чердаке.

И совсем не такой, какой ее описывали папа и Анна.

Она была немного похожа на пожелтевшую фотографию, которая

хранилась у папы. Там она сидела под зонтиком, подняв руку к кому-то, кого на фотографии не было.

Странно, что она была во всем зеленом, — Карна всегда видела ее только в красном. На фотографии бабушка смеялась. Папа говорил, что на нее это не похоже.

По правде сказать, Карна не могла представить себе ни эту встречу, ни как бабушка выглядит. Она думала, что бабушка приедет в красном платье, с браслетами, которые будут звенеть при каждом ее движении.

Теперь она поняла, что думать так было глупо.

Все, кроме папы, всегда становились серьезными и странными, когда Карна расспрашивала их о бабушке. Поэтому она знала только то, что ей рассказал папа. А он говорил о бабушке так же, как о своих больных, которых больше не видел, потому что они выздоровели. Высокая. Темноволосая. Молчаливая. Хорошо управляла парусом, считала и ездила верхом. И еще играла на виолончели. Больше папа ничего не помнил. Да, кроме того, Дина умела так сердиться, что всем становилось холодно.

В это трудно было поверить. Потому что бабушка на чердаке была совершенно другая. Но из всего явствовало: у Карны совсем не такая бабушка, как у Исаака.

Незнакомая дама спустилась по трапу, протянула к Карне руки в шелковых перчатках, и голос ее был не похож ни на один голос, какой Карна слышала раньше:

— Карна! Боже мой! Ты была такой крошкой, когда я тебя видела. Вот чудо! А теперь! Где ты купила такие красивые волосы?

Карна хотела ответить, что волосы не покупают, но не смогла.

Когда же бабушка присела на корточки и они долго смотрели в глаза друг другу, Карна поняла, что лучше всего у этой приехавшей на пароходе бабушки глаза. Они напоминали стеклянные подвески на люстре в столовой. Или музыку моря, переменчивую, но всегда остающуюся собой.

Бабушка сняла перчатки. Блеснули четыре кольца. Потом она обхватила Карну за талию, подняла и закружила в воздухе. И у обеих развевались юбки.

Люди, смотревшие на них, тоже кружились вместе с ними. Всех засасывала воронка водоворота. Быстрее, быстрее! Глаза у папы были испуганные. Чего он боится? Что у нее случится припадок? Но ведь это невозможно, когда ее держит бабушка!

И было уже не важно, что на этой бабушке с парохода не было браслетов и что поля ее шляпы царапали Карне щеку, потому что зеленый костюм потрескивал, словно кто-то поджег его. И вокруг благоухал

незнакомый дивный запах. Как будто кто-то читал Карне вслух книгу и она ощущала все запахи, о которых в ней говорилось.

Наконец бабушка опустила ее на землю, и тогда Карна почувствовала головокружение и тошноту, но сумела преодолеть их.

— Один дяденька из Трондхейма настроил нам пианино, — сказала она.

— Замечательно!

— У нас тоже есть такая! — Карна показала на футляр с виолончелью.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ту виолончель подарил мне учитель, который научил меня буквам.

— Кто?

— Это долгая история. Мы поговорим об этом потом.

Нет, Карна не потеряла бабушку. Просто бабушка спустилась к ней с чердака.

Карна не думала о том, что после ее встречи с бабушкой всем остальным будет легче подойти и поздороваться с Диной. Но может, так думала Дина?

Вениамин пытался держаться как ни в чем не бывало, словно они виделись совсем недавно. Но по Дине он видел, что и ей нелегко.

После их встречи в Копенгагене прошло шесть лет. И восемнадцать — с тех пор, как она покинула Рейнснес.

Он забыл, какие у нее глаза, какие они большие и светлые. Забыл тени, плавающие в их глубине. Он разволновался. И оттого что он забыл, как она выглядит, ему стало нестерпимо жалко их обоих.

Это удержало его от слез. Ему не хотелось разрыдаться на виду у всего Страндстедета только потому, что его мать соизволила увидеться с ним. От одной мысли о такой возможности у него затвердели губы.

— Здравствуй, Вениамин, — просто сказала она.

Он мог бы спросить у нее, как она перенесла путешествие по морю. Но у него словно замкнулась челюсть. Наверное, она это увидела? Как долго не умирает бешенство мальчика? Как свежо кровоточит детство, хотя ты вырос и теперь тебя зовут доктор Грёнэльв!

Его охватила неприязнь, смешанная с тоской, о которой он, как ему казалось, давно забыл; он взял ее руки в свои и на мгновение сжал их. Ее глаза наполнились слезами, и он подумал: нет, я ничего не забыл. Но ведь тоска и надежда последними оставляют человека.

Анна подготовилась к встрече с Диной, но все-таки чувствовала себя неуверенно. Единственный и последний раз она видела Дину в Иванову ночь в Дюрехавене шесть лет назад. Анна была тогда несчастна и не думала ни о ком, кроме Вениамина. Но несколько писем от Дины помогли ей понять ее.

— Добро пожаловать! Я так рада, что ты приехала! — Она обняла Дину.

Дина отстранила Анну от себя и оглядела ее:

— Ты молодец, Анна! Я в тебе не ошиблась. Вениамин, тебе очень повезло!

Люди слушали, вытянув шеи. Из слов Дины они заключили, что она довольна своей невесткой. Не слишком ли она торопится? Невестки никогда не бывают такими, какими они кажутся с первого взгляда. Но ведь и свекрови тоже! Тем более если эта свекровь — Дина из Рейнснеса и если она не изменилась.

Нет, о жене доктора никто не мог сказать худого слова. Но она трудно сближалась с людьми, хотя и заменяла учителя, когда тот бывал занят. Дети любили ее. Она никогда не прибегала к розгам. И пела в церкви. Так красиво, что даже ангелы могли бы заплакать.

Докторша была слишком изысканная и хрупкая. И никто не видел ее на лугу во время сенокоса. Но было в ней что-то, наверное, в этой докторше, если она нравилась и пробсту, и сопливым ребятишкам. Только вот больно уж она тщедушна, и талия у нее чересчур тонка, так что едва ли в Рейнснесе дождутся наследников.

Однако на пристани об этом не говорили. Упаси Бог! Там люди только слушали и смотрели, пуская слюни, точно новорожденные телята.

Зато потом! Они разбились на группы и за чашкой кофе судачили на эту тему. Тема придала неповторимый вкус печенью и сдобным булочкам. Событие дня было приправлено старыми сплетнями. Словно обычный имбирь заменили щепоткой редкого шафрана.

— Стине, я привезла тебе луковиц и семян! Некоторые из них мне прислал мой знакомый из Голландии!

Радость разгладила смуглое лицо Стине, оно посветлело, словно переродилось. Лишь избранным дано видеть такую красоту, но, раз увидев, они хранят ее, и таким образом она становится бессмертной.

Фома ее видел. И он понимал, что после отъезда Дины, кроме него, мало кто ценил Стине.

И оттого, что Дина не переставала удивляться и переменам в

Страндстедете — новым домам, пароходной пристани, — и тому, что они все не поленились приехать сюда, чтобы встретить ее, все стало как будто обычным, и Фома отвечал ей как доброй старой знакомой.

Он принялся рассказывать, что пароход больше не заходит в Рейнснес, а жаль, но в этом виноват прогресс. Андерс кивал, поддакивая Фоме. Он согласен, они всем обязаны Вилфреду Олаисену, этот человек умеет добиваться того, чего хочет.

Дина обещала вернуться в Страндстедет и познакомиться со всеми новшествами поближе. Но сейчас ей хотелось поскорее увидеть Рейнснес, оказаться в синей кухне Олине и вспомнить вкус ее рыбного супа.

Взяв Карну за руку, она по очереди оглядела всех и выразила удивление, что они не исхудали без стряпни Олине.

И тогда Карна в четвертый раз за этот день услыхала музыку моря.

Но папа заметил это и взял ее на руки, хотя она была уже большая. Она уткнулась носом в его сюртук из грубого сукна и снова увидела, как Олине распрямилась, лежа на полу в кухне, и не захотела говорить с ней. И ненадолго день перестал быть таким, каким был до того, как бабушка заговорила об Олине.

Однако взрослых уже занимало другое, и бабушка взяла Андерса под руку.

— Андерс, ты совсем не изменился! Это противоестественно! — И она нежно сказала что-то на чужом языке.

Карна ничего не поняла, и Андерс, конечно, тоже. Тогда бабушка толкнула его в бок, как он обычно толкал Карну.

И, прижавшись к папе и ощущая его тепло, Карна поняла, почему Андерс толкал ее в бок именно так — ему тоже не хватало игр с бабушкой.

Поняла она также, что именно в такие дни и творятся чудеса. О таких днях часто говорила Стине. Они случаются редко. И потому надо быть внимательным, а то не заметишь разницы между этими днями и всеми остальными.

Подумать только, стоило этой незнакомой бабушке приплыть на пароходе, как сразу все изменилось! Все сияли. Видно, они уже забыли, как их огорчило сообщение в газете о приезде бабушки!

Когда лодка приблизилась к берегу, бабушка сняла шляпу с вуалью, ботинки и чулки. Расстегнув жакет и подобрав юбки, она прыгнула в ледяную воду. И одна вытянула лодку с людьми на берег!

Карна была поражена.

— Вот как надо! Вот как принято в Рейнснесе! — воскликнула бабушка, словно все время жила тут, а остальные только что приехали сюда из Берлина. Она пошла босиком по дорожке, посыпанной гравием, а деревья склонялись к ней и махали ветвями.

За бабушкой растянулись все остальные, неся ее вещи. Если она останавливалась, останавливались и они. Последняя остановка была у крыльца.

Бабушка задержалась на мгновение и оправила юбку. Потом обернулась и крикнула, широко раскинув руки:

— Прошу всех в дом! Идемте! Идемте!

И все пришли. Все, кто работал в Рейнснесе. И работники, которые были заняты на полях, и все домочадцы — служанка, Бергльот, Сара. Сперва они смущались. Но потом радость преобразила их. Как и всех остальных.

Карна верила, что после музыки моря главное в жизни — радость. Радость была заразительна, и ее сильные руки дотягивались до всех.

А как изменилась Анна! Она сияла!

Может, дело вовсе не в самой бабушке, а в том, что она так радуется и не скрывает этого. Радуется и возвращению в Рейнснес, и встрече с ними. И главное, что для них это неожиданность.

Может, и они, как Карна, ждали чего-то другого?

Потом все как будто куда-то помчалось, и слишком быстро наступила ночь. Склонив голову, бабушка настраивала виолончель. Прислушивалась. Они с Анной разбирали ноты. Анна сказала, что Карна должна им сыграть.

Но у Карны ничего не получилось. Руки стали ватными, она слышала только громкие удары собственного сердца. Как слышала их весь день.

Она замотала головой, и Анна оставила ее в покое.

Потом бабушка и Анна играли, и Анна пела. У папы на лице было написано все, что он чувствовал. У всех блестели глаза. Андерс достал часы, но даже не взглянул на них.

Достал и очки. Но не надел.

Как же они жили в Рейнснесе до того, как пришла радость?

Как могла эта незнакомая бабушка, приплывшая с пароходом, так все изменить, если даже сама Карна не осмелилась сыграть то, что хорошо знала?

На другое утро бабушка спустилась из спальни в желтом утреннем халате, украшенном несколькими рядами тонкого кружева.

Карна никогда не видела такой красоты, она сложила руки и замерла, чтобы получше рассмотреть бабушкин халат.

— Теперь мне недостает только одного, — сказала бабушка.

— Чего? — спросила Карна, выходя за ней на крыльцо.

— Звона берлинских колоколов.

— В Берлине много церквей?

— Очень! И у каждой свой голос.

— И ты их все знала?

— Во всяком случае, ближние. Но они часто звонили одновременно, и тогда получался хор. Дальние голоса казались эхом ближних. У одних голос был резкий, у других — мягкий.

И тут бабушка, совсем как на чердаке, подняла руки и, кружась, словно танцуя, побежала через двор к уборным. На бегу у нее с ног упали домашние туфли, но она не обратила на это внимания!

Было холодно. В тени еще лежал снег. Но бабушка его даже не заметила. Обычно только Карна бегала в уборную в нижнем белье. Теперь их было двое.

Карна стояла в ночной сорочке и смотрела на бабушку.

— А у нас слышна музыка морских волн! Почти всегда! — осмелев, крикнула она.

— Я знаю, я скучала по ней в Берлине! — не оглядываясь, крикнула бабушка.

Карна засмеялась. Она побежала в свою комнату, нашла карту и обвела пальцем кружок вокруг Берлина, который ей показал папа. Она-то знала! Но ведь и бабушка должна была это знать? В Берлине нет моря! Как же там люди попадают из одного места в другое?

Бабушка пришла к ней в комнату и огляделась.

Увидев красное платье, которое всегда лежало на стуле матушки Карен, если только Карна не уносила его на чердак, она подошла и погладила его. Потом, напевая незнакомую Карне мелодию, приложила платье к себе.

В комнате было очень светло. Свет лился со всех сторон. Карна держалась за спинку кровати, но это было неудобно — в спинке не было отверстий, в которые можно было бы просунуть пальцы.

Бабушка вдруг сняла халат с кружевами, положила его на кровать и вскинула красное платье над головой. Когда юбка коснулась пола, огненный луч рассек голову бабушки.

— Не надо! Бабушка! — громко крикнула Карна.

Бабушка пылала! Ей было невыносимо больно. Карна услыхала свой

вопль. И все исчезло.

Еще не открыв глаз, она почувствовала щекой бархат бабушкиного платья. Как в первый раз на чердаке. И сразу поняла, где она, хотя голос, звавший ее, был папин.

Она лежала на коленях у бабушки. Рядом стояла Анна с кружкой воды. Бабушка была очень бледная. Губ почти не было видно. Вот что значит горе! Ведь перед тем как Карна упала, губы у бабушки были полные. А теперь Карна их не видела, она просто знала, что они есть.

Ей часто казалось, что она видит мысли взрослых. Особенно мысли Анны. Словно кто-то обидел Анну и не раскаялся. Наверное, о таких грехах пастор и говорил в церкви.

Карна услыхала слово «бром», этот бром папа уже давно перестал давать ей, потому что из-за него она засыпала сидя, как старуха.

С открытыми ртами они тыкались в нее, как рыба в крутые скалы. Они то закрывали рты, то открывали и говорили: «Бром». Одну каплю. У нее появился неприятный привкус во рту, и она уже не узнавала самое себя.

Лицо бабушки исчезло. Но еще до того бабушка взглянула на Карну как на чужую.

Может, Карна перестала быть Карной, но они еще не поняли этого? Может, все боятся ее, только не смеют в этом признаться? Боятся, потому что она видит то, о чем они не говорят?

Карна устала от этих мыслей. Ужасно устала. Лиф ее платья был насквозь мокрый.

Бабушка приподняла ей голову, чтобы она могла напиться. Напившись, Карна закрыла глаза и унеслась прочь.

Два раза она просыпалась, чувствуя что-то необычное. Бабушка сидела возле кровати и смотрела на нее. Оба раза она улыбалась.

— Это я, бабушка…

Наконец к Карне вернулась речь:

— Ты не должна ходить на чердак!

— А я туда ходила?

— Да, но больше не ходи.

— Почему?

— Там опасно. Ты можешь сгореть.

Глава 3

Дина несколько раз ездила в Страндстедет. Отправляла телеграммы и письма, наносила визиты.

Андерс был занят своими делами. Он всегда был дома, когда приезжали гости, и не отказывался выйти в гостиную, если его звали. Но у него были свои дела. Явные, как сама неизбежность.

Перед приездом Дины у Андерса было три дня, чтобы подумать о своих надеждах. Немного. Но достаточно, чтобы разбить часть из них и вымести обломки.

Конечно, он надеялся, что Дина заметит его. Но по ней этого не было видно. Она была дружелюбна, приветлива, и только. Он уже начал готовить себя к тому, что она вскоре снова уедет. Ее приезд был для него загадкой.

Через две недели она неожиданно явилась к нему в контору при лавке. Первый раз они оказались наедине друг с другом. Он пригласил ее сесть, предложил выпить, как, бывало, предлагал своим торговым партнерам.

Дина села, но с выпивкой, сказала она, лучше повременить. Ей надо поговорить о Рейнснесе. О деньгах и бухгалтерии.

Андерс надел очки и нашел договоры и счета, чтобы она посмотрела сама. С этим было быстро покончено, не то что в прежние дни.

Дина не жаловалась. Они вообще почти не говорили, пока она, заложив карандаш за ухо, читала холодные цифры. Он видел, что она считает в уме, проверяя его. Покончив с этим, Дина сказала почти весело:

— Выглядит жутковато!

Андерс снял очки и ненадолго прикрыл глаза.

— Могла бы найти себе управляющего получше, чем Андерс Бернхофт, — ядовито сказал он.

— Я с тобой не согласна.

— Вот как?

— Ты сделал все, что было в твоих силах. С новыми временами шутки плохи. Страндстедет в любом случае задушил бы Рейнснес. После того как у нас отняли пароходную экспедицию и почту, конец был неизбежен.

— Ты говоришь, как Олаисен. Но «Лебедя» мне пришлось продать, потому что мне были нужны деньги.

— Если тебе были нужны деньги, то только для Рейнснеса, — сказала

Дина.

— Ты считаешь, что такие усадьбы, как наша, обречены?

— Похоже на то. Ведь у нас нет удобной бухты, а дорога через горы слишком крута и опасна.

— Черт бы побрал этого Олаисена вместе со Страндстедетом и всеми его потрохами! С телеграфом и почтой! Хоть бы молния спалила его дотла!

Дина оперлась на локти, прищуренные щелочки глаз весело смотрели на Андерса:

— Давай, давай!

Его гнев как рукой сняло, он даже улыбнулся:

— А теперь я должен сделать глоток, чтобы запить эти неприятности. Ты будешь?

Она кивнула и сложила последний договор.

Андерс наливал без очков и не сразу попал в маленькую рюмку, но Дина отвернулась и ничего не сказала.

Заметив свою оплошность, он смутился.

— Я плохо вижу вблизи, — признался он и смахнул пролитое на пол.

— Не ты один.

— Уж рюмку-то с ромом мужик мимо рта не должен проносить.

Они подняли рюмки и кивнули друг другу.

— Я хотела не только узнать, насколько плохи наши дела, — сказала она, глядя ему в глаза.

— А что еще?

— Хочу попытаться спасти то, что еще можно.

— Объясни!

— Видишь ли, этой весной мое положение изменилось. Я получила деньги, на которые никак не рассчитывала.

Он внимательно смотрел на нее.

— И я решила выплатить наши долги и привести Рейнснес в порядок.

Он молчал, словно услышанная новость его не касалась.

— Неплохо придумано, — сказал он наконец.

— Ты не удивлен?

Он наклонил голову, словно хотел припомнить что-то важное, и ответил не сразу:

— Во-первых, это для меня неожиданность… Во-вторых, ты живешь дома уже две недели и до сих пор молчала об этом. И в-третьих, Рейнснес принадлежит тебе, хотя столько лет заботился о нем я один.

Закончив свою короткую речь, Андерс начал рыться в карманах.

— Это упрек, Андерс?

— Упрекать тебя бесполезно. Ведь я знаю, почему ты уехала… Но, честно говоря, не понимал, почему ты вернулась… после восемнадцати лет. Теперь-то мне ясно: ты вернулась, чтобы выплатить долги и, может быть, покрасить лодочный сарай.

— Деньги можно было просто перевести.

— И то верно, — устало согласился он.

Она смотрела на него в упор.

— Мои долги пусть тебя не беспокоят, шхуну я уже продал Олаисену. А кроме нее, мне здесь больше ничего не принадлежало.

— Я делаю это ради себя. И ради Карны.

Он кивнул:

— Разумно ли вкладывать деньги в Рейнснес? Ведь ты сама говоришь, что его песенка спета. Ты могла бы с пользой употребить эти деньги в Берлине.

— Возвращать долги — дело чести.

— Истинная правда! Золотые слова! — Он наконец встретился с ней глазами.

— Должна сказать тебе еще кое-что, — спокойно продолжала она.

— Я так и думал…

Он покачивал головой, словно слушал музыку. Загрубелые ладони лежали на подлокотниках. Большие пальцы были похожи на крюки. Остальные — изогнулись в могучей хватке. Эти руки привыкли держать не только подлокотники.

— У меня есть две неплохие фирмы — строительная и по продаже недвижимости. В Берлине и в Гамбурге. Там работают люди, на которых я могу положиться. Фирмы приносят солидный доход.

Трудно было понять, о чем думает Андерс, но челюсть у него так и ходила.

— Просто невероятно, как это у тебя получилось!

— Нет! — чуть ли не сердито возразила она и потянулась к карандашу, заложенному за ухо, но промахнулась, потянула себя за волосы, и карандаш, царапнув бумагу, упал на стол. — Я получила наследство от одного человека. Много лет я помогала ему вести дела и бухгалтерию. И из вежливости купила в его фирме несколько акций.

— Ясно… чем могла, тем и помогла.

Трудно было не заметить скрытую в этих словах горечь.

— Одно время я с ним жила!

Приподнявшись, Андерс подался вперед. Последними от подлокотников оторвались руки.

— Избавь меня от подробностей, Дина! Что было, то было. Меня не интересует твоя жизнь, я уже слишком стар, чтобы возмущаться тем, как иногда ведут себя люди! С твоего позволения, я бы предпочел, чтобы ты оставила это при себе.

Он выпрямился и смотрел на нее до тех пор, пока она не опустила глаза.

— Я хотела, чтобы между нами не осталось ничего недосказанного.

— Об этом тебе лучше поговорить не со мной, а с пастором. Я не гожусь на то, чтобы отпускать людям грехи.

— Но ты мне самый близкий.

— Когда это было, Дина!

Он заложил руки за спину, словно решив, что они слишком тяжелы для него, потом подошел к окну и встал спиной к ней.

— О чем ты думаешь, Андерс? — спросила она, помолчав.

— О чем думаю? Ну что ж, могу сказать. Я пытаюсь угадать, когда ты снова уедешь в Берлин. Или в какое-нибудь другое место.

— А ты хочешь, чтобы я уехала?

За окном было тихо. Так тихо, что они слышали, как в доме Анна играет на пианино. Музыка, словно напоминание о чем-то, долетала к ним через открытые окна.

— Нет, конечно! Но один из нас должен найти себе другое занятие. Я не могу оставаться при тебе старым бобылем! Хоть ты и повидала мир и вернулась домой с большими деньгами, а не можешь понять такой простой вещи!

Он словно ждал удара кнутом, как разъяренный бык, который кого-то боднул.

— Давай прогуляемся вокруг бугра с флагштоком. Здесь нечем дышать, — тихо предложила она.

— Нет! На этот раз мне нужны стены!

Она посидела немного, потом встала, открыла дверь и ушла.

Услыхав ее шаги на дорожке, Андерс отвернулся от окна и прижал руку к груди. Нашел ощупью стул. Его обветренное лицо залила зимняя бледность.

Пришедшие лодки покачивались у берега. Иногда их привязывали к сваям старых пакгаузов. Гостей весело поднимали в пакгауз с помощью лебедки и ставили на шаткий дощатый настил.

Они приезжали и по нескольку человек, и поодиночке, совсем как в прежние времена, когда лавка еще не являла собой жалкого заведения без

покупателей и приказчиков. Первым приехал школьный учитель с женой, им хотелось узнать, что делается на белом свете, и напомнить Дине об их родственных связях, хотя и весьма дальних.

Потом приехал пробст, чтобы пригласить Дину и Андерса в церковь. Он был бы счастлив, если б фру Анна согласилась петь в Иванов день во время службы. Пробст надеялся, что погода будет хорошая и соберется много народу.

Карна, забыв о приличиях, вмешалась в разговор взрослых и сообщила, что Дине не хватает звона берлинских колоколов и потому, конечно, они все приедут в церковь.

— Видите, — мягко сказал пробст, — дети все знают лучше взрослых.

Приезжали гости и из Страндстедета. Например, Хартвигсен, бывший в свое время арендатором у ленсмана Холма. Он приехал со всей семьей, чтобы поздравить фру Дину с возвращением.

Теперь Хартвигсен извозничал, держал единственную на всю округу извозную станцию. Так что, если фру Дине или Андерсу понадобится что-то перевезти по суше, он всегда к их услугам.

Приехал и телеграфист Боге — худой человек в черных панталонах в белую полоску и с острой козлиной бородкой. Кто-то сказал ему, что Дина Бернхофт, или Дина Меер, как некоторые почему-то называли ее, имеет в Берлине свое дело. Так что он с удовольствием возьмет на себя труд передавать ее телеграммы.

Дина ответила, что ей это весьма приятно, но не стоит делать из мухи слона. И призналась, что Меер — это название ее фирмы.

— Но откуда вам известно про мои деловые связи? — спросила она у телеграфиста.

— Откуда телеграфисту что-то известно! — Он гордо оглядел гостиную, словно был здесь хозяин.

— А то, что известно телеграфисту, известно всем, — язвительно заметила Дина.

— Нет-нет! Вы напрасно так думаете! Я имею дело только с порядочными людьми, — возразил он и охотно позволил налить себе портвейна.

Чем чаще ему подливали портвейна, тем больше он становился телеграфистом, который общается исключительно с порядочными людьми. Дина многое узнала о предпринимательстве и торговых сделках Страндстедета, о клиентах адвоката и деловом чутье Вилфреда Олаисена.

Приехал и сам Вилфред Олаисен с семьей — Ханной, малышом и

Исааком, который в последнее время ходил серьезный и мрачный.

Сверкая белоснежной улыбкой, Олаисен сразу заговорил о деле: ему хочется, чтобы Дина вложила свой капитал в строительство новой верфи, которое он затеял в Страндстедете.

Дина сдержанно заметила, что ее капитал пользуется здесь большим вниманием, чем он того заслуживает.

Вилфред Олаисен простодушно признался в своей осведомленности и попросил фру Дину не скромничать.

Не обращая внимания на присутствующих, он наклонился к ней через стол — его внимание и уважение принадлежали только ей.

— Транспорт — вот веление нашего времени! Газеты. Пароходы. Предприятия, дающие людям работу и доход. Колеса не должны покрываться ржавчиной, фру Дина! Они должны крутиться. Я запускаю маленькие зубчатые колесики. Они крутят друг друга и укрепляют общество. У меня ничего не было, кроме скромного наследства, оставшегося мне от дяди, да пары рук, не боявшихся работы. Будь у меня, как у вас, солидное дело за границей!..

Но у него все получилось! За несколько лет он добился успеха. Хотя пока размах у него весьма скромный. Умелый человек всегда заработает себе на кусок хлеба. Он занимается погрузкой и разгрузкой… Между прочим, он слышал, что в прежние времена фру Дина успешно вела здесь дела. Люди не глупеют с годами! Нет-нет, не говорите, что годы идут. Они идут одинаково для всех.

— И слава Богу! — Дина поднялась и сказала, что намерена совершить свою обычную прогулку вокруг бугра, на котором стоит флагшток.

Разрешит ли она сопровождать себя? Он бы ввел ее в курс дел и предполагаемых расходов по строительству верфи.

— Благодарю вас, господин Олаисен, но вечером я всегда гуляю одна.

Накинув шаль и уже собираясь покинуть гостиную, Дина мягко сказала:

— Как я понимаю, господин Олаисен, вы уже получили самую большую инвестицию, какую вам мог предоставить Рейнснес.

— Какую инвестицию? — Олаисен был ошарашен.

— Ханну, конечно! Разве я не права?

Олаисен быстро взял себя в руки. В делах недопустимо показывать обиды. Он согласился с Диной.

— Конечно, правы! Ханна красивая, трудолюбивая, и у нее хорошая голова, — сказал он, глядя на жену оценивающим взглядом.

Ханна смотрела на что-то за спиной у Дины. Словно в этой точке

сосредоточился весь ее позор. Она видела, что Дина смеется над ее мужем. Что из-за нее он унизил свою жену, хотя сам этого и не понял.

А Вениамин? Они едва переглянулись с тех пор, как она приехала. Здесь, в своей обстановке, он был ей чужим. И даже не подумал помочь ей, хотя сидел совсем рядом. Было похоже, что его это тоже забавляет.

В углах губ у Ханны залегли складки и уже не разглаживались весь день.

Нельзя сказать, что Дина недооценила молодого предпринимателя. В тот же вечер после отъезда гостей, когда Анна, Вениамин, Андерс и сама она сидели в гостиной, она дала волю своим чувствам:

— Вилфред Олаисен… И с каких же пор он стал первым заправилой в Страндстедете?

Андерс и Вениамин с удивлением переглянулись.

— По-моему, как раз когда Вениамин вернулся домой. В семьдесят втором. Он приехал в Страндстедет и начал работать пароходным экспедитором, — ответил Андерс.

— Я слышала, как учитель в Страндстедете говорил, что его, возможно, выберут председателем местной управы, — вдруг вмешалась Анна.

Вениамину надоело слушать про Вилфреда Олаисена. Он зевнул и надменно изрек:

— Благодарю покорно, только такого человека нам и не хватало.

Анна с удивлением, как обычно, когда замечания Вениамина выходили за рамки хорошего тона, взглянула на него. Но ничего не сказала.

— Сколько ему лет? — поинтересовалась Дина.

— Тридцать пять, — ответила Анна.

— Дело он знает, — кисло вставил Вениамин.

Анна промолчала, а Дина сделала вид, что не заметила недовольства Вениамина.

— Тридцать пять лет — прекрасный возраст для такого механизма, — сказала она.

Андерс и Вениамин вопросительно взглянули на нее, словно пытаясь понять скрытый смысл ее слов. Но Анна не стала дожидаться объяснений.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Вы еще не поняли? А ведь вы его знаете лучше, чем я. Этот человек добьется всего, чего захочет.

— Разве это плохо? — удивилась Анна.

— Нет, это прекрасно для всех. Но нам придется смириться с его методами, чтобы извлечь пользу и для себя.

Теперь уже и Андерсу надоел интерес Дины к Олаисену. Он пожелал всем доброй ночи.

Молодые ушли вскоре после него.

Дина задержалась ненадолго, а потом взяла рюмку и, как в старые времена, ушла в беседку. Однако, когда ее рюмка опустела, она не пошла за бутылкой, а лишний раз прогулялась вокруг бугра, на котором стоял флагшток.

— Почему тебе не нравится Вилфред Олаисен? — спросила Анна.

Вениамин снимал жилетку.

— Кто сказал, что он мне не нравится?

— Я. Это все видят. И это обижает Ханну.

— Не знаю. — Он угрюмо зевнул.

— Это из-за Ханны?

Вениамин быстро поднял на нее глаза:

— При чем тут Ханна?

— Ты хотел бы, чтобы она вышла замуж за другого?

— Может быть.

— Вилфред в этом не виноват.

— Конечно, нет.

— Почему ты держишься высокомерно?

— С Олаисеном?

— Со мной.

Вениамин сбросил оставшуюся одежду и остановился перед окном, залитым июньским светом.

— Прости, я не хотел. — Он обнял Анну.

— Иногда ты бываешь просто невыносим!

— Но ведь с тобой я так себя не веду.

— Случается. Вспомни, как ты вел себя вечером, когда мы говорили про Олаисена. Мне это не нравится!

— Я исправлюсь, — прошептал он, зарывшись лицом в ее волосы.

— Ты раскаиваешься?

— Да! И обещаю исправиться.

— Тогда давай ложиться.

Анна была так прекрасна. В ней почти не было недостатков. Ни вздорных прихотей, ни злобы. Она была хорошим товарищем. Но разговаривать с ней, как когда-то с Акселем, Вениамин не мог. Она не возражала ему, но обижалась. Достойным противником Анна была только в спорах об искусстве и музыке.

Глядя, как она расчесывает щеткой свои каштановые волосы и они волнами струятся у нее по плечам, Вениамин был счастлив, что она рядом. Но когда ее большие голубые глаза требовали от него ответа, ему становилось не по себе. Он даже сердился. Потому что она часто бывала права и ему приходилось оправдываться.

Но в тот вечер все было иначе. Вениамин был готов во всем согласиться с ней. Он стоял и проводил руками по изгибам ее тела. Губы Анны явственно выдавали ее чувства. Они бывали то узкими и бескровными, как занесенный снегом розовый лепесток, то красными и полными, как вожделенный бокал вина. Нынче вечером они были узкие и решительные.

— Тебя изваял гений! С помощью математических формул он рассчитал твои пропорции так, что они находятся в гармонии с планетами мироздания. Тебя не много и не мало. Ты звезда, Анна, живая звезда, — шептал он, гладя ее голову. — Твои мысли похожи на звездный дождь. А слова ранят лунатика-волка в самое сердце. Ты приручаешь его.

Анна откинула голову, закрыла глаза и засмеялась.

— И если нынче вечером волк обидел тебя, то лишь потому, что разозлился, слушая, как Дина превозносит Вилфреда Олаисена. Ты сразу раскусила его и могла бы высмеять. Но опасная комета обернулась богиней, которая не унижает, а защищает! Которая скорее ранит себя, чем высмеет глупого волка. Ведь она знает, что, если будет над ним смеяться, он вцепится ей в горло. Вот так!

Анна, в тонкой ночной сорочке, прижалась к нему и позволила осторожно себя укусить. Вениамину было приятно, что она уступила ему.

Спустя какое-то время, когда Вениамин думал, что Анна уже спит, она вдруг сказала:

— Как ты думаешь, у нас так и не будет детей?

Он повернулся и крепко обнял ее.

— Прошло еще слишком мало времени, чтобы так говорить.

— Два года — достаточный срок.

— Допустим. А ты сама как думаешь?

— Думаю, что тебе следовало жениться на женщине, которая могла бы родить тебе ребенка.

— И что бы мы с ней делали такого, чего не делаем с тобой? — Он засмеялся.

— Не говори глупостей.

Он отпустил ее и закинул руки за голову.

— Я только хотел сказать, что причина может быть во мне.

— В тебе? Не думаю.

— А ты подумай на досуге.

— Но ведь у тебя есть Карна!

— С тех пор я изменился. Может, и в этом отношении тоже?

— Ты просто меня жалеешь… хочешь взять вину на себя.

— Во всяком случае, ты не боишься забеременеть, как… — вырвалось у него.

Слышала ли она это маленькое «как»? Связала его с матерью Карны? Или с другой?

Почему она вдруг заговорила о ребенке именно сегодня, после того как в Рейнснес приезжала Ханна?

Во всяком случае, если она и слышала это «как», то вряд ли отнесла его к Ханне.

Или отнесла? Может, он просто не знает Анну? Перестал понимать ее с тех пор, как она приехала к нему?

Анна никогда не уговаривала его, чтобы он принял помощь ее отца и продолжил занятия медициной, занялся научными исследованиями. Они не говорили об этом, если он сам не заводил такой разговор.

Наверное, она лучше, чем он, понимала, что все это несерьезно? И потому не заводила сама таких разговоров? Может, он садит в Нурланде, чтобы у Карны был надежный дом, где ее припадки не пугают людей, заставляя их держаться на расстоянии или жалеть ее? Или он не уезжает отсюда только потому, что боится потерпеть поражение перед неизвестным?

Он прижал Анну к себе:

— Спасибо, что ты прямо говоришь мне все, что думаешь! До тебя в Рейнснесе это было не принято.

— Нет…

— Скажи… Неужели любовь — это только что-то, о чем пишут в письмах и что разбивается и исчезает, столкнувшись с жизнью?

— Ты не можешь так думать!

По ее голосу он понял, что опять невольно обидел ее.

— Нет, но я боялся, что так думаешь ты, убедившись, что я не тот, за кого ты меня принимала. Только ты слишком поздно обнаружила это.

Кажется, Анна заколебалась? Словно он коснулся больного места. Вениамину стало не по себе.

— У меня не было выбора. Я просто не могла жить без тебя. Ты знаешь, что я пыталась, но у меня ничего не получилось.

Вениамин вздохнул с облегчением. Но может, она только утешает его? Лжет? Кто знает? Однако он нуждался в этом утешении. Он вдруг понял, что не решался спросить у нее, как ей с ним живется. Особенно после первой весны, когда все знали, что ей хотелось уехать.

— Но ты приняла решение и приехала сюда. А я только писал письма и мечтал о любви, — сказал он.

— Эти письма все и решили. — Анна улыбнулась.

— Но письма — это еще не жизнь. Они не говорят всей правды.

— Правды? Правда — это мгновение, Вениамин! Одно мгновение. Не позволяй прошлому или своим мечтам о будущем руководить собой. Правда — это настоящее! Это то, что я лежу здесь рядом с тобой и для нас важно одно и то же. Что ты единственный человек, которого я люблю не потому, что мне так велели. Правда — это настоящее.

Глава 4

Однажды утром Дина объявила, что собирается одна сплавать в Страндстедет. Посмотреть, сможет ли она после стольких лет сама управиться с парусом. Карна захотела поехать с ней.

— Сначала я должна убедиться, что смогу отвезти себя, а потом уже буду брать с собой пассажиров, — твердо сказала Дина.

— Если ты не уверена, что сможешь, тебе нельзя ехать одной, ты утонешь, — возразила Карна.

— Я справлюсь. Но у меня хватит ума, чтобы в первый раз никого не брать с собой. Вениамина я тоже не возьму. А ты поедешь со мной в следующий раз.

Для Карны, с самого начала ходившей за Диной по пятам, это был плохой день. Но она понимала, хотя никто ей этого не объяснял, что бабушку капризами не проймешь.

Страндстедет расползся по берегу мыса и глубокой бухты, спустившись по склонам к самой воде. Так отлив отмечает свою территорию бревнами, досками, водорослями и обломками погибших судов.

Каменная церковь стояла с внутренней стороны мыса, на некотором расстоянии от мирской суеты, порта и лавок.

Поля раскинулись в основном по западной стороне мыса, глядя на пролив, и на моренах, не занятых купцами.

Страндстедет был уютно отгорожен от открытого моря островами и шхерами и укрыт от дующих оттуда ветров.

Несколько морских пакгаузов разного состояния и величины обступили пристань с причалами. Жилые дома, дровяные сараи, конюшни и хлева беспорядочно выстроились вдоль дорог. За причалами и пакгаузами стояли дома купцов, почта, извозная станция и телеграф.

На небольшом холме, бросающаяся в глаза всем, кто прибывал в Страндстедет, стояла белая гостиница — «Сентрал Отель» — с темно-зелеными наличниками и затейливой резьбой.

Крышу венчали четыре солидные трубы. Дабы люди видели, что дела гостиницы идут неплохо, по крайней мере две из них должны были дымиться. Мансарда над вторым этажом выходила на балкон, окруженный парапетом с косыми скрещенными стойками. Украшенный резьбой карниз делал балкон похожим на корону.

Склонив голову набок, Дина с улыбкой долго смотрела на Страндстедет, потом сошла на берег.

Дороги петляли среди домов, поднимаясь на холм. Там, отдельно от других, стоял большой дом с крашеной изгородью, пышными кустами красной смородины и зелеными рябинами.

Подойдя поближе, Дина увидела молодую лиственницу и розовые кусты, прятавшиеся с южной стороны в уголке между стеклянной верандой и стеной дома. Кто-то явно пытался подняться над своим сословием. Или воплотить мечту о жизни в других широтах.

Кое-кто наверняка находил это экзотичным и позволял себе высказывать восхищение, тогда как другие осуждали попытку хозяев выдать себя за то, чем они не были.

Мечта Ханны, отродья лопарской девки и приказчика, повесившегося на веревке, разбить такой же сад, как в Рейнснесе, была, по мнению некоторых, просто смешна.

Но, поднявшись к дому, люди могли убедиться, что фру Олаисен сделала все, как хотела. Белый песок на тропинках, круглая галька вокруг клумб, лиственница и примулы притягивали сюда многих и заставляли их заглядывать через изгородь.

После этого люди признавались редактору местной газеты, что никогда не поверили бы, будто мать фру Олаисен родилась в лопарском чуме.

Слухи о том, что Ханна наняла работника, чтобы вскопать землю и посадить сад, дошли даже до Рейнснеса, словно жители Страндстедета совсем не имели садов, пока Олаисен не построил себе дом на вершине холма. А амбар на сваях — разве он не слишком велик? Интересно, сколько бараньих туш хозяева собираются в нем хранить?

Единственным смягчающим вину обстоятельством в глазах местных жителей были стебли обычного ревеня, распластавшего ядовито-зеленые листья на грядке, где Исаак рыл дождевых червей.

Ханна выставила на стол лучшее, что у нее было. И конечно, пирог с ревенём. Дина во всеуслышание заявила, что пирог Ханны даже лучше, чем пироги Олине. Во всяком случае, не хуже.

Ханна улыбалась и не возражала. Дина была не такая, какой она ее помнила. Добродушная, не резкая. Ханна забыла, что когда-то побаивалась ее.

Она с восторгом говорила о ревене. С самого детства, когда наступало лето… они с Вениамином… Ханна запнулась, взглянула на мужа и

заговорила снова. Они с Вениамином любили есть его сырым прямо с грядки. Морщились, от кислоты у них сводило скулы и ломило за ушами. Иногда Олине давала им сахар.

Речь Ханны стала более сбивчивой. Она варит из ревеня суп или кисель, красный, очень красивый, Вилфреду нравится. Правда, для этого нужен крахмал… приходится тереть картошку… Но эти хлопоты оправдываются, особенно когда приходят гости. Две палочки корицы, побольше сахара, и получается блюдо, которое не стыдно подать самому амтману…

Дина взяла еще кусочек — не следует пренебрегать пирогом с ревенем, который печет Ханна. Слава о нем дошла даже до Рейнснеса.

Вилфред Олаисен был гостеприимным хозяином. Он даже сам налил всем кофе. И конечно, портвейна.

Потом он показал Дине свой просторный дом. Все было в образцовом порядке, от подвала до чердака. Это заслуга его жены, великодушно признался он.

Дина позволила себе выразить восхищение. Она знала толк и в фарфоре, и в столовом серебре — это сразу стало ясно, когда ей продемонстрировали всю роскошь, что хранилась в ящиках и на полках буфета. Она похвалила мебель и обивку. Недавно посаженную аллею, еще не совсем прижившуюся. И стеклянную веранду с цветными стеклами, выходившую на дорогу.

— А разве веранда не должна смотреть на море? — Это было ее единственное замечание.

Но вот как раз о море Олаисен знал все. С него хватит моря. Ему хочется смотреть на людей сквозь пузырьки красного, желтого и зеленого стекла. Люди интересуют его куда больше — он улыбнулся Дине своей самой обворожительной улыбкой. Хочется видеть, кто проезжает мимо в пролетке, кто идет пешком. Дороги — это наше будущее, фру Дина должна помнить об этом.

Конечно, она помнит. А пароходы? Кажется, Олаисен недавно говорил, что будущее — это пароходы?

Олаисен был в ударе, он объяснил ей, что пароходы — это, так сказать, промежуточное звено. Разве он не заработал хорошие деньги, переделав шхуну «Лебедь» в пароход, чтобы поставлять сельдь для наживки на Лофотены и в Финнмарк? Он еще несколько лет назад говорил Андерсу, что надо ставить на пароходы. И даже предложил ему компаньонство в строительстве пристани. Но Андерс в такое не верит.

Впрочем, хватит об этом. Олаисен переменил тему разговора. Он все построил на свои деньги. Конечно, ему пришлось взять заем. При хороших связях получить заем нетрудно, а большой заем и не нужен. Лучше брать такой, чтобы он не мешал спокойно спать по ночам.

Кроме шхуны, он приобрел у Андерса и невод для сельди. И скалы, на которых можно пластать рыбу. По правде сказать, скалы еще не оправдали себя. Но надо о чем-то думать, во что-то верить, иначе места себе не найдешь.

Нет хуже, нежели в чем-то разочароваться. А сельдь что, она как времена года! Приходит снова, правда, не так регулярно. Надо верить. Надо иметь терпение. И ждать.

Сельдь непременно вернется! И тогда неплохо иметь под рукой хороший невод. Ловить по мелочи — это пустое. Серебро надо доставать из моря так, как повелел Господь. Целыми косяками!

Дина вставила пару слов о том, что Олаисен приобрел у Андерса неводы, можно сказать, за бесценок, потому что взял сразу все три, а Андерс потом еще долго расплачивался за них с Бергеном.

Олаисен ничего не знал об этом. Ему очень жаль. А может, Андерс расплачивался за какой-нибудь другой долг? Он не спорит, он приобрел неводы по сходной цене. Но она устраивала обоих. Он уже и не помнит, сколько тогда отдал за них. А говорить, что цена была бессовестно низкой, — это уж слишком!

Дина заметила, что Олаисен, верно, не очень прижимистый предприниматель, если даже не помнит, сколько отдал за три невода. Она понимает, что в таком случае угрызения совести не мешают ему спать по ночам. Наверное, и цены на сельдь, которые в последние годы были не больно высоки, тоже не мешали ему спать?

Олаисен с удивлением посмотрел на Дину, проявившую такую осведомленность, и признался, что цены были низкие и доходы нетвердые. А вот поставка наживки, которой он занимался попутно, принесла ему хорошие барыши. Свежей наживки!

В последние годы Страндстедет сильно разросся. Фру Дина должна помнить, каким он был до ее отъезда в Берлин. Редко писала домой? Понятно, понятно. Но он внес свою лепту и в рост, и в развитие Страндстедета! Влиятелен ли он? Труд помогает вырваться из пут бедности. В Страндстедете теперь четыре новых торговых дома. Берега постепенно заселяются, так же как шхеры и гавань.

Но людей, которые осмеливаются вкладывать деньги, еще слишком мало. Все такие подозрительные. Косные. Завидуют, если кому-то удается

немного заработать.

Взять хотя бы «Сентрал Отель». Владелец приехал сюда из Трондхейма, хотел развивать в провинции гостиничное дело. Этого было довольно, чтобы вызвать у людей подозрение. Его ссоры с женой только усилили их недоверие. В конце концов бедняга умер. И его зять, местный пекарь, прибрал его дело к рукам и перенес свою пекарню в подвал гостиницы.

Но он и не собирался заниматься гостиницей. С него хватает пекарни. О его жизнерадостном и веселом нраве было известно по всей округе. Однако гостиницу это не спасло.

К тому же у него на шее висит сестра, вдова бывшего владельца гостиницы. Она претендует на первую роль, хотя по-настоящему ее интересуют только последние сплетни. Поэтому все дело пошло насмарку. Но думаете, пекарь отказался от гостиницы? Ничуть не бывало!

Олаисен вынашивал планы построить новую гостиницу. Неплохо бы приобрести «Сентрал»… когда он пойдет с молотка. Если объявляется аукцион, а желающих что-либо приобрести немного, цена, как правило, бывает приемлемая.

В заведении, которое претендует на то, чтобы соответствовать своему названию, нельзя ограничиваться подачей только булочек и кофе. Нужно подавать и горячее, и изысканные десерты! Это обязательно!

Не надо бояться, надо действовать. Надо найти свои методы. И иметь капитал. Разумеется, прежде всего капитал! Поэтому он и хочет, чтобы фру Дина стала его компаньоном. Между прочим, чью фамилию она носит — первого мужа или второго? Он видел, что она пользуется обеими фамилиями, или он ошибается?

— Вы хорошо осведомлены, Олаисен, но вы ошибаетесь, — коротко ответила Дина, не объяснив, в чем именно он ошибается. Зато попросила его рассказать, какие возможности открывает строительство дороги на юг. Можно ли надеяться, что по ней в гостиницу начнут приезжать постояльцы? Извозная станция в Страндстедете уже есть.

Олаисен оживился и сказал, что она попала в точку. Кажется, фру Дина знакома с человеком, который занимается тут извозом? Видела бы она, какие перемены произошли после того, как в Страндстедете появилось здание суда и ежегодно стали проводиться ярмарки! Будущее за дорогами! За транспортом! Она еще убедится в истинности его слов. Надо смотреть вперед. Освобождаться от прошлого. Время идет так быстро, так быстро! Если они не начнут сейчас…

— Может, пекарь продаст гостиницу, чтобы не разориться

окончательно?

— Бедняге не до этого. Он ничего не видит, кроме своей печки.

— А вас больше интересует новое строительство? Конкуренция?

Он весело засмеялся:

— Пекарь мне не конкурент!.

— А другие? Если он все-таки продаст гостиницу?

— Буду только рад. Да-а, я хотел еще что-то сказать… Раз уж мы говорим по душам, меня сейчас больше привлекает строительство верфи.

Он замолчал и, прежде чем продолжать, снова наполнил ее рюмку.

— Фру Дина, если вы располагаете капиталом, который хотели бы вложить…

Дина подняла брови и с улыбкой измерила его взглядом.

— Дорогой Олаисен, обсуждать серьезные дела я привыкла с глазу на глаз. А к вам я пришла просто в гости, чтобы повидаться с Ханной.

Олаисен тут же переменил тему разговора. Выждав какое-то время, он многозначительно взглянул на Ханну. Она встала и сказала, что должна уложить малыша.

Тогда-то и состоялся тот разговор, которого так жаждал Олаисен. С глазу на глаз.

После ухода Дины он зашагал по гостиной, победно потрясая руками. Ханне было сказано, что он добился успеха.

В Страндстедете никто не может похвастаться такой же деловой хваткой, как он! Они с фру Диной Грёнэльв начинают строить верфь. Вместе. Отныне они компаньоны, связанные обязательствами. Верфь будет рядом с пристанью.

Осталось только уладить формальности, добиться разрешения властей, получить заем на свое имя и дождаться капитала фру Дины из-за границы.

Но свое согласие она уже дала. Только просила его молчать, пока она не поговорит об этом со своими родными.

После разговора с Олаисеном Дина прямиком отправилась в гостиницу и попросила предоставить ей комнату на одну ночь.

Она осмотрела всю гостиницу и из трех комнат выбрала наиболее тихую. Объяснила, что не переносит шума.

В гостиной и столовой было слишком много пыльного плюша, потертая мебель и застоялый запах пищи. Но это поправимо. Окна, насколько она могла судить, в порядке. Кое-что и внутри, и снаружи требовало улучшения.

Расположившись у окна, Дина припомнила гордые цифры Олаисена —

во что обошлось бы строительство новой гостиницы, цены на лес и стекло. Между прочим, он сказал, что крыша и трубы в ремонте не нуждаются.

Занимаясь подсчетами, более основательными, чем подсчеты Олаисена, она начала насвистывать. Негромко, сквозь зубы, как берлинские мальчишки-газетчики, когда продажа идет хорошо.

В столовой она спросила у служанки, дома ли пекарь Николаисен и может ли он поговорить с Диной из Рейнснеса.

Ее пригласили в личные покои пекаря. Пекарь, превратившись в хозяина гостиницы, был приветлив, но в делах разбирался плохо. Характеристика, данная ему Олаисеном, во многом подтвердилась. Хотя он причесался и снял белый фартук.

Однако он был далеко не глуп, и башмаки у него были новые. Со скрипом. Тем не менее Дина пропустила обязательные фразы вежливости, которыми не пренебрегла бы в Берлине, и почти сразу спросила, правда ли, что он хочет продать гостиницу.

Он устыдился и рассыпался в извинениях. Однако осторожность заставила его спросить, откуда ей это известно.

Слышала от разных людей, призналась Дина. Но никто ничего не знает наверняка. И так как она не имеет обыкновения доверять слухам, она предпочла обратиться прямо к нему.

Пекарь поник головой. Стал жаловаться на обстоятельства. На нежелание людей платить за стол и ночлег. Ведь ему приходится держать помощника в пекарне и служанку в гостинице. Сестре одной не справиться.

Дина прониклась пониманием и спросила, за сколько он готов продать гостиницу. Потребовался еще один раунд уверений, что она его понимает, прежде чем он назвал цену.

Не теряя времени, Дина предложила тут же приобрести у него гостиницу за наличные, но за половину названной им цены.

— За наличные? — вдруг оживился он.

— Да! Но вместе с подвалом и пекарней с ее оборудованием. А вы снимете ее у меня в аренду на пять лет.

Пекарь заколебался. Потом решительно замотал головой. Пекарня — единственное, что у него есть.

Дина согласилась с ним, но сказала, что не может купить дом, фундамент и подвальное помещение которого будут принадлежать другому хозяину. Он должен это понять.

— А нельзя ли мне получить пекарню в пожизненное пользование?

Дина решительно отказалась: когда он состарится и станет недееспособным, он будет пользоваться пекарней только на бумаге, а

заправлять ею станет посторонний человек. Такие условия ее не устраивают.

Пекарь опустил голову, потом неохотно кивнул, соглашаясь с ней.

— Надеюсь, пока мы не оформим документы, это останется между нами? — спросила Дина.

Он снова кивнул и протянул ей руку, белую, как мука, и почти без ногтей.

Глава 5

Однажды, когда Андерс сидел на скамейке возле флагштока, к нему подошла Дина.

Она остановилась, загородив от него солнце. Черный силуэт, обведенный золотом.

Он прикрыл ладонью глаза и взглянул на нее.

— Любишь здесь сидеть, Андерс?

— Да, летом. Это вошло у меня в привычку.

— Раньше я тебя здесь не видела.

— Я же слышал, как ты сказала, что хотела бы одна гулять вокруг бугра.

— И ты изменил своей привычке? Ради меня?

— Можно сказать и так.

— А сегодня все-таки пришел?

— Сегодня пришел.

Он подвинулся, освобождая ей место на скамейке. Они сидели рядом, глядя в сверкающую даль моря.

— Хороший вечер, — сказал он, не шелохнувшись.

— Да.

К берегу на веслах медленно шла лодка. Вялые волны то и дело скрывали ее от глаз. Море было большим колышущимся зеркалом.

— Что-то ты зачастила в Страндстедет.

Она смотрела прямо на солнце.

— Из нашего последнего разговора я поняла, что тебе неприятно… мое присутствие. Пересуды людей.

Когда-то Андерс сильно поранил себе ладонь. На месте пореза образовался твердый шрам. Теперь ему понадобилось проверить, не исчез ли шрам с ладони. Большой палец медленно скользнул по твердому бугорку.

— Если бы ты дала себе труд подумать, ты бы поняла, что я имел в виду, — спокойно сказал он.

— Я поймала тебя на слове и нашла себе занятие.

Они одновременно повернулись друг к другу.

Она — всем корпусом. В ее движении было что-то предупреждающее об опасности. Но голос звучал даже весело:

— Я купила в Страндстедете гостиницу и собираюсь привести ее в порядок.

Андерс растерялся: правильно ли он ее понял?

— Это серьезно?.. Или так…

— Серьезно.

— Помилуй, Господи… — начал он.

— Так для меня лучше, — быстро сказала она.

— Зачем тебе гостиница?

— Буду пускать постояльцев! И жить там. По крайней мере, пока.

Он похлопал руками по коленям.

— Значит, это я по глупости толкнул тебя на такой шаг?

Дина пропустила мимо ушей его слова.

— А еще я приобрела долю в верфи Олаисена. Я верю в это дело, — сказала она.

— Вениамин знает об этом? — испуганно спросил Андерс.

— Нет, ты первый.

— Он рассердится!

— Олаисен не прокаженный, и у него редкий деловой талант. Ему нужен компаньон. Это выгодно. Для Рейнснеса.

— Ничего хорошего из этого не получится. Но поступай как знаешь.

— Я так и сделаю, — послушно сказала она.

— Значит, теперь мы не часто будем видеть тебя в Рейнснесе?

— Позови, и я тут же приеду. Но я не могу запретить людям судачить обо мне, они всегда обо мне судачили. Уж они почесали языки, пока меня не было!

— Откуда ты знаешь?

— Даже те, которые родились после моего отъезда, узнают меня на дороге.

— Странно… А что ты имела в виду… когда сказала, позови, и я тут же приеду?

Она легко коснулась его руки. Словно дуновение ветра, подумал он.

— С моей стороны было бы глупо надеяться, что между нами все будет как раньше. Я сама все испортила. Но если захочешь, я буду жить дома, с

тобой!

Над ними пронесся ленивый крик чайки. И у отмели по-прежнему то виднелось, то пропадало пятно лодки.

— Там рыба, — сказал Андерс.

Они помолчали.

— Тебе было тяжело, когда он умер? — вдруг спросил Андерс.

— Да! Очень. Хотя он много лет проклинал меня за то, что я ушла от него, когда он больше всего во мне нуждался. Так что не знаю, можно ли назвать это настоящим горем.

— И он тоже нуждался в тебе?

— Да.

— И все-таки отдал тебе все, что у него было? И ты приехала домой строить, покупать, налаживать? Делиться с нами в Рейнснесе, вкладывать в Страндстедет?

Она моргнула. Раз, другой. Словно не была уверена, что он не смеется над ней.

— Если на то пошло, все это нужно мне самой. Теперь у меня появилась возможность. Я должна наконец хоть что-нибудь сделать! Искупить свою вину. Когда-то надо начать.

Он погладил ее по руке. Ему хотелось, чтобы его прикосновение, как и ее, тоже было похоже на дуновение ветра. Но передумал. И снова положил свою руку на ее. Так она и осталась там лежать.

— У меня нет капитала, чтобы вложить в эту новую верфь, но я еще жив. Вот только зрение, к сожалению, подкачало. — Он посмотрел ей в глаза. — Кто знает, как все сложится. Но если тебе наскучит Страндстедет и ты вернешься домой… тогда, Дина, я хочу, чтобы мы спали вместе. Что скажешь?

Она не двигалась. Он видел ее как в тумане, потому что она сидела слишком близко к нему. Но ее рука под его ладонью была неспокойна. Сегодня она была без перчатки.

Дина медленно начала рассказывать. Сперва он ничего не понял. Она говорила о какой-то комнате. Наконец до него дошло, что она говорит о своем жилище в Берлине. В ее окно были видны большие деревья.

Наверное, ей хотелось чем-то поделиться с ним, он не помнил, чтобы она любила рассказывать. Во всяком случае, она никогда не говорила так долго подряд.

Напротив через улицу жил маклер по недвижимости. Очень смешной, он словно не отдавал себе отчета в том, что происходит вокруг него. И не понимал, что ему говорят. Совсем как она. Его родной язык был польский.

Этим, наверное, и объяснялись его странности. Но он был безупречен. Считалось, что он скупой, однако она никогда не замечала у него такой черты. Это были обычные сплетни.

И пока Дина рассказывала, Андерс вдруг понял, но не того человека в Берлине, а самое Дину. Понял, каково там приходилось ей, всем чужой.

Она говорила о реке, и Андерс сразу догадался, что это не обычная река. Он хотел спросить ее название, но не мог перебить Динин рассказ о бесконечном потоке, бегущем между двух берегов. Всегда между двух берегов. Не так, как у них дома, где по другую сторону моря был горизонт. Это непостижимо. Вода, приговоренная течь между двух берегов!

Она говорила о деревьях. Высоких, шелестящих деревьях, шелест которых можно было принять за шум моря.

Несколько раз в ее рассказе возникало то одно, то другое, о чем ему хотелось бы расспросить поподробнее. Но об этом нечего было и думать. Рассказ продолжался, и вопросы исчезали.

Говоря о деревьях, Дина осторожно заговорила о том человеке. О маклере, рассказ о котором она хотела навязать ему еще в конторе при лавке. С которым она жила? Что там было?

Из ее рассказа Андерс понял, что тот, кто уезжает и встречает дерево, легко оказывается под его ветвями. Не потому, что им движет страсть, а только потому, что дерево стоит и дарит свою тень именно тогда, когда человек больше всего в этом нуждается.

При взгляде на Дину Андерса охватила непонятная слабость. Ее окутала белая пелена. Что это было: свет с моря? Или болотный туман в его собственной голове?

Да не все ли равно! Ведь он знал, как она выглядит. Как изгибаются ее губы, произнося слова. Как трепещут ноздри, когда дыхание выдавливает слова наружу. Ресницы, падающие на щеки. Господи, сжалься над стариком! А ее шея!

По-прежнему гладкая и крепкая, хотя возраст и оставил на ней свои метки.

Рука Дины все еще лежала под его ладонью, а она сама рисовала ему одну картину за другой. На них была и она сама. И зеленые берега. Наконец она произнесла название реки: Шпрее. Крыши домов тянулись, насколько хватал глаз. Их было куда больше, чем в Бергене. А трубы! Сосчитать их не смог бы никто.

И непостижимым для Андерса образом все эти годы исчезли. Проклятые годы одиночества и тоски, когда он жил в Рейнснесе, как морской призрак.

Она будто и не уезжала. Мало того — даже до ее отъезда ему не всегда было так хорошо с ней. Но какое это имеет значение, если она здесь? Вопросы и ответы не нужны тому, кто давно уже понял, что жизнь длится только от минуты до минуты.

Его час был сейчас и здесь. Они сидели на скамейке возле флагштока и вместе поехали за море, и там, миновав устья широких рек, оказались в большом городе, где говорили на чужом языке.

Поэтому он сидел не двигаясь, и людские пересуды заботили его не больше чем укусы комаров. Пусть себе пищат. Мужчина не должен обращать внимания на такие пустяки. Он и не обращал.

Ибо что люди, видевшие только грязь да комаров, знали о самом важном? Если они считали годы, когда ее здесь не было, то они не знали ничего. Ни о рассказе, который она подарила только ему, и никому другому. Ни о странном слове «любовь», которым он когда-то владел, но потерял. И которое обрел вновь, не приложив к этому ни малейших усилий.

Его преданность, которой он не мог скрыть, не оставила ее равнодушной. Рассказывая, она все крепче прижималась к нему. И невольно взяла его за руку, когда заговорила о музыке в Берлине. Об оркестрах и опере.

И хотя Дина знала, что из музыки он знает только то, что она давным-давно играла ему, она сказана, что вечером хочет сыграть ему одно произведение, она уверена — ему понравится. И он уже на всю жизнь запомнил, что она назвала это произведение Wiegenlied[9], а звали композитора Иоганнес Брамс. Он хотел спросить, что значит Wiegenlied, но не решился прервать ее рассказ.

И пока Андерс слушал ее голос, кровь побежала у него по жилам, но не так, как обычно, только поддерживая в нем жизнь, а как река Шпрее между двух берегов. Как мощная сила, знающая свою цель. Единственную цель между этих двух берегов.

Оставалось только изгнать морского призрака.

С тех пор как Дина вернулась домой, они обедали поздно, как в старые дни, в праздники или когда принимали гостей. В тот день Андерс пришел в буфетную и отвел Бергльот в сторону:

— Будь добра, разложи сегодня мою кровать! И принеси две перины и побольше подушек!

Бергльот и бровью не повела. Только кивнула. И сделала реверанс, сложившись, как ножницы при стрижке овец. Но с Анной она не

сдержалась.

— Фру Анна, — прошептала она, как только подвернулась удобная минутка. — Фру Анна! Андерс просил принести ему две перины и разложить его постель.

Анна с пониманием кивнула, словно Бергльот предстояло проделать чрезвычайно важную работу.

— Очень хорошо, Бергльот! Очень хорошо!

Глава 6

Стине с Фомой приехали в Страндстедет, чтобы сообщить Ханне о дне своего отъезда. Но Ханна и слышать не хотела об этом. Америка! Они там погибнут! Их могут ограбить, изувечить! А то чего и похуже.

Она-то удачно вышла замуж, и у нее есть все, что нужно. Но Уле и Сара? Что будет с ними?

— Они поедут с нами, — сказала Стине.

Фома пошел взглянуть на место, где будет строиться верфь, Ханна и Стине остались в гостиной одни.

— Неужели вы уедете от меня! — вздохнула Ханна.

— Я просила тебя поехать с нами, когда мы решили, что уедем. Тогда ты была еще вдовой. Я хотела, чтобы вы с Исааком…

— Тогда я не была готова уехать так далеко.

— А если бы не Олаисен? Ты бы поехала с нами? Ханна заплакала.

— Ты могла бы найти там свое счастье. Стать свободной!

— От чего свободной?

Стине не отвечала так долго, что Ханна снова спросила:

— От чего свободной, мама?

— От Олаисена! — прошептала Стине.

Она стояла и складывала льняные полотенца, которые наткала для Ханны.

— Мама, он спас меня от бедности. Он единственный, кто захотел видеть меня свободной.

— Было время, когда я думала, что ты останешься в Рейнснесе. В большом доме…

— Почему ты так думала? — Ханна всхлипнула.

— У него это было написано на лице.

— У кого?

— Ты сама знаешь, зачем называть имя.

— Обычная мечта бедняков.

Стине опустила глаза. Вдруг она отбросила полотенца в сторону и села на ближайший стул.

— Вениамин должен был жениться на тебе! — громко сказала она и в испуге огляделась по сторонам.

— Чепуха!..

— Я и сейчас так думаю! Вы должны были пожениться. А теперь вы

оба несчастны. Я же вижу! Ты снова беременна, а у него так и нет детей. Эта… эта Анна может только играть на пианино и мечтать.

— Мама! — Это прозвучало как вопль о помощи.

— Олине мне все рассказала… вы с ним… тогда на Троицу… Тебе не следовало выходить замуж за Олаисена! Он тебе безразличен. Я вижу!

— Не надо, мама! — Ханна всхлипнула и сжалась в уголке возле печки.

— Если нет любви, не будет и счастья.

Ханна повернулась к ней, сверкнув черными глазами:

— Любовь? Любовь только для богатых! Для тех, кому дано выбирать и привередничать. Ты знала любовь? Ты, моя мать, знала любовь?

— Да, Ханна, знала! Я любила твоего отца. И если бы он попросил меня уехать с ним в Америку, я бы не стала раздумывать. Теперь на его деньги едем мы с Фомой. Моя мечта исполнится. Потому что, к твоему сведению, я люблю Фому!

— Ну и поезжайте! Пожалуйста! Поезжайте!

Стине обеими руками пригладила волосы, словно ждала гостей. Машинально, не глядя в зеркало. Мягким, привычным движением.

— Он все еще любит тебя, Ханна. И ты это знаешь…

— Замолчи!

— А ты — его.

— Не мучай меня!

— Когда ты была беременна, ко мне приезжала одна женщина из Страндстедета. Она удивилась, что вас еще нет дома, она видела, как вы вместе садились в лодку… и была уверена, что доктор поехал в Рейнснес.

— Какая женщина? Когда это было?

Стине блестящими глазами наблюдала за дочерью.

— Я же сказала. Когда ты носила Рикарда.

— И что ты ей ответила? — шепотом спросила Ханна.

— Что Вениамину нужно было заехать к одному больному на островах, но он вот-вот приедет.

Ханна перестала плакать, она не поднимала глаз и не знала, куда деть руки.

— Вениамин приехал наутро. Один. Но та женщина уже уехала.

Глаза Ханны зацепились за ниточку на полу. Она не двигалась. Потом выбежала из гостиной и быстро поднялась в спальню с большой дубовой кроватью.

Стине не пошла за ней. Она сказала все, что должна была сказать. Но, оставшись одна, несколько раз вытерла слезы.

Иметь бы сейчас шаманский бубен, обладающий колдовской силой!

Она пошла бы на каменную россыпь и била бы в бубен до тех пор, пока сила любви не пришла бы туда, куда нужно. А эта женщина из Копенгагена вернулась бы откуда приехала, пока никто не пострадал. Она била бы в бубен до тех пор, пока горе на забылось бы и к ним ко всем не пришла бы радость. И дети? Да, прежде всего дети.

Вениамин был в Страндстедете, когда Фома пришел в большой дом и сообщил, что все решено. Весной они уезжают в Америку. Он обещал найти управляющего для усадьбы.

— Что же ты раньше ничего не сказал? — удивился Андерс.

— Тогда еще нечего было говорить.

Дина не стала делать предостережений.

— Всегда можно вернуться домой. Я тому пример, — сказала она и предложила помочь со сборами. Если нужно. В ее взгляде, брошенном на Фому, явно читалось уважение.

— Нам будет не хватать вас. Но я желаю вам счастья, — сказала Анна и торжественно пожала Фоме руку.

Узнав новость, Вениамин отправился к Стине. Он хотел поговорить с ней наедине. Фома в это время работал на поле.

Он сказал, что они приняли смелое решение, но предупредил об опасностях, связанных с таким переездом.

Стине молчала, она ограничилась беглой улыбкой и поставила перед ним чашку кофе и кренделек на тарелочке.

— За нас я не беспокоюсь, — тихо сказала она. — Меня беспокоит Ханна…

— А что с ней?

Стине представился удобный случай. Не поднимая глаз, чтобы не смутить Вениамина, она рассказала о женщине из Страндстедета. Предупредила: людей может удивлять не только это. Стоит ли так рисковать?

Сплетни — они как гниль в бревне. Растут потихоньку. Наверное, ей следовало сказать об этом раньше. Ведь он ей все равно что сын, с первого дня, как она приложила его к груди. Это молоко предназначалось для ее сына. Но он умер.

Вениамин не прерывал ее. Он попытался представить себе, как тяжело пришлось Стине, но мог думать только о Ханне и женщине из Страндстедета.

— Нас застала непогода. Мы высадились на островке. — Он заставил

себя выдержать ее взгляд.

— Но Ханна так и не приехала в Рейнснес?

— Нет, она промокла, и ей нездоровилось…

— Почему человек, за которым нет вины, пытается что-то скрыть? Ханна мне ничего не сказала. Я узнала об этом от женщины, которая вас видела.

Лицо у Вениамина пылало.

— Да-да, мы боялись, как бы не пошли сплетни…

Он весь сжался под взглядом этой маленькой женщины, которая всегда была неотъемлемой частью его жизни.

Понял, что никогда не задумывался над тем, что она все видит и понимает. Не знал, что она чувствует.

— Так уж сложилось, Вениамин, что я должна просить тебя об услуге. В благодарность за мое молоко, которое спасло тебе жизнь.

Он кивнул.

— Позаботься о Ханне, когда я уеду! Вряд ли мы с ней увидимся еще в этой жизни. У нее сильная воля, и она слишком горда… Такие люди часто накладывают на себя руки. Так поступил ее отец. Они теряют путь в тумане. И все. А виноваты во всем мы, матери. Раз не виноват Бог, значит, вина лежит на нас. Так ты позаботишься о ней?

Вениамин растерялся. Ища, что сказать, он пригладил волосы. Стине продолжала:

— В Рейнснесе не было принято открывать свои мысли. Я тоже не открывала. Но теперь, когда я уеду… Люди часто неправильно понимают друг друга. И при всем желании мы не в силах изменить их отношение к себе. Они видят только то, что хотят. Поэтому я и хочу уехать в Америку. Там никто не знает, что я лишь бедная лопарка. Так ты позаботишься о Ханне ради меня?

— Я позабочусь о Ханне ради тебя, — как можно тверже сказал он.

— Это совсем нетрудно. — Стине с нежностью смотрела на Вениамина.

В старинном календаре день 14 сентября отмечен крестом. Фома считал делом чести, чтобы к этому дню урожай был убран под крышу. Так было и в этом году.

Однако Дина не пригласила его, когда утром объявила Андерсу, Вениамину и Анне, что ждет их в конторе при лавке. Ей нужно поговорить с ними о важных делах.

Она не села за письменный стол или на стул, на котором обычно сидел Вениамин, принимая больных, но расположилась на старой кушетке и

ждала, пока все сами найдут себе место. Расшнуровав ботинки, она скинула их и закурила сигару «Принц Уэльский» — предварительно предложив сигары присутствующим. Вениамин и Анна отказались, Андерс предпочел трубку.

Пока Дина делала первые, жадные затяжки, все смотрели на нее. Только Андерс был отчасти подготовлен к этому разговору. Именно по его настоянию Дина и выждала до этого дня.

Она начала так, как он ей советовал:

— Я получила большое наследство. Оно позволило мне расплатиться со всеми долгами, какие числились за Рейнснесом, и к весне мы начнем ремонтировать дом. Крышу мы переменим уже нынче осенью.

В конторе царила тишина. Словно каждое движение стоило собравшимся больших усилий.

Вениамин нахмурился. Потом вытянул ноги, закинул руки за голову и сказал с улыбкой:

— Вот это новость! Как я понимаю, это нам обойдется недешево. И кто же этот добрый донатор?

— Один берлинский предприниматель, мы с ним были знакомы много лет. Это долгая история. К ней мы вернемся позже.

— Это замечательно! — Анна подошла к Дине и обняла ее.

— И когда же ты узнала об этом? Недавно? Получила телеграмму? — спросил Вениамин.

— Нет, еще весной.

— И молчала с мая?

— Как видишь.

Взгляд Анны заставил Вениамина оставить эту тему.

— Начнем ремонт с лавки, как по-твоему, Андерс? — сказал он.

— А может, лучше с домов? — предложила Анна, переводя взгляд с одного на другого.

Андерс молчал. Его скрывало облако табачного дыма.

— О частностях мы поговорим потом, — деловито сказала Дина. — Я хочу еще кое-что сообщить вам. — Выждав немного, она продолжала: — Я собираюсь строить верфь вместе с Олаисеном, мы с ним теперь компаньоны!

Вениамин растерялся. Недоверие, гнев, оскорбленное самолюбие, презрение боролись в нем, не в силах отделиться друг от друга, — все произошло слишком быстро. Наконец презрение взяло верх:

— Как я понимаю, у тебя много лишних денег и ты собираешься пустить их по ветру?

Не приводя цифр и словно не заметив оскорбительного тона Вениамина, Дина объяснила, что у нее за границей есть две фирмы. Закончила она тем, что в делах не всегда следует руководствоваться личными мотивами. Приходится действовать, если товар того стоит.

— Я думал, у тебя хватит ума, чтобы не брать в компаньоны этого выскочку! — заявил Вениамин.

Но Дина была невозмутима. Да, возможно, Олаисен и выскочка, но он умеет добиваться того, что задумал. У него есть чутье. И энергия. По ее мнению, здесь, на севере, это редкие качества. Здесь люди привыкли ждать, что за них кто-то что-то сделает, будет их уговаривать. Трудиться в поте лица и вкладывать деньги не хочет никто. Ей хватило двух месяцев, чтобы понять это. Рейнснес выживет лишь в том случае, если начнет вести торговлю в паре со Страндстедетом и подчинится требованиям времени. Но она не собирается делать ставку только на верфь Олаисена, она купила также у пекаря Николаисена его гостиницу.

— Гостиницу Николаисена! Да он еле-еле сводит концы с концами! Ты сошла с ума! — воскликнул Вениамин.

— Пекарь ничего не понимает в гостиницах, он занимается только своей пекарней. А я знаю, что надо сделать, чтобы гостиница окупилась, — весело, но твердо сказала Дина.

— Фома и Стине уезжают в Америку, а ты покупаешь гостиницу в Страндстедете!

— Вот именно! На них держалось все наше хозяйство, с их отъездом в Рейнснесе ничего не останется от старых времен. Надо искать что-то новое. Без своей шхуны и торговли с Бергеном, без лавки и пароходной экспедиции жизнь здесь замрет окончательно. Пахать землю никто из нас не умеет! В том числе и ты, Вениамин! — Она говорила очень резко.

Вениамин с силой стукнул кулаком по столу, и судовая пепельница Андерса высоко подпрыгнула. Пепел взметнулся и лег на его руку.

— А ты сама! Вернуться с деньгами, чтобы вложить их в дело Вилфреда Олаисена! И в гостиницу! Стоило для этого возвращаться!

У Анны от его крика начали подергиваться уголки губ. Она рассердилась, но молчала.

Лицо Дины было непроницаемо. Когда Вениамин замолчал, она мягко сказала:

— Ты пошел характером в старого ленсмана, Вениамин. Это твой недостаток.

И продолжала: он ошибается, если думает, будто она вернулась только затем, чтобы купить здесь гостиницу. Она не знала, что ее здесь ждет.

Разве что принудительный аукцион за долги. И не надеялась на возможность что-либо изменить. Но все оказалось не так страшно. Если позволяет здоровье и работает голова, здесь есть к чему приложить руки. Но главное, они должны принимать участие в том, что происходит в Страндстедете.

— Тебе, Вениамин, нужен настоящий кабинет, а не та жалкая нора на задворках, в которую ты заползаешь, когда погода не позволяет тебе вернуться в Рейнснес. Если вы с Анной решили остаться в Нурланде, вам надо переехать в Страндстедет. Там Анна сможет преподавать в школе, когда учителя отвлекают другие дела. И кто сказал, Вениамин, что ты не получишь практику после старого доктора?

Мужчины разом подняли на нее глаза. Откуда ей это известно?

— От редактора новой газеты.

Вениамин не мог скрыть презрения:

— Этот редактор — сплетник и прихвостень Олаисена!

Дина серьезно взглянула на него, потом сняла жакет и заявила, что надеялась встретить с их стороны больше интереса к будущему Рейнснеса. Разве им безразлично, какими средствами она располагает и сколько сможет вложить в Рейнснес?

Она достала портфель, разложила бумаги на потертой кушетке — чертежи, документы — и больше уже не делала попыток оправдать свои действия.

— Начнем с верфи.

Она объясняла, показывала, называла цифры, прочла договор о финансовой ответственности компаньонов. Не ожидая согласия или возражений, начала объяснять чертежи. Фундамент они заложат еще до снега. А весной уже смогут принять первые заказы. К лету, то есть в июне 1879 года, верфь будет готова!

Андерса захватил ее рассказ.

— Я только не понимаю, кто финансирует пятую часть расходов? — спросил он.

Дина показала на пункт в договоре, в котором говорилось, что Олаисен и она вносят по две пятых наличными. А одну пятую покроет Олаисен, заложив свой дом. С этим уже все в порядке. Каждый из компаньонов имеет преимущественное право выкупить долю партнера, если тот по какой-либо причине захочет выйти из дела, возможно, не справившись со своими обязательствами. Кроме того, у них есть письменный договор, предусматривающий, что в случае возникновения серьезных разногласий между партнерами каждый имеет право без предупреждения изъять из дела

вложенные им средства.

— Предположим, вы поссоритесь и он изымет свою долю? — спросил Андерс.

— Я не пропаду, — улыбнулась Дина.

— А если это сделаешь ты? — спросила Анна.

Дина пожала плечами:

— Это уже забота Олаисена. Он взял заем под заклад своей недвижимости и вряд ли захочет ссориться со мной.

— Как бы там ни было, доля Олаисена на одну пятую больше твоей, значит, преимущество на его стороне, — заметил Андерс.

— Это справедливо. Идея принадлежит ему. Он провел предварительную работу и рискует, взяв заем. А я только вкладываю деньги, чтобы в будущем получать прибыль.

Дина по очереди оглядела всех. Они молчали, и она взяла последнюю стопку документов.

— А если ваше дело провалится? — мрачно спросил Вениамин.

— Ни одно прежнее дело Олаисена не провалилось, так же как и мое. Почему вы думаете, что теперь чутье нас обманет? Нашим судовладельцам приходится прибегать к услугам верфей на юге. Чтобы переделать шхуну в пароход, Олаисену пришлось отправиться в Трондхейм. Почему этим нельзя заняться у нас? Но мы начнем с небольших ботов, а там будет видно. Верфь для больших стальных судов? Что скажете?

— Ты сумасшедшая, — произнес Вениамин. — Что тебе известно о таких судах?

— Мне ничего, а другим известно. Хотя бы в Германии.

— Ты могла бы пустить эти деньги на Рейнснес, поставить его на ноги.

Они поняли, что терпению Дины есть предел. Она нахмурила брови, погасила сигару и наклонилась к Вениамину:

— И чем же мы в Рейнснесе станем заниматься? На что мы все вместе с ним будем существовать, когда деньги кончатся? На твое докторское жалованье?

Вениамин изменился в лице.

— Поступай как знаешь! — Он встал и хотел уйти. Уже стоя на пороге, он спросил, намерена ли она жить в Норвегии, пока строится верфь.

— Да! И в Рейнснесе, и в Страндстедете!

Он посмотрел на нее с безнадежным отчаянием:

— А Андерс? Поедет с тобой в Страндстедет? Или он годен только для разового употребления?

Анна вскочила и бросилась на Вениамина. Заколотила кулаками ему в

грудь. Из горла у нее вырвался странный звук. Но это были не рыдания.

Дина громко задышала. Дыхание со свистом вырывалось у нее изо рта.

— Вениамин! — с грозным спокойствием одернула она его.

Он вышел в лавку и сел на стул перед прилавком. Долго переводил глаза с ящика на ящик. Некоторые были приоткрыты, и из них доносился древний, столетний запах. Столетний? А может, и старше. Ему вдруг захотелось узнать, сколько лет в Рейнснесе держали лавку. Историю Рейнснеса. Теперь эта история подошла к концу, а никто даже пальцем не шевельнул, чтобы помешать этому. Даже он.

Знакомое чувство бессилия овладело им. Маленький мальчик ждал, когда его всемогущая мать, Дина Грёнэльв, закончит обсуждать дела в конторе.

Видения вились у него в голове, как змеи. В нем вспыхнула ярость. Глаза застлал красный туман, и все потеряло значение. Он утратил власть над собой.

Не помня себя, Вениамин ворвался в контору. Он даже не взглянул на троицу, которая снова склонилась над бумагами Дины. Плевать ему на то, чем они заняты! Он должен сказать ей все, что думает!

Они подняли на него глаза.

— Можешь уезжать и возвращаться домой сколько тебе угодно, Дина, но предупреждаю тебя: не маши у нас перед носом деньгами, которые могли бы спасти Рейнснес и которые ты пустила на осуществление мечты Олаисена!

Дина первая оправилась от удивления.

— Сказано без обиняков! Но я не закладываю Рейнснес. Напротив, хочу привести его в порядок. И для этого не беру взаймы ни одного эре.

Ее тон еще больше разозлил Вениамина.

— Пусть ты бросила меня, Андерса, Рейнснес, но от покойников тебе не сбежать!

Дина положила обе ладони на стол и села в крутящееся кресло. Оно слегка скрипнуло.

— А вот об этом ты мог бы выразиться и яснее, — шепотом сказала она и с вызовом посмотрела на него.

— Помнишь русского? Он являлся тебе в эти годы? Выстрел грянул осенью пятьдесят шестого!

— Вениамин! — Андерс прибегнул к командирскому тону. Но Вениамин и не думал повиноваться:

— Помнишь, как он лежал? Помнишь кровь?

Теперь в голосе Андерса звучала мольба:

— Ради Бога, Вениамин… подумай о позоре, что ты можешь навлечь на нас…

Но Вениамин выплескивал Дине в лицо, которого уже не видел, один ушат за другим. Кричал о мальчике из Рейнснеса, который только в Копенгагене, уже став доктором медицины, узнал, кто его отец! Сопливый мальчишка год за годом копил свои обиды. Теперь они вырвались наружу. Он припомнил все разы, когда она переставала быть матерью и становилась только Диной Грёнэльв. Припомнил, что она заставила его жить с трупом. А потом взяла и уехала от них! Сбежала! Он был для нее все равно что картонка для шляп, которую необязательно брать с собой. И Андерс тоже. Теперь дошла очередь до Рейнснеса. Она сметает их всех со своего пути, как грязь!

Он был опьянен своими словами. Или они были его оружием? Наконец!

Помнит ли она, как однажды спросила у него, что такое любовь? Любовь? Черт ее видел, эту любовь! Стоило любви объявиться в Рейнснесе, как ее убивали. Благодаря ей! Ей!

Он погрозил Дине пальцем таким жестом, которому позавидовал бы любой проповедник. Невидимая ветряная мельница молола и молола слова, слетавшие с его губ. Накопившиеся с годами бессилие и ревность отталкивали друг друга и старались обратить на себя внимание.

Наконец Вениамин почувствовал себя опустошенным. Он съежился, как ссохшаяся шкурка. Его речь замедлилась, но он не замолчал, а снова потребовал, Дина вспомнила лежавшего в вереске русского.

— Он был убит! — крикнул вдруг Вениамин, будто только что нашел подходящее слово, и всхлипнул. После этого наступила тишина.

Анна не спускала с него глаз, этого человека она видела впервые. Потом, словно защищаясь, обхватила себя руками.

Дина все время следила за Вениамином. В лице у нее не было ни кровинки. Когда он наконец замолчал, она тяжело вздохнула. Казалось, этот взрыв принес ей облегчение.

— Это все, Вениамин? — прошептала она.

Почти неслышный звук заставил их обратить внимание на Андерса. Он странно сжался, пытаясь просунуть руку под жилетку. Потом словно опал. Его тело попыталось освободиться от кресла, но не смогло, потому что левая рука вцепилась в подлокотник.

И тут же раздался грохот, вызванный уже не телом Андерса, а креслом. Его углы со скрежетом процарапали пол. Сам же Андерс, не издав ни

звука, полулежал в опрокинувшемся кресле.

Но благодаря ему к конторе вернулось ее былое достоинство.

Спустя мгновение — а может, целую жизнь? — доктор Грёнэльв стоял перед ним на дрожащих коленях и констатировал смерть.

У Андерса остановилось сердце.

Карна еще издали услыхала, что папа на что-то сердится. Но не остановилась. Она бежала, чтобы передать ему срочное сообщение!

В дверях конторы она замерла, не понимая, что там происходит. Но папа больше не бранился.

— Из Плассена приехал гонец, там у кого-то течет кровь! — неуверенно сказала она, держась за дверь.

Бабушка подняла руку, словно хотела сказать «тс-с!», но не сказала. Рука ее почему-то поднялась с пола, бабушка сидела на полу, лицо ее было скрыто волосами.

Рядом с ней, вытянувшись во всю длину, лежал Андерс. Карна подумала, что у лежащего Андерса ноги длиннее, чем у стоящего.

Они все сидели на полу в полумраке. Андерса вообще почти не было видно. И вдруг это оказался уже не Андерс, а Олине.

Карна оцепенела. Только губы продолжали шевелиться. И дрожать. Она попыталась сжать их. Но они снова раскрылись.

Папа был как камень, он не смотрел на Карну и ничего не сказал.

— Иди ко мне, Карна! — позвала бабушка. — Андерсон только что умер. — Она прикрыла рукой лицо Андерса.

Потом она убрана руку, и у Андерса больше не было глаз. Он просто лежал на полу. Как будто спал, и его нужно было разбудить, потому что Сара пришла читать ему вслух газету.

Карна не могла подойти к бабушке. Ноги не слушались ее.

Папа встал, но казалось — он вот-вот упадет.

— Дина! Анна! Простите меня! Боже мой, Андерс! Простите меня!

Слова вырвались откуда-то из живота. Карна слышала, как они там плачут, потому что хотят выбраться наружу.

— Бедная девочка… Что за человек твой отец! — прошептал он и, проходя мимо, погладил Карну по голове. Лавка отозвалась эхом на его шаги. Потом Карна услыхала, как он бежит к дому.

Анна вскочила и побежала за ним. Карна не поняла, догнала она его или нет. Папа всегда бегал быстро, когда ему сообщали, что кто-то поранился. Но Анна непременно должна была догнать его.

Карну начало трясти. Она никак не могла унять дрожь. Зубы у нее

стучали.

— Иди сюда, садись! — донеслось до нее издалека, оттуда, где были бабушка и Андерс.

Карна сделала над собой усилие. Она робко подошла и села, прижавшись к бабушке. Ей было стыдно, что у нее так стучат зубы, но она не знала, как остановить дрожь. Наконец она закусила шерстяной платок, и нитки забили ей весь рот.

Значит, вот как это бывает? Человек просто падает? Все, кого она любила, упали. Но не так, как падала она во время припадка. Они падали один раз и больше уже не вставали.

— С кем же теперь будет разговаривать Анна? — услыхала Карна свой голос. Удивительно, что это пришло ей в голову.

Бабушка не ответила, но свободной рукой крепче прижала Карну к себе, а другой пригладила волосы Андерса.

— Он просил Стине подстричь его, — сказала Карна.

Вскоре они услыхали, как кто-то бежит, — сперва по аллее, потом по песчаному берегу. Был отлив, и сапоги чавкали, наступая на водоросли.

Папа и тот, чужой, тащили лодку к воде, дно лодки царапало о камни. Голосов не было слышно. Только этот скрежещущий звук, который Карна слышала множество раз. Теперь она всегда будет плакать, заслышав этот дурацкий звук.

Наконец Карна не сдержалась:

— Бабушка, почему папа сказал: «Бедная девочка… Что за человек твой отец!»

— Он был расстроен, потому что рассердился на меня как раз перед тем, как Андерс умер.

— Это он виноват?

— Нет! Разумеется, нет.

— А почему он рассердился?

— Потому, что когда-то я совершила поступок, которого он не мог понять. И еще потому, что я уехала от него в Берлин.

— Вы теперь не друзья?

— Конечно, друзья! — сказала бабушка, покачивая Андерса.

И вместе с ним покачивая Карну.

Послышалось множество шагов. Сперва за дверью. Потом в лавке. Анна, Фома, Стине, Сара и Уле. Стине принесла с собой свечи. Молча зажгла по свече по обе стороны от них. Но Карна знала, что свечи зажжены

только для Андерса. Хотя желтое пламя на мгновение осветило их троих.

Густые седые волосы и крупный подбородок Андерса стали желтыми. И смешные седые усы. И странный бугорок на шее, который так и ходил ходуном, когда Андерс говорил или смеялся.

Бабушкины руки лежали на Андерсе.

Потом пламя свечей выросло, и свет стал белым.

Глава 7

Анна в платье лежала на постели. Вдали послышался шорох вытаскиваемой на берег лодки. Она мигом выбежала в прихожую, схватила с вешалки первую попавшуюся куртку и бросилась на берег.

Они встретились внизу в начале аллеи.

Вениамин остановился и опустил на землю чемоданчик, не отрывая глаз от ее башмаков. Серое, заросшее щетиной лицо, большие пустые глаза. Несмотря на холодную ночь, он был без верхней одежды. Ни шарфа, ни фуражки. Один рукав был мокрый. Вениамин как-то поник. Он никогда не был высоким, а тут за несколько часов его плотное, сильное туловище заметно уменьшилось. Голова, словно желая скрыться, вырыла яму между плечами. Темные волнистые волосы слиплись и падали на лицо, на котором даже в глазах не было жизни.

Глядя на человека, стоявшего перед ней во всем своем убожестве, Анна думала: «Я люблю его. Я сама его выбрала! И я все еще не знаю его. Как же так?»

Но заговорила она о другом:

— Я знаю, что ты устал, но, умоляю, давай пойдем куда-нибудь, только не домой.

Он не ответил, оставил на дорожке свой саквояж и пошел впереди нее, но не в контору при лавке, а в пакгауз Андреаса. Скрипнули петли больших ворот. Внутри было темно и очень холодно. Словно былые весны хранили тут свой холод.

Вениамин отворил ворота, выходящие в море, чтобы впустить внутрь немного света. Шаги громко отозвались в погрузочном люке, где с потолка через два яруса свисал железный крюк.

Анна уже бывала здесь. Но тогда было лето. С потолка свисали связки старых сетей и канатов. Кое-где, словно глаза, мерцали зеленые стеклянные грузила. Мелкие волны бились о камни и сваи под гнилым полом. В некоторых местах сквозь щели была видна вода.

Он остановился, держась за деревянный, обитый жестью барьер перед отверстием. До сих пор он не сказал ни слова.

Анна села на ящик. Она не знала, с чего начать разговор, хотя и подготовилась к нему.

— По-моему, ты должен рассказать мне самое главное, — проговорила она.

Время шло. Вениамин не смотрел на нее. Анну мучило чувство одиночества, но ее одиночества или его — она не знача.

— Кажется, я наговорил больше чем достаточно! — Голос Вениамина был непривычно юный и хриплый.

— Я не могу жить в Рейнснесе, не зная, что случилось. Я здесь единственная ничего не знаю. А пока я не пойму, я не могу простить.

— Простить?

— Да. Я не могу ненавидеть тебя, Вениамин.

— Наверное, так было бы лучше, — прошептал он.

Стены подхватили его слова и снова швырнули их вниз.

Анна наклонила голову и закрыла лицо руками:

— Я тебя не узнаю.

— Я сам себя не узнаю! И то, что я сделал сегодня, простить невозможно.

— Почему? Как ты мог сказать эти страшные слова? Какое убийство?

— Теперь уже ничего не исправишь. Мои слова убили Андерса!

Анна не возражала. Она сидела не двигаясь и пыталась поймать его взгляд. Отчаяние.

— Где он лежит? — спросил Вениамин через некоторое время.

— В людской.

Ей стало легче, оттого что он заговорил.

— Это был случайный выстрел? — спросила она.

— Нет, пьяная ссора из-за бутылки водки. Несколько резаных ран, — проговорил он, не переводя дыхания, словно затвердил это наизусть, пока плыл домой.

Она с удивлением смотрела на него:

— Ты хочешь сказать, что Дина убила того человека в пьяной ссоре из-за бутылки водки?

Он начал смеяться. Постепенно смех перешел в протяжный стон. Поняв, что он плачет, Анна бросилась к нему, обняла.

— Вениамин, — бормотала она, неловко гладя его по спине. От него едко пахло потом, морем и солью. И еще чем-то — лекарствами, спиртом, эти запахи неизменно сопутствовали ему после посещения больных. Это напоминало ей детство — она всегда связывала Вениамина со своим отцом.

Он прислонился к ней головой и затих.

— Пустяковая рана. Он выживет. А вот у того, у Дининого, было огнестрельное ранение… Там уже ничего нельзя было поделать.

— Она застрелила человека?

— Не спрашивай! — взмолился он.

Анна не глядя хотела снова сесть на ящик. Вениамин успел схватить ее за плечи, чтобы она не села на пол.

— Дина застрелила человека! — повторяла она, хватаясь то за ящик, то за Вениамина.

Он молчал.

— И ты никому не говорил об этом? Никому до сегодняшнего дня?

— Только Акселю, когда он сказал, что поедет за ней.

— Акселю? Но почему не мне?

— Я должен был предупредить его… о том, что с ним может случиться…

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, русский простил бы ее, я думаю…

— Она застрелила его, потому что он изменил ей?

— Да.

Анна притянула его к себе на ящик. Хотела обхватить его всего целиком.

— А где ты был в это время?

— Наверху, на камне. — Он мотнул головой в направлении горы.

— Стоял и смотрел?

Он уткнулся в нее лицом. Больше он не посмеет смотреть людям в глаза.

— Сколько тебе тогда было? — не дыша спросила она.

— Одиннадцать…

Она крепко держала его. Шептала что-то бессвязное и непонятное даже ей самой. Но это помогло. Он успокоился.

— Ты можешь простить ее? — спросила она погодя.

Он ответил не сразу.

— Да. — Он тяжело дышал. — Разве у меня есть выбор? Но это ничего не значит. Ей нужно не мое прощение. Какая бы она ни была, ей не позавидуешь.

Ее пальцы перебирали его волосы на затылке, жесткие от морской воды. В углах рта у него обозначились глубокие морщины. Раньше она их не замечала.

— А кто твой отец, про которого ты не знал?

— Дина говорит, что это Фома.

— А он, что говорит он?

— Ничего.

— Ты хочешь сказать, что он всегда жил в Рейнснесе и они… и он не…

— Да.

Сказав это короткое «да», Вениамин начал безудержно смеяться. Анна тоже засмеялась. Сначала испуганно, нехотя. Словно боялась, что и на этот раз его смех перейдет в слезы. Убедившись, что ее опасения напрасны, она засмеялась по-настоящему. Они как будто искали спасения друг в друге и в этом смехе.

— Наверное, ничего страшного не было бы, если б ты узнал об этом раньше? — шепотом спросила она.

— Конечно. Ведь Иаков все равно уже умер.

— Почему Дина скрывала это? Стыдилась?

— Думаю, ей просто хотелось, чтобы Рейнснес достался мне. Я рассказывал тебе о Юхане, сыне Иакова от первого брака. Она боялась, что он станет претендовать на Рейнснес.

— Но он все-таки старший сын?

— Да. Но Дина выплатила Юхану его долю наследства, когда он учился на пастора. И пока я считался сыном Иакова, ей было проще отстаивать мои права. Впрочем, насколько я знаю, Юхан не очень-то и боролся. Но один раз он меня ударил.

— За что?

— Я не всегда был пай-мальчиком.

— Но ты не похож на Фому.

— Нет. Ты ведь слышала, Дина сегодня сказала, что я похож на старого ленсмана, ее отца.

— Он был плохой?

— Не очень хороший.

Они снова засмеялись. И долго не могли остановиться.

— Идем спать, — все еще смеясь, сказала она.

Он замер и перестал смеяться.

— Ты иди. А я должен зайти к Андерсу в людскую!

— Я с тобой!

— Когда я был маленький, я спросил у Андерса, не может ли он быть моим отцом, — сказал Вениамин, вставая с ящика.

— И что он тебе ответил?

Вениамин дышал со свистом, говорить ему было трудно:

— Мы с ним сидели здесь, в этом пакгаузе, и чинили сеть… Он сказал: «Если ты считаешь, что будешь счастлив, я могу быть твоим отцом». И пожал мне руку.

Карна проснулась от собственного голоса. Было темно и тихо. Ока

открыла глаза, но как будто продолжала спать. Кроме нее, в комнате никого не было. Она не парила в воздухе, и припадка у нее не было. Она никуда не собиралась и не знала, где находится. В свете, падавшем из окна, вдруг возник папа. Очень бледный, без глаз. Она с удивлением смотрела на него. Неожиданно папа упал!

Крик был ее и в то же время чужой. Долгий. Протяжный. Непрерывный. Она набирала полные легкие воздуха и кричала, кричала, кричала.

Хотя и понимала, что папа упал и никакой крик этого не изменит. Он упал, как падают только один раз.

Потом появилась бабушка и что-то сказала. Карна не слышала ее слов, но показала ей в ту сторону, где лежал папа.

Бабушка зажгла лампу, теперь она должна была увидеть папу. Но не увидела. Карна хотела сказать, что теперь умер и папа. Но не могла. В ней не было места для слов, только для крика.

Она брыкалась и рвалась к папе, однако бабушка крепко держала ее. Очень крепко. Карне стало больно. Прислушиваясь к этой боли, она перестала кричать. Словно кто-то заткнул ей рот пробкой.

— Папа упал, он лежит там, у окна! — Она показала рукой.

Бабушка поднесла ее к окну, чтобы она потрогала папу и проверила, не ушибся ли он. Карна протянула руку, но папы там не было. Он исчез!

В дверях появилась Бергльот. У нее было такое лицо, будто она тоже видела, как папа упал. Карна заплакала.

Она опомнилась в кровати у бабушки и узнала, что все это ей только приснилось.

— Ты боишься, что папа умрет, как умер Андерс, вот тебе и приснилось, будто он упал.

— Но ведь его нет в зале? Ты сама видела!

— Анны там тоже нет. Они пошли пройтись по берегу или сидят у флагштока.

— Может, Анна тоже упала?

— Нет, они скоро вернутся. Лодка стоит на месте. Мы не будем спать и дождемся, когда они вернутся.

— Но ведь я сама видела; папа упал!

— Иногда мы видим то, чего нет… А может, это был сон.

— Не сон. У меня были открыты глаза! Ты просто меня уговариваешь, чтобы я не кричала.

— Я не боюсь твоего крика. Кричи себе сколько влезет. И мне все

равно, что ты видишь. Но я открою дверь в коридор и обещаю тебе: скоро ты увидишь, что Вениамин придет и спросит, почему у нас открыта дверь. И Анна тоже.

Карна поняла, что ей остается только ждать.

Дверь в Динину комнату была приоткрыта. Вениамин и Анна задержались в коридоре. Потом Вениамин решился и заглянул в комнату.

— Почему у тебя открыта дверь? Я…

— Карне приснился страшный сон, и она хотела убедиться, что ты жив, — послышался из темноты голос Дины.

— У нее был припадок?

— Нет, на этот раз только сон.

Голос Дины звучал так, словно ничего не случилось. Как ей это удается, подумал он.

— Не бойся за меня, папа, я лежу у бабушки, потому что я видела, как ты упал.

— Упал?

— Да. Как Андерс.

Вениамин вошел в комнату и хотел обнять Карну. Но в темноте обнял их обеих. Динина рука крепко сжала его руку.

На цыпочках он вышел в коридор и осторожно прикрыл за собой дверь.

Анна прочла вслух отчет, написанный для ленсмана. Она только что переписала его набело.

«14 сентября в первую половину дня меня вызвали к Гуннару Ульсену в Плассен, которому, как мне сказали, Петтер Педерсен нанес сильный удар по голове. Волосы на голове у Ульсена слиплись от крови. Лицо и уши тоже были в крови. На коже головы были три раны. Одна — над левым виском, другая — на темени и третья — в правой части лба. Кожа была рассечена до кости, кусок кожи содран. Кость и надкостница повреждены, кость по краям раны раздроблена. Рана была нанесена с большой силой каким-то острым предметом. Несмотря на быстро оказанную помощь, рана опухла и воспалилась. После применения лекарств опухоль и воспаление прошли».

Вениамин со вздохом подписал отчет.

— Спасибо! Хорошо, что мне не пришлось писать это самому! Меня мутит, когда я вижу это на бумаге.

— Никогда не думала, что тебя может замутить от вида раны.

Если бы не смерть Андерса, она бы сейчас засмеялась, подумал

Вениамин.

И вдруг она засмеялась!

— Не раны, а крови. — Он тоже засмеялся.

— Как же ты с этим справляешься?

— Не знаю. Наверное, это у меня появилось после русского.

Ему вдруг стало легче, оттого что он признался в этом. Произнес вслух. Доверил человеку, который понимает его, которому достаточно одного слова: русский.

Они стояли по обе стороны секретера. Вениамин держал в руке отчет.

— Я хочу спросить у тебя… — начала она.

— Что?

— Каким орудием был нанесен удар? Ты ничего не пишешь об этом.

— Я могу ошибиться. Мое дело — описать рану, а не расследовать, как это случилось.

Она кивнула:

— И еще одно. Я знаю, всем сейчас нелегко… но мне бы хотелось, чтобы ты сегодня побрился! Ради меня! — Она обхватила руками его лицо.

Он отложил отчет и притянул ее к себе.

Ощутив прикосновение ее мягкой теплой кожи, Вениамин понял ее мысли, в которых она не признавалась даже себе, и его охватило желание.

Свежий запах лаванды прокрался между ними, когда он расстегнул лиф ее платья.

Он почувствовал ее руку в своих волосах. На затылке. Она прижалась к нему. Губы ее были большие и влажные. Его обрадовало ее страстное нетерпение. Он хотел спрятаться в нем. Исчезнуть там, где ничего, кроме страсти, не имело значения.

Они помогли друг другу избавиться от лишней одежды. С этим они справились быстро. Анна прерывисто дышала, и лицо ее было зеркалом, отражавшим наслаждение.

Желание вдруг покинуло Вениамина, он чувствовал только нежность. Она пробежала по нему, словно волна. Поражение. Потом стеной встала усталость. Тело не слушалось его. Оно просто исчезло.

Сначала он отказался признать это. Хотел преодолеть самого себя. Но понял, что это бесполезно, и затих, спрятав свое поражение в Анне.

Она обхватила его руками и ногами и стала тихо покачивать. Увядший, он покачивался в ней. И его стыд испарился в их общем дыхании.

Он всегда знал, но отчетливо понял только сейчас: в их отношениях с Анной не может быть поражения.

Похороны длились с пятницы по воскресенье. На людской памяти в Рейнснесе еще никогда не пришвартовывалось и не вытаскивалось на берег столько карбасов и лодок. Дина отдавала распоряжения, точно все годы, проведенные за границей, имели лишь одну цель: распорядиться похоронами ее второго мужа.

Она велела соорудить портал над воротами сада. Не меньше двадцати елей пожертвовали на его украшение. Портал должен был быть вечнозеленый, как рай. Парень из Страндстедета выпилил лобзиком сквозную надпись на деревянной доске: «Память о тебе останется жить в твоих мужественных делах».

По краям надписи были нарисованы черные кресты. Под флагом висели две буквы А и Б, которые Сара сплела из веток можжевельника. Буквы переплетались друг с другом, образуя корону, их окружало сердце.

Если у кого-то и были кое-какие сомнения, то теперь все могли убедиться, что Андерса любили, почитали и что он был незаурядным человеком. После того как портал был воздвигнут, множество людей, считавших, что им сейчас не место в Рейнснесе, на веслах или на парусах проплывали мимо. До всех дошли слухи о том, что Дина из Рейнснеса воздвигла Андерсу такой памятник, что его стоит увидеть. И даже сфотографировать.

Присутствовавшие рассказывали, что перед отъездом в церковь Дина твердым голосом произнесла над гробом речь. И что она в людской, где в гробу, окруженном зажженными свечами, лежал ее муж, сыграла для него светскую мелодию. Она назвала ее «Колыбельной песней» Брамса. Странно, что она играла колыбельную для взрослого человека, Но песня была красивая! С этим никто не спорил.

Люди, не имевшие собственного мнения, ждали, что по этому поводу скажут телеграфист и редактор. Если бы они назвали это необычным и прекрасным, это бы означало, что любовь оказалась сильнее всех долгих лет, которые Дина провела за границей.

И все старые истории о ней, поутихшие с ее отъездом, истории о ее детстве и замужестве за Иаковом Грёнэльвом, обрели новую жизнь. Умение Дины быстро считать в уме и любовь к вину люди приукрасили совсем немного — эти вещи и сами по себе были достаточно невероятны. Разные истории пересказывали при встрече на дороге, во время работы на поле и редко на кухнях — ведь там их могли услышать моряки. В своих домыслах о союзе Дины из Рейнснеса с Вилфредом Олаисеном люди причислили Олаисена к сонму избранных. Человек, к которому приезжает фру Дина и с которым она ведет дела, не мог быть простым смертным.

Многие были уверены, что Дина вложила крупную сумму в верфь Олаисена. И слухи о ее состоянии росли с каждой историей.

Но кое-кто трезво смотрел на дело. И одним из них был сам Олаисен. Хотя он и наслаждался уважением, которое ему оказывали как доверенному лицу фру Дины, как он сам скромно называл себя.

Похоронный портал, воздвигнутый в честь Андерса, внушил уважение и к Ханне. Не важно, что она дочь лопарки, ведь она выросла и получила воспитание в Рейнснесе на правах дочери! По распоряжению самой Дины! Разве счету, письму, всевозможным премудростям и катехизису ее учили не вместе с доктором Грёнэльвом? Разве она не умела справляться с любыми тканями, оборками и рюшами и не шила красивейшие платья, которые словно сошли со страниц модных журналов либо были приобретены в Бергене или Бремене?

Женщины, особенно состоятельные, сокрушались, что Ханна вышла замуж за Олаисена и перестала принимать заказы. Зато сама она теперь одевается как королева. Она приезжает в церковь в бархатном пальто кофейного цвета, опушенном белым кроликом, а петли для пуговиц сделаны из толстого шелкового шнура. Ей завидует даже сама амтманша!

Другие ломали голову над тем, что заставило Дину уехать за границу, а потом вернуться домой. Они находили всякие причины, в которые верили сами, и громким шепотом передавали дальше. Наверняка у нее была какая-то тайная болезнь, которую она ездила лечить.

Жена школьного учителя утверждала, будто Дина, возомнив о себе, решила стать знаменитой пианисткой. Или играть на этой большой скрипке, как там она называется… Но ее поглотила жизнь большого города. Упражнениям на пианино она предпочла светские удовольствия с герцогами и генералами и таким образом испортила свою жизнь.

Жена кузнеца стояла на том, что Дина бежала от скуки, не разобравшись, что Андерс — самый подходящий для нее муж. Вернувшись домой, она осознала свою ошибку. Это сразу становится ясно, достаточно взглянуть на воздвигнутый ею портал, зеленый, как в раю.

Телеграфист говорил, что Дина оставила музыку, вступив в связь с крупным финансистом, который, безусловно, был евреем! Она стала его помощницей, потому что обладала непревзойденным деловым чутьем.

В рукавах фьорда, и на островах, и даже в самом Страндстедете люди жили бесцветно, не ведая настоящих опасностей и развлечений, если не считать сплетен об Олаисене. Жизнь немного оживлялась, лишь когда рыбаки возвращались с Лофотенов или из Финнмарка, а охотники — после зимней охоты на льду. Такие мелочи, как пьянство, всевозможные грешки

или драки, о чем писали в газете, были не в счет.

Никаких значительных событий, которые остались бы в памяти и могли скрасить существование, там не случалось. Жизнь была настолько однообразна, что люди забывали, в каком году конфирмовались.

Но как только по округе прошел слух, что Дина из Рейнснеса велела соорудить над садовыми воротами портал в честь Андерса, все заговорили о королевских похоронах. Искра упала на трут. Огонь распространился и вызвал к жизни множество бессвязных и противоречащих друг другу историй. О Дине. О хозяевах Рейнснеса и людях, кормившихся там.

Кто-то вспомнил Динину свадьбу. Когда молодая невеста, к ужасу присутствующих, забралась на дерево, потому что жених полез к ней, а она оказалась к этому не готова. О несчастье с покойным Иаковом. И наконец о русском шпионе, который из-за нее пустил себе пулю в лоб. Подумайте, как сильно можно любить!

И тот факт, что Дина приехала в каменную церковь в черных венских кружевах с головы до ног и в вуали, расшитой бисером, так что никто не мог видеть ее лица, отнюдь не способствовал забвению старых историй.

Тем временем, пока родные подходили к гробу прощаться, на последней скамье в церкви коротали время два человека, которые могли бы рассказать о том, как в былые времена Дина к тому же прирезала свою больную лошадь. Собственноручно!

И пока орган гремел над черными фигурами, внимание присутствующих было занято исключительно вдовой. Такой вдовы здесь еще не видел никто.

Потом уже они припомнили и жену доктора, которая стояла на хорах рядом с органом и пела в честь Андерса псалмы Петтера Дасса. Голос у докторши был приятный и полнозвучный. Снизу она казалась нарисованной в воздухе.

Ее видели все, кто вопреки обычаю украдкой посматривал на хоры. Она была не от мира сего.

Глава 8

Карне разрешили поехать с бабушкой в Страндстедет. На какую-то стройку, которая называлась «верфь». Там они увидели шестерых рабочих, грязных с головы до ног. Один из них был совсем мальчик. Лицо у него тоже было испачкано. Он был похож на Аннину статуэтку, представлявшую собой негра в униформе, который держал поднос. На этот поднос Анна клала ноты.

Правда, на этом рабочем униформы не было. А если б и была, из-за грязи ее все равно было бы не видно. Когда он открыл рот, чтобы поздороваться с бабушкой, Карна увидела, что зубы у него совсем как у скелета в папиной медицинской книге.

Парень снял шапку и обнажил золотистые, стоявшие торчком волосы. Только тогда Карна поняла, что он все-таки не негр, — кожа у него на лбу под шапкой была совершенно белая.

Карна была разочарована, ей так хотелось увидеть настоящего негра!

— Как дела, Педер? — спросила бабушка и хлопнула грязного парня по плечу.

— Спасибо, не жалуюсь, — ответил он.

Карна увидела его глаза — белок окружал что-то ярко-синее с горевшим внутри огнем. Как будто она в солнечный день смотрела на море за островами.

— Сегодня со мной приехала Карна, — сказала бабушка.

Парень протянул было испачканную руку. Потом поклонился Карне, как будто она была взрослая.

— Добрый день, Карна Грёнэльв, — сказал он и поклонился еще раз. Черные губы внутри оказались розовыми. Розовое кольцо шевелилось при каждом слове.

Карна потом долго видела перед собой это розовое кольцо.

Узкая лесенка вела в «контору верфи», как ее назвала бабушка. В конторе сидел Вилфред Олаисен.

— Добро пожаловать, юная дама, — сказал он Карне.

Она подошла и сделала реверанс. Олаисен был совершенно чистый. Руки у него были похожи на папины. Но ногти у папы были чище.

Бабушка поздоровалась с Олаисеном за руку. По ее лицу Карна поняла, что ей нравится «контора верфи», потому что морщинка между бровями почти исчезла и уголки губ смотрели вверх.

Олаисен говорил много непонятного, но иногда он поглядывал на Карну и обращался к ней на «вы», точно она была настоящая дама.

— Мы видели в кузнице вашего брата, — сказала бабушка.

— Педер хороший работник, правда, лет и ума ему еще не хватает. Но он очень сильный! — гордо сказал Олаисен.

— Хотя на Голиафа он не похож. Сколько ему?

— В декабре стукнет пятнадцать. У него светлая голова! Думаю, стоит раскошелиться на его учение. Но сперва пусть научится работать руками и немного повзрослеет, — сказал Олаисен.

Карна ни у кого не видела такой красивой улыбки, с какой Олаисен говорил о своем брате, который был почти негр.

— Чему же он хочет учиться? — спросила бабушка и села на старый стул, который ей предложил Олаисен.

— Если за учение буду платить я, Педеру придется научиться ремонтировать суда. Я не бросаю деньги на ветер.

Бабушка промолчала. Других стульев в конторе не было, и она посадила Карну к себе на колени.

Олаисен тут же выбежал за дверь и вернулся с табуреткой, покрытой засохшими пятнами краски.

— Прошу садиться! — сказал он.

Карна села, стараясь выглядеть старше, чем была на самом деле.

Олаисен снял тужурку и повесил на гвоздь, торчавший в стене. Потом приподнялся на цыпочки и снова опустился на пятки. Карна поняла, почему Уле называл его «Ханнин хлопотун». Он был похож на медведя, которого Андерс однажды привез ей из Бергена. У медведя в спине торчал ключ. Когда ключ поворачивали и ставили медведя на пол, он делал десять неловких шагов.

Олаисен приподнялся на цыпочки три раза.

Когда он снова сел, бабушка спросила, как себя чувствует маленький Рикард, начал ли он ходить.

— Нет, ему только в ноябре исполнится год, — ответил Олаисен.

— А как поживает Ханна?

— Ханна здорова, у нее все в порядке, — быстро ответил Олаисен и заговорил о том, что верфь скоро будет готова и о ней следует дать объявление в газете.

Бабушка достала из сумки какую-то бумагу и начала читать вслух. Олаисен слушал, откинувшись на спинку кресла и уперев кончики пальцев друг в друга.

— «Сообщение об открытии новой фирмы. В магистрат Тромсё. В

соответствии с законом о регистрации предприятий от 3 июня 1874 года сообщается, что нижеподписавшиеся Вилфред Олаисен и Дина Бернхофт открыли общее дело, включающее в себя судовую верфь и кузницу. Фирма называется «Олаисен и К°». Оба компаньона несут солидарную ответственность, но право подписи принадлежит только Олаисену. Фирма находится рядом с пароходной пристанью в Страндстедете.

Страндстедет, 30 октября 1878 года.

Вилфред Олаисен. Дина Бернхофт».

Пока бабушка читала, Олаисен сидел с закрытыми глазами. Потом он открыл глаза, вскочил и снова пожал бабушке руку.

— Как вам пришло в голову написать, что право подписи имеет только Олаисен? Это слишком великодушно. Я бы не посмел даже…

— В таких сообщениях это непременно указывается.

Они оба подписали бумагу. Олаисен вложил ее в конверт и запечатал его сургучом.

Так же торжественно сургуч пах и дома. Бабушка убрала письмо в сумку, чтобы потом отправить его.

Олаисен наполнил рюмки. Капнул он и в рюмку для Карны. Но она пить не стала.

Бабушка считала, что им следует нанять больше рабочих, — фундамент должен быть готов к началу зимы.

— Хорошо, что вы начали работу над фундаментом еще без моего капитала. Иначе мы пропустили бы весенний сезон. — Она сунула за ухо ручку Олаисена и начала просматривать документы, которые он положил перед ней. Вскоре она сложила их в пачку. — Я возьму их с собой в гостиницу и верну вам завтра утром.

Олаисен достал оберточную бумагу и бечевку и сделал пакет. Пакет не влез в бабушкину сумку. Сумка и без него была полна.

— А вы не хотите остановиться у нас с Ханной? — предложил Олаисен, вставая, чтобы снова наполнить бабушкину рюмку.

— Нет, мы уже остановились в гостинице. И раз уж мы заговорили о гостинице, поздравьте меня с приобретением. Теперь гостиница принадлежит мне.

— Вам, гостиница? — как топором рубанул Олаисен и упал с носков на пятки. Волосы и щеки у него затряслись.

— Да, я купила «Сентрал Отель». На оформление купчей ушло какое-то время, я была слишком занята нашей верфью. Но теперь гостиница уже моя.

Лицо у Олаисена изменилось. И цвет лица тоже. Он стал ярко-красным.

Это ему не шло. Карне почудилось, будто они с бабушкой плывут на льдине. Это было не совсем приятное чувство, но она не жалела, что испытала его.

Олаисен как заколдованный менялся прямо у них на глазах.

Прищурившись, он смотрел на бабушку, словно она бросила в него снежком.

Карну он не замечал. Кашлянув несколько раз, он просипел:

— И бы до сих пор молчали об этом!

— Я не люблю говорить, пока дело не сделано.

И прибавила, что, может быть, в этом и заключается разница между ними.

Олаисен снова сел за стол. Молча стал набивать трубку. Карна видела, что у него как-то странно шевелятся губы. Будто в зубах застряло мясо.

— Я помню, что говорил вам о своем желании купить гостиницу, — сказал он все тем же шипящим голосом.

— Я помню, вы говорили, что хотите построить новую, — поправила его бабушка. — Не спорю, свежие бревна так приятно пахнут!

У Карны вспотели руки.

Олаисен сердито похлопал документами по столу и чуть-чуть двинул свое крутящееся кресло.

— Я считал, что мы компаньоны…

— Что касается верфи — да, что касается гостиницы — нет.

Карна видела, что Олаисен с трудом сдерживает гнев.

Он разозлился, но хотел это скрыть. Вдруг он показался ей очень опасным.

— Значит, что касается гостиницы, мы не компаньоны… Ясно. Ясно.

— Олаисен! Не болтайте чепухи при даме. И перестаньте разыгрывать оскорбление. В деловом мире я и не с таким сталкивалась. Потрудитесь делать хорошую мину при плохой игре, чтобы вашим конкурентам было приятно. А то я начну сомневаться, что правильно выбрала компаньона!

Это была незнакомая бабушка. Она встала.

Олаисен был уже не красный. Он был фиолетовый.

Бабушка надела перчатки и взяла со стола пакет с документами. Когда она проходила мимо Карны, Карна поспешно укрылась в складках ее юбки. Уже у двери бабушка обернулась и сказала почти весело:

— К утру, когда я вернусь со счетами, вы уже свыкнетесь с этой мыслью. Я переименую гостиницу в «Гранд Отель»!

Внизу черный Педер приподнял шапку, хотя его руки были заняты щипцами — он что-то разогревал в сильном пламени. Уже стемнело. И все-

таки Карна заметила, как у него светились глаза. Но он ничего не сказал на прощание.

Карна ела фрикадельки и компот из ревеня на десерт в бабушкиной гостинице. Гостиница поразила ее своими размерами.

— А столы и стулья тоже твои? — поинтересовалась она.

— Да. Спасибо, ты мне очень помогла у Олаисена!

— Как помогла?

— Если б тебя там не было, он бы еще больше рассердился на меня за то, что я купила гостиницу.

— Ты правда так думаешь?

— Безусловно! Он видел, что нас двое! — Бабушка была совершенно серьезна.

Она подняла бокал с вином, а Карна — стакан с малиновым соком. Это было торжественно, как в церкви, но гораздо приятнее.

При мысли о церкви у Карны вдруг вырвалось:

— Тебе не хватает Андерса?

— Да, не хватает, чтобы он ходил по дому, спал у себя… Но вообще я уверена, что он сейчас здесь. А ты?

— Ты разговариваешь с ним? — прошептала Карна.

— Бывает. Но не так, как с тобой. Хотя, случается, я говорю с ним и вслух. — Бабушка улыбнулась.

Карна кивнула и опустила глаза в тарелку.

— Люди не должны умирать, — сказала она, и глаза у нее наполнились слезами.

Бабушка замерла, потом ее рука протянулась над столом к Карне.

Карна быстро подняла глаза.

— Я рада, что вернулась домой до того, как он умер, — тихо сказала бабушка.

Они помолчали.

— Ты знала, что он умрет? И потому вернулась?

— Иногда я думала, что могу опоздать… И не только потому, что кто-то умрет… Неожиданно я получила письмо с рисунком… погибшие птенцы гаги. Помнишь? Потом Вениамин и Анна. И конечно, Андерс… Наверное, были и другие причины…

— Я думаю, ты приехала из-за тех разбитых яиц.

— Может быть.

— Ты тоже иногда плохо вела себя?

— Гораздо хуже.

— А что ты делала?

— Я расскажу тебе, когда подрастешь.

Бабушка прикрыла глаза, словно вспоминая то, что было гораздо хуже. Потом посмотрела на Карну и улыбнулась ей:

— Сегодня у нас праздник!

В начале ноября окружной доктор пригласил к себе Вениамина и сообщил ему, что подал прошение об отставке.

Он собирается перебраться на юг и провести остаток старости в городе, где прошло его детство. Там люди картавят и уже с апреля ходят без верхней одежды. Доктор хотел, чтобы Вениамин ходатайствовал о получении его освободившейся теперь должности.

— Купите мой дом и поможете мне избавиться от медицинских инструментов и прочего хлама! К обоюдному согласию и выгоде. По крайней мере, моей!

Зимой из-за плохого самочувствия окружной доктор просил Вениамина взять на себя посещение больных в приходах во время церковных праздников. И обещал, что Вениамин будет обеспечен транспортом. Врачебные приемы людей, приезжавших в церковь, стали утомительны для старого доктора. Люди либо обращаются с сущими пустяками, либо у них столько недугов, что медицина уже не в состоянии помочь им. Если поехать в субботу утром, можно попасть на место к двум часам пополудни и принимать больных до самого вечера. Правда, иногда приходится прихватывать и вечер, пока у хозяев в лампе не кончится керосин. Но Вениамин молод, в расцвете сил.

— Только не ездите по воскресеньям. Прихожане после службы бывают едва живы, и тогда вы в тот день уже точно не сможете вернуться домой.

Кроме того, доктор хотел возложить на Вениамина еще одно дело, к которому следовало подойти весьма деликатно. Нужно написать в комитет по делам неимущих о несчастной Кристине Ульсен. Она страдает сифилисом в третьей стадии, и ее состояние требует лечения в клинике.

— Я видел эту несчастную женщину и заручился для нее местом в клинике в Тромсё. Но необходимо, чтобы комитет по делам неимущих выделил на это средства. Черт знает, где она подцепила этот сифилис! Я не мог вытянуть из нее ни слова. Моя жена слышала, будто какой-то финн в Финнмарке заразил мужа Кристины. Но муж уже давно бросил ее.

— Значит, нужно его найти?

— Вот именно! — Старый доктор оживился. — И у вас больше сил,

чтобы этим заняться. И наконец, последнее на сегодня. Сесилия Андреасдаттер, двадцать четыре года, тяжелая форма эпилепсии. Я уже говорил вам про нее. Вы лучше меня знакомы с этой болезнью, и вам, наверное, будет легче подойти к этому случаю с точки зрения закона…

Припадки у нее случаются ежедневно, чаще всего ночью, она впала в полную апатию. Сесилия — тихая девушка, но становится даже опасной, когда мальчишки начинают ее дразнить. К тому же она страдает ночным недержанием мочи. Ваш совет относительно брома ей не помог. Родители Сесилии очень бедны, у них нет даже постельного белья, поэтому надо написать в комитет по делам неимущих, что девушке необходим особый уход. Это ей гарантирует закон.

— Что вы имеете в виду?

— Закон о душевнобольных, параграф девятнадцатый.

Вениамин побледнел.

— Я знаю, вы придерживаетесь иного мнения, потому что ваша Карна не душевнобольная. Да и эта девушка тоже. Но у нее никого нет. Только этот нищий дом…

— Я попытаюсь обеспечить ей уход, не помещая ее в приют.

— Добрые намерения. Но родные тоже помыкают ею. Ее нужно оттуда забрать. Обеспечить ей надежных приемных родителей стоит дорого. Поэтому, если мы напишем, что она подпадает под параграф закона, комитет по делам неимущих раскошелится.

— Я не могу объявить ее сумасшедшей для того, чтобы получить деньги.

— Сможете, ведь другого выхода нет. Или вы хотите, чтобы она задохнулась, подавившись собственной блевотиной? — Старый доктор рассердился.

Он не впервые одерживал победу в подобном сражении. И на этот раз, как всегда, на столе появился пунш.

Но Вениамин все время видел перед собой закатившиеся глаза Карны, ее покрытые пеной губы и сведенное судорогой тело. У него сильно забилось сердце.

Перед его уходом старый доктор сказал:

— Справедливостью голодного не накормишь. Вот нам и приходится прибегать к закону, только мы имеем такую возможность.

Обязанности окружного врача заставили Вениамина проводить в Страндстедете больше времени, чем раньше. Он не щадил себя. Случалось, он дремал за рулем на корме лодки, спеша от одного больного к другому.

Если позволяла погода.

Старый доктор сдержал слово: Вениамину был назначен постоянный сопровождающий, когда он по праздникам посещал приходы. Вдвоем легче было вести лодку в темноте при неспокойном море. Но, с другой стороны, присутствие постороннего человека утомляло Вениамина. Часто он лежал, завернувшись в овчины, и делал вид, что спит.

Анна и в этом году вела занятия в обязательной школе. Кроме того, она преподавала в школе в Страндстедете и даже в округе, потому что учитель был занят подготовкой к лову на Лофотенах.

Но это был только предлог. Его обвинили в том, что он бил одного мальчика по рукам, и отстранили от уроков.

Вениамин помог родителям мальчика написать жалобу в школьный комитет, потому что сам лечил пострадавшего, у которого были сломаны пальцы и перебиты сухожилия.

В ответ на эту жалобу инспектор заявил, что наказание учителя было отнюдь не строгим: по три удара плоской стороной линейки по каждой руке. Мальчика следовало наказать за нерадивость. Учитель сказал, что на уроке мальчик не мог ответить ни на один вопрос из Понтоппидана[10]. А также утверждал, что родители сами нанесли мальчику увечья, дабы оправдать лень своего отпрыска и его нежелание получать знания.

Это привело к тому, что школьный комитет наложил на родителей штраф за то, что они не пускают сына в школу.

Вениамин помог им написать еще одну жалобу. В результате это привело к тому, что инспектор обнаружил много недостатков в преподавании Анны Грёнэльв. Она, например, играла и пела светские песни, когда вела занятия обязательной школы в Рейнснесе, вместо того чтобы использовать это время для религиозных назиданий.

Анна ответила школьному комитету большим письмом. Она имела право петь и играть светские песни, ибо это делалось не в ущерб другим занятиям. Однако инспектор не привык, чтобы какие-то самоуверенные «бабы» писали неуместные письма, как он выразился. И тогда Анна, не привыкшая к тому, чтобы ее называли «бабой», продолжила переписку со школьным комитетом уже в более резком тоне. К огорчению пробста, который опасался, что ей больше не разрешат преподавать.

Вениамин с улыбкой следил за этой перепиской. Он узнавал ту Анну, которая писала письма ему самому.

Несколько дней губы Анны напоминали маленькую красную пробку, а голубые глаза светились даже в зимней темноте.

Однажды в субботу, когда ни в одном приходе не было церковного праздника и Вениамину не нужно было принимать больных, он приехал домой и застал Анну разгневанной. Она получила очередное письмо. Но не от школьного комитета, а от инспектора.

— Я не собираюсь с этим мириться. Я сама поеду в Страндстедет и поговорю с пробстом.

Инспектор писал, что к нему поступила жалоба от Уле Тобиассена, у которого был на воспитании мальчик по имени Ларе. Этот Ларе рассказал, что Анна Грёнэльв позволила своей падчерице Карне присутствовать на занятиях и что у Карны во время занятий случился приступ падучей. Это напугало учеников и отвлекло их от занятий. Оба раза во время припадка у девочки на губах выступала пена и пол под ней был мокрый. На этом основании инспектор счел для себя уместным в письменной форме просить Анну Грёнэльв не разрешать больному ребенку находиться в комнате, где идут занятия.

Многие прихожане говорили инспектору, что предпочли бы, чтобы учителем был мужчина, который учил бы детей на их родном языке. Кроме того, Анна Грёнэльв, несмотря на предупреждения, часто начинает занятия с пения светских песен до того, как обращается к молитве. А также не требует от детей, чтобы они учили наизусть псалмы Понтоппидана. Что весьма прискорбно.

Вениамин рассмеялся.

— Ты находишь это смешным?

— Нет, но и относиться к этому серьезно я тоже не могу. Он просто тебя боится. К тому же до него еще не дошло, что Земля круглая.

— Но речь идет о Карне!

— И что же ты ему ответила?

Анна подошла к секретеру и взяла свое письмо:

— «Глубокоуважаемый Школьный комитет, господин председатель!

Я получила письмо от инспектора, копия которого, полагаю, имеется и у вас. Он возражает против того, чтобы моя падчерица Карна присутствовала на школьных занятиях. Должна сообщить, что Карна хорошо ведет себя на уроках, умеет читать, считать и прекрасно поет, весной ей исполнится семь лет. Свой запрет инспектор объясняет тем, что иногда у Карны бывают припадки эпилепсии.

Буду кратка: я не намерена подчиняться требованию инспектора!

Но мне бы хотелось, чтобы Школьный комитет обратил внимание на то, как инспектор исполняет возложенные на него обязанности.

Несмотря на мои неоднократные требования, инспектор до сих пор не потребовал от приемных родителей Оскара Педерсена, чтобы они посылали мальчика в школу в целой одежде и давали бы ему с собой достаточно еды. Целых три недели перед Рождеством он ходил в одном и том же платье, которое ни разу не стиралось. У него не было с собой почти никакой еды, что ставило мальчика в трудное положение перед другими детьми. Видя, что я кормлю мальчика, они называли его нищим попрошайкой.

Мальчик часто пропускал занятия и оправдывался тем, что у него не было обуви, еды или его некому было привезти в школу. Между тем на покрытие этих расходов приемные родители получают деньги от комитета по делам неимущих.

В подобных случаях инспектор проявляет полную неспособность защищать интересы детей, о чем я неоднократно напоминала ему. С другой стороны, я считаю тревогу инспектора по поводу того, что эпилептические припадки моей падчерицы могут принести другим детям вред, совершенно необоснованной.

Что же касается жалобы инспектора на то, что я преподаю на датском, а не на родном языке детей и что я не мужчина, должна напомнить Школьному комитету, что человек, занимающий в настоящее время пост школьного учителя, хоть и мужчина, но в семинарии не учился. Его знания не превосходят знаний любого человека, которого пастор готовил к конфирмации. К тому же он финского происхождения, и его норвежский язык не более понятен детям, чем мой датский.

Я прошу уважаемый комитет еще раз ознакомиться с моими рекомендациями и тщательнейшим образом проверить мой датский язык. А также посетить мои занятия.

Теперь о Катехизисе, «Объяснениях» Понтоппидана и «Библейской истории» Хершлеба. Вынуждена сказать, что некоторые из моих учеников не в состоянии выучить все это наизусть. Отчасти потому, что они слишком редко посещают школу, отчасти потому, что их дома чересчур загружают работой, и, наконец, по причине плохого питания и отсутствия у них необходимой одежды.

Кроме того, смею утверждать: если дома ребенок не находит любви, а также понимания, что ему необходим отдых и покой, научить его чему-либо просто невозможно.

И учитель, даже если это женщина, не может нести за это ответственности.

Ученик, который так боится учителя или его линейки, что не в

состоянии произнести ни слова, не читая их по книжке, приобретает не знания, а страх. А это куда хуже, чем оказаться свидетелем припадка эпилепсии у маленькой девочки.

И наконец беру на себя смелость напомнить Школьному комитету, что я дважды имела причины жаловаться на то, что вышеназванный инспектор не позаботился обеспечить меня транспортом, когда мне предстояло ехать преподавать в округ. Однажды мне пришлось три часа идти по глубокому снегу, чтобы попасть в усадьбу, где я должна была вести занятия. Когда же я добралась до места, оказалось, что мой сундучок с необходимыми пособиями туда не доставили, и у меня не было ничего, кроме сборника псалмов и грифеля.

Я пожаловалась на это инспектору, но он счел возможным оправдаться плохой погодой. Тогда я разрешила себе напомнить ему, что он находится в Нурланде и что даже в Дании небольшое волнение на море не считается плохой погодой. И могу повторить ему это в любое время в присутствии уважаемого Школьного комитета.

Итак: Первое. Я не собираюсь подчиняться требованиям школьного инспектора. Второе. Пользуюсь случаем пожаловаться, что инспектор не выполняет возложенных на него обязанностей. Третье. Если Школьный комитет по этой причине снимет меня с работы, это не улучшит участь детей, но, несомненно, доставит радость инспектору.

С глубоким уважением, Анна Грёнэльв».

— Что скажешь? — спросила Анна.

— Я горжусь тобой! Отправь это письмо.

Андерс никуда не уехал, хотя он и умер. Анна ежедневно говорила о нем. Словно взяла на себя труд поставить преграду забвению.

Вениамин заметил, что это облегчало жизнь.

После Рождества Анна получила неожиданное письмо. Ее мать сообщала, что они с профессором собираются весной навестить их в Рейнснесе.

Вениамин решил, что это известие должно обрадовать Анну, но несколько дней она была рассеянна и молчалива.

Вернувшись из Страндстедета и найдя Анну в прежнем настроении, он решил, что она опасается, что ремонт не успеют закончить до их приезда. Или что они чем-нибудь не угодят ее родителям.

— Господи, неужели ты и в самом деле так думаешь? — Анна даже испугалась.

— Так в чем же дело?

— Они мне стали чужими… Жизнь в Копенгагене отодвинулась так далеко. Боюсь, их визит нас растревожит. Напомнит нам, что на свете есть другие места, кроме Нурланда.

— Мы должны привыкнуть к тому, что на свете есть другие места, кроме Нурланда. А если не сможем привыкнуть, нам придется переехать.

— Но ты же ходатайствуешь о получении должности окружного врача!

— Еще неизвестно, получу ли я ее.

— Получишь. Дина говорит…

— Дине пора перестать раскладывать пасьянсы из моей жизни! — сердито буркнул он.

— Вениамин! Опять!

— Да, прости.

Он засмеялся и, словно сдаваясь, поднял руки.

— Раз ты так хорошо относишься к Дине, увидишь, я приму твоих родителей наилучшим образом.

Они были в зале одни. Анна переписывала для Вениамина отчет в комитет по делам неимущих. Вскоре она подняла голову.

— Ты говорил с Диной о смерти Андерса?

— В некотором роде, — уклонился он от ответа.

— Могу я спросить, чем закончился ваш разговор?

— Я извинился за свое поведение.

— И что она сказала тебе на это?

— Сказала, что мне не в чем перед ней извиняться. Это означало, что если я перед кем-то и виноват, то перед тобой и Андерсом…

— Ты сказал ей, что уже извинился передо мной?

— Нет. Пойми, Анна, с Диной невозможно разговаривать!

— Странно, что я могу с ней разговаривать, правда?

Он вздохнул:

— Наверное, ты права. — Прочитав отчет, он сказал: — Хотел бы я уметь изъясняться столь же убедительно, как ты!

— Зачем нам уметь делать одно и то же? Я буду рада, если ты будешь делать все остальное!

Он опрокинул ее на кровать.

— Только не сейчас! — Она погрозила ему испачканным чернилами пальцем. Но ее глаза сияли.

Глава 9

В те дни, когда Вениамин оставался ночевать в Страндстедете, ему не раз хотелось пойти к Олаисенам, дом которых стоял на холме. Дина часто бывала там, потому что жила в Страндстедете и следила, как идет перестройка «Гранд Отеля».

Но у Вениамина не было достаточно веского повода. Иногда он встречал Олаисена, и его беспокоило то, как Олаисен смотрит на него. Потом он пытался внушить себе, что ему только кажется, будто в глазах Олаисена горит злоба.

Однажды январским утром, собираясь ехать домой, Вениамин нашел возле своей лодки Ханну, сидевшую на камне. Он с трудом узнал ее в зимней одежде.

Она молча встала.

— Хочешь поехать со мной? — не здороваясь, спросил он.

Она кивнула:

— Если можно. Мне нужно к маме. Я обещала помочь ей со сборами… и…

У него почему-то вдруг пересохло во рту.

Тем не менее он поднял Ханну в лодку, совсем как в прошлый раз. Посадил ее на скамью и столкнул лодку в воду.

Они молчали. Вениамин в темноте старался не сбиться с фарватера и чувствовал, как сырой туман забирается под одежду. Возле островка, на котором они нашли прибежище в прошлый раз, он прибавил парус.

— Время многое меняет, — сказала Ханна.

Он промолчал.

— Я должна кое-что сказать тебе.

— Да?

— Он думает, что ребенок, которого я ношу, от тебя!

Вениамин поднялся было, чтобы закрепить парус, но теперь упал обратно на скамью.

— Ты это серьезно? — хрипло спросил он.

— Он так считает!

— Но почему? — Вениамин не смотрел на нее.

— Кто-то видел меня возле твоей лодки.

— Господи, Ханна! То было больше года тому назад!

— Нет. Я была здесь еще раз, хотела увидеть тебя… Но ушла, когда сюда пришли люди.

Невозможно! В этом не было ни капли здравого смысла.

— Но все-таки ты пришла сегодня…

— Да.

— Зачем же, если он думает…

Ханна отвернулась, словно наблюдала, чтобы они не сбились с пути.

— Мне нужно было с кем-то поговорить… Осторожней, шхера! — воскликнула она.

Вениамин быстро переложил руль и мельком увидел рядом каменную стену. Они промчались мимо.

— Откуда он это взял? — громко спросил он.

Что значит быть в море! Здесь можно громко говорить то, что на берегу говорится шепотом.

— Одна женщина из Страндстедета видела, как мы садились в лодку в тот раз. И узнала, что я так и не попала в Рейнснес. Вилфред совсем недавно узнал об этом.

— Ты все ему рассказала?

— Нет. Сказала, что вернулась, потому что вымокла. Но он мне не поверил. С тех пор он все время подозревает, что мы встречаемся…

Стройная фигура Ханны застыла на носу лодки. Она говорила как будто о чем-то совсем постороннем.

— Когда, например?

— Например, когда он в последний раз ходил на «Лебеде» в Трондхейм, а ты часто оставался в Страндстедете, потому что помогал старому доктору.

— Ханна! Это же безумие! Я поговорю с ним.

— Это ничего не даст.

— Что он тебе сказал?

Она пригнула голову к коленям. Уголки губ у нее опустились. Она глотнула, словно хотела проглотить что-то угрожавшее нарушить покой.

— Что ты, как женский доктор, должен удалить то, что сам же посеял. Он не желает видеть этого ребенка в своем доме.

— Так и сказал?

Она не ответила.

— Он не может так думать. Он только…

Вениамин замолчал, потому что Ханна стала расстегивать пальто и разматывать платки.

«Ей этого не вынести, — подумал он, — и во всем виноват я!»

— Не надо, Ханна. Холодно! — крикнул он.

Но она продолжала раздеваться, лицо у нее было безумное, глаза прищурены.

— Ханна! Перестань!

Он бросился на нос лодки, чтобы помешать ей. Как только он выпустил из рук руль, лодка изменила курс и накренилась. Ему пришлось вернуться на корму и выровнять лодку.

Наконец он поднял глаза: Ханна сидела с обнаженной грудью и шеей. Вениамин задохнулся.

На шее и на одной груди у нее темнел засохший рубец, окруженный черно-желтыми разводами.

От бешенства Вениамина чуть не вырвало, он стиснул руль.

— Что это? — хрипло спросил он.

Она не ответила и начала одеваться.

Вениамин не мог вымолвить ни слова. Потом он направил лодку в открытое море, закрепил руль и протянул к ней руки.

Она перебралась с носа на корму и села напротив него. Он обнял ее, прижался лбом к ее лбу. Ледяные пальцы Ханны обожгли ему затылок.

— Когда это случилось? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— На прошлой неделе.

— Еще до того… до разговора о ребенке?

Она подняла голову и кивнула.

— Раньше это тоже случалось?

— Раза два…

— Из-за чего?

— Из-за того, что Исаак часто вспоминал тебя… и Рейнснес.

Ему следовало назвать Вилфреда Олаисена исчадием ада и забрать Ханну с детьми в Рейнснес. Но в тумане мимо скользнула Анна. Она подняла голову и серьезно, как умела только она, посмотрела на Вениамина. Потом сказала: «Но, Вениамин, у тебя нет никаких прав на нее!»

Он хотел поближе рассмотреть рану, но Ханна сбросила с себя его руку.

— Я осмотрю, когда мы вернемся домой, — беззвучно проговорил он.

Она отрицательно покачала головой.

— Может, тебе уйти от него? — предложил он.

Ханна открыла глаза.

— Куда уйти, Вениамин? — прошептала она.

Он не ответил, и она крикнула в море:

— Куда уйти? С двумя детьми, цепляющимися за юбку, и третьим в животе? Куда уйти? Ты можешь сказать мне — куда?

— Я поговорю с ним, — пообещал Вениамин. — Он успокоится, когда поймет, что ошибался, и увидит все в новом свете. И когда поймет, что мне все известно.

— Ты его плохо знаешь.

— Что с того? Знаю я его или нет, он не смеет зверски избивать тебя. Он сейчас дома?

— Нет, на Лофотенах.

— И когда вернется?

— Через два дня.

— Хорошо. Я вернусь с тобой в Страндстедет и поговорю с ним.

— Тогда он просто убьет меня.

— При мне он не посмеет тронуть тебя даже пальцем.

— Ты же не всегда будешь рядом.

— Нам надо поговорить с кем-то еще. С окружным доктором, например. Надо заставить Олаисена понять…

— Мы идем в открытое море, — вдруг сказала Ханна со свойственной ей привычкой заботиться о практических вещах.

Даже самые дальние островки уже остались у них за спиной. Вениамин отвязал руль и повернул лодку. На это ушло время. Ветер был встречный, и парус намок.

— Ты боишься? — спросил он.

— Чего, моря? Нет! — И спросила, помолчав: — А ты?

Вениамин быстро взглянул на нее:

— Нет, конечно. Плохо, что он бьет тебя…

— С тобой он может поступить куда хуже.

— Каким образом?

— Расскажет все Анне.

— Нет!

— Он обещал.

— Я знал, что он низкий человек, но не настолько же…

— Он не хуже других, на свой лад, конечно.

Вениамин засмеялся. Она ответила ему сердитым взглядом.

— Ты его защищаешь?

— Никого я не защищаю — ни его, ни тебя!

Все было как в детстве. Но если б они были детьми, он бы толкнул ее. Выругал за то, что она ставит его на одну доску с Олаисеном. А сейчас он отвел глаза, и руль вызвал в нем ненависть.

Но все-таки он вернулся в прошлое. Вернулся вместе с Ханной. Она раньше часто ходила в синяках и царапинах. И ее нужно было утешать. Они прыгали на душистое сено, хотя это не разрешалось. Может случиться пожар, говорили взрослые, которые не разрешили им спать в одной постели, потому что они уже выросли. Но они всегда находили укромное местечко. Может, и теперь? Может, они с Ханной должны быть вместе?

Мимо снова скользнула Анна. Она смотрела на него. Без упрека, но с удивлением. Словно говорила: «Тебя никто не принуждал, Вениамин».

— Хорошо, Ханна, не защищаешь! Не бойся, я отвезу тебя в Страндстедет к его возвращению.

— Нет, сейчас!

— Сейчас мы уже будем в Рейнснесе! И я осмотрю твою рану.

— Ты уже видел. А я сказала все, что хотела.

— Ты знала, что вернешься? — воскликнул он.

Она не ответила и снова перебралась на нос.

— Почему? — немного успокоившись, спросил он.

— Мне нужно было поговорить с тобой наедине! Неужели не понимаешь? Мы с тобой не разговаривали с тех пор…

Ему хотелось спросить, зачем в таком случае она села к нему в лодку и дала своему мужу повод подозревать их. Теперь, спустя столько времени. Но он сдержался.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил он.

— Отвези меня домой и высади в бухте за церковью, чтобы никто не увидел. Тогда, может, тебе еще удастся спасти свою шкуру.

Он стиснул зубы и замолчал. Ханна сделала все, чтобы ему было не трудно повернуть лодку.

Олаисен вышел из кустов, когда Вениамин высадил Ханну на берег. Было уже темно. Но они оба сразу узнали его. Он аккуратно положил на камень пальто и жилет. Высокий, широкоплечий, в рубашке с закатанными рукавами, он стоял на фоне заледенелого ландшафта. Во рту белела полоска зубов. Глаза смотрели открыто и целеустремленно. Он ждал их, широко расставив ноги и слегка согнув руки.

Вениамин понял, что от этого человека бежать не следует. Холодное предчувствие стеснило грудь.

— Добрый вечер, Олаисен! — сказал он.

Олаисен не ответил. Пошел навстречу, протянув руки, словно хотел обнять их обоих. Пожалуй, можно было сказать и так.

Первый же удар сбил Вениамина с ног. Однако он поднялся на колени

и велел Олаисену одуматься.

Второй удар оказался гораздо серьезнее — Вениамин упал на большой камень.

Он услыхал хруст хряща. Должно быть, удар пришелся по уху. Но он ничего не чувствовал из-за шока. Пока еще не чувствовал.

— Я научу нашего доктора, что бывает, когда брюхатят чужую жену. Вот так!

Удар его ноги пришелся Вениамину в пах. Боль. Тошнота. Рвущиеся наружу внутренности. Лежи спокойно. Притворись мертвым.

Олаисен поднял ногу для второго удара, но Вениамин изловчился и обеими руками ухватил его за щиколотку. Благодетель Страндстедета рухнул лицом в ледяную кашу.

Вениамин навалился на него и заломил ему руки за спину. Переведя дух, он сказал, делая ударение на каждом слове:

— Ханна сказала мне, что ты хочешь, чтобы я избавил ее от ребенка, потому что он якобы мой. Но это не мой ребенок! Такое физически невозможно! Ясно? И перестань мучить ее, а то с отчаяния она бросится в море. Если ты еще раз тронешь ее хотя бы пальцем, я заявлю ленсману!

Олаисен что-то буркнул в землю. Понять его слова было невозможно. Вениамин отпустил его, ему хотелось кончить дело миром.

Олаисен с трудом откатился от него. Они сидели на песке, не спуская друг с друга глаз.

— Проклятый кобель! — прошипел Олаисен. — Мне ничего не стоит сделать из тебя лепешку!

— Не сомневаюсь, ты силен, как черт! Но попробуй только тронь Ханну!

— Где вы были?

Дыхание Вениамина понемногу выровнялось.

— Она сидела на камне возле моей лодки. Ей было тяжело. Хотелось с кем-нибудь поговорить, после того как ты избил ее и обвинил черт знает в чем! С кем, кроме меня, она могла поговорить об этом?

— Значит, она поехала с тобой на остров за утешением?

— Мы не были ни на каком острове!

— Зачем же она села к тебе в лодку? Она сказала служанке, что вернется домой только вечером.

— Ей нужно было поговорить…

Олаисен повернулся к Ханне:

— Ты хотела с ним поговорить? И бросила ребенка?

Ханна стояла возле лодки. Вениамин не видел ее. Не слышал, чтобы

она что-нибудь сказала или хотя бы шевельнулась.

— Да! Ты спятил, и беременная женщина была в отчаянии! Неужели ты сам этого не понимаешь? — тихо сказал Вениамин.

Олаисен вскочил. Вениамин успел уклониться, чтобы нога Олаисена не угодила ему в голову. Но Олаисен тут же ударил его кулаком. Вениамин хотел пригнуться, но его противник не был пьян и бил без промаха.

Вениамин пытался удержаться на ногах. Если бы он упал, это был бы конец.

Олаисен трижды сбивал его на землю, но Вениамин тут же вскакивал. Между ударами он со свистом хватал воздух. Объяснял. Успокаивал. Уговаривал, как уговаривают испугавшуюся лошадь. Он уже не думал о том, что отчасти сам виноват в случившемся.

Постепенно до Вениамина дошло, что Олаисену хочется ему верить. Он вдруг как будто раскаялся. Подхватил падавшего в очередной раз Вениамина под руки и посадил на облепленный водорослями камень.

Вениамин вытер под носом и с удивлением провел рукой по волосам, голова у него кружилась, мысли путались. Мимо скользнула Анна. Она была довольна, но молчала. Вдали над морем он увидел свечение. Одно это было уже неплохо. Нос у него распух, но зубы были целы.

Сквозь красный туман он видел, как Ханна ухватилась руками за борт лодки и ее вырвало. Значит, все это происходило на самом деле. Усилием воли он вернулся в действительность. С трудом произнес:

— Отведи Ханну домой и не смей ее больше бить. Разве ты не видишь, что ей плохо?

Сидя на камне, он смотрел им вслед. И думал, что они трое сейчас несчастны.

Олаисен быстро шел впереди, Ханна с трудом плелась за ним. Когда они скрылись, у Вениамина начался озноб.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем он вытащил лодку на берег. Ему захотелось раскурить трубку, но сил на это у него не было. Не вставая, он кое-как вытер кровь и отряхнул песок.

День выдался тяжелый и долгий. Ему пришлось остаться на ночь в Страндстедете — в комнатушке позади его кабинета.

Вениамин проснулся от стука в стену. А может, в дверь? Он слез с кровати, вышел в кабинет и подошел к окну. За окном темнела невысокая женская фигура.

Вениамин мигом очнулся. Споткнувшись, выскочил в крохотную прихожую, служившую также и приемной, и распахнул дверь. За дверью

никого не было.

Ему пришлось выйти и привести Ханну в дом.

Лицо у нее было разбито до неузнаваемости. Волосы и кровь. Из-под них, пылая, огнем, на него смотрели глаза Ханны.

Он подхватил ее на руки и внес в кабинет. Усадил в кресло перед столом, зажег лампу. Ханна была вся в крови, и Вениамин не знал, с чего следует начать осмотр. Осторожно поднял ее голову и осветил лицо. Откинул в сторону волосы.

Олаисен потрудился на славу. Губа у нее была рассечена, над глазом зияла рана. Не считая ран на голове.

Вениамин поставил на огонь чайник и молча приготовил все необходимое. Ее глаза следили за его движениями. Несколько раз она безуспешно пыталась встать, но падала обратно. Наконец ей удалось поднять руку и показать на пол.

Вениамин оторвал взгляд от ее изуродованного лица — у ее ног темнела лужа.

Он уложил ее на диван и раздел. Не веря себе, убедился, что ему остается только ждать. Помочь ей он уже не мог.

Пока он осматривал ее, Ханна лежала с закрытыми глазами. Вениамин не знал, что сделать, чтобы она не чувствовала себя униженной. Но так ничего и не придумал. Ему было ясно, что, не будь у нее разбито лицо, она осталась бы дома и, скорее всего, умерла бы от потери крови.

Он подсунул подушку ей под бедра, положил две прокладки между ног и прикрыл ее одеялом. Но Ханну так трясло, что он принес перину.

Потом он заставил ее выпить рому, обмыл ей лицо и наложил шесть швов, молясь, чтобы шрамы получились незаметными, и заставляя руку быть твердой. На это ушло много времени.

Ханна не издала ни звука. Иногда ее трясло так, что ему приходилось прерывать работу. Или это трясло его самого?

В три часа ночи Вениамин перенес ее на кровать.

Преодолевая усталость и страх, проверил, заперты ли окно и дверь.

Потом затопил в спальне печку и сел на стул у кровати. Маленькое окно, упиравшееся в сарай, было занесено снегом, раньше он этого не замечал.

Кровотечение продолжалось, и, когда соседский петух возвестил о приходе нового дня, у Ханны вышел плод. И раздался ее плач!

Занимаясь Ханной, Вениамин молил про себя:

— Господи, помоги мне! Помоги! Пошли ей силы, ей нельзя сейчас

сдаваться!

Он не мог даже погладить ее по голове — руки его были заняты. Где-то в мозгу саднила рана.

Наконец он понял, что Ханне было бы легче, если б он заговорил с ней. Первая попытка не увенчалась успехом. Он сделал вторую. И наконец выдавил из себя несколько членораздельных слов. Сейчас он напоит ее молоком с медом. Как их поила Олине. Раны заживут, только придется полежать в кровати. Скоро утро, и тогда она все увидит в ином свете. Она сильная и красивая. Очень сильная! Это он всегда знал. Она справится! Он поможет ей. Из всего есть выход.

Вениамин забил печку в кабинете хворостом и углем. Прислушался к ее яростному гудению. Проверил печку в спальне. Она горела хорошо. И тем не менее все было сковано морозом.

Вениамин подошел к кровати. Согрелась ли она хоть немного?

Он растирал Ханне руки и ноги, пока озноб не прошел. Приподняв ее, осторожно подстелил под нее чистую простыню.

Молоко сбежало, и Вениамин поставил новую порцию. Запах сбежавшего молока и крови был отвратителен. Вместе с молоком он дал Ханне снотворного. Она пила уголком рта. Половина молока пролилась.

Говорить она не могла. Вениамин догадывался, что на самом деле все обстоит еще хуже, чем ему кажется. Перебирал мысленно, что следует сделать. Одно, другое… В ком можно найти союзника? Ханне была нужна женщина, в этом он не сомневался.

Стине? Он предложил это Ханне, но она в ужасе замахала руками.

Наконец она задремала, а он по цвету лица пытался понять, много ли крови она потеряла до того, как пришла к нему.

Потом Вениамин начал мыть и убирать, как всегда после тяжелых пациентов. Ноющее тело подчинилось привычке. Он уговаривал себя, что кровь Ханны ничем не отличается от крови других больных. Но обмануть себя было трудно. Его мутило.

За эти годы Вениамин принял шесть мертвых младенцев. Закрыл глаза четырем женщинам, чью жизнь спасти он не смог. Но каждый раз с ними он терял частицу и собственной жизни. Привычка была сильнее, чем страх сделать ошибку. В подчинении ей он искал искупления. За то, что не смог спасти Карну. Чем больше доктор Грёнэльв следовал привычке, тем меньше была его собственная вина. Но верил ли он этому сам?

Он всегда боялся, что в будущем ему, может быть, придется принимать роды у Анны. И теперь был рад, что она не беременеет.

Завернувшись в шерстяное одеяло, Вениамин клевал носом, сидя рядом с кроватью. Босые ноги он засунул к Ханне под одеяло. А сверху положил на них ее руку, чтобы она без усилий могла подать ему знак.

Во сне он ощущал влажное тепло Ханны. Когда она заснула, ее ладонь разжалась. Потом она неожиданно вонзила в него ногти, словно приняла его за врага.

Они вместе плыли по спокойному морю далеко за острова. Глаза Ханны сияли. Он сказал ей об этом, и она с улыбкой вынула их и протянула ему. Понимая, что поступает неправильно, он все-таки взял их. И в то же мгновение Ханна изменилась и исчезла в море.

Он оглянуться не успел, как ее место заняла Анна. Без глаз. Из черных впадин бежала влага. Чем дольше он смотрел, тем больше она бежала.

Он подумал, что мог бы дать Анне глаза Ханны, но сперва следовало промыть ей глазницы. Держа в каждой руке по мерцающему глазу, он понял, что не может промыть глазницы, потому что у него заняты руки.

Ханна схватила его ногу. Он сразу сел. Звуки за окном свидетельствовали о том, что новый день уже начался.

Вениамин с трудом различил Ханну на фоне темной стены. Видна была только белая повязка.

— Как ты? — шепотом спросил он, беря ее руку. Пульс был слабый. Ханну немного лихорадило, но не слишком сильно. Она пыталась и не могла что-то сказать. Болели швы.

В январе всегда темно, подумал Вениамин и встал, чтобы заправить керосином чадящую лампу. Скоро явится Олаисен. И все начнется с начала.

Вениамин подавил в себе гнев. Потом, потом. Сейчас он не отпустит ее. Иначе он проиграет. Этот человек опасен. А сам он слишком слаб, труслив и опустошен.

И все же он попытался поставить себя на место Олаисена. Неужели он тоже мог бы зверски избить женщину? А будь он пьян? Или узнал бы, что Анна…

Нет! Решительно нет! Но он располагал словами. А они тоже были способны убивать.

Он услыхал шепот Ханны и нагнулся к кровати.

— Он все видел! — с трудом проговорила она.

— Кто?

— Исаак…

— Он был в той же комнате? — В голосе Вениамина звучало недоверие.

— Да. Он не понимал, что происходит…

Вениамин хотел обнять Ханну, но боялся к ней прикоснуться и потому схватил ее руки.

— Не волнуйся, Ханна! Я пошлю за Исааком. Ты боишься за него?

— Нет… — Она не договорила.

Он ждал.

— Олаисен не видел Исаака… Исаак подошел сзади. С молотком для отбивания мяса. Он крикнул: «Беги из дома, мама! Беги из дома!»

— И что дальше? Ты видела?

— Нет. — Она всхлипнула. — Вилфред лежал на полу, а Исаак… все бил и бил его.

— Почему ты не сказала об этом ночью?

— Я только сейчас вспомнила! — Ханна зарыдала и хотела встать.

— Успокойся! — властно сказал Вениамин и прижал ее плечи к подушке. — Я пошлю за Диной.

Ханна сделала движение. Оно должно было означать кивок. Ее ладонь сжалась в его руке.

Увидев в окно помощника пекаря с тележкой, Вениамин подозвал его к себе. Велел оставить тележку и сбегать в гостиницу за фру Диной. Только побыстрее.

— Сейчас, господин доктор! Вы заболели? — испуганно спросил парень и бросился бежать.

Вениамин подумал, что ему следовало посмотреться в зеркало, прежде чем разговаривать с людьми. Настоящее пугало. Но он не мог даже улыбнуться. Вид у него был ужасный. Не только глаза, все лицо было в кровоподтеках. Однако раны были незначительные.

Он крикнул проходившему мимо мальчишке, чтобы тот сбегал в дом Олаисена и позвал сюда Исаака.

Услыхав имя сына, Ханна замахала руками. Вениамин закрыл окно и подошел к ней.

— Я только скажу ему, что ты здесь и тебе не угрожает опасность. И еще велю ему ничего никому не говорить, пойти в гостиницу и подождать там, пока вернется Дина. Все будет в порядке.

Он стоял на склоне и смотрел на русского в красном вереске. Пахло порохом. Он видел, как она опустила ружье. Из него еще шел дым.

Мирный дымок, как от погасшего костра. Видел ее лицо, когда она подбежала и обняла голову русского. Глаза. Есть глаза, которые способны выдержать все. И повергать в печаль того, кто по случайности оказался свидетелем.

Мальчишка вернулся, не выполнив поручения, он не таясь уставился на Вениамина.

— Исаак ушел на рыбалку.

— Ты видел Олаисена?

— Нет, я говорил со служанкой. Хозяина нельзя было беспокоить.

— Хорошо. Зайдешь на днях, получишь монетку.

— Вы ударились об дверь?

— Нет, подрался с медведем, — улыбнулся Вениамин и в знак приветствия поднял два пальца.

— Черт побери! — Мальчишка хотел бежать.

— Окажи мне еще одну услугу, — попросил Вениамин.

— Какую?

— Дай мне булку с тележки.

— Нет, красть нельзя!

— Я отдам ему деньги, когда он вернется.

Мальчишка в замешательстве поглядел на Вениамина, однако булку ему все-таки дал.

— Как вы только одолели его… У вас такой вид…

— Зато у меня уцелели зубы, — ответил Вениамин и закрыл окно.

Дина пришла сразу же. Вениамин стоял наготове, чтобы впустить ее.

Она быстро окинула взглядом его лицо.

— Ну что? — не здороваясь, спросила она.

— Ханна у меня. Олаисен зверски избил ее. У нее случился выкидыш. Исаак сбежал в море, потому что пытался защитить мать молотком для мяса. Ее жизнь в опасности.

Он слышал, что говорит так же коротко, по-деловому, как она.

— Я вижу, он и к тебе приложил руку! — сказала Дина и прошла в приемную. Оглядела кабинет. Сбросила пальто, жакет и швырнула их на стул.

В спальне она немного помедлила, потом подошла к кровати.

— Оставь нас и закрой дверь! — не оборачиваясь, велела она.

Он долго стоял у окна и смотрел, как чайки подкрепляются из ящика с

рыбьими отбросами, который кто-то оставил на берегу. Наконец дверь открылась.

— Приведи сюда Олаисена! — распорядилась Дина.

Вениамин оцепенел.

— Ты в своем уме?

— Да! Отправляйся за ним!

— Не пойду.

— Позволь узнать почему?

Он развел руками и огрызнулся:

— Я не желаю видеть этого человека!

— А кто желает? Однако придется.

— О чем вы с Ханной говорили?

— Это тебя не касается!

Пока они мерили друг друга взглядом, он услыхал плач Ханны. Словно в узкой расселине журчал невидимый ручеек.

— Слышишь? — спросила Дина и закрыла дверь.

— Я не могу идти за этим чудовищем, — решительно заявил Вениамин.

— Иногда приходится себя пересиливать.

— Зачем он тебе? Он же сумасшедший!

— Пусть увидит при свете дня то, что натворил ночью!

Она уперла руки в бока и кивком подтверждала каждое слово.

— Где плод? — спросила она, помолчав.

— Дина! — Его охватило отвращение.

— Где он?

— В цинковом ящике… в сарае.

Тошнота. Он снова почувствовал точный удар Олаисена, направленный ему в пах, — словно железные когти впились в его плоть.

— Я за ним не пойду, — твердо сказал он.

Дина не стала ждать, быстро надела пальто и вышла за дверь.

Прошел час. У Вениамина было достаточно времени, чтобы осознать свою трусость. Он слышал, как жестянщик закрыл мастерскую и ушел обедать, помощник пекаря с грохотом прокатил мимо пустую тележку. Вениамин разогрел молока для Ханны и заставил ее выпить. Но даже не пытался узнать, о чем они говорили с Диной.

Ханна почти не открывала глаз. Жар у нее немного спал, и цвет лица стал лучше.

В нем опять шевельнулось чувство вины. Что, интересно, поняла Дина? Что ей сказала Ханна? Но он ни о чем не стал спрашивать.

Зато заставил Ханну съесть кусочек свежего хлеба. Дышала она с трудом, и ему пришло в голову, что у нее повреждена грудь. Неужели Олаисен бил ее по груди? Вениамин прямо спросил у Ханны об этом, чтобы не мучить ее осмотром. Она отрицательно мотнула головой и показала ему, что ей надо высморкаться. Он наклонился к ней.

— Ханна, что случилось? Почему он снова избил тебя? Ты что-нибудь помнишь?

Она высморкалась в поданную им тряпку. Потом он осторожно обтер ей лицо и, сев на край кровати, ждал ответа.

— Да! — слетело с ее разбитых губ.

— Что?

— Я сказала, что он может убить меня, потому что я люблю тебя…

Наконец они пришли. Дина провела Олаисена в спальню. Откинула занавеску так, чтобы скупой январский свет упал на Ханну.

Олаисен стоял посреди комнаты, там, где она его оставила. Руки у него висели как плети, губы были сжаты. Серое лицо было тщательно выбрито.

— Где Исаак? — донеслось с кровати.

— Исаак в море, — хрипло ответил Олаисен.

— Как он?

— А что с ним может случиться? Ханна, я… — Он не смог продолжать. Лишь беспомощно переводил взгляд с одного на другого.

— Ну? — спросила Дина.

Не дожидаясь ответа, она оглядела спальню. Потом стянула со стола скатерть, повернулась на каблуках и вышла из дома. Через минуту она вернулась с той же скатертью в руках.

— Идите сюда, Олаисен, — миролюбиво позвала она. Он был рад покинуть комнату. Когда они вышли в кабинет, Дина ногой прикрыла дверь и с непроницаемым лицом остановилась перед ним. Потом развернула скатерть.

В комнату из кабинета донесся странный звук, казалось, там кого-то душили. Глаза у Олаисена стали безумными. Потом колени у него подогнулись, и он с грохотом рухнул на пол.

— Вот так, — сказала Дина, однако помогать ему не стала.

Вениамин слышал шум падения, но не шелохнулся. Он стоял у кровати и с ложечки поил Ханну водой. Неужели Дине удалось сбить с ног этого великана, подумал он.

Он открыл дверь и увидел Олаисена на полу.

— Вениамин, помоги ему… — шепнула Ханна.

Он подошел к Олаисену, преодолевая тошноту, вызванную одной близостью этого человека. Расстегнул на нем ворот рубашки, послушал сердце, дыхание…

— Обыкновенный обморок, — сказал он, обернувшись к кровати, и шире расстегнул ворот. Тут он и увидел следы от молотка для отбивания мяса — они, точно ожог, горели на шее и у корней волос. Вениамин успел забыть об этом.

В двух местах на голове вздулись бугры, но ран не было. Значит, молоток для мяса у них деревянный, с горечью подумал он.

Дина бросила взгляд на Олаисена и равнодушно сказала:

— За мной новая скатерть, Вениамин. — И прошла к Ханне: — Мне хочется кофе, а тебе?

Словно в тумане Вениамин слышал, как она гремит конфорками, разжигая плиту. Потом она открыла окно и впустила свежий воздух. Она стояла, откинувшись назад, широко расставив ноги и уперев руки в бока.

— Господи, как хорошо все-таки пахнет море! — вздохнула она и, отвернувшись от окна, подошла к лежавшему на полу Олаисену.

Вениамин, стоя у конторки, наблюдал за ними словно со стороны и думал, что порой действительность становится неправдоподобной.

Наклонившись, Дина смотрела на Олаисена. Без гнева или презрения, как можно было ожидать. Скорее, с неподдельным интересом.

— Надо найти женщину, которая вела бы у вас хозяйство. Служанке одной не управиться. И кто-то должен заботиться о малыше, пока Ханна больна, — сказала она Олаисену, словно обращалась к глухому.

Он пришел в себя и пытался вернуть себе былое достоинство.

— Вы со мной согласны, Вилфред?

— Помогите ему! — с неожиданной силой сказала Ханна.

Словно лунатик, Вениамин взял подушку и подсунул Олаисену под голову.

Наконец Олаисен встал с пола, вошел в спальню и сел к столу. Через некоторое время он даже выпил кофе. Вениамин, чтобы не видеть его, ушел под каким-то предлогом.

Но вскоре вернулся. Его что-то влекло сюда. Ханна? Или ему было любопытно увидеть следующий ход Дины?

Олаисен собачьими глазами следил за Диной. Словно раз и навсегда внушил себе: в делах нельзя показывать свои обиды.

— Ревность опасна, — говорила Дина, наливая всем кофе. — Под ее давлением человек теряет рассудок.

Вениамин был не в силах вникнуть в ее слова или объяснить ей, что Ханне не выпить целой чашки. Но Олаисен несколько раз кивнул, соглашаясь с Диной. Потом он встал, подошел к кровати, опустился на колени и прижался головой к груди Ханны.

«Сейчас я его убью, — подумал Вениамин. — Только чем?» Он почувствовал на плече руку Дины. Через минуту они были уже в кабинете, плотно закрыв дверь в спальню.

Дина захватила с собой чашку с кофе. Она пила кофе с блюдца, вытянув губы трубочкой. Глаза следили за Вениамином.

— Нельзя оставлять с ним Ханну! — Вениамин хотел вернуться в спальню.

Дина отставила блюдце и загородила ему дорогу.

— Я думаю, ты уже сделал и то, что следовало, и то, чего не следовало.

— Разве ты не понимаешь, что он опасен?

— Я объяснила этому местному благодетелю, что, если он еще раз тронет Ханну хотя бы пальцем, я изыму из дела свой капитал и разорю его.

— Ты думаешь, это его испугает?

— Посмотрим.

— А Ханна? Если он тем временем убьет ее?

— Ханне тоже придется подумать о том, что она приобретет и что потеряет. Она уже много потеряла. Вы с ней тоже не ангелы. Правда?

Он сбоку глянул на нее, хотел ответить резкостью, но промолчал. У него не было сил для такого разговора, пока за стеной сидел Олаисен.

Олаисен вышел из спальни с просветленным лицом. Глядя на него, невозможно было поверить, что этой ночью он чуть не убил Ханну. Честные, грустные глаза не мигая смотрели на Дину и Вениамина. Светлые волосы мягко падали на высокий выпуклый лоб. Прямой крупный нос. Чувственные губы под аккуратно подстриженными усами.

Он подошел к Дине и обнял ее. Поблагодарил. Протянул руку Вениамину, чтобы поблагодарить и его, но Вениамин отпрянул к двери.

Олаисен не отступил. Просил прощения. Он должен загладить свою вину, иначе его жизнь будет разбита. Он благодарен Вениамину, что тот оказал Ханне помощь, когда она пришла к нему. Готов стать на колени. Он не хотел… Был в беспамятстве. Сам не понимает, как он мог… Но если доктору Грёнэльву знакомо чувство отчаяния, он протянет ему руку…

Дина стояла посреди комнаты. Вениамин чувствовал на себе ее взгляд. Она наблюдала за ним. А Ханна, там, в кровати? Чего хочет она? Что для нее лучше? И он сам… Анна! Анна опять скользнула мимо, но он не мог

истолковать выражения ее лица. Зато вспомнил, что должен был вчера предупредить ее, из-за чего не сможет приехать домой. И, еще не веря себе, что он все-таки принял протянутую ему руку, Вениамин подумал: а ведь Анна боится меня.

Мысль об Анне напомнила ему о практической стороне дела.

— Олаисен, нам надо обсудить, что я напишу в отчете ленсману и в комитет по здоровью, — сказал он через силу.

В глазах Олаисена стояли слезы. Глядя куда-то в пустоту, он сел к столу на место для пациентов.

— Я думал, это необязательно.

— Вчера я принял преждевременные роды. Если я не сообщу об этом, я нарушу закон.

— Что ты напишешь?

— Что Ханна Олаисен была избита, ее били руками и ногами. Я должен подробно описать все кровоподтеки и раны, где они находятся, их количество и оказанную ей медицинскую помощь. Кроме того, я должен описать преждевременные роды и плод. И решить, были ли роды вызваны непосредственно побоями или шоком от избиения. И еще я должен попросить окружного врача сделать вскрытие плода, чтобы определить, не пострадал ли он от побоев, находясь в утробе матери.

— А ты сам не можешь сделать вскрытие? — тихо спросил Олаисен.

Вениамину показалось, что он ослышался.

— Нет, — ответил он.

— Почему? Потому что это твой ребенок?

Вениамин сжал кулаки.

Дина, словно большая тень, встала между ними.

— Я буду присутствовать при вскрытии. Ради Ханны. Если это убедит тебя, что отец не я, — с трудом выдавил он.

Вилфред Олаисен беззвучно плакал:

— Ты сообщишь, кто это сделал?

Вениамин почему-то проникся жалостью к этому человеку. Еще минуту назад он не поверил бы, что такое возможно.

— Нет, к счастью, долг меня к этому не обязывает. Но ленсман расспросит Ханну. И если она заявит…

Дина все еще стояла между ними. Она тронула Олаисена за плечо:

— Значит, мы договорились?

Он поднял на нее глаза, смущенно, но с явным облегчением, и протянул: «Да-а».

Вениамин чувствовал дурноту. Как Дина может?

— И о чем же мы договорились?

— О том, что Ханна поживет у вас, пока не поправится…

— А еще?

— А еще я больше никогда не подниму на нее руку! — воскликнул он, закрыв руками лицо.

Вениамин отвернулся и ушел в приемную. Сел на один из трех стоявших там стульев. Напомнил себе, что с пола в приемной еще не смыта кровь.

Когда Олаисен ушел за санями и лошадью, чтобы перевезти Ханну, из сарая вышел Исаак. С большим трудом из него удалось вытянуть, что он хочет увидеть Ханну, а потом уехать с Вениамином в Рейнснес. И больше ни слова.

Но, пробыв с Ханной несколько минут, он вышел и сказал как взрослый:

— Я его убью!

— Сначала это надо серьезно обдумать, — без тени улыбки сказала Дина.

— Но ведь он это заслужил! — Исаак всхлипнул.

— Конечно заслужил! Но ты слишком хорош для такого грязного дела. По-моему, тебе лучше уехать на время в Рейнснес и помочь там с забоем скота. Ты ведь знаешь — Стине с Фомой скоро уедут в Америку, и потому часть овец придется забить. На всех корму до весны не хватит.

— Я тоже хочу уехать с ними в Америку!

— Это серьезно?

— Да! Он чудовище, я не могу с ним остаться. Только не знаю, кто тогда будет охранять маму?

— Мы о ней позаботимся. Теперь нам известно, как обстоит дело.

Исаак вытер нос пальцами.

— Без денег Олаисена мне не уехать.

— У тебя есть родные в Рейнснесе, — напомнил Вениамин.

— Они сами бедные, поэтому мы и живем у Олаисена. А то почему же! — тихо проговорил он и бросил взгляд на дверь спальни.

Дина отправила его в гостиницу с поручением: пусть там истопят печь в большой комнате на втором этаже, чтобы его маме не было холодно. Потом он должен поесть на кухне и где-нибудь там поспать.

— Спать? Днем?

— Если мальчик не спал ночью, он должен поспать днем! — твердо сказала Дина. — Ты все запомнил?

Исаак кивнул и убежал.

Вениамин помог переложить Ханну на носилки и поставить их в сани. Ее разбитое лицо было закрыто. Он наклонился к ней.

— Я попрошу старого доктора проведать тебя. А сам вернусь через два дня, — громко сказал он, потом повернулся к Олаисену: — Исаак поедет со мной в Рейнснес. Вели служанке собрать его на несколько дней.

Олаисен поздоровался с возницей, он кивал, соглашаясь со всем. Да-да, он все сделает, все, что нужно. Без всяких сомнений. Потом Олаисен наклонился к саням:

— Может, тебе больше хочется поехать домой, Ханна?

Глаза у нее были закрыты. Но ресницы слегка шевельнулись.

— Ханна, милая, ты хочешь поехать домой? — повторил он.

— Олаисен! — с угрозой сказала Дина.

Неожиданно Ханна кивнула. Раз, другой. Лицо Олаисена мгновенно изменилось. Огорчение, тревога мигом исчезли с него. Олаисен сиял!

— Она хочет домой! — воскликнул он, оглядывая всех по очереди. Потом тронул возницу за плечо и мягко велел: — Вези ее домой! Только осторожно!

Он снова протянул Вениамину руку. Но Вениамин сделал вид, что не видит ее. Возница с недоумением смотрел на них: что случилось с фру Олаисен, если они не могут договориться, куда ее везти? Он не осмелился задавать вопросы, но его охватила тревога, которая тут же передалась лошади. Носилки на санях качнулись.

Вениамин видел, как Ханна зажмурилась от боли.

— Держи свою лошадь, черт бы тебя побрал! — заорал он вознице. Тот вздрогнул и схватился за вожжи.

Страдая от собственной беспомощности, Вениамин снова подошел к саням. Они с Ханной обменялись взглядом. Ее взгляд был пуст, словно он был частицей белесого зимнего неба. Нельзя отпускать ее домой! Не сейчас! И не важно, что она сама думает! Он громко сказал Ханне:

— И все-таки Дина заберет тебя в гостиницу на несколько дней. Тебе сейчас необходим полный покой. Слушайся доктора!

Лицо Олаисена погасло. Он хотел было что-то сказать, но смолчал.

Дина тоже молчала. Со странной усмешкой она наблюдала за Вениамином.

Олаисен отправился с ними и помогал нести носилки. Для него это была не тяжесть. Он один нес носилки впереди, возница с Вениамином несли сзади.

Когда Ханна была уложена в приготовленной для нее комнате на втором этаже, Дина поблагодарила всех и выпроводила за дверь.

У двери она попросила Вениамина подождать в ее комнатах — ей надо кое-что передать с ним в Рейнснес.

Глава 10

— После смерти Андерса мы с тобой почти не разговаривали наедине, — начала Дина.

— Да. — Вениамин вдруг почувствовал, что на сегодня с него людей хватит. Он тяжело опустился на диван. Ему хотелось только немного поспать. Совсем недолго, иначе у него не хватит сил добраться до дому.

— В тот день, когда умер Андерс, ты во многом обвинил меня. Ничего не забыл.

— Думаешь, сейчас подходящее время напомнить мне об этом? — шепотом спросил он.

— Сейчас мы с тобой одни. Когда еще нам выпадет такой случай!

Он закрыл глаза и откинулся на спинку дивана.

— Ты не должен винить себя в смерти Андерса, — услыхал он.

Вениамин не знал, что на это сказать, и промолчал.

— По-моему, тебе лучше заботиться о живых. Что же касается урока, который ты мне преподал, так ты был прав! Я должна была пройти через это. Не думай больше об этом. И не казни себя.

— Большое спасибо! Но Андерс не смог через это пройти!

— Ты врач и должен знать: не в тот раз, так в другой — у Андерса так и так отказало бы сердце.

— Но оно отказало из-за меня! Слушай, разреши мне прилечь! Я должен поспать…

Он начал стаскивать сапоги.

— Пока мы с тобой одни… Странно, ты совсем не похож на Фому, но в тебе много от Иакова, которого ты даже не видел.

Вениамин наконец стащил сапоги и вытянулся на диване. Куда она гнет?

— Фома — человек преданный. Понимаешь? А вот Иаков не мог ограничиться одной женщиной.

Он вскочил. Хотел презрительно бросить ей, что в этом отношении он похож и на мать, но сдержался.

Мимо скользнула Анна, на лице у нее было написано раздражение, как бывало, когда она не считала нужным даже ответить ему.

Он прикусил язык.

— Дома тебя ждет Анна, которая думает, что у вас с ней все хорошо. А здесь лежит Ханна, избитая по твоей милости до полусмерти. И ты

думаешь, это достойно мужчины?

Вениамин решил заснуть, чтобы прекратить этот разговор.

Однако Дина села на стул рядом с диваном и продолжала:

— Мне было восемнадцать, а Иаков был старше моего отца. И все-таки ему было мало меня одной. Странно. В жизни столько покойников… Пьяный, он упал и сломал ногу. Я нашла его в спальне одной вдовы, которая жила в — тех же комнатах, которые теперь снимаешь ты. И Ханна, и Иаков лежали в одной и той же спальне. Да-да…

Она встала, потянулась, подняв руки над головой, и зевнула.

— Ты только осложнишь себе жизнь, если будешь метаться между двумя женщинами. У тебя не хватит твердости. А вот Олаисен, напротив, он всегда найдет себе оправдание.

— Перестань! — попросил он слабым голосом и лег.

Должна же она понять, что ей надо уйти.

— Почему ты не выбрал Ханну, если не можешь обойтись без нее?

— А ты как думаешь?

— Я не думаю и не знаю, я разговариваю с тобой.

— Это не мой ребенок!

— Я поняла, на это у меня ума хватило, — сухо заметила она.

— Ты не имеешь права вмешиваться в мои дела!

— Но я уже вмешалась.

— А почему ты выбрала Андерса, если могла обойтись без него? — парировал он, лег и закрыл глаза.

Она продолжала, словно не слыхала его слов:

— Уезжай в Копенгаген! Или куда угодно. И забери с собой Анну!

— Я ходатайствовал о получении места окружного врача.

— Значит, вы переедете в Страндстедет?

— Нет, я буду приезжать сюда.

— Анна слишком часто остается одна.

— Она тебе жаловалась? — раздраженно спросил он.

— Зачем жаловаться, и так можно понять, о чем человек думает. И еще…

— Да?

— В Страндстедете живет Ханна!

Он не ответил.

— Вениамин?

— Да?

— Есть обстоятельства, переделать которые невозможно, — тихо сказала Дина.

Он понял, что она говорит о себе. Несмотря ни на что, ему стало легче.

— Я знаю, — согласился он.

— Ты должен думать о будущем.

— Дина, как узнать, что истинное, а что нет?

— Истинное?

— Любовь, например, — пробормотал он.

Она затихла. Наверное, ей не хотелось отвечать ему.

— Некоторые понимают это слишком поздно. Надеюсь, ты не относишься к их числу.

— Я сейчас не в состоянии говорить об этом.

Она молчала, но Вениамин чувствовал ее присутствие в комнате.

Уже засыпая, он вдруг услышал собственный голос:

— Карне необходим спокойный, надежный дом, я не могу увезти ее туда, где люди будут судачить о ее припадках.

— Часто именно трудности помогают человеку стать личностью.

— В каком смысле?

Он открыл глаза. Дина стояла в простенке между окнами. В комнате стемнело. А ведь он хотел засветло вернуться домой!

— Карна — одаренная девочка, но ее дар пропадет, если она выйдет замуж в какую-нибудь дыру, где все будут жалеть ее и бояться из-за этих припадков. Тогда ты уже не сможешь защитить ее, Вениамин!

Дина открыла и снова закрыла дверь. Он думал, она ушла. Но она вернулась из спальни и укутала его одеялом. Потом погладила по лбу, по волосам.

— Ты выглядишь ужасно. Тебе самому нужен доктор.

Рука у нее была прохладная, а голос — почти теплый.

— Загляни вместо меня к Ханне, только не утомляй ее разговорами! Сейчас я говорю как врач!

Сквозь опущенные веки он успел заметить ее улыбку.

Она все знает, подумал Вениамин, пытаясь поймать взгляд Анны. Она встретила его в дверях прихожей. Ее лицо выражало странную прозрачную невозмутимость, которую сдерживала не кожа, а сила воли.

Но она позволила ему обнять себя, как обычно, до того как он снимет верхнюю одежду.

— Что с тобой, Вениамин? — испугалась Анна, прикоснувшись к его лицу.

Потом она отпустила его и скрестила руки на груди.

Прибежала Карна, она тоже хотела обнять папу. От нее пахло чистыми

волосами и можжевеловой водой. Он понюхал ее и сказал, что от нее пахнет праздником.

— Но ты стала тяжелой, как камень. Придется купить подъемный кран, чтобы переставлять тебя с места на место! — пошутил он и попытался подмигнуть Анне.

Она по-прежнему, в упор, смотрела на него. Неужели знает?

— Папа! Что у тебя с лицом? — воскликнула Карна.

— Ничего страшного. Подрался с одним злым человеком, который не хотел, чтобы я оказал помощь его жене.

— Он тебя ударил?

— Да, но это пройдет.

— Теперь его заберет ленсман?

— Да, если я заявлю на него.

— А ты заявишь?

— Еще подумаю, — неопределенно ответил он.

— Мы ждали тебя два дня! Ты привез мне кренделек?

— Забыл. Был очень занят.

В открытую дверь летел снег. Карне стало холодно, и она убежала в гостиную.

На пороге нарос лед, и дверь плохо закрывалась. Вениамин достал перочинный нож и соскреб лед.

— Анна, я должен был известить тебя, что не приеду, но столько всего случилось…

— Кто это?

Все-таки знает, мелькнуло у него в голове.

— Олаисен.

Он распрямился и закрыл дверь. Потом скинул шубу и повесил ее на вешалку. Анна была уже рядом и снова прикоснулась руками к его лицу.

— Почему? — громко спросила она.

О чем она думает? Хочет, чтобы служанки на кухне ее слышали?

— Я пойду наверх, — тихо сказал он.

Потом, сунув голову в дверь кухни, он крикнул, чтобы еду ему принесли, как обычно, в залу. Не важно что, только не кашу. И еще два кувшина воды для умывания!

— Расскажи мне все, Вениамин!

— Конечно. Только сначала… Я ужасно устал.

Она стояла рядом, пока он снимал сапоги. Он начал подниматься по лестнице.

— Я должна показать тебе одно письмо. Работник съездил за почтой,

пока тебя не было.

Вот оно! Олаисен написал Анне!

— Можно, я посмотрю его попозже?

— Оно важное!

— Ну хорошо, — беззвучно произнес он, продолжая подниматься по лестнице.

Лестницу следовало покрасить. К тому же предпоследняя ступенька расшаталась.

Анна поднялась наверх после того, как он уже умылся и поел. Пунш ему принесла не она, а Бергльот.

Он сидел в халате и пил пунш, когда Анна с письмом в руке вошла в залу.

Он хотел сделать вид, что не видит письма.

Она села к нему на колени. Почему? Чтобы почувствовать, как он примет разоблачение?

Она снова взяла его лицо в руки и внимательно посмотрела на него.

— Почему он избил тебя?

— А разве в письме об этом ничего нет?

Она замерла. Руки, обнимавшие его шею, разжались.

— В письме? — незнакомым блеклым голосом спросила она.

— Я думал, Олаисен все тебе объяснил.

Анна непонимающе смотрела на него.

— Это письмо от пробста…

Она перевела дыхание, потом спросила еще более блеклым голосом:

— А что должен был написать Олаисен?

Вениамин потянулся к столу за стаканом, отхлебнул пунша и откинулся на спинку стула.

— Он обвинил Ханну… Он чуть не убил ее. Она пришла ко мне… и ночью у нее случился выкидыш.

— Боже мой! Где она сейчас?

— У Дины.

— Он избил тебя за то, что она обратилась к тебе за помощью?

Вениамин не ответил, мысль его работала лихорадочно.

Анна задумалась, сидя у него на коленях. Он должен был напомнить ей о себе. Обнял ее, но она даже не заметила этого.

— А Исаак? И малыш?

— Исаака я привез к Стине. А малыш, не знаю… У них ведь есть няня.

— Ты должен был забрать его сюда.

— Я не мог.

— А где Олаисен? У ленсмана?

— Нет, дома.

— Ты должен заявить на него!

— Это решать Ханне.

— Но, Вениамин! Ты должен что-то сделать! Она не может вернуться к этому человеку!

Чего он ждал? Допроса, который заставил бы его сказать, что Олаисен считал его отцом этого неродившегося ребенка? Наверное, так. А теперь она упрекает его, что он не заявил ленсману на Олаисена.

— Дина взяла с него слово.

— Слово? Неужели Дина думает, что можно верить человеку, который избил свою жену так, что у нее случился выкидыш? Вы с ней сошли с ума. Вы просто ненормальные!

Она в смятении огляделась, выбежала за дверь и в прихожей схватила наугад первые попавшиеся башмаки. Оба левые.

Вениамин вышел за ней, чтобы успокоить ее.

— Мы едем к ленсману! — сказала она, безуспешно натягивая левый башмак на правую ногу.

— Я еще не написал медицинское заключение. И сперва мне надо договориться с окружным доктором о вскрытии… — тихо сказал он, пытаясь увести ее обратно в залу.

— Вскрытие? Боже мой! Никто не смеет безнаказанно избивать…

В одном башмаке она, прихрамывая, поднялась в залу. Там она села и молча уставилась в пространство.

Наконец Вениамин решился:

— Анна, это еще не все…

Он закрыл дверь и подошел к ней. Сперва он стоял, потом подвинул себе стул и сел рядом.

— Олаисен думал, что это не его ребенок, — тихо сказал он.

Анна медленно повернулась к нему. Внимательно оглядела синяки на его распухшем лице. Рот у нее приоткрылся. Она несколько раз моргнула и подняла руку, словно хотела смахнуть с глаза соринку.

Как всегда, средний палец был у нее испачкан чернилами. У самого ногтя.

— А чей? Твой?

— Да.

Она потянула себя за ворот платья и отвернулась, пальцы лихорадочно перебирали кружево.

— Он прав? — спросила она, все еще не глядя на него. В голосе звучала мольба.

— Нет, — твердо ответил он и повернул ее к себе.

— Почему он так решил?

— Подозрительность, сплетни, откуда я знаю.

Она освободилась из его рук и подошла к окну.

Он шел за ней.

— Анна… — прошептал он.

Она вдруг обернулась к нему, глаза ее горели.

— Я верю тебе, раз ты так говоришь. Иначе я не смогу жить. — Она задохнулась. — Но если бы даже отцом был ты, он все равно не смел бить Ханну так, что она… Никто не смеет распоряжаться телом другого человека!

В наступившей тишине он следил за ее руками. Она крепко сцепила их. Наконец дыхание у нее выровнялось. Медленное, размеренное дыхание, совсем как ветер, гнавший снег по переплетам рамы. Медленный, неотвратимый. Сбросив немного снега, ветер ненадолго затаивался. И все повторялось снова.

Карну удивило, что Исаак приехал с ее папой, чтобы пожить у Стине с Фомой. Она ничего не слышала об этом заранее.

Они съехали на санках к лавке и упали в сугроб. Карна спросила у Исаака, надолго ли он приехал в Рейнснес.

— До отъезда в Америку! — по-взрослому ответил он и поднял упавшую варежку.

— Разве ты тоже едешь в Америку? — удивилась Карна.

— Что же мне делать, если Олаисен дурак.

— Почему дурак?

Исаак вытянулся в сугробе.

— Он избил маму. — В этих словах не было уже ничего взрослого.

— Почему?

— Ты еще слишком мала, чтобы понять это.

Исаак заплакал.

— Боишься сказать?

Это подействовало.

— Он думает, что тот ребенок был от доктора… Тот, которого она должна была…

— От какого доктора?

— От твоего папы!

Она знала, что этого не может быть. И все-таки чувствовала себя так, словно кто-то зашел к ней в уборную, потому что она забыла запереть дверь на крючок.

— Он мой папа, это невозможно, — быстро сказала она.

Исаак наморщил лоб и слепил крепкий снежок. Для этого он сбросил варежки и погрел снежок в руках, чтобы снежок подтаял, заледенел и стал тверже. На это ушло время.

— Я же говорил! Ты еще маленькая и не знаешь, откуда берутся дети.

Лицо у него изменилось. Карна не стала объяснять, что все знает, но не хочет об этом говорить. Исаак был такой грустный, словно самое плохое было то, что она еще маленькая.

— И что же тот ребенок? — спросила она, чтобы немного подбодрить его.

— Он слишком рано родился. Но твой папа зашил маму. И голову ей тоже зашил.

— Откуда ты знаешь?

— Я был у нее… Я хотел убить Олаисена. Но у меня не получилось… — Он бросил снежок в стену лавки, и она загремела.

По вечерам в столовой было пусто. Сара больше не приходила читать Андерсу вслух. Бабушка жила в Страндстедете. Обычно дома были только они с Анной. Но сегодня приехал папа. Самая неприятная тишина та, которая шуршит.

Папа развернул газету, теперь с ним нельзя было разговаривать.

Анна сидела у пианино. Соната Моцарта стояла на подставке для нот уже два дня. Читать Карна уже научилась, но играть на пианино еще не умела.

Опять шуршит!

— Папа, почему Олаисен избил Ханну за то, что ты папа ее ребенка?

Она сразу поняла, что они уже знают об этом! И Анна тоже! Она так и не стала играть. Руки ее лежали на коленях, как будто она только что вытерла их о юбку.

— Кто тебе сказал такую глупость? — послышалось из-за газеты.

— Исаак.

Папа аккуратно сложил газету. Словно хотел сохранить ее. Вообще он не хранил газет. Их хранила Анна.

— Исаак уедет в Америку вместе с Фомой и Стине. Он не может жить с таким человеком, как Олаисен.

Анна осторожно закрыла пианино. Потом снова сложила руки на

коленях.

— Я сказала ему, что этого не может быть. — Карне хотелось, чтобы они посмотрели на нее.

Неожиданно папа встал и положил газету на стол.

— Хорошо, что ты мне это сказала. — Голос у него был незнакомый.

Но Карна не совсем поняла, что именно хорошо — что она объяснила Исааку, что этого не может быть, или что все рассказала им.

Уточнить это она не успела.

— Где сейчас Исаак? — спросил папа.

— Кажется, у Стине, — с трудом выдавила Карна.

Папа ушел и закрыл дверь в прихожую.

Наконец Карна поняла, что следует сделать. Она выбежала на снег в одних шлепанцах.

— Папа, не сердись на Исаака!

Он обернулся, подошел к Карне и присел перед ней на корточки. На его разбитое лицо ложились снежинки. Это было красиво, но у Карны не было времени подумать об этом.

Он обнял ее.

— Я не сержусь на Исаака. Я только хотел поговорить с ним. Сказать, что он не должен верить Олаисену. И не должен никому передавать его слова. Люди что угодно могут подумать.

— Это опасно?

— Это позорно! Никто, кроме Олаисена, не может быть отцом Ханниных детей.

— Тогда почему он избил тебя?

— Не знаю. Не думай больше об этом!

Голос у папы был не очень уверенный.

В доме Анна заиграла на пианино. Торжественно и громко. Но это была не соната Моцарта.

— Ступай к Анне, — шепнул папа и встал.

Анна не подняла глаз, когда Карна вошла в комнату. Голова у нее была гордо поднята, плечи тоже. Сначала это была не музыка, а бессмысленный грохот, потом Анна немного успокоилась. Руки ее, не отставая друг от друга, летали по клавишам. Словно они ссорились и одна догоняла другую. А может, Анна пыталась что-то оттолкнуть от себя? То одной, то другой рукой. Педали тяжело вздыхали под ее ногами.

Анна видела что-то, невидимое Карне. Что-то страшное. Видела, даже когда наклонялась и била по клавишам. Между бровями у нее лежала

складка. Но, несмотря ни на что, она продолжала играть.

Карна подумала, что Анна похожа на работницу, которая в летнем хлеву, облепленная комарами, доит последнюю корову. Ну, ну! Стой спокойно! Сейчас закончим!

Подумав о летнем хлеве, Карна вспомнила переливающуюся у камней зелень. Эта зелень непостижимым образом присутствовала в музыке Анны. Искрилась вокруг ее головы. Перебегала к Карне и не всегда была приятной. Она была неистовая и яркая. Резкая и мягкая. В одно и то же время!

Она летала между Карной и Анной. И даже взлетала с пола. Бледно-зеленая, как северное сияние.

Ее резкие звуки окружали Карну. И это была уже не музыка Анны. Казалось, кто-то встряхивает мокрую простыню перед тем, как повесить ее на веревку.

И хорошо, что это отвлекло Карну от мыслей о припадке.

Глава 11

Один раз вместо окружного доктора в гостиницу к Ханне пришел Вениамин. У нее сидел Олаисен.

Сперва Вениамин подумал, что Олаисен зашел случайно. Но потом оказалось, что за ним посылала Дина.

Старый доктор был недоволен. Ушибы и раны были настоящие. И кто их нанес, тоже было известно. Но Ханна наотрез отказалась заявлять ленсману: она будет отрицать вину Олаисена, если они заявят ленсману вместо нее.

Поэтому все ограничилось так называемым визуальным заключением для комитета по здоровью. Оно гласило: пятимесячный плод мужского пола, нормального сложения, умер при преждевременных родах. Возможная причина: сильные повреждения и шок, полученные матерью от ударов или падения.

— Не нравится мне это. — Старый доктор прищурился на Вениамина.

Отчет они подписали оба.

Вениамин кивнул.

— Ты знаешь и ее, и его… Думаешь, это может повториться?

Вениамин заставил себя встретиться глазами со старым доктором. Это было необходимо.

— Я не настолько знаю Олаисена. Мне казалось, что я хорошо знаю

Ханну. Но…

Он пытался выиграть время. Взвешивал каждое слово.

— Он обвиняет меня в том, что я отец ее ребенка.

Голос у него сорвался.

— Вот как? — Старый доктор внимательно смотрел на Вениамина.

Вениамин ответил на его взгляд, не чувствуя себя победителем.

— Этого только не хватало… А как на это смотрят люди?

— Как бы они ни смотрели, это не так, — твердо сказал Вениамин.

У старого доктора были кустистые брови, похожие на выцветшую льняную пряжу. Когда он волновался, брови начинали шевелиться.

— Окружной врач ни при каких обстоятельствах не должен позволять, чтобы о нем ходили такие слухи! — хмуро сказал он и оглядел Вениамина с головы до ног.

— Я знаю.

— Поэтому будем радоваться, если у Ханны Олаисен хватит ума погасить этот скандал. Это спасет всех.

— Кроме нее самой.

— Все зависит от точки зрения, — сказал старый доктор и добавил: — Я дал тебе положительную рекомендацию в качестве моего преемника. И полагаю, ты получишь мое место. Поэтому я не хочу больше слышать об этом деле.

Рейнснес все больше захлестывала предотъездная лихорадка. Все нервничали. Работники и служанки не знали, о чем можно говорить, а о чем лучше помолчать. Любой неосторожный вопрос мог вызвать взрыв. Например, возьмет ли Сара в Америку своего котенка? А Стине — ткацкий станок? Или где они будут жить, попав в большой город по ту сторону моря?

Стине и Фома готовились к долгому и нелегкому путешествию. В список всего, что они брали с собой, то и дело вносились поправки, сопровождаемые тяжелыми вздохами.

Исаак ехал с ними. Он отказался возвращаться к Олаисену и с трудом сдерживал слезы, сжимая кулаки в карманах штанов. В противоположность Саре он твердо решил ехать.

День отъезда неотвратимо приближался. В газете уже было объявлено об аукционе.

«По причине отъезда в Америку 12 апреля в усадьбе Рейнснес на аукцион будет выставлена всевозможная домашняя утварь — кадки, новая печь для хлеба, мебель, постельные принадлежности, инструменты,

приспособления для обработки пуха, сельскохозяйственные орудия, растения в горшках и ящиках и многое другое».

Сара прихрамывая ходила по комнате и дрожащим голосом читала это объявление вслух.

— Как же мы будем жить до отъезда, если все продадим?

— Как-нибудь проживем. Главное — знать, сколько денег мы за все выручим, — ответила Стине.

Сара сказала Карне, что еще не решила, поедет она или нет. Это так страшно!

А еще морская болезнь! Несколько недель им придется плыть в открытом море! Она слышала, что от морской болезни даже умирают. Людей буквально выворачивает наизнанку. А если кишки выйдут наружу, на место их уже не вернуть.

Вениамин утешал Сару и говорил, что медицине такие случаи неизвестны, все это выдумки людей с богатым воображением. Но Сара ему не верила. Она почти перестала есть и часто плакала. Анна уговаривала Сару принять окончательное решение и пыталась втолковать ей, что они не бросят ее, если она решит остаться дома.

Но ничто не помогало. Необходимость сделать выбор сжигала Сару изнутри.

Дина приехала из Страндстедета, чтобы до аукциона купить то, что, по ее мнению, должно остаться в Рейнснесе. Узнав о нерешительности Сары, она пошла в дом Стине, чтобы поговорить с ней.

Сара должна быть счастлива, что ее родители нашли в себе силы начать новую жизнь. Конечно, их ждут трудности, но все будет хорошо.

От морской болезни не умирают. Страна за океаном откроет перед молодой девушкой большие возможности. Там выбор больше, чем здесь. Страна такая огромная.

Сара умная и начитанная, если она захочет, то может поступить в школу, в этом Дина не сомневалась. А новый язык она выучит с легкостью. В молодости легко преодолеть любые трудности. Сама Дина уехала не такой молодой, как Сара, и все-таки выучила немецкий.

А сколько Сара встретит там новых людей! Молодых… Она должна радоваться…

Знала бы она, каково пришлось Дине, когда она приехала в Берлин с одной виолончелью и небольшим «дамским багажом», как она выразилась…

Сара позволила уговорить себя.

Стине была так благодарна Дине, уговорившей Сару ехать, что оставила в своем доме печь для хлеба, которую они с Фомой приобрели на собственные деньги. Без нее в кухне было бы слишком пусто. Дина настоятельно предлагала заплатить за печь.

— Не такие уж мы бедные, — сказала Стине. — Я знаю, что это ты заплатила за билет Исаака, чтобы ему не пришлось принимать деньги от Олаисена… Этого достаточно!

Дина сдалась и больше не заговаривала о деньгах. И об Олаисене тоже. Они говорили о другом. О прошлом. О чем никогда не говорили прежде. Пришло время поговорить обо всем. Путь за море был длинней, чем до Берлина, а письмам нельзя было доверять.

В конце концов Дина попросила у Стине разрешения поговорить и с Фомой. О том, что когда-то случилось. Когда-то в юности. И о чем никогда не говорилось.

Стине выставила из дома всех посторонних, повязала платок и часа два ходила по берегу, чтобы они могли поговорить без помех.

Дина ждала на кухне, когда Фома вернется с работы.

Он удивился, увидев ее, и спросил, где Стине.

— Я пришла, чтобы поговорить с тобой, — объяснила ему Дина.

Наконец-то этот час настал. Может, Фома предчувствовал это, когда на пристани был свидетелем ее невероятного возвращения домой. Потом он заставил себя забыть, что между ними осталось что-то недоговоренное.

— Вениамин знает, что ты его отец, — сказала Дина.

Фома невольно улыбнулся. Говорить обиняками было не в ее правилах.

— Выходит, он знает больше, чем я ему говорил. И кто ему это сообщил?

— Я.

— Сегодня?

— Нет, когда он учился в Копенгагене.

— А теперь наконец пришел и мой черед узнать об этом?

— Можно сказать и так.

— И что я должен делать?

— Не знаю, Фома.

По ее голосу он слышал, что ему позволено взять верх. Позволено сказать все, не опасаясь, что она одернет его. У него защемило сердце. Но слов больше не было. Он давно изжил прошлое, все, что так и осталось незавершенным и недосказанным.

— Как же он к этому отнесся? — заставил себя спросить Фома.

— Это можно себе представить.

— И что же можно себе представить?

— Недоверие. Гнев. Все, что угодно.

Фома забыл, что у него есть руки. Забыл, что с ними следует делать. Он их еще не вымыл. Но он положил их на стол и нагнулся к Дине.

— В юности ты прогнала меня и поклялась, что он не мой сын. Я тебе уступил. И не стал донимать Вениамина тем, что его отец — сын безземельного арендатора. Но я работал на его усадьбе, как на своей собственной.

Стол качнулся, когда Фома снял с него руки и пошел к умывальнику. Вымыв руки в цинковом тазу, он тщательно вытер их. Ведь за этим он и пришел домой.

Но он забыл, что имел обыкновение снимать рубаху и мыться до пояса.

Поэтому он не поверил своим ушам, когда Дина спросила:

— Разве ты не собираешься снимать рубаху?

Фома поднял глаза на мутное зеркало. Дина сидела за столом и смотрела на него.

Против его воли годы побежали назад. В зеркале все казалось хрупким, как стекло, но близким. Молодость.

Он годами носил в Рейнснесе жерди, пахал землю и думал, что все это напрасно. Но она вдруг пришла и одним взглядом вернула ему молодость.

— Рубаху? Что ты имеешь в виду? — хрипло спросил он.

— Я помню, ты обычно снимал ее… когда приходил из хлева… и мылся.

— И что?

— Хочу посмотреть на твою спину до того, как ты уедешь.

Он смотрел на ее отражение в зеркале. Эти глаза! Он и не знал, что все уже решено. Не знал, пока не заметил, что его дрожащие пальцы начали расстегивать одну пуговицу за другой.

Фома попробовал рассердиться на то, что уступил ей. Но он израсходовал свой гнев больше тридцати лет назад.

Теперь же он выпрямился и у нее на глазах стянул с себя рубаху. Не зная, что делать с рубахой, он смял ее в комок.

— Не оборачивайся!

Нет, он не стал оборачиваться. Зачем? Ведь он видел ее в зеркале. Он только глубоко вздохнул и вскинул подбородок.

Дина сидела неподвижно, они видели друг друга в мутном зеркале. Несколько раз Фома, глубоко вздохнув, задерживал дыхание. Только это и

говорило ему, что время идет.

Она не видела его лица, но он ее лицо видел. На нем была написана радость, и Фому охватило странное чувство невосполнимости.

— Какая у тебя спина, Фома… — прошептала она.

Ее рот приоткрылся. Потом губы сомкнулись. А слова остались витать в воздухе. Они впились в него. Отыскали себе укромные местечки. Ему хотелось увезти их с собой за море. Где поля будут чужие, но солнце — то же.

Однако жизнь есть жизнь. Что он мог ответить на это? Никто на свете на такое не отвечает. Он тоже не должен…

— Что ты хочешь, Дина?

— Хочу попросить у тебя прощения за все, что я когда-то по недомыслию взвалила на тебя.

Он так и не обернулся. О чем она говорит?

— Что ты сказала?

Она повторила. У него засаднило спину. Он был беззащитен. И не мог найти слов. Разве он думал когда-нибудь, что ему придется отвечать на такое?

— Ты получишь прощение, — молодым голосом прошептал он.

Она замерла на своей табуретке. Потом ее лицо дрогнуло:

— Спасибо, Фома!

Он хотел надеть рубашку, но она быстро встала:

— Нет… не надо… Я уже ухожу. Мне больше ничего не нужно. Я для этого проделала долгий путь. Из Берлина…

Фома опомнился, когда она уже закрыла за собой дверь.

Глава 12

Перед приездом профессора и его жены крыша и трубы были отремонтированы, большой дом покрашен и лавка приведена в порядок. Снаружи. Внутри все выглядело так, будто хозяева давно уехали отсюда.

Сена в том году не косили. Земля была сдана в аренду одному крестьянину из Вика. Животных не осталось, если не считать кур, голубей и котенка Сары.

Вениамин хотел уступить родителям Анны залу, но она воспротивилась.

— Боишься, что им тут слишком понравится? — поддел он ее.

— Эту залу отдали мне! И я еще здесь! — засмеялась Анна.

— Ты сожалеешь об этом?

— Почему, ведь я не хочу уступать залу!

Он не знал, стоит ли спрашивать у нее, почему в последнее время перед приездом родителей она почти перестала играть на пианино и петь. Хотя Бергльот освободила ее от подготовки к их приезду.

— Почему ты перестала играть? Даже с Карной не занимаешься? И не поешь?

— Готовлю себя к тому, что некоторое время не буду играть.

— Почему не будешь?

— У мамы от моей игры всегда начиналась головная боль. Или от того, что я играла, или от того, что я играла недостаточно хорошо.

— Как же ты училась в Копенгагене?

— Занималась на инструменте учителя.

— Но… Ты никогда не играла дома?

— Только если к нам приходили гости, чтобы послушать определенный репертуар, который я готовила заранее.

— Боже мой! Ты никогда не говорила об этом!

— Да, к счастью, наша с тобой жизнь заставила меня забыть об этом.

— Я дам твоей маме лекарство от головной боли, но ты будешь играть!

— Посмотрим. — Анна вздохнула. — Терпеть не могу маму! — сказала она, не вкладывая никаких чувств в эти слова, и села к пианино, но играть не стала.

Вениамин с удивлением взглянул на Анну:

— За что же ты не можешь ее терпеть?

— Она пыталась превратить меня в комнатную собачку, из породы тех, которых все гладят и которыми восхищаются. Этим собачкам можно вилять хвостиком, но нельзя лаять. — Увидев, что он улыбнулся, она горячо продолжала: — Не терплю ее за то, что она превратила Софию в пуделя, а я невзлюбила собственную сестру!

— Почему ты никогда мне об этом не говорила?

— А ты сам все говорил мне?

Вениамин быстро взглянул на нее. О чем это она? Он хотел спросить, но сдержался. Вместо этого он попросил:

— Сыграй мне что-нибудь, что ты давно не играла! Что у тебя плохо получается!

Она порылась в нотах, подняла крышку и заиграла.

Наконец родители приехали, и Анна как будто успокоилась. Она так вошла в роль хозяйки, что не только Вениамин с трудом скрывал свое удивление.

Не повышая голоса, она отдавала распоряжения Бергльот и служанке. Несколько раз делала замечания Карне по пустякам, на которые в другое время не обратила бы внимания. И все это с поразительным спокойствием. Вениамин не узнавал Анны.

Было начало июня. Словно по заказу снег отступил высоко в горы, деревья покрылись листвой и поля зазеленели.

В день приезда профессора и его жены Карна обедала имеете со всеми.

Папа постучал по бокалу и приветствовал гостей с приездом в Нурланд. Поблагодарил их за Анну и наговорил много добрых слов о том, какая Анна трудолюбивая и хорошая. Потом он поднял бокал и обратился отдельно к каждому из присутствующих. Даже к Карне.

Профессор ответил длинной речью. Ему хотелось произнести ее до начала обеда, чтобы потом не портить себе удовольствия.

— С вами бывает такое, фру Дина? — спросил он у бабушки.

Бабушка не ответила, только улыбнулась.

И профессор заговорил о том, что называл «обетованной землей Анны, где никогда не заходит солнце». Он назвал Рейнснес сказочным уголком и поблагодарил папу за приглашение приехать сюда. Он долго разглагольствовал о крае дикой первозданной природы, но Карна так и не поняла, где этот край находится.

— Моя дочь очень живо описала нам Рейнснес, но его нужно видеть! — растроганно сказал профессор, казалось, он вот-вот заплачет. Это было

странно. И он назвал Анну «моя дочь»!

Карна попыталась представить себе маленькую Анну, но у нее не получилось.

Мать Анны согласно кивала его словам или вставляла «да-да!» и кивала еще сильнее. Странно, такая дама и не знает, что перебивать чужую речь невежливо. Анна всегда учила этому Карну. Но видно, Анне лучше, чем ее матери, были известны правила поведения.

Профессорша имела привычку смешно морщить нос. Еще до обеда Карна заметила, как она, проходя мимо, провела пальцем по полированной поверхности столика перед зеркалом, совсем как Бергльот, когда она проверяла, нужно ли вытереть пыль.

Карна подошла к гостье.

— У нас пыль вытерта! — сказала она.

Профессорша вздрогнула и убрала руку. А потом смешно сморщила нос.

После речи профессора он и его жена сделались обычными людьми, почти обычными.

Профессор шумно прихлебывал, когда ел суп. Карна не понимала, почему она решила, что гости — люди особенные. Наверное, потому, что Бергльот без конца повторяла: «Когда профессор приедет, мы должны…» или «Чтобы наши гости не подумали…»

Профессор важнее и пробста, и амтмана, в этом у Карны не было никаких сомнений. Но почему же он так некрасиво ест?

А профессорша говорит с полным ртом. Тоже странно. Анна поглядывала на мать, но замечаний ей не делала. Только смотрела.

Бергльот в третий раз наполнила бокал профессора, тогда как все остальные пили еще первый или второй.

— Жаль, что здесь нет твоей тети Софии, — сказал профессор, обращаясь к Карне. — Она только что родила ребеночка. Ты непременно должна приехать в Копенгаген и познакомиться со своей тетей!

Карна не помнила, чтобы когда-нибудь ей недоставало этой тети, и промолчала.

— Но София Карне не тетя, — заметила профессорша и снова сморщила нос.

Все замолчали. Потом Анна вполголоса заговорила с профессором о Копенгагене.

— А я родилась в Копенгагене! — громко сказала Карна, обращаясь ко всем сразу.

Все с удивлением взглянули на нее и тут же заговорили друг с другом.

Но не с ней.

После кофе Вениамин вышел за Анной в буфетную и попросил ее поиграть.

Она многозначительно посмотрела на него:

— Мама устала. После обеда она всегда очень раздражительна.

— То в Копенгагене. А в Рейнснесе ты обычно играешь, когда у нас бывают гости. Придется ей к этому привыкнуть.

Анна согласилась:

— Ты прав! Я всегда играю, когда у нас бывают гости!

Вскоре из столовой послышались звуки музыки Грига.

«Свадебный поезд» влетел в курительную, вырвался в открытые окна, достиг дома Стине, пустого, вычищенного хлева и полился по аллее к морским пакгаузам.

Из-за Дины мать Анны сидела в курительной. Она нервно прикоснулась к шее двумя пальцами. Уголки губ у нее опустились. Но не очень, это не испортило ее лица. Она приоткрыла рот, чтобы что-то сказать.

Профессор хотел взглядом удержать жену через открытую дверь столовой, но не стал, увидев Дину, окутанную дымом ее сигары. Лицо Дины выражало наслаждение.

Дина снова уехала в Страндстедет. Профессор с рюкзаком, трубкой и бутербродами ходил по горам в сопровождении Уле или Фомы, а иногда, захватив на смену пару носков, плавал вместе с Вениамином к его больным.

Анна не жаловалась, но Вениамин понимал, что мать часто раздражает ее. Вечером в спальне она говорила о матери со сдержанной злостью и едким сарказмом. Словно о школьном инспекторе.

— Сегодня она внушала мне, что нам необходимо создать семью. По ее мнению, мы будем тогда более счастливы!

— И что же ты ей ответила?

— Ничего.

— Почему?

— Потому что она меня обидела. И потому что я до сих пор позволяю себе обижаться.

— Словом, тебе приходится трудно?

— Нет. Мне очень помогает Карна. Слышал бы ты, что она сегодня сказала маме!

— Надеюсь, ничего страшного?

— Мама была недовольна моим исполнением Грига. Я, видите ли, играю слишком медленно. Нельзя играть на полный желудок! И тут вмешалась Карна: «У нас никто не смеет так говорить с Анной!»

— И что твоя мама?

— Была сбита с толку и заговорила о другом. — Анна засмеялась: — Кажется, мне придется всюду водить за собой Карну, пока мама гостит у нас.

После обеда с лососиной и нескольких рюмок вина профессор решил, что пришло время поговорить с Вениамином о его будущем.

Он восхищался Рейнснесом и Нурландом, однако выразил определенное желание, чтобы Вениамин с Анной переехали в Копенгаген.

— Ты не должен прожить здесь всю жизнь, Вениамин. Нельзя жертвовать собой ради мелочей. Ты такой одаренный человек!

Не покривив душой, Вениамин ответил, что польщен верой профессора в его способности, но он не готов к такому переезду.

— Годы летят, — сказал профессор. — Пока ты молод…

И заговорил о том, что желудочный сок зависит не только от блуждающего нерва, но и от воздействия химических и механических факторов.

— Народ нужно просвещать! Нам всем необходимо просвещение! — поучал профессор. — Жиры и белки необходимы для поддержания белкового баланса в организме, мы получаем их в пище…

Он начал рассказывать об одном молодом ученом, к исследованиям которого питал большое доверие. Этот ученый пришел к убеждению, что между «содержанием жира в молоке и числом и диаметром жировых зерен» существует определенная зависимость…

У профессорши зачесался подбородок, а Анна поднялась и сказала, что кофе будет подан в гостиной.

Переходя из одной комнаты в другую, профессор заявил, что Вениамин необыкновенно талантливый хирург. Он имел возможность убедиться в этом, когда сопровождал его к больным. Хотя речь шла всего лишь о вросшем ногте. Но руки у Вениамина золотые.

Профессор остановился посреди комнаты и заговорил о том, что в настоящее время одним из важнейших направлений медицины является пересадка кожи. Это действительно чудо! Он знает некоего Х. Филипсена, который добился сказочных результатов. В том числе и на людях!

Перед дверью курительной Вениамин осторожно прервал монолог профессора:

— Мне больше по сердцу гинекология. Множество женщин и новорожденных гибнут совершенно бессмысленно.

Профессор отдал должное его идеализму. Но полагал, что это направление едва ли имеет будущее в медицине.

— Тебе бы поработать с Хольмером. Вот самый подходящий человек! Он принимает врачей и студентов из всех скандинавских стран.

— Хольмер не женат и живет с матерью. А может, это его сестра? И он ненавидит женщин! — вмешалась Анна.

Профессорша бросила на дочь предостерегающий взгляд, но это не помогло. Анна засмеялась, взяла отца под руку и повела в гостиную.

— Разве ребенку еще не пора спать? — спросила профессорша.

— Нет, мамочка! — ответила Анна и прижалась к отцу.

Карна сидела на скамеечке у ног Вениамина. Профессор вдруг обратил на нее внимание и сменил тему разговора:

— Сегодня в горах я понял из разговора с Фомой, что вы состоите с ним в родстве?

Вениамину показалось, что на него вылили ушат холодной воды.

— Да, это весьма сложные родственные отношения, — ответил он.

— Наверное, они уходят далеко в прошлое?

— Не очень.

— Это видно по Карне. Чрезвычайно интересно! Чрезвычайно! Эти разные глаза, карий и голубой! Один мой английский коллега написал труд по евгенике, наделавший много шума. В нем он определяет евгенику как науку, изучающую биологические и социальные факторы, способные улучшать или ухудшать физические и духовные свойства будущих поколений. Позитивная евгеника призвана способствовать появлению желаемых свойств, а негативная — противодействовать появлению нежелательных. Таких, как наследственные болезни и дефекты.

При слове «дефекты» он поднял за подбородок лицо Карны и посмотрел в ее глаза.

Анна схватила кофейник, чтобы налить отцу кофе. Но он даже не заметил этого.

Карна сняла с подбородка руку профессора и спросила:

— А что такое «дефекты»?

— Серьезные недостатки, например у людей, — мягко ответил профессор и все-таки принялся за кофе.

Карну охватило странное чувство. Ей захотелось убежать. Хотя бы на

крыльцо. Но она не успела. Потолок с полом поменялись местами, стены рухнули. Громко зазвучала музыка моря. И все увлекла с собой. Все куда-то понеслось — мебель, окна, лица, горшки с цветами, узор на обоях, сигары, табачный дым.

Когда она очнулась, над ней склонились папа и отец Анны. Ему здесь не место! Ей нужен только папа! Но произнести это она еще не могла. Лишь выплюнула деревянную палочку и закрыла глаза.

Они разговаривали о ней. Профессор подробно расспрашивал папу. Как часто бывают припадки? Сильные ли? Когда это началось?

— И так всегда? Без всякого предупреждения? С пеной, судорогами и открытыми глазами? — спрашивал профессор.

Карна не слышала, что отвечал папа. Пока она пила из стакана, который Анна держала у ее губ, профессорша сказала:

— Я же видела, что ребенок устал. Девочке уже давно полагалось быть в постели!

Карне захотелось, чтобы профессорши тоже тут не было. Желание это было такое сильное, что она почувствовала приближение нового припадка.

Чтобы предупредить его, она начала читать про себя «Отче наш», как ее учила Стине. Взрослые ничего не сказали, но она чувствовала, что описалась.

Кто-то прикрыл ее пледом. Конечно, Анна.

— Вы должны привезти ее в Копенгаген, — услыхала она.

— Может быть. Я надеялся, что Карна перерастет болезнь.

Профессор наклонился к ней еще ниже и отрицательно покачал головой. У него были большие ноздри. Из них торчали длинные волоски. Карна не успела отвернуться, как они прикоснулись к ее лицу. Ей стало трудно дышать.

— Эпилепсия означает, что была повреждена голова. Может быть, во время родов, — услыхала она, хватая воздух сквозь эти жесткие черные волоски.

Наконец папа поднял Карну и отнес к ней в комнату. Там он уложил ее на кровать и сменил ей панталоны.

— Не обращай на него внимания, — сказал он. — Профессора все такие. Они не имеют в виду ничего плохого.

После того случая Карна старалась не оставаться в одной комнате с гостями, чтобы они не напоминали ей о ее ущербности. И чтобы бедный папа не расстраивался, если у нее снова случится припадок. Но избегать гостей было трудно, потому что Анна все время водила ее за собой. Словно

не могла обойтись без ее присутствия.

К счастью, до отъезда гостей у нее больше не было ни одного припадка. Однако из слов профессора она поняла, что у нее повреждена голова, хотя раньше никто не говорил ей об этом. Из-за припадков она стала «дефектом». Странное слово!

Папа мог бы увезти ее в Копенгаген и там избавиться от нее. Но Карна знала, что он никогда этого не сделает.

Иногда она уходила в беседку и вспоминала, что профессор говорил про их с Фомой глаза. Что она с ним в родстве. Это ее не пугало, потому что Фома был добрый.

Однако лучше бы она была похожа на папу. Пусть временами он ужасно сердится, ей все равно не хотелось быть похожей ни на кого, кроме него.

У папы глаза были одинакового цвета. Правда, в море они были зеленые, а вечером, на берегу, — серые. Но они изменяли цвет одновременно.

После отъезда профессора и его жены, когда Анна уже перестала водить ее за собой, Карна смогла пойти к Фоме и посмотреть на его глаза. Она давно знала, какие они, и никогда не думала, что это некрасиво. Теперь они стали некрасивыми. Потому что профессор сказал, что это «дефект».

Смотрясь в зеркало, Карна видела глаза Фомы. Она с силой моргала, чтобы они изменили цвет. Чтобы она стала похожей на папу. Но это не помогало.

Однажды она пришла в пакгауз Андреаса, где Фома упаковывал ящики и сундуки. Подождав, пока он распрямится и плюнет на оселок, чтобы наточить нож, она спросила:

— Фома, ты знаешь, почему только у нас с тобой такие глаза?

Фома перестал точить, нож застыл в воздухе. Словно его держал воздух, а не Фома.

— Профессор сказал, что мы с тобой в родстве. Это правда?

— Спроси у своего папы.

— Его нет дома.

Он отложил оселок и вытер с лица пот.

— Давай сядем, — предложил он и сел на сундук, широко расставив ноги. Борода и рыжие волосы были растрепаны.

Карна села рядом с ним и ждала.

— Будет правильно, если Вениамин расскажет тебе, кто тут в Рейнснесе с кем в родстве. Я так считаю.

Карна сочла это разумным.

— Так и сказать ему, да?

Он протянул руку и прикоснулся к ее волосам. Легко-легко.

— Скажи своему папе, что я не против такого родства.

Она кивнула и собралась уйти — больше здесь узнавать было нечего.

Карна думала над этим весь день. Они с Исааком у скал ловили плотву, однако ему она ничего не сказала. Но когда вечером Вениамин пришел к ней, чтобы пожелать доброй ночи, она не удержалась:

— Фома говорит, что был бы не против родства с нами, — сказала она.

Папа опешил. Потом усмехнулся и взмахнул руками, словно хотел удержать равновесие.

Правда, он тут же стал серьезным и провел рукой по волосам.

— Понимаешь, Фома — твой дедушка, хотя почти никто об этом не знает. И это не написано в церковных книгах.

— Почему никто не знает?

— Раньше это считалось позором — Дина с Фомой не были женаты.

— А про позор никто не должен знать?

— Вроде того.

— А можно сказать об этом кому-нибудь?

— Если хочешь. Но на твоем месте я бы не говорил.

— Даже Анне?

— С Анной ты можешь говорить обо всем.

— А бабушка знает про этот позор?

Папа улыбнулся и сказал, что именно бабушка рассказала ему об этом.

— Нет, папа, ты забыл. Об этом сказал профессор.

Папа громко расхохотался. И Карна поняла, что все это не так страшно, как ей показалось сначала.

— Папа, вы с Анной женаты, но она все-таки не моя мама. Это позорно?

— Нет!

— Почему?

— Про это все знали с самого начала, поэтому все в порядке.

— Значит, если все узнают, что Фома — мой дедушка, это уже не будет позорно?

Он обнял ее и засмеялся ей в ухо.

— Все не так просто. Но ты, во всяком случае, знаешь про это.

Вениамину предстояло трудное дело. Разговор с Фомой. Он пошел с ним на пустошь за лежавшими там жердями.

Потом ему было трудно восстановить в памяти весь разговор. Запомнились только отрывки. Вернулось детство. Он увидел себя идущим по пустоши. Ощутил пустоту, возникшую в нем после отъезда Дины. Увидел Фому, ухаживавшего за животными. Этот далекий ему человек всегда был занят своим делом.

Вспоминая потом застенчивое лицо Фомы, Вениамин жалел, что затеял тот разговор. Время было упущено.

Лучшее из этой встречи ему все-таки запомнилось: они пожали друг другу руки, сложив жерди у стены хлева. Даже он понимал, что такой жест не был в обычае у сельских жителей.

Глава 13

В один из последних дней перед отъездом Стине привела Карну к себе на кухню.

Там царил беспорядок, и ничто не напоминало о старой кухне Стине. Карна старалась не смотреть по сторонам.

Но кухонный стол и табуретки стояли на своих местах. Они сели, и Стине налила Карне на блюдце кофе с молоком.

— Я уеду, но ты всегда должна помнить все, что я говорила тебе о твоем Даре. Ты избранная, Карна, тебя ждут большие дела, — сказала Стине.

Карна кивнула, не совсем понимая, что имеет в виду Стине.

— Если ты будешь часто читать Библию и «Отче наш», припадки будут не такие сильные. Обещаешь?

— В бабушкиной Библии такие непонятные буквы. Старинные, в завитушках. Она очень старая, меня даже крестили не по ней.

— Я знаю, что ты умеешь читать и те буквы.

— Но это трудно. И папа говорит, что мне лучше учиться по другим книгам.

— Только не тогда, когда речь идет о падучей и великой истине. Об этом говорится только в Библии.

Карна кивнула еще раз.

— Обещай читать «Отче наш», когда будешь чувствовать, что у тебя может начаться припадок. Если успеешь.

— Обещаю.

— И будешь носить с собой Библию, куда бы ты ни пошла.

— Обещаю, — опять сказала Карна и быстро выпила кофе. Немного пролилось на стол. Но это было не страшно — скатерти на столе все равно не было.

— Папа сказал, что это теперь моя Библия. Он получил ее от бабушки. А она — от своей мамы, ее звали Ертрюд. Теперь Библия уже старая… и черная… Почему Библии всегда черные?

Этого Стине не знала, но считала, что черный — самый подходящий цвет для книги Господней.

— А ты возьмешь с собой в Америку свою Библию?

— Конечно, обязательно!

— Но ведь у тебя не бывает припадков?

— Слово Божье помогает против всех недугов и забот.

— Но у меня все равно случаются припадки.

— Если бы мы с тобой не молились и не читали Библию, они были бы гораздо сильнее.

— Я еще ношу на руке твою нитку. — Карна посмотрела на истертую шерстяную нить, повязанную у нее на запястье.

— Береги ее! А если ты когда-нибудь потеряешь ее, напиши мне, и я придумаю какой-нибудь выход.

— Хорошо. Ты упаковала уже все печенье?

Нет, Стине упаковала не все.

Они пили с блюдечек кофе, ели печенье и гадали, где сейчас находятся птенцы гаги.

Стине уже давно проводила птенцов к морю, чтобы вороны и чайки не заклевали их во время первого выхода в большой мир. Птенцы копошились, дрожали и пищали в переднике Стине, пока она несла их к воде.

Карна и Анна шли за ней на некотором расстоянии, как дети из сказки про крысолова. Их влекла неодолимая сила, они не могли ей противиться.

Впереди шла Стине с птенцами в переднике, за ней, переваливаясь и покрякивая, вышагивали гаги. Замыкали шествие Анна и Карна. Но они остановились у большого камня, что лежал у подножия бугра, и оттуда смотрели, как Стине берет в руку птенца за птенцом и пускает плыть по течению.

Стине с шевелящимся в переднике живым комком казалась не совсем настоящей. Карна не могла представить себе, что с ней может случиться какая-нибудь беда.

Но когда Стине вернулась к ним с пустым передником, лицо у нее было

серое и она избегала смотреть на Карну и Анну.

Может быть, потому, что она думала о своей предстоящей поездке через море?

Карне казалось, что папа не верил, насколько это серьезно, пока не наступил день отъезда. Он почти не разговаривал, когда они вместе с будущими американцами плыли в Страндстедет.

Стине сжимала в руках саквояж, подаренный Анной, и пыталась смотреть сразу во все стороны. Это было на нее не похоже.

У Фомы был такой вид, будто он еще не проснулся. Он не отрывал глаз от сапог, словно боялся вдруг остаться без них. И без конца носил вещи и считал что-то, что называл «местами». Коробки, мешки, сундуки.

Уле тоже носил вещи, но шутил и хорохорился. На нем была двубортная тужурка с блестящими пуговицами и новая фуражка.

Когда они только начали таскать вещи на пароход, Исаак пошел с Фомой, чтобы помочь ему. Он обещал вернуться на пристань и попрощаться со всеми. Но так и не вернулся.

Сара с уложенными вокруг головы косами выглядела старушкой. Она не выпускала из рук корзинку, ходила от одного к другому, пожимала всем руки и говорила «прощайте». Карне было не по себе, она никогда не слышала, чтобы Сара кому-нибудь говорила «прощайте».

Она не могла придумать, что сказать Саре, и только низко присела в реверансе. И тут же вспомнила, что никогда не делала реверанс перед Сарой.

Ханна и Олаисен приехали в пролетке, которая остановилась у ящиков, сложенных штабелями недалеко от трапа.

Ханна хотела сойти на землю с малышом на руках, но Олаисен быстро подхватил их и спустил вниз. Минуту они стояли, прижавшись друг к другу. Когда они шли по пристани, Карна увидела, что Ханна от горя даже ни с кем не здоровается.

Это все из-за Исаака, подумала Карна. И решила, что сама никогда не уедет от папы.

Она никому не сказала, что Исаак хотел убить Олаисена. И потому понимала, что она уже достаточно взрослая, чтобы ей доверяли.

Одной рукой Олаисен нес малыша, другой — поддерживал Ханну. Все видели, что они неотделимы друг от друга.

Когда Стине подошла к ним прощаться, у Ханны с губ слетел громкий стон. Карна поняла, что Ханна плачет. Потом она низко согнулась и повисла на руке Олаисена. И все время громко стонала.

— Ну-ну, — тихо уговаривал ее Олаисен. Ребенок явно мешал ему — все его внимание было поглощено Ханной. Бабушка первая поняла это, быстро подошла к нему и забрала у него малыша.

Тогда Олаисен легко, словно перышко, поднял Ханну на руки и стал покачивать, как будто баюкал ребенка. Вокруг них развевалась ее шаль.

Его волосы казались Карне волосами ангела, летящего на ветру. А юбки Ханны, пока он нес ее обратно в пролетку, — облепившим их большим красным парусом.

Все это было необычно и красиво. Карна подумала, что никто не вел себя так на пристани у всех на глазах. И рассказ Исаака о зверстве Олаисена почти утратил силу, когда она увидела, как бережно он посадил Ханну в пролетку и сам сел рядом с ней. Так он и сидел, обняв ее, уже до конца.

Началась суматоха, матросы приготовились поднять трап, когда неожиданно вниз по трапу сбежала Сара. Шпильки у нее выпали, и косы казались толстыми канатами, летящими за ней по ветру. Корзинку свою она где-то потеряла.

— Ханна! Я остаюсь с тобой! — решительно кричала она. — Я никуда не еду! Слышишь? Там и без меня людей много. Я хочу остаться с тобой!

Внимание всех было приковано к Саре. Папино тоже. Наверное, они приняли ее за ожившую покойницу. Карна вспомнила рассказ о том, как Иисус воскрешал мертвых.

С парохода Фома кричал Саре, чтобы она вернулась. Что билет оплачен. Но в его голосе не слышалось гнева. Только усталость.

Сара добежала до пролетки Олаисена и села в нее. Теперь уже Карна не могла различить, где там Ханна, а где Сара. Они смешались в один клубок из платьев.

Пароход отошел от пристани, и Ханнины стоны затихли.

Бабушка стояла с малышом на руках, немного отстранив его от себя, точно не знала, что ей с ним делать.

Наконец к нам подошел Олаисен. Он кивнул всем, не глядя на папу и Анну. Потом поблагодарил бабушку за помощь и забрал у нее ребенка, но не ушел, а стоял и махал платком, пока пароход не скрылся за островами.

Когда Сара и Олаисены уехали, Карна случайно услыхала, как одна женщина на пристани сказала другой:

— Подумать только, фру Олаисен даже не помахала матери на прощание!

— Олаисен чертовски силен! Ты видела, как он… — отозвалась другая, не отрывая глаз от моря, словно ждала еще чего-то.

Заметив Карну, они заспешили прочь.

Дома все словно притихло. Звуки, не уехавшие в Америку, тихо плескались в водорослях. Они негромко заворчали, когда папа в последний раз взмахнул веслами и лодка ткнулась в берег.

Только собака, летом никогда не заходившая в дом, вышла им навстречу, виновато виляя хвостом. В усадьбе не было никого, кроме Бергльот и служанки. Работники разъехались.

Один работал теперь на верфи у бабушки, другой нанялся к пастору. Так сказал папа.

В Рейнснесе для мужчин не осталось работы. Разве что зимой сметать снег с крыльца и расчищать дорожки.

На дворе они остановились, и папа, глядя на закрытые окна и двери, тяжело вздохнул.

Анна как будто поняла, что он хотел сказать, и взяла его под руку.

Ручка колодезного ворота поскрипывала от ветра, калитка в сад была отворена. Раньше такое было невозможно — домашние животные могли попортить клумбы.

Голубятня была пуста.

Однажды вечером, когда взрослые думали, что Карна уже спит, Фома созвал всех голубей. Не обычным тихим вечерним воркованием, а каким-то испуганным, словно предупреждал их о надвигающейся беде.

Утром в голубятне было непривычно тихо.

Исаак сказал, что Фома держал мешок перед окошком голубятни, пока все голуби не попали в него.

Наверное, Карна слышала через подушку, как они тихо ворковали, когда он уносил их.

Под голубятней валялось несколько блестящих перышек. Карна собрала их и положила в коробку из-под табака. Потом пошла искать перья возле помойки и в канавах за хлевом. Но ничего не нашла. Уле сказал ей, что Фома все сделал очень тщательно. Она не поняла, что это значит, но спросить побоялась.

Не пахло и вымытыми подойниками, которые обычно сохли на заборе.

Фома вымел хлев и все помещения, они стояли пустые.

В доме Стине в затворенных окнах, словно призраки, белели занавески. И никто не выглядывал из-за них.

Внутри было почти пусто. Чужие люди приехали в Рейнснес и забрали вещи Стине и Фомы.

Когда в дом вошли последние приехавшие, Карна пошла за ними. Но не

прошла в комнаты, а остановилась в сенях, где еще пахло Фомой. И еще чем-то. Может, смолой?

Она села на ступеньки лестницы, ведущей на чердак, и к ней спустились растения Стине. Это удивило ее, потому что крючки, на которых они висели, были пусты.

Карна обхватила колени и осмотрелась по сторонам, ей не хотелось ни о чем думать. И тогда она явственно ощутила в себе большое пространство, в котором не было ничего, кроме пустоты.

Книга третья

Глава 1

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подробно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

Первое послание к Коринфянам, 13:12,13

Наступило 10 августа 1884 года, на старинном календаре этот день был помечен решеткой в память о том, что в этот день был сожжен мученик Лаврентий.

В тот день на пристани собралось много народу, их привели туда слухи, что на берег будут сгружать какой-то большой ящик, который прислан в «Гранд Отель».

Некоторые предполагали, что это новое пианино. Другие говорили, будто это рояль, какой-то необыкновенный, его привезли на пароходе прямо из Гамбурга. Мало кто видел такие рояли своими глазами.

Когда ящик прибыл и один из грузчиков увидел его, он засомневался, что подъемный кран выдержит такую тяжесть. Другой предложил поставить ящик на ребро, чтобы он лучше висел на ремнях.

В это время по трапу бегом поднялась фру Дина, крича что-то по-немецки, чего никто не понял. Но сведущие в немецком люди считали, что это была брань.

За ней поднялся Вилфред Олаисен. Он хотел проверить сопроводительные бумаги. Пока он проверял, у него за спиной толпились грузчики.

Все верно! Этот ящик не тяжелее того железного груза, что он сгрузил несколько дней назад. Олаисен бодро кивнул Дине и пружинистым шагом поднялся на мостик, чтобы лично наблюдать за погрузкой. Разве не он хозяин и пристани, и крана? Разве не на нем лежит вся ответственность?

Дина следила, как поднимали рояль. Несколько раз она порывалась что-то сказать. И несколько раз чуть не свалилась с ящика, на котором стояла, потому что всем телом повторяла движение рояля. Правда, в последний момент она всегда успевала ухватиться за поручни и снова принять гордую осанку.

Когда драгоценный груз висел между небом и землей, возникла другая трудность — как опустить его точно на телегу, чтобы везти дальше. Достичь такой точности было трудно, хотя к крюку был прикреплен направляющий трос.

Пришлось спустить груз, чтобы прикрепить еще один трос. Ящик сильно раскачался. Все затаили дыхание.

С моря несло мелкий дождь и тяжелый влажный туман. Это изрядно затрудняло работу. Прикрепление троса и новые попытки поставить ящик на телегу заняли много времени. Олаисен нервно покрикивал. Люди начали терять терпение.

Помощник пекаря коротал время, объясняя парнишке из кузницы Олаисена, что ящик, висящий над пристанью, ни за что не пройдет в двери «Гранд Отеля».

Самодовольный парень, в обязанности которого входило подметать кузницу, высказал мнение, что ящик надо просто бросить на телегу как есть и послушать, остался ли в нем еще хоть какой-нибудь звук.

Подружка толкнула его в бок и испуганно покосилась на Дину. Ее только что взяли в «Гранд» заправлять постели, и она боялась, что поведение ее дружка сочтут слишком непочтительным. Поправив чепчик, она с оскорбленным видом отошла прочь, и ее друг остался в полном одиночестве.

Растрепавшиеся от ветра волосы мешали Карне смотреть. Каштановые пряди то и дело закрывали ей все лицо. К тому же ее беспокоил укус клеща. Она все время наклонялась, чтобы почесать ногу, убирала с лица волосы и не отрывала глаз от висящего ящика.

Как, интересно, выглядит настоящий рояль? Она видела его на одной бабушкиной фотографии. Хороший рояль делался непременно из лучших сортов палисандра, полированного, с темными разводами. Подставка для нот, которая могла подниматься и опускаться, была похожа на украшение.

Звуки такого рояля, как и пароходные гудки, будут слышны во всем Страндстедете, и она, сидя дома, сможет слышать, что бабушка играет у себя в «Гранде».

Рояль стоял на медных колесиках, и у него были округлые формы. Он был очень тяжел, и с этим приходилось считаться. По словам бабушки, чтобы перекатить его на колесиках по комнате, требовалось двое сильных мужчин. А о том, чтобы его поднять, не могло быть и речи. Но при перевозке без этого было не обойтись.

Лебедка скрипела и скрипела.

Несколько недель Карна сердилась на бабушку, которая решила, что во время концерта в честь освящения рояля играть на нем будет не Карна, а Анна. Бабушка будет играть на виолончели, а Карна только петь.

Карна знала наизусть много мелодий, кроме Брамса. Но бабушка сказала, что кто угодно не может играть на новом инструменте. Карна обиделась, услыхав слова «кто угодно», но промолчала.

Она пожаловалась Анне, и Анна сказала, что это бабушкин концерт и бабушкин рояль.

— Мы должны постараться и сделать все, что в наших силах. А поешь ты очень, очень красиво. — Больше Анна не захотела говорить на эту тему.

Карна пожаловалась и папе, но он ответил, что с ее стороны будет умно не донимать этим бабушку. Он знает Дину: если она рассердится, она не разрешит Карне и петь.

— Тебе двенадцать лет, и ты уже достаточно взрослая, чтобы понять: бабушка относится к роялю как к святыне.

— Нельзя поклоняться идолам.

— Оставь при себе свои библейские проповеди!

Но позже, когда в гостиной не осталось никого, кроме них, и никто не мог их видеть, он подул ей в шею, как бывало в детстве. Карне стало щекотно, и она засмеялась.

Каждый день они репетировали свою программу, и Карна невольно виделась с бабушкой. Но разговоров с ней она избегала.

Однажды ночью Карне приснилось, что они с бабушкой на чердаке в Рейнснесе играют сонату для виолончели и фортепиано Брамса. На чердаке было не так темно, как обычно. Свет с шумом лился со всех сторон.

Во сне Карна помнила концерт Брамса почти наизусть. И бабушка не возражала, когда она села за рояль. Неожиданно Карна поняла, что звучит вовсе не бабушкин новый рояль — звуки лились из ее пальцев. Музыка рождалась в ней. Это была ее музыка!

Неизвестно, понимала ли это бабушка, потому что она продолжала играть на виолончели. Но вдруг виолончель умолкла. Бабушка водила смычком, но ни одного звука не было слышно.

Вокруг них по-прежнему с шумом лился свет, и бабушка незаметно исчезла. Осталась только виолончель. Смычок прикасался к струнам, но звуков не было.

Когда Карна проснулась, она больше уже не сердилась на бабушку.

Рядом с телегой стоял дородный человек в рабочей одежде, несколько

лет назад он выполнял в «Гранд Отеле» столярные работы. Потом его пригласили на работу к директору банка и к Олаисену. А также к председателю местной управы.

Только сейчас столяр наконец понял то, над чем долго ломал голову и что представлялось ему неразрешимой загадкой.

Вопреки его вежливым протестам фру Дина настояла на том, чтобы дверь с задней стороны дома, которая вела непосредственно в столовую, была двустворчатой. Столяр считал, что с задней стороны дома такая дверь ни к чему. Все пользуются парадным входом, а с дороги эту красивую двустворчатую дверь никто не увидит. К тому же зимой из нее будет дуть.

— Будем больше топить, вот и все, — сказала фру Дина и настояла на своем. Столяр решил, что Дина так легкомысленно относится к зимним морозам, забыв, что здесь не заграница, где нет ни зимы, ни морозов и круглый год цветут цветы.

— Как вам будет угодно, — сказал столяр, — но помяните мое слово — здесь будет холодно!

Однако теперь, когда рояль раскачивался в воздухе между небом и большой кузнечной телегой Олаисена, столяр понял, что вещь эта обладает особой ценностью. Несколько лет двустворчатая дверь с задней стороны гостиницы ждала своего часа. Она должна была сослужить свою службу только один раз! Наверное, это и был тот самый раз?

Столяр уже радовался, что сможет сообщить людям необычную новость: фру Дина велела ему сделать дверь, которую никто не мог видеть, только ради какого-то инструмента!

Ни у одной женщины не хватило бы ума подумать об этом до того, как грузчики явятся сюда с этим чудовищным ящиком, который можно будет внести в дом, лишь разрушив стену. А вот она подумала об этом еще несколько лет назад!

Еще большее уважение внушал людям ее банковский счет. Откуда у нее столько денег? Рейнснес давно захирел. Там теперь никто не живет. Последним оттуда уехал доктор с женой. Может, правы те, кто говорит, будто эта женщина, живя здесь, торгует за границей домами, строительным лесом и кирпичом? Или, напротив, правы другие, утверждающие, что она продала дом и вложила деньги в бумаги? Столяр никогда не понимал, как это люди держат состояния в бумагах, так что в последнем он сомневался.

А может, фру Дина пользовалась кредитом и хотела внушить людям, будто она очень богата? Но это не было похоже на правду. Она расплачивалась со всеми, кто у нее работал. И никто не замечал, чтобы она находилась в стесненных обстоятельствах.

Зато она строго придерживалась того, что называла уговором; столяр же, со своей стороны, называл это просто сдельщиной. Уговор состоял в том, что он за одну работу получает одну плату, но за следующую работу ему платят уже иначе.

Вначале планы и разные расценки Дины сбивали столяра с толку. Но потом он просто стал делать вид, будто разбирается в расчетах.

Конечно, он записывал все на оберточной бумаге, но так и не понял, обманула ли она его хоть раз. Подозрение так мучило столяра, что однажды он не выдержал и спросил у нее, почему всякий раз он получает по-разному.

Дина пригласила его в свой кабинет, который находился за стойкой в приемной. Там она разложила на столе пачку бумаг с чертежами и начала объяснять. С цифрами, скобками, плюсами и минусами. Время от времени она поднимала на него глаза и спрашивала:

— Понятно?

Да, он все понимает! Но если он не сможет выполнить порученную ему работу? Если не справится…

Тогда он заработает меньше потому что ей придется пригласить еще одного столяра. Например, из Тьельсунда или даже из Тромсё. Возможно, этот, другой, столяр сделает всю работу, и тогда первый окажется вообще лишним.

Столяр уступил, но поинтересовался, почему за работу в конце он получит больше, чем за работу в начале.

— Конец работы всегда бывает труднее, чем начало. У нас назначен день окончания работ, — объяснила Дина и обвела красным кружком дату, стоявшую на бумаге. — Понятно?

Кончилось тем, что столяр согласился на ее условия. Но он никому не сказал о своих сомнениях, опасаясь, как бы кто-нибудь не узнал, что его, может быть, обхитрила женщина. Напротив, теперь на пристани он превозносил дальновидность фру Дины. Подумать только, она предусмотрела, каким образом можно будет внести в комнату такой ящик, ведь прежде здесь не было ни одного столь большого предмета. И все это задолго до того, как этот рояль спустили с парохода на берег!

Столяр расхваливал то время, что он работал в «Гранде». Один день был не похож на другой. А все потому, что фру Дина сама приходила посмотреть, как идет работа, расспрашивала, допытывалась и радовалась удачам. Он чувствовал себя столяром самой царицы Савской.

Наверное, он уже никогда в жизни не насладится ароматом Дининой пекарни, достигавшим даже комнаты на чердаке, и никогда больше

горничная в блестящем шелковом платье не принесет ему кофе в кофейнике с синим узором и свежего песочного печенья в маленькой вазочке на ножке.

Знаете, сколько стоит такое печенье в кондитерской? И думаете, это вычиталось из его жалованья? Ничуть не бывало! Напротив, ему давали даже бумажный пакет для печенья, чтобы он мог порадовать детишек, которые выстраивались в ряд, когда он приходил домой.

В то время он хорошо спал по ночам. По правде сказать, так он не спал никогда в жизни. Он тогда все посвистывал, потому что говорить он не любил. И никогда он не гордился так своим мастерством, как во время работы в «Гранде». А разве пробст и председатель управы не говорили, что пригласили его строить новую школу по рекомендации фру Дины?

А разве она сама не хвалила его? Не говорила, что он работает удивительно ловко и точно? Что умеет вырезать профили в досках так, что, будучи соединенными, доски кажутся единым целым. И уж если на то пошло, это правда.

Столяр даже решил, что наденет чистый воротничок и пойдет на концерт, о котором фру Дина велела написать большую афишу.

Если там будет много народу и он не сможет протиснуться внутрь, он постоит в дверях. Но ему не хочется лишать себя удовольствия послушать, как будут музицировать фру Дина и докторша.

И не потому, что он возомнил, будто понимает музыку, а потому, что сделал двери, сослужившие службу, ради которой и были сделаны, — через них в гостиницу внесли рояль, прибывший из Гамбурга!

Оказалось, что внести рояль в дом было еще недостаточно. Теперь его следовало настроить. Поэтому концерт отложили до тех пор, пока из Трондхейма не приедет настройщик.

Вдова бывшего владельца гостиницы, сестра пекаря, считала, что фру Дина только по лености отказалась сама настроить свой рояль. Хотела похвастаться перед всеми, что готова оплатить многодневную поездку настройщика, чтобы он сделал работу, которую сделать так же просто, как вязать крючком. Вот оно, высокомерие!

Жена хозяина извозной станции тут же внесла свою лепту, рассказав, что Грёнэльвы и в Рейнснес в свое время приглашали настройщика из Трондхейма. Правда, кое-кто в этом усомнился. В те дни рассказы о величии Рейнснеса выглядели смешно. Как сказки и преувеличения. Во всяком случае, былое величие не помогло Рейнснесу, особенно теперь, после смерти Андерса и отъезда в Америку Фомы и Стине. Кажется, это

было в семьдесят девятом? В тот год, когда закончили строить верфь?

Вениамин Грёнэльв не мог позволить своей жене и больной дочке томиться в пустом Рейнснесе, тогда как сам он был окружным врачом в Страндстедете. Это все понимали.

Олаисен говорил, что теперь в Страндстедет приезжает много народу. Среди них были даже двое русских и один финн. Не считая молодых парней из Вестланда и Хельгеланда. А также девушек из Стейгена и Лофотенов. Приезжали люди и из средней части страны. Все комнаты в домах и все домишки были забиты приезжими.

Новое время — это новые дороги и новые возможности, говорил Олаисен. Жители долин, перебравшиеся сюда со своим скарбом и поднимавшие целину на северных склонах, тоже брались в расчет. Как и все остальные, они покупали в Страндстедете обувь и муку. Рейнснес существовал только для мертвых. Скоро единственными животными там останутся мыши и муравьи.

Но «Гранд Отель» процветал, так говорил управляющий банком. Фру Дина недавно внесла крупную сумму на свой счет в Сберегательном банке Страндстедета. Какую? Нет, нет, он должен сохранять конфиденциальность!

А вот адвокат точно знал, что доктор Грёнэльв, безусловно, получил помощь от своей матери, когда расплачивался за дом старого доктора. Адвокат никому не сказал об этом, кроме редактора газеты, однако каким-то образом это стало известно многим.

Пришли все. Богатые и бедные, молодые и старые. Знатные и незнатные. На всех столбах и стенах домов были расклеены афиши. Добро пожаловать, все вместе и каждый в отдельности! Вход бесплатный!

Жителей Страндстедета ни в коем случае нельзя было назвать сбродом. Это селение возникло потому, что нашлись люди, у которых было чем торговать. Торговля здесь стала главным делом. Купля и продажа. Чем занимались бедняки, чтобы поддержать свою жизнь, было несущественно. Пусть радуются, что живут.

Люди сидели на стульях и стояли вдоль стен. Все окна были открыты — от такого множества народу было жарко, как от нескольких кафельных печей. Легкие белые шторы надувались над подоконниками, как будто паруса.

На одном из почетных мест впереди всех рядом с Олаисеном сидела Сара. Она слышала, как он сказал Анне и Дине, что Ханне, к сожалению,

нездоровится. В известном смысле так оно и было. Но Саре не хотелось сейчас думать об этом.

Ее глаза не отрывались от большого коричневого рояля в конце комнаты. Он был открыт. И показывал всем свое тайное нутро.

Тонкая палочка держала крышку. Казалось, что она вот-вот упадет на руки или на голову тому, кто окажется поблизости. На стуле, почти скрытом пальмой, сидела Анна в небесно-голубом бархатном платье. Ей предстояло торжественно освятить новый рояль.

Сара вспомнила, как в Рейнснесе сама училась играть на пианино. Но у нее не было возможности упражняться сколько нужно. Всегда что-нибудь мешало. Когда же в Рейнснес приехала Анна, Сара поняла, что никогда не научится играть, как она. И забросила занятия.

Теперь в ее обязанности входило ухаживать за Ханной и двумя малышами. Она не жаловалась, потому что ни в чем не нуждалась. И радовалась, что она не Ханна. Иногда ей хотелось написать в Америку о том, что творится в доме. Но к чему их огорчать? Они там наконец приобрели землю и обзавелись добрыми соседями.

Пробст с женой расположились в первом ряду. Они с улыбкой кивнули Анне. Она кивнула им в ответ, но даже не улыбнулась. К груди она прижимала ноты.

Пробсту нравилась приветливая докторша, которая сумела всех поставить на место. Трудно было забыть ее жалобы, и на ее письма приходилось отвечать.

Ему стоило труда убедить школьный комитет, что именно Анна должна преподавать в новой школе, а не тот финн, который больше наказывал детей, чем учил.

Однако лучшим в Анне Грёнэльв, по мнению пробста, было то, что она никогда не отказывалась петь в церкви, когда он просил ее об этом. Со своей кафедры он смотрел, как она стоит рядом с органом, и она казалась ему редким инструментом, нет, ожившей церковной фреской.

К сожалению, прихожане сидели спиной к органу и видеть ее мог только он.

Исполняя псалмы Петтера Дасса, Анна поднимала руки, и пробст невольно вспоминал святого Амбросия. Доброго, чистого и почитаемого.

Он заметил, что в те дни, когда Анна пела в церкви, прихожане совсем иначе слушали его проповеди. Словно она своим пением усмиряла стадо заблудших овец и открывала их души для Слова Божьего. Пробст с удовольствием слушал, как она играет в «Гранде», но ее истинным

призванием было служить посредником между людьми и Небом. Когда Анна пела в церкви, она славила Господа и… пробста.

В заднем ряду у стены сидела женщина, знавшая доктора Грёнэльва еще в ранней юности. Она пришла не слушать музыку, ей хотелось только взглянуть на него. Это была ее тайна. Никто бы не осмелился сказать, что она не любит своего мужа, упаси Бог, нет! Но ведь в том, что она смотрела на доктора, который, прикрыв глаза, слушал музыку, не было ничего предосудительного.

Она всегда приходила слушать, как играют фру Дина или докторша, — тогда там, как правило, был и доктор. И если она задерживалась, он здоровался с ней и расспрашивал о ее близнецах, которым помог появиться на свет.

Ей доставляло удовольствие хоть изредка видеть его темные ресницы. Длинные, лежавшие на щеках. Она смотрела сзади на его темный затылок и на плечи. Когда он поворачивался в профиль, она видела нос с горбинкой и гордый подбородок. Уголки губ у него всегда были приподняты. Нижняя губа немного выступала вперед. На одной щеке было углубление. Словно Господь хотел сделать на этом месте ямочку, но случайно забыл.

Она испытывала странную радость. Или это была грусть? Вот он беспомощно провел рукой по волосам. Как будто знал…

Адвокат, сидевший вместе с женой во втором ряду, думал больше о бесхарактерности доктора. Однажды в веселой компании адвокат даже сказал, что, уж коли на то пошло, доктор так любит лечить людей, что должен бы приплачивать за это удовольствие.

Легко быть самаритянином при такой состоятельной матери.

Жена адвоката не любила таких разговоров, так что он воздерживался от них в присутствии дам.

Адвокат отметил и новый костюм доктора, и его естественную небрежность. Нельзя сказать, чтобы его это не задело.

Несколько мужчин курили у открытых дверей. Пономарь рассказывал редактору, что доктор выступил в правлении местной управы и потребовал дополнительных средств для комитета по делам неимущих.

Редактор шепотом ответил, что доктор, несомненно, расположен к политике. Может, за ним стоят влиятельные люди? Например, фру Дина? Сам-то доктор не привык работать локтями. Хотя не все пробившиеся самостоятельно могут похвастаться светлыми головами. Пономарь с ним согласился. Но его больше пугала уверенность Олаисена в том, что он

сменит старого председателя управы на его посту.

Редактор уже знал об этом, но сказал, что по этому вопросу не было единого мнения. Пономарь разволновался и заявил, что многие не выносят Олаисена. Он слишком рвется вперед и не терпит возражений. К тому же он и сейчас обладает немалой властью. Есть риск, что он может все повернуть к собственной выгоде.

На это у редактора не оказалось собственной точки зрения. Пономарь должен помнить, благодаря кому редактор получил свое место.

— Вот именно! — достаточно громко сказал пономарь.

Он вдруг воодушевился и сказал, что профессорская дочка из Копенгагена лучше подошла бы в жены будущему председателю управы, чем копающаяся в своем саду вечно беременная Ханна Олаисен.

Редактор промолчал. Всему есть предел. Однако те, кто стоял поблизости, поняли самое главное и истолковали это по-своему. И уже в тот же вечер пошли слухи, что недалек день, когда доктор Грёнэльв станет председателем управы.

Управляющий банком скромно сидел у стены. Он пришел один, его жена часто хворала. Это был человек шестидесяти лет, знавший толк не только в банковских делах и вкладах.

Он обратил внимание, что в этот вечер на фру Дине было черное платье из матового шелка. При каждом ее движении возникали интересные тени. Глубокий вырез притягивал к себе взгляды. Даже тех, кого он возмущал, подумал управляющий банком. Лиф туго обтягивал грудь. От управляющего банком не укрылось, что корсета на Дине нет. Немного дерзко, но это ее дело. Ни кружев, ни украшений на платье тоже не было.

Зато рукава были схвачены круглыми резинками. Наверное, она позаимствовала их у доктора, чтобы рукава не задевали струн.

Длинные темные волосы с заметной сединой были зачесаны вверх и сколоты гребнем, напомнившем управляющему черепаший панцирь. Из-под края юбки виднелись матовые шелковые чулки.

Управляющий спокойно разглядывал формы, открытые глубоким вырезом. Закинув ногу на ногу, он осторожно подтянул брюки, чтобы они не жали; мысли его были заняты прошлым домашним концертом. Он ждал, чтобы фру Дина заняла свое место, склонилась над виолончелью и отдалась музыке.

Педер, юный брат Олаисена, стоял у двери, не зная, следует ли ему войти или остаться снаружи. Когда же служанка захотела закрыть дверь, он

предпочел войти внутрь.

Ему не с кем было здесь разговаривать и даже просто сесть рядом, но к этому он привык. Поскольку его мало интересовала погода, то и тем для разговора у него не было. Так уж повелось с самой весны, когда он приехал сюда из Трондхейма, где за счет брата окончил реальное училище.

Педер обратил внимание на дочь доктора, у нее были медно-каштановые вьющиеся волосы. Она сидела за пальмой вместе с докторшей. Сегодня она убрала волосы с лица и завязала их лентой.

Говорили, что она со странностями и иногда у нее случаются припадки. И что она постоянно, как лекарство, носит с собой черную Библию. На ней было белое муслиновое платье с длинной юбкой, она выглядела сердитой. А может, она всегда была такая.

Наконец фру Дина вышла к зрителям и приветствовала всех, кто пришел отметить прибытие нового рояля. Она рассказала о долгом морском путешествии, проделанном этим инструментом. Такое же путешествие в свое время проделала и она сама. Потом она рассказала о сыновьях Хенри Э. Стенвея, которые приехали в Гамбург из Америки, чтобы делать рояли.

Гамбург — хороший город, подумал Педер Олаисен. Там наверняка строят и корабли.

Те, кто раньше бывал в «Гранд Отеле» или слышал, как разговаривает фру Дина, и не подозревали, что она способна говорить так долго без передышки. В ней было что-то не располагающее к доверию.

Что-то пугало их в этой женщине, которая все бросила и, как говорится, исчезла в далеком мире. А потом неожиданно вернулась, купила гостиницу и половину верфи.

И то, что редактору, управляющему банком и пробсту она доверяла больше, чем женщинам, отнюдь не улучшало дела.

Адвокат догадывался, что поведение фру Дины своей необычностью раздражало людей низшего сословия, большинство находило его на грани дозволенного, а людям состоятельным оно казалось почти подозрительным. Это забавляло адвоката. Он жил в Страндстедете всего год, и теперь ему предстояло войти в хорошее общество.

Анна Грёнэльв подошла к роялю, села и обеими руками поправила юбки. Потом открыла ноты и объявила, что сыграет новеллетты для фортепиано Роберта Шумана, опус 21, номер 1. И с отсутствующим видом откинула голову назад.

У столяра сдавило горло, и он уже долго не мог избавиться от этого ощущения. Как будто красивая докторша выпустила злых духов. А потом принялась утешать их тихим перезвоном. Словно в вышине, на небесном своде ангел заиграл на арфе. Только для посвященных.

Но вдруг в музыке вспыхнула ярость. Откуда в докторше такая сила? Она как будто поднимала стропила или дробила камень в каменоломне. А эти внезапные паузы! Она застывала, а звуки среди стен продолжали жить своей жизнью. Словно колокольчики или эхо чего-то потустороннего.

И когда столяр думал, что опасность миновала, докторша кидалась сразу на черные и белые клавиши, словно речь шла о спасении жизни.

Ее пальцы мелькали, она дрожала, волосы упали на лоб. Небесно-голубая фигура сжималась и тут же распрямлялась снова! Она втягивала голову в плечи, точно ждала удара палки, но через мгновение голова гордо поднималась, словно торжествующая волна.

Откуда такая сила у этой хрупкой женщины, приехавшей из Копенгагена? Как ей удалось увлечь всех за собой? Подхватить и расшвырять, чтобы они, как обломки кораблекрушения, плавали в бурном море.

Столяр тихо закашлял в шапку, которую предусмотрительно прижал к лицу. Разве он виноват, что ему что-то попало в горло? Он сдерживался, пока у него на глазах не выступили слезы.

Замерли последние звуки, и воцарилась гробовая тишина. Никто не смел пошевелиться. Или начать аплодировать. Пока фру Дина не подала пример, спокойно и решительно.

Ее поняли. Люди отпустили все, что держали в руках, и восторженно захлопали в ладоши. Их рукоплескание передалось фарфору в шкафах и графинам в буфете.

Анна встала и низко поклонилась, опустив руки. Один раз, другой. Но рукоплескания продолжались. Никто не хотел первым опустить руки, хотя фру Дина уже давно их опустила.

Наконец фру Дина встала и с улыбкой сказала, что концерт еще не окончен и что сейчас Карна будет петь под аккомпанемент Анны.

Педер Олаисен смотрел на девочку, которая встала рядом с роялем и сложила на животе руки. Она расставила ноги, как моряк на палубе, а докторша объявила, что они сейчас исполнят две песни Шуберта — «Слепой мальчик» и «Форель». Она сказала даже, кто написал слова к этим

песням, но Педер этого не запомнил. Он видел только фигуру у рояля. Засунув руки в карманы, он прислонился к стене. Это была его любимая поза.

Она была еще девочка. Два небольших холмика поднимали лиф платья. И все-таки было в ней что-то почти старушечье.

Педер никогда не задумывался, любит ли он пение. И слов он не понимал, хотя в свое время честно учил немецкий. Но бледное сердитое личико, окруженное копной медных волос, казалось ему самым прекрасным из всего, что он видел.

Голос звучал мягко, почти как смех, и совсем не соответствовал сердитому лицу.

У Педера стеснило грудь. Стеснение росло, он с трудом глотал воздух и смотрел. Глотая и смотрел.

Опомнился он, лишь когда снова раздались рукоплескания.

Фру Дина села, зажав коленями виолончель, и объявила, что они с Анной продолжат концерт сонатой Брамса для виолончели и фортепиано, первая и третья части. Между частями просьба не хлопать.

После этих слов даже тот, кто не понимал этого раньше, теперь понял, что слушать музыку, исполняемую на рояле и виолончели, совсем не то, что слушать шарманку или бродячих музыкантов.

Тут следовало подчиняться другим законам. Соблюдать другие правила. Нельзя было не вовремя выражать свой восторг. Или обожание, как делают спасенные души, когда заезжий проповедник скажет «аминь!». Следовало ждать, когда выбранное произведение будет исполнено до конца.

Длинным оно окажется или коротким, это была тайна. Оставалось только затаить дыхание и ждать, пока кто-нибудь знающий не начнет аплодировать, чтобы потом с облегчением внести и свою лепту в общие аплодисменты.

Но даже тот, кто, не без напряжения, разумеется, делал что нужно и когда нужно, насторожился при первых звуках.

Фру Дина склонилась над виолончелью, и уголки губ у нее опустились. Она напоминала быка, который, опустив голову, приготовился к нападению.

Вступил рояль, инструменты с обоюдным спокойствием сопровождали друг друга. Словно очищались от скорби. С первого взмаха смычка людей захватила внутренняя сосредоточенность Дины. Ее тело подчинялось ритму музыки. Смычок был продолжением руки, как ветка. А можно было

сказать и так: Дина была рабом собственной руки. Она была прикована к мрачным, опасным звукам, поднимающимся из глубины виолончели.

И снова этот ритм, словно рождавшийся в ее сердце. Легкие взмахи, сила которых была невидима и неизъяснима.

Жену пробста охватил неподдельный восторг. От того, как Анна Грёнэльв за большим роялем следовала за виолончелью, даже не переглядываясь с фру Диной. Что она во всех поддерживала мужество, переплетая светлые звуки с грустными, мрачными.

Жена пробста даже подумала, что так же бывает и в жизни. Ведь и в жизни настроения и события переплетаются друг с другом.

Виолончель гремела, подобно ее мужу, пробсту, который, не говоря дурного слова, неожиданно впадал в гнев, как, например, сегодня утром. Гремела до тех пор, пока рояль не взорвался протестом, устав от мрачной тирании виолончели. И гнев в диалоге сменился мелодичным спасением.

Слушая музыку, жена пробста поняла, что в гневе мужа на то, в чем не было ее вины, не таилось злого умысла. Она поняла даже больше. Сегодня утром она имела право защитить себя ответным ударом.

Бог и ей тоже дал голос. Ее совесть была бы чиста, если бы она потеряла терпение, когда ее муж забыл о справедливости.

Напротив. Она была тем инструментом, который Господь поставил рядом с пробстом, дабы вразумлять и направлять его. Она тоже имела право быть услышанной. Совсем как голос рояля.

Когда Дина и Анна закончили свое выступление «Любовной песней» Брамса, жене пробста показалось, будто разногласия снова вернулись к ним. Что вместе с кровью они дошли до сердца. А вместе с ними пришли очищение и прощение, которых она так жаждала, не смея молиться об этом.

Глава 2

Докторский дом был белый, с зелеными наличниками. Он стоял на холме среди четырех рябин поодаль от других домов. В нем было три двери, на одну больше, чем в Рейнснесе. Папин кабинет на первом этаже имел отдельный вход. А в остальном, как казалось Карне, в нем не было ничего особенного. Он не был похож на Рейнснес.

Из ее комнаты во втором этаже было видно море. Но сперва ее глазам приходилось пробежать по полям, покрытым снегом или заросшим конским щавелем, мимо трех ветхих хлевов, двух низких, серых,

необшитых домишек и нескольких безобразных лодочных сараев.

Берега здесь были пустынные. Каменистые и бурые от вонючих морских водорослей. Песка из ракушек тут почти не было. Вначале это сердило Карну. Потом она просто перестала ходить на берег. Они жили здесь уже четыре года, и она даже забыла, что берег может быть белым.

И вспоминала об этом, только приезжая в Рейнснес. Она до сих пор плакала, когда их лодка приближалась к Рейнснесу или, напротив, удалялась от него. Папа и Анна уже перестали утешать ее. Они просто ждали, когда она вытрет слезы, чтобы заговорить с ней.

Когда Карна в первый раз увидела Рейнснес после их переезда в Страндстедет, у нее случился такой сильный припадок, что она не помнила, как ее перенесли из лодки на берег и отнесли домой. Очнувшись, она долго никого не узнавала.

Лишь поздно вечером она узнала Анну. Анна сидела у ее кровати и говорила, что во всем виновата только она. Ей даже хотелось вместе с Карной снова поселиться в Рейнснесе. Но обе понимали, что это невозможно.

На другой день папа позвал Карну к себе и сказал, что ей нужно сопротивляться таким тяжелым припадкам.

— Используй лучше силы на то, чтобы привыкнуть к Страндстедету. Мы будем жить там, это решено!

— Почему ты со мной такой злой? С другими больными ты таким не бываешь! — возмутилась она.

— Ты не больна! Но ты зря тратишь силы на что не следует!

— Значит, у меня нет права на припадки?

— Ты должна пытаться противостоять им!

— Вот уж не думала, что ты такой глупый! — Карна заплакала и сказала, что перед следующим припадком уйдет из дома и они никогда не найдут ее.

Анна схватила папу за руку. И сжала ее так крепко, что пальцы у нее побелели.

— По-моему, глупый человек хуже девочки, у которой бывают припадки! — сказала она.

Карна слышала через дверь гостиной, как они говорили о ней, думая, что она уже спит. Анна еще сердилась на папу и говорила, что он глупо ведет себя.

— Я должен испробовать все. Вдруг мне удастся заставить ее напрягать силы и противостоять припадкам?

— Это невозможно, — сказала Анна.

— Припадки зависят от мозга. Кто знает, может, и получится.

— Но нельзя перекладывать вину на нее.

— А как еще мне добиться своего?

Анна засмеялась. Потом папа. Хорошо, что они не поссорились из-за нее.

Потом Карна думала о словах папы. Он считал, что это зависит от ее сил и желания. Он, как и профессор, думал, что у нее в голове какой-то дефект, только боялся прямо сказать об этом.

Стине говорила, что Карна должна носить с собой Библию, а папа говорит о силе. Ей все уже надоело. Почему она не может жить, как живут все люди? Не может избавиться от этих припадков?

Карна хорошо помнила, как было, когда они заговорили о переезде, хотя тогда она была совсем маленькая. От одного слова «Страндстедет» у нее начинал болеть живот.

В Страндстедет ездил папа, когда уезжал из дому. И тогда лицо у Анны серело. В Страндстедете бабушка была так занята своими делами, что почти перестала приезжать в Рейнснес. В Страндстедет Анна взяла ее, когда пришла пора ходить в школу.

До переезда она не была знакома с детьми, они всегда ждали, что у нее случится припадок. Им это было занятно.

При Анне дети с ней разговаривали, но, стоило Анне уйти, они начинали пялиться на Карну. Может, по ней видно, что у нее в голове какой-то дефект?

Она утешалась, плохо думая о Страндстедете. Люди там злые. Дома почти все некрашеные. У детей из носа текут сопли. Дороги такие грязные, что во время дождя приходится прыгать с камня на камень. Ни у кого из знакомых, кроме пробста, нет стеклянного шкафа с книгами. По мере надобности она вспоминала и многое другое, но потом снова забывала.

Переезд, собственно, начался в тот раз после Рождества, когда папа вдруг сказал, что у него приемный день. Анна рассердилась, но не стала серой и несчастной. Напротив, она покраснела и гневно обрушилась на папу. В конце концов она крикнула ему, нервно ходя по комнате:

— Пусть на этот раз обойдутся без тебя! Слышишь?

— Это невозможно! — тихо сказал папа и кивнул Бергльот, чтобы она вышла из комнаты.

— Карна, будь добра, принеси мне «Журнал по практической

медицине». Он лежит у меня на ночном столике.

Анна поникла.

Карна решила принять сторону Анны, хотя и понимала, что прав папа.

— Не принесу! — сказала она.

Папа с удивлением поглядел на нее. Потом пригладил волосы и повернулся к Анне.

— Ты настраиваешь ребенка против меня! — сказал он ледяным тоном, словно хуже Анны никого уже не было.

— Ты не должен так говорить с Анной! — крикнула Карна, в которой проснулось чувство протеста.

Папа подошел и, словно щенка, схватил ее за шкирку.

— Сидеть! — приказал он ей, как собаке.

Потом сел сам.

— Анна! Карна! Ради Бога, давайте не будем ссориться! А то я не смогу жить.

Анна заплакала.

— Прости меня! — проговорила она и выбежала прочь.

Вскоре она вернулась с журналом и положила его в папин чемоданчик. Она больше не плакала.

Пока ее не было, папа ни разу не взглянул на Карну.

Вскоре он уехал, не позволив ей проводить себя до лодки.

Но после того дня было решено, что они переедут в Страндстедет.

До переезда Карна думала, что во всем виновата бабушка. Хотя и знала, что они переезжают потому, что папа получил должность окружного врача и должен постоянно жить в Страндстедете.

Но что-то происходило и с Анной. Она стала почти прозрачной. Особенно после Рождества, когда все гости разъехались. И папа тоже.

Анна бродила по дому в двух шалях и без конца спрашивала:

— Бергльот! Тебе не холодно?

Бергльот приносила уголь, дрова и все время топила печи.

Вокруг дома, в котором жила Стине, сугробы выросли выше окон. Даже кошка не желала выходить на мороз и начала гадить по углам.

В один прекрасный день собрала свои вещи и Бергльот. Она будет помогать бабушке в гостинице. Бергльот не могла устоять перед двумястами крон в год, бесплатным питанием и жильем.

С тех пор как бабушка приехала, все, один за другим, покидали Рейнснес. Карна решила, что виновата в этом бабушка.

Но однажды в «Гранде» она поняла, что бабушке сопутствует радость. Анна смеялась, приезжая к ней. Они втроем играли и пели.

В тот день, когда папа приехал в Рейнснес и сказал, что им осталось только сложить вещи и отправиться в путь, Карна забыла все, что она думала про радость. В своей комнате она смяла красное платье в комок. Оно было такое мягкое, но сегодня ей было все равно. Она бросила платье под кровать.

Ночью Карна проснулась оттого, что платье жгло ее сквозь тюфяк. Тянуло к ней свои красные руки. Карне пришлось встать и вытащить платье из-под кровати.

Она взяла его с собой в постель. Прижала к себе. От него пахло той бабушкой, которая когда-то приходила на чердак.

Лежа в кровати и прислушиваясь к шуршанию вьющихся роз по стеклу, Карна вдруг вспомнила, что именно бабушка привезла в Рейнснес радость. Потом она забрала ее с собой в Страндстедет. Неудивительно, что Анна стала такой грустной.

Но если радость была с бабушкой в Страндстедете, значит, и Карна тоже сможет жить там?

Конечно, Анна это понимала. Уже на другой день, после того как они узнали о предстоящем переезде, Анна взялась разгребать снег и расчистила дорожку от дома до берега.

Вернулась в дом она уже не серой, а похожей на раскрашенного фарфорового ангела, что висел на елке.

Служанка напомнила ей, что тринадцатый день Рождества давно миновал и пора бы вынести елку, но Анна сказала:

— А мы оставим ее до Пасхи. Все равно мы уедем отсюда!

Испуганная служанка ушла на кухню и закрыла за собой дверь. А Анна села за пианино и до вечера играла и пела пасхальные гимны.

Однажды во время сборов, когда кругом царил беспорядок, Карна проснулась ночью от коликов в животе. Они начались у нее, потому что она во сне рассердилась на бабушку. Но что там было еще, она не помнила.

Пытаясь сбросить с себя остатки сна, она почувствовала приближение припадка. Должно быть, она встала с кровати и, падая, ушиблась головой, потому что очнулась на полу и у нее сильно болела голова. Язык еще не слушался ее, и она не могла позвать Анну или папу.

Через закрытое окно к ней вошла Стине. Она села на стол и, болтая ногами, смотрела на Карну.

— Ты забыла, что я велела тебе читать Библию?

В комнате было холодно. Печка давно остыла. Карна попыталась ответить, но не смогла.

Стине спрыгнула со стола, чтобы помочь ей подойти к книжному шкафу. Руки у Стине были добрые, хотя сама она была в Америке.

Карна никак не могла подняться, чтобы открыть шкаф, но Стине поддерживала ее. И голос звучал очень внятно.

— Они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо! — сказала она по своему обыкновению.

Наконец Карна смогла открыть шкаф. И сразу увидела в темноте Библию. У нее в руках Библия ожила.

Большие буквы стояли на страницах так же, как в ту пору, когда папа был маленький и в этой комнате жила матушка Карен. Карна прочла многие книги Библии. Одни — сама, другие ей читала вслух Анна. Любимые книги Карна читала и перечитывала.

Когда она была совсем маленькая, ей разрешали только смотреть на книги через стекло. Она помнит, как садилась на корточки и на холодном стекле оставались следы от ее пальцев.

Некоторые книги были живые, они дышали. Это те, у которых на корешке и на углах была настоящая кожа. Как у Библии. Карна часто думала, что кому-то пришлось умереть, чтобы отдать свою кожу библейским историям.

Встречаясь глазами с коровой или с лошадью, она видела, что именно с их глаз и начались эти истории.

В Страндстедете книжный шкаф поставили в гостиной. Так здесь было принято. Шкаф принадлежал всем.

Глава 3

Дина любила поговорить наедине с Педером Олаисеном. Этого молодого человека можно было использовать на любых работах. Он мог быть каменщиком, кузнецом, счетоводом и даже артельным на рыбацкой шхуне. Кроме того, он был неплохим посредником, когда среди рабочих возникало недовольство.

Педер был неразговорчив. Поэтому взрослые мужчины бывали поражены, слушая, как Педер коротко и ясно излагает, как им казалось, их собственные мысли.

Олаисен со временем оказался так завален работой, что даже пожаловался Дине, что ему приходится на все нанимать людей.

У Педера были почти такие же белые зубы, как у брата, но в остальном между ними не было большого сходства.

Однако Дину, по-видимому, больше интересовало не сходство братьев, а различие между ними. Чем больше она узнавала Педера, тем лучше понимала, что и голова Педера устроена не так, как у брата.

Вилфред любил разглагольствовать, приподнимаясь на носках и опускаясь на пятки так, что его светлая шевелюра взлетала в воздух, Педер же серьезно слушал собеседника, поглядывая на него из-под упрямого светлого чуба. Иначе, впрочем, и быть не могло, принимая во внимание его юный возраст.

Хотя Педер, как и Вилфред, родился на далеком островке, где, по общему мнению, могли гнездиться только бакланы и чайки, он уже окончил реальное училище в Трондхейме. И за годы его отсутствия Вилфред обнаружил, что не может обходиться без Педера.

Педер хотел стать инженером. И чтобы собрать деньги на учение, брался за любую работу у своего влиятельного брата.

Сперва он жил у Вилфреда бесплатно. Но только до той поры, пока Вилфреду не показалось, будто Ханна чересчур внимательна к Педеру. Тогда он попросил брата перебраться в комнатушку за кузницей. Она была такая крохотная, что Педеру пришлось укоротить кровать и спать почти сидя.

Но он не жаловался. Вряд ли он был недоволен, оказавшись вне пределов внимания и поучений Вилфреда. Куда тяжелей была для него мысль о колотушках, которые, как он знал, выпадали на долю Ханны.

Вилфред унаследовал некоторые качества их отца. В свое время, когда Педер жил на острове, ему доставалось от них обоих. Чтобы уберечь

голову, он научился простому правилу. Оно заключалось в том, чтобы стараться избежать наказания и не оказывать сопротивления.

К счастью, могучий кулак отца покоился сейчас в могиле. А Вилфред был подобен стихии. Никто не знал, когда грянет буря. Про нее было известно одно: она утихнет сама. До другого раза.

Застенчивость не позволяла Педеру смотреть на Ханну, пока его брат не распустил руки. Потом они с ней оказались в одной лодке. Он видел, что Ханна красива, хотя она часто ходила в синяках и избегала людей.

С Сарой, напротив, Педер мог не стесняясь переброситься парой слов. Она была хромая, и потому он знал, что она не станет над ним смеяться.

В день переезда от брата досталось только Педеру. Дома никого не было, и он помог Ханне передвинуть в спальне комод. Как раз в это время пришел Вилфред.

Педер отнесся к гневу брата как к стихийному бедствию. Обижаться на него было бесполезно. У человека, который копит деньги, чтобы выучиться на инженера, нет на это времени. Он только старался не сталкиваться с Вилфредом.

Но теперь он задумался над тем, каково живется Ханне.

Однажды Дина явилась в контору верфи после того, как Олаисен и работники разошлись по домам.

В мастерской ей бросилась в глаза табуретка, на которой стояла чашка кофе и лежал кусок хлеба. В углу, спиной к ней, Педер старательно мылся в бочке с водой. Она быстро прошла мимо и поднялась в контору.

Через некоторое время она спустилась и заговорила с Педером, не подавая виду, что видела его. Сказала, что пришла за месячными счетами, которые для нее оставил Олаисен. Так уж сложилось, что счетами ведает она, хотя право подписи принадлежит ему.

Педер кивал и, прищурив один глаз, разглядывал только что выкованный болт. Он уже надел рубашку, почти чистую.

Дина подошла к нему.

— Ты и в нерабочее время занимаешься болтами? — спросила она.

— Меня никто не заставляет. Они уже готовы. Завтра утром смогу заняться чем-нибудь другим.

Она посмотрела на болт.

— Ты учился на кузнеца?

— Смотрю, как работают другие, — скромно ответил он.

Она помолчала.

— Почему ты больше не живешь у брата?

Он вскинул на нее глаза:

— Мне и здесь хорошо.

— Но не так, как дома?

— Нет, здесь тоже неплохо.

Он отвернулся и положил болт на место.

— Так лучше для всех.

— Это имеет отношение к тому, что Ханны не было на концерте? Ее вообще две недели никто не видел.

В светлых глазах Педера мелькнуло смущение. Потом он молча кивнул.

Когда Дина купила гостиницу, оказалось, что в придачу ей досталась и вдова прежнего владельца.

Олаисен предупредил Дину, что от этой женщины будет больше неприятностей, чем пользы, но Дина определила ее на кухню. Сначала вдова была покладиста и держалась почти подобострастно.

Но вскоре выяснилось, что она еще не поняла, кто теперь хозяин гостиницы.

— Нет, мы всегда делали только так! — заявляла она, полагая, что больше говорить не о чем.

Она считала, что на этой сделке они с братом проиграли, и это все осложняло. Одно дело — владеть гостиницей, и совсем другое — печь хлеб в арендованной пекарне. На ее жалобы брат отвечал словами, которые давали ему некоторое преимущество:

— Подпись, поставленная в трудную минуту, изменила жизнь не одного бедняка.

Пекарь был вынужден смирить свою гордость и терпеть недовольство сестры.

Дина, напротив, не обладала его терпением.

Однажды, спустившись в столовую, она застала вдову препиравшейся с браковщиком рыбы из Бергена, который хотел, чтобы ему на завтрак приготовили яичницу с беконом.

— Мы здесь такого не готовим, это слишком дорого! — решительно заявила вдова.

Дина холодно попросила ее пойти на кухню и приготовить гостю яичницу, а сюда прислать официантку.

Тут выяснилось, что официантку вдова рассчитала.

Дина увела ее в буфетную.

— Значит, вы хотите работать не только на кухне, но и быть буфетчицей?

Никто никогда не осмелился назвать фру Улесен буфетчицей! Она убежала на кухню и там разрыдалась от оскорбления.

Но тот, кто полагает, будто слезы женщины означают покорность, пребывает в заблуждении относительно женщин. Дина на их счет не заблуждалась.

Гость, конечно, получил яичницу с беконом, но во время ее приготовления вдова разработала план, как нанести фру Дине достаточно ощутимый удар.

Целую неделю ходили слухи о привычках фру Дины и ее не самых достойных качествах, о ее транжирстве и мании величия, пока наконец они не достигли ушей Дины.

Сперва ей кое-что рассказала Сара. Она уже давно завела хорошие отношения со всеми, с кем их полезно было иметь.

Рют Улесен, вдова, должна была немедленно покинуть гостиницу.

— Так-то вы чтите память моего мужа! — вскричала она.

— Я не знала вашего мужа. Я просто купила гостиницу. Это была обычная сделка. И я намерена держать обслуживающий персонал, который будет заботиться о репутации гостиницы и удобстве наших постояльцев, — ответила Дина.

— А что же будет со мной?

— Посоветуйтесь об этом со своим братом. И научитесь держать язык за зубами! Я не намерена терпеть у себя людей, которые распускают сплетни. Дело любит порядок.

Наверное, еще ни одна женщина, будь то дама, служанка или распутница, не говорила так с другой женщиной. Вдова многое присочинила от себя и рассказывала всем, кто был готов ее слушать, что Дина из Рейнснеса так возомнила о себе, что не терпит у себя на службе людей, которые, по ее мнению, не понимают, что дело любит порядок!

Это выражение прижилось и стало поговоркой, которой пользовались по самому любому поводу. Все понимали, что пошли эти слова из бухгалтерии. Но, помимо этого, они подходили и к другим случаям — от необходимости силой поддерживать порядок в доме до умения расколоть кусочек сахара поровну на двоих так, чтобы третий даже не заметил, что вообще что-то кололи.

Мужчины пользовались этой поговоркой между собой, когда неожиданно выяснялось, что их жены с помощью только им известных уловок нарушали запреты мужей и добивались того, чего хотели.

Но у Дины в Страндстедете появился враг. И врагом этим был брат вдовы, пекарь, который пек хлеб в подвале «Гранда».

Очевидно, Дина знала, что против одного врага полезно иметь не меньше десятка союзников. Поэтому она пригласила к себе самых состоятельных людей Страндстедета. На первый раз с женами.

У молодого телеграфиста была слишком маленькая фуражка и слишком большие уши. Но по-своему он был даже неглуп, потому что о принятых и отправленных им телеграммах рассказывал только избранным.

Другой, с кем полезно было иметь доверительные отношения, был редактор местной газеты, старый холостяк, которому по этой причине никто не мешал думать о нескольких вещах одновременно.

Эта доверительность проявлялась не столько в светском общении, сколько за шахматной доской, когда игра в шахматы была приправлена пуншем. В такие вечера по «Гранду» распространялся запах сигар.

Главным, однако, были не шахматная доска и уж тем более не пунш. Игра проходила не в молчании, как предпочли бы заядлые шахматисты. Но разговор был тихий и полезный для обоих играющих.

Редактор засиживался в личной гостиной Дины Грёнэльв при закрытых дверях иногда даже за полночь, и это могли бы счесть нарушением хорошего тона, но люди как будто ничего не замечали.

Потому что, во-первых, все происходило открыто. Во-вторых, редактор был не тот человек, которого можно было заподозрить в плотских слабостях и в том, о чем говорить не принято. А в-третьих, состоятельные люди имели право на неприкосновенность.

Сила и положение редактора были всем очевидны. Сплетничать о нем было неблагодарным делом. Редактор знал то, что было неизвестно телеграфисту. Это уже не раз подтверждалось. Ему было достаточно написать одну фразу в небольшой заметке, и неосторожный сплетник был бы опозорен и уничтожен.

Положение Дины было менее определенным. Но того, кто видит людей насквозь, следует опасаться. Если только тебя не оскорбили, как вдова Рют Улесен. Та делилась своими наблюдениями на почте и на базаре. А то и на пристани, где ветер подхватывал ее слова, и они становились всеобщим достоянием, прежде чем человек успевал повернуть голову.

И только одного человека беспокоили шахматные партии Дины и редактора, а именно отца и благотворителя газеты Вилфреда Олаисена.

Узнав о шахматных партиях, он как-то раз сказал редактору после очередного совещания:

— Я слышал, вы вчера вечером играли в шахматы с моей компаньоншей?

— Кто вам это сказал? — поинтересовался Улюф Люнг, схватил шляпу и ушел, не дожидаясь ответа.

Одно то, что находившийся у него на службе редактор проявил невежливость и не дождался ответа, неприятно подействовало на Вилфреда Олаисена. Он отправился на верфь и целый час мерил шагами контору от окна до письменного стола.

Но он был не из тех, кто долго таит зло. Через час ему стало ясно, что он хочет научиться играть в шахматы.

Придя домой, он сказал об этом Ханне. Она не одобрила такого желания, однако и не отвергла его, но сказала, что для игры в шахматы требуются два человека. Даже Ханна знала, что редактор его собственной газеты играет с фру Диной в шахматы с глазу на глаз!

Но Олаисен никогда не забывал о деньгах. О больших деньгах, которых, по его расчетам, у фру Дины было еще немало.

Он смирился и сосредоточил свое внимание на тех, кто обладал достаточным влиянием, чтобы помочь ему стать председателем местной управы. К ним относился управляющий банком, который ссудил его деньгами на строительство верфи. Телеграфист, намекавший, что у фру Дины денег больше, чем она говорит. И, возможно, старый председатель.

Олаисен несколько раз говорил об этом Ханне. Все станет на свои места, если его выберут председателем управы. Он нужен Страндстедету. Сейчас Страндстедетом правят старцы, не видящие дальше своего носа.

Разве сама фру Дина не сказала ему однажды: «Вы должны стать председателем, Олаисен!»?

И разве в Страндстедете не забывают, что фру Дина — женщина, как только она начинает говорить о делах? И разве они с фру Диной не компаньоны?

В своих отношениях с Вилфредом Олаисеном Дина строго отделяла деловое от личного. Деловые разговоры происходили в конторе, и только там. В присутствии Ханны, посторонних и в обществе она держалась в определенных рамках. И тем не менее ей удалось составить себе вполне определенное мнение о том, что представляет собой механизм, называющийся Вилфредом Олаисеном.

Она привлекла на свою сторону Сару. Ни в частных беседах, ни в деловых разговорах она не считала нужным напоминать Олаисену о том, что случилось с Ханной в старом кабинете Вениамина. Но когда стало известно, что Ханна снова ждет ребенка, Дина единственная не поздравила Олаисена с этим событием.

Союзники Дины не всегда были столь явными, как редактор Люнг. Правда, не всегда явными были и ее враги. Довольно было шума, поднятого оскорбленной вдовой. Но и паутина, сотканная по темным углам каким-нибудь обиженным подхалимом, тоже ловила доверчивые души в свои сети.

Чтобы узнать новости, было полезно угостить иногда чашечкой кофе помощника пекаря, когда он развозил хлеб на своей тележке. Время от времени Дина так и делала.

Помощник Малвин начинал день, когда у добрых людей была еще ночь. Он знал всех выходивших по ночам на охоту. Кем бы они ни были, хлеб требовался и им.

Глава 4

Однажды Карна услышала, как папа с Анной говорили о ней. Дверь из прихожей в гостиную была приоткрыта. Сама Карна о чем-то задумалась, стоя на лестнице.

— Карна хорошо учится. Но этот ее недостаток… — сказала Анна. — Не думаю, что ее одну можно будет отправить в женскую гимназию в Тромсё.

— Поживем — увидим. До этого еще несколько лет, — ответил папа.

Карна поняла, что они говорят про дефект у нее в голове.

Как можно тише она вернулась на второй этаж — ведь она знала, что слезы тут не помогут. Тем более что Анна не имела в виду ничего плохого.

И все-таки с удовольствием вспомнила, что Анна два раза сфальшивила, когда освящала рояль.

Бабушка сказала, что Анна играла как никогда. Так, наверное, и было. Но во время быстрого пассажа в третьей части Брамса Анна допустила ошибку! Бабушка не могла этого не слышать! И тем не менее решила, что на концерте должна играть Анна, а не Карна.

Неужели бабушка стыдилась припадков Карны?

— В следующий раз, — пообещала бабушка. — Ты разучишь программу и будешь ее играть. Это будет твой концерт!

Но это было уже совсем другое дело.

Анна ошиблась! И потому что она сама тяжело переживала свои ошибки, Карна не могла укорить ее. Но ведь Анна знала, что эта ошибка не укрылась от Карны.

Несколько дней Анна болтала с ней о всякой всячине. Они играли на пианино и пели. Может, потому, что у Анны, кроме Карны и бабушки, здесь никого не было? Папа в счет не шел, он принадлежал всем.

Часто Анна говорила о вещах, которых Карна не понимала. Иногда ей казалось, что Анне хочется иметь ребенка. Но спросить об этом она не решалась.

Еще как-то летом бабушка пригласила их к себе в «Гранд» на кофе, кроме них, был приглашен и Олаисен с семьей. Папа с Анной удивились, но ничего не сказали.

От Карны не укрылось, что Анна изменилась в лице, когда папа взял на руки младшего сына Ханны, — тот упал и ушибся. Сыновей у Ханны было трое. Двое младших — погодки.

Анна встала и предложила гостям блюдо с бутербродами. Странно. У бабушки для этого были горничные.

После ухода Олаисенов бабушка заметила, что Ханне, должно быть, нелегко приходится с такими малышами. Анна промолчала, как будто почувствовав себя лишней.

А папа сказал как-то чересчур весело:

— Еще бы, с такой-то компанией!

Бабушка оглядела всех и спросила у Карны, как ей и другим ученикам нравится новый учитель.

— Он рассказывает хуже Анны. Он только спрашивает у нас уроки.

Анна считала, что учитель преподает неплохо, но он еще слишком молод и у него мало опыта.

— По-моему, он добрый, правда, Карна?

Анна всегда защищала людей, которые ничем ее не обидели. В последнее время у Карны не раз появлялось желание перечить Анне. Неизвестно почему.

— Он знает только две песни и два псалма. И те поет фальшиво. А еще Эмму он назвал Эдной, а Бриту — Берит и рассердился, когда они ему не ответили.

— А что он делает, когда у тебя случается припадок? — спросила бабушка.

— Бежит в начальный класс за Анной. Однажды Анны там не оказалось, и один мальчик сказал ему, что меня не надо бояться.

— А ты? Что делаешь ты? — спросила бабушка.

— Стараюсь выглядеть так, чтобы они меня не боялись.

Бабушка засмеялась. Папа с Анной тоже. Хорошо, что они засмеялись.

Чуть позже Карна ненадолго вышла и, возвращаясь в столовую, услыхала, как они говорили про Олаисенов.

— Зачем ты их пригласила, когда знала, что придем мы? — раздраженно спросил папа.

— Иногда это необходимо, — ответила бабушка.

— Я не люблю этого человека…

— Но тебе придется встречаться с ним на заседаниях комитета по здоровью и комитета по делам неимущих.

— Почему?

— Он будет председателем управы.

— Это уже решено?

— Да.

— Но почему?

— Мне нужно, чтобы мой компаньон был председателем.

— Дина!

— Ты очень умен, Вениамин. Людям нужны такие, как ты. Однако сейчас мне нужен Олаисен. Поэтому председателем будет он.

Карна вошла в комнату, но они не обратили на нее внимания. Она видела, что папа рассердился, хотя он только молча пожал плечами.

— Как тебе это удалось, Дина? — с усмешкой спросила Анна.

— Я внушила нужным людям, что эта идея принадлежит им.

— Положив деньги в банк или играя в шахматы с редактором? — спросил папа и тоже засмеялся.

— Кто же хранит деньги в жестяной коробке! А редактор — неплохой шахматист. Кроме того, я верю в будущее Страндстедета.

— Но он погубил Рейнснес! — Папа уже не смеялся.

— Именно поэтому, — ответила бабушка. А погодя сказала: — Анна! Карна! День мы отдали преходящему. Но мне прислали из Христиании новые ноты, и потому вечер мы отдадим душе!

Папа сидел и слушал. Но не прикрыв глаз и откинувшись на спинку стула, как всегда. Он замер на краешке стула с таким видом, словно куда-то спешил.

И пока бабушка с Анной играли, а Карна пела «Плыву я по морю», она поняла, что папа очень одинок.

Карна легла, но вскоре снова встала. Думая о папе, она подошла к окну. Тревога мешала ей уснуть.

Это чувство было связано с сыновьями Ханны. Карна вспомнила, как Исаак объяснил ей, почему Олаисен избил Ханну. И ответ папы на ее вопрос: «Никто, кроме Олаисена, не может быть отцом Ханниных детей».

А позор? Что такое позор? Быть опозоренной куда хуже, чем быть бедной. Сегодня папа взял на руки ребенка Ханны. И Олаисен тут же перестал говорить об инженере и дороге на юг. А Анна без всякой нужды стала предлагать всем бутерброды.

Дома и ландшафт выглядели в тумане мохнатыми и ненастоящими. Карна вспомнила вид, открывавшийся из окна ее комнаты в Рейнснесе. За это время ландшафт за окном растворился и исчез. Анна тоже почти исчезла, когда папа посадил на колени маленького сына Ханны. Может, папа уже не видит Анну?

Он никогда не соглашался с бабушкой, но всегда сдерживался, как сегодня. Карна много раз это замечала. Папа и Анна таили свои мысли и никогда не говорили о них. Даже друг с другом?

По лицу у нее потекли слезы. Она не знала, кого ей больше жалко — их или себя.

К тому же все осложнялось переменами. Тело ее постоянно менялось. В последнее время оно стало как будто чужим.

В этом взрослом теле было что-то отталкивающее. Ей не хотелось становиться взрослой. Взрослые все время притворяются. Может, они только притворяются, что любят ее?

Анна иногда не скрывала своих чувств, говорила о них. Но не папа. Карне почему-то казалось, что это связано со Страндстедетом.

Может быть, папа больше не видит ни Анну, ни ее? Может, они стали как Рейнснес? Остались там? И никому нет до этого дела?

В ту осень Карна начала учиться в новой школе, помещавшейся в усадьбе пономаря. Она подружилась с девочкой по имени Биргит. Их дружба началась с того, что Биргит однажды упала и ушиблась, и Карна привела ее домой, чтобы папа вынул камешек, застрявший у нее в колене, как заноза.

Биргит жила на берегу возле верфи. Первым делом все обращали внимание на ее испуганные глаза и потом уже не могли вспомнить, как она выглядит. Узкое бледное лицо, волосы, напоминавшие желтую бахрому на бабушкиной летней шали, аккуратные косички.

Мать Биргит стирала у людей и вечно на что-нибудь сердилась. Но ее слова сами по себе не так пугали, как ее манера говорить, похожая на кошачьи мартовские вопли.

Биргит сжималась и мечтала исчезнуть, как только ее мать открывала рот. Но это не всегда было возможно.

Однажды Карне пришлось согласиться пообедать у Биргит — ведь Биргит часто обедала в доме доктора.

Она оказалась неготовой к тому, что за столом на нее будет коситься столько глаз. Два старших брата Биргит, ее родители. У всех были одинаковые голубые глаза.

Сначала они молчали. Передавали друг другу картошку и чистили ее, бросая шелуху на клеенку. Мать Биргит накладывала рыбу прямо из кастрюли, стоявшей на столе на плоском камне.

Их удивили ее разные глаза, а может, они ждали, что у нее случится припадок. Наверное, следовало сказать им, что сегодня у нее не будет припадка. Но она не сказала, потому что не совсем была в этом уверена.

Карна очистила картошку и сложила шелуху на край тарелки.

В это время мимо окна кухни прошла старая женщина, и мать Биргит плачущим голосом заговорила о ней, назвав ее Стеллой Пьянчужкой.

— Что-то она нынче поздно! — Мать Биргит скривилась, словно говорила о какой-то мерзости.

Биргит сжалась и опустила глаза. Карна решила, что ей надо помочь, и спросила:

— Почему поздно?

Все тут же снова уставились на нее.

— Она каждый день проходит мимо нас, — объяснила мать Биргит. — Ходит на верфь Олаисена и клянчит там уголь. Но ноги плохо ее слушаются.

— Да она просто пьяна! Ты что, не видишь? — засмеялся старший брат.

Он выскочил из-за стола, постучал в окно и погрозил старухе кулаком.

— Сядь на место! — рявкнул отец Биргит.

Но брат не обратил на это внимания. Он стал передразнивать, как старуха тащится с ведерком в одной руке и палкой в другой.

— Она потеряла дужку от ведра. У нее вместо дужки веревка! Ха-ха-ха! Погляди, какой у нее грязный фартук! Видишь? Она носит его и зимой, и летом. — Он засмеялся и весело поглядел на Карну.

— Наверное, она боится испачкаться, — предположила Карна.

Братья переглянулись.

Карна не могла больше есть — ни картошку, ни рыбу.

Мать Биргит говорила о Стелле Пьянчужке, словно та согрешила против Бога, надев фартук поверх шали и вязаной кофты.

— Почему никто не привез ей угля, чтобы ей хватило на зиму? — тихо спросила Карна.

Все перестали есть.

Отец Биргит открыл от удивления рот. Между зубами у него застряла рыба. Закрыв рот, он стал высасывать ее из зубов. Казалось, он хотел что-то сказать, но потом передумал. Вместо этого он подцепил ножом кусочек рыбы и отправил его в рот.

Никто не ответил Карне, и она поняла, что сказала глупость.

Анна всегда говорила, что обычная вежливость требует, чтобы человеку ответили на его вопрос. Ведь они могли сказать: «К сожалению, не знаем». Или: «Спроси об этом у кого-нибудь другого». Но они должны были ответить.

— Она так пьяна, что ходит в собственном дерьме, — сказала наконец мать Биргит и начала убирать со стола прежде, чем все кончили есть. — Ее следует посадить под замок! — продолжала она, отойдя к кухонному

столу.

— Неужели она так опасна? — спросила Карна и сама поняла, что голос у нее звучит не твердо.

— Нет, не опасна. Просто у нее не все дома! — ответил отец Биргит.

Он выразительно рыгнул и тяжело поднялся из-за стола.

После того дня Карна стала добрее относиться к Биргит. Она дарила ей на переменах глянцевые картинки и угощала печеньем. Но не понимала, делает ли она это потому, что ей жалко Биргит, или потому, что Биргит ей нравится.

Биргит, со своей стороны, попросила у учителя разрешения сесть рядом с Карной — место было свободно. Учитель разрешил, но напомнил, что у Карны иногда бывают припадки.

— Я не боюсь, — тихо сказала Биргит.

С тех пор они стали подругами.

Благодаря Биргит Карна увидела много странных людей. Мать Биргит состояла в обществе трезвенников. Поэтому Карна побывала и там. И узнала, каким проклятием является для людей пьянство. Именно за пьянство мать Биргит так не любила Стеллу Пьянчужку.

Карна поняла, что и в Рейнснесе, и здесь, у них дома, было достаточно этой проклятой отравы, не говоря уже о бабушкином «Гранде».

Взрослые пили вино, ром, коньяк и всякие другие напитки. Разница была только в том, что они были не бедные и не клянчили уголь. Анна, например, перед сном любила выпить бокал портвейна. Но Карна не сказала об этом Биргит.

Мать Биргит ходила слушать приезжего проповедника. Когда Карна рассказала об этом папе, он сказал, что уж лучше ходить в церковь. Но по будням в церкви не было службы, поэтому Карна пошла с Биргит к проповеднику.

Он собрал народ в гостиной у хозяина извозной станции. В гостиной было темно, тесно и пахло жареной рыбой. Но Карне там понравилось. Плюшевая обивка, кисти, цветы в горшках. Присутствующие смеялись, плакали и падали на колени. И пели!

Карна громко пела вместе со всеми и не сразу заметила, что вокруг нее вдруг перестали петь. Она тоже хотела замолчать, но не смогла.

Проповедник погладил ее по голове и сказал, что она очень красиво пела для Бога. Карне стало стыдно — ведь она пела не для Бога, а для себя.

— Карна всегда носит в сумочке Библию, — прошептала Биргит.

Проповедник оживился и захотел увидеть Библию. Карна бросилась к

двери и на бегу слышала, как проповедник спросил, кто эта девочка.

— Это Карна, дочь доктора. У нее падучая, — объяснил ему кто-то.

Проповедник запел «Славься, Господь», надеясь, что Карна вернется. Но никакие силы не могли бы заставить ее сделать это.

Два дня она дулась на Биргит из-за того, что та рассказала про ее Библию. Потом почти забыла об этом. Из-за посеревшего лица Биргит.

Через какое-то время она осмелилась снова пойти на молитвенное собрание. Хотела не петь. Но не смогла. Библию она с собой не взяла, и поэтому у нее в любую минуту мог случиться припадок. Впрочем, это не очень пугало ее. Тут люди то и дело падали на колени и извивались. Хотя папа и не назвал бы это судорогами. Многие плакали и говорили о грешных людях и о проклятии пьянства.

Глядя на них, Карна невольно думала о том, что они живут, свыкшись со своими грехами. Или, как мать Биргит, выискивают чужие. Мать Биргит верила, что находить чужие грехи труднее, чем бороться со своими. Ведь о чужих грехах мало что известно. А ее грехи всегда были при ней.

Карна раскрыла Библию Ертрюд и прочла, как грешники и пьяницы губят свои души — и раньше, и теперь. Это немного утешило ее. Оказалось, что Анна, папа и бабушка нисколько не хуже большинства людей, о которых говорилось в Библии.

Еще она прочитала о грехе, который был пострашней, чем убийство. И это было распутство. За распутство людей побивали каменьями. Теперь, правда, так не делают. Но никто, кроме Олаисена, не может быть отцом Ханниных детей.

Он обвинил папу в том, о чем нельзя было даже говорить. Поэтому Карна не любила Олаисена, хотя он всегда был добр и приветлив, когда они с бабушкой приходили на верфь.

Карна быстро поняла, что не всегда приятно общаться с теми, кто любит искать чужие грехи. Во всяком случае, с глазу на глаз. А вот на молитвенных собраниях все молились и кричали, перебивая друг друга. Это было некрасиво, но весело.

Дома, в которых Карна побывала вместе с Биргит, считались самыми бедными, но они были вымыты и выскоблены добела. В некоторых висели красивые картинки, изображающие, как Иисус останавливает шторм. Иисус был очень похож на Олаисена. Карне это не нравилось.

И ни в одном доме не было книг, если не считать катехизиса, сборника псалмов и Библии. Не было там и пианино.

Люди часто рассказывали о том, что делалось на верфи или у них за

окнами.

Карна поверила даже, что, кроме грехов Стеллы Пьянчужки, жившей в настоящей нищете, было важно, по-видимому, охотиться за грехами и других несчастных. Так что волей-неволей людям приходилось встречаться, чтобы вместе молиться, петь и падать ниц.

А вот на островах и в глубине фьорда люди были совсем другие. Карне случалось ездить туда с папой, и она знала, что там молятся и поют псалмы, только когда кто-то серьезно болен.

О грехах там не говорили. Там людей больше интересовало, о чем пишет газета и что решило правление местной управы. Кто приехал в Страндстедет и сколько пожаров случилось по вине поджигателей. И еще, конечно, там всегда говорили о рыбе.

Казалось, будто люди, жившие в маленьких селениях, состоявших из одной или двух усадеб, еще ничего не слышали о грехе. Бог не очень заботил их. Они говорили о нем, как об одном из своих детей. Так же говорила о Боге и Стине.

Карна считала, что грехи занимают только жителей Страндстедета.

Другая особенность Страндстедета заключалась в том, что здесь всех одинаково интересовали деньги. Большие и малые деньги тянулись за всеми делами, как хвост за мышью.

Бабушка тоже иногда говорила о деньгах. Но она не называла цифр. Она называла деньги «капиталом» или «прибылью». И никогда не говорила о них за столом.

Особенности Страндстедета Карна объясняла тем, что дома здесь стоят слишком близко друг к другу. Хотя места кругом достаточно. Каждый мог бы иметь изрядный кусок земли, отделяющий его от соседей. Или пусть даже не очень большой. Но дома почти касались друг друга.

Когда люди живут так тесно, они все знают друг о друге и им не о чем говорить, кроме как о грехе и деньгах.

После переезда в Страндстедет Карна мучительно тосковала по Рейнснесу. В первое лето, поддавая ногой камни, она порвала две пары туфель. В конце концов папа сказал, что ей придется ходить босиком.

Тогда она сняла туфли и несколько часов ходила босиком по каменистому берегу. Папе пришлось наложить ей повязки. Он бранился и чертыхался. Больше чертыхался.

— Я уйду домой, в Рейнснес, — сказала она ему.

— Ты не дойдешь. Это далеко.

— Зачем ты привез нас сюда? Я злюсь на тебя за это!

— Ты не злишься, ты просто горюешь.

— Как это?

Папа задумался и провел рукой по лицу, словно снял налипшую паутину.

— Когда я был такой же, как ты, я тоже горевал, когда мне что-то было непонятно.

Карна с ним согласилась.

Папа посадил ее на колени, покачал, подул в шейку.

— Наверное, все самое важное в жизни начинается с горя или кончается им. Радуйся, что к тебе оно пришло в начале — погорюешь и забудешь о нем. — Он подул ей и на пальцы ног.

Потом Карна часто вспоминала его лицо, когда он нагнулся к ее ногам и серьезно взглянул на нее.

Она даже подумала тогда: а такой ли он на самом деле?

Глава 5

За доктором пришла Сара. Маленького Конрада уже третий день лихорадит, он не узнает ни Ханну, ни ее.

У доктора только что поужинали. Вениамин пошел в свой кабинет, чтобы взять все необходимое. Потом надел пальто и вышел.

Летящий снег мигом побелил их. Кругом высились сугробы. Если бы не ряды домов, было бы трудно понять, где проходит дорога.

Несмотря на хромоту, Сара шла быстро, однако на подъеме она отстала. Вскоре она снова догнала Вениамина.

— Почему вы не послали за мной раньше?

— Ханна не хотела.

— Почему?

— Из-за Олаисена.

— Он возражал против того, чтобы доктор осмотрел больного ребенка?

— Не знаю. — Она задыхалась.

Они поднимались на холм по заснеженной дороге, ветер дул им в спину.

— Расскажи, что с мальчиком.

— Он тяжело дышит. Его лихорадит. И он кашляет, как старик.

— Когда это началось?

— Три дня назад, ему становится все хуже.

Вениамин пошел быстрее, но она не отставала.

— Как поживает новый председатель? — вдруг спросил он.

Сара ответила не сразу:

— По-всякому, то лучше, то хуже.

— Что значит хуже? — сквозь зубы спросил он.

— Лютует, как черт.

— Из-за чего?

— Последний раз из-за того, что Дина снова отправила Педера в Трондхейм и оплатила его учение. Он там учится ремонтировать паровые машины. И без разрешения Олаисена.

— Разве Олаисен не выкинул своего брата из дома?

— Он называет это иначе.

— И как же?

— Он говорит, что Педер должен научиться сам заботиться о себе.

Дине не стоило вмешиваться в жизнь этой семьи, подумал Вениамин. Теперь из-за этого страдают Ханна и дети.

— Он дома?

— Нет, на Лофотенах.

— Когда он вернется?

— Завтра утром.

— Почему вы сразу не позвали меня?

— Ханна боялась, что он тут же вернется.

Вениамин остановился и повернулся к Саре:

— Такое бывало?

— Да! — крикнула она, задохнувшись от ветра, и заковыляла дальше.

Ханна ходила по гостиной с задыхающимся Конрадом на руках. Ему было два года.

Она не подняла головы, когда Вениамин с Сарой вошли в гостиную.

— Добрый вечер, — сказал Вениамин.

Ее губы беззвучно шевельнулись.

— Где мне взять теплой воды, чтобы согреть руки?

— Иди сюда! — Сара провела его на кухню.

Когда он вернулся один, Ханна с ребенком отпрянула в угол.

Вениамин сделал вид, что не заметил этого, забрал у нее из рук мальчика, положил его на обеденный стол и стал осматривать. Маленькая грудка тяжело поднималась и опускалась. Дыхание было учащенное. Ноздри раздулись, кожа была горячая и влажная. Температуру можно было и не мерить. Тельце мальчика дрожало. Вениамин прослушал легкие, постучал по груди. Звук не оставлял надежды.

— У него воспаление легких, — сказал Вениамин, пытаясь поймать

взгляд Ханны.

Она отвела глаза.

— Где его постель? Надо положить повыше подушку, ему будет легче дышать.

Ханна кивнула и пошла по лестнице на второй этаж. В комнате, кроме детской кроватки, стояла одна кровать. В печке гудел огонь.

— Надо искупать его в тепловатой воде, чтобы немного охладить. И дать ему разбавленного сока. Понятно?

Она ушла, у мальчика начался приступ кашля. Прижимая к себе больного ребенка, Вениамин ощутил знакомое бессилие. А что, если он с этим не справится?

Ханна вернулась с корытцем и раздела ребенка. Руки у нее дрожали, Вениамину пришлось помогать ей. Затем он сам осторожно погрузил дрожащее тельце в воду. Потом завернул ребенка в простыню, которую ему протянула Ханна.

Они не разговаривали. Но когда они уже сидели возле кроватки, Ханна сказала:

— Ты зря взял его на колени тогда, у Дины.

Он сразу понял, что она имеет в виду, но сказал как ни в чем не бывало:

— Ханна, это было полгода назад. Мальчик не мог заболеть оттого, что сидел у меня на коленях.

— Не он, а Вилфред.

Ребенок закашлялся. Ханна схватила его на руки и прижала к себе.

Вениамин хотел накинуть на них детскую перинку. Ханна вздрогнула, увидев перинку у него в руках.

Кашель усилился, и мальчик ухватился ручкой за ворот Ханниного платья. Когда она наклонилась, чтобы поправить подушку, ворот распахнулся и обнажил у нее на шее синяки и ссадины, спускавшиеся на грудь.

— Ханна!

Она отвела глаза и прикрылась ребенком.

— Положи его в кроватку, а то застудишь, — глухо проговорил Вениамин. В комнате слышалось только свистящее дыхание ребенка.

У Вениамина мелькнула дикая мысль, что кроватка наблюдает за ними. Покрывало, умывальник, комод, ночной столик. Глаза Вилфреда следили за ними из каждого сучка, из каждой складки.

Ханна позвала к ребенку доктора и теперь ждала кары от мужа, который находился так далеко, что до дома ему был целый день пути. А он сам? Его душил кошмар при воспоминании о том, что случилось тогда в

его прежнем кабинете.

Он должен был поговорить об этом. Утешить Ханну. Но как? Он пришел сюда из-за ребенка. Остальное могло подождать.

— А теперь ты должен уйти! — вдруг сказала она.

— Нет, Ханна!

Он слышал, как в коридоре Сара разговаривает с двумя старшими мальчиками. Им пора было ложиться спать.

Ханна вышла к ним и прикрыла за собой дверь. Слов ее он не разобрал. Вернувшись, она беспокойно заходила по комнате.

— Ханна, Конрад тяжело болен. Это серьезно. Я ненадолго останусь. Ты меня понимаешь?

Она не ответила.

— Отдохни в соседней комнате, а я подежурю возле него.

Она замотала головой, потом подошла к кроватке, села и взяла малыша за руку.

Прошло полчаса, Ханна ни разу не шевельнулась, и он не слышал ее дыхания.

Вениамин послал Сару сказать Анне, что он останется с ребенком, пока не минует кризис.

Мальчику хотелось пить, но все, что он выпил, тут же вылилось обратно вместе с кашлем. Вениамин взял его на руки и сунул ему в рот салфетку, смоченную в соке.

Мальчик жадно засосал, дыхание у него было прерывистое, глаза закрыты.

Вениамин чувствовал, что Ханна со страхом следит за ним. Он улыбнулся, чтобы подбодрить ее. Она не ответила на его улыбку, ее глаза были прикованы к сыну. Потом она взяла салфетку и вытерла мальчику головку, не забирая его у Вениамина.

Все это было знакомо Вениамину. Нервный запах вспотевшей женщины. Полная рука. Скольжение салфетки по бледному лбу. Карна в Дюббеле.

Было уже поздно. Сара вернулась и передала привет от Анны. Она тихонько входила и выходила, потом принесла кофе.

Аромат кофе наполнил комнату. Вениамин пил с удовольствием, но Ханна даже не взглянула на чашку.

— Выпей немного кофе, Ханна, или ты не выдержишь, — сказала Сара и отошла к двери. — Я пойду спать, но позовите меня, если вам что-нибудь

понадобится.

Она ушла, ребенок дремал, теперь немного спокойнее. Вениамин решился:

— Я понимаю, что сейчас не время для разговора. Но невозможно так жить год за годом.

Она с удивлением подняла на него глаза. Как в детстве, когда ее что-нибудь поражало. Молния. Большая волна.

В три часа ночи конец был как будто уже недалек.

Им оставалось только наблюдать, как ребенок борется за каждый вдох. Ханна хотела взять его на руки, но Вениамин опередил ее, и она не помешала ему. Они ощущали удушье мальчика как физическую боль. От полумрака зрачки Ханны расширились. Вениамину казалось, что он видит в них свое отражение.

Не успев подумать, он глубоко сунул палец ребенку в горло. Мальчика вырвало прямо на Вениамина — слизь, содержимое желудка. От мучительной борьбы по нему градом катился пот. Все трое были мокрые.

Время от времени он бессильно повисал на руках у Вениамина. Казалось, живыми у него остались только легкие. Его снова вырвало.

Ханна протянула руки. Передавая ей ребенка, Вениамин коснулся ее руки, плеча, волос, но даже не заметил этого.

Ребенок обмяк на руках у Ханны.

Это конец, подумал Вениамин. До него даже не дошло, что он обнимает их обоих.

Услыхав учащенное дыхание ребенка, Вениамин не поверил своим ушам. Но мальчик дышал. Еще тяжело, со свистом, но дышал!

Вениамин не смел взглянуть на Ханну. Лишь улыбнулся в пространство, забрал у нее ребенка и положил его на кровать. Потом прослушал, осторожно постучал по грудке, сосчитал вдохи и уложил в кроватку.

— Думаю, кризис позади, — сказал он, наконец взглянув на Ханну.

Она молчала, он взял ее руку. Рука была холодная и вялая.

Несколько минут он сидел, держа ее руку и наблюдая за дыханием ребенка.

— Попробуй напоить его, — прошептал он.

Она отняла руку, нагнулась над ребенком и дала ему соку. Малыш жадно выпил его, он больше не кашлял.

Ханна отставила чашку и подняла глаза на Вениамина. Губы у нее скривились, но это был не смех и не слезы.

— Спасибо, Вениамин! Теперь ты можешь идти!

Он поднялся и подошел к печке. Подбросил несколько поленьев и тихо прикрыл дверцу. Потом медленно повернулся к ней:

— Да, теперь я уйду. Но ты должна звать меня, если я тебе нужен. Несмотря ни на что! Слышишь?

Он подождал, но она молчала. Он закрыл свой чемоданчик. Подождал еще. Быстро подошел к двери и взялся за ручку.

Неожиданно Ханна оказалась рядом. Обвила руками его шею, прижалась к ней губами.

Вениамин замер с поднятыми руками. Потом обнял ее и, покачивая, прижал к себе. Он покачивал ее, как Карну, когда она приходила в себя после припадка.

— Ну-ну, — шептал он в ее волосы. — Не надо, Ханна, родная! Нас может увидеть Сара, и тебе надо поспать. Спать, спать. Потом мы придумаем какой-нибудь выход.

Кто знает, сколько они так стояли? Но когда он хотел освободиться от ее рук, у нее вырвался отчаянный крик:

— Не уходи! Не бросай меня, Вениамин!

Глава 6

В апреле не было никаких признаков весны, кроме крика чаек и запаха рыбы. И бледного кольца вверху, в снежной круговерти, позволявшего догадываться, что там скрывается солнце.

Но в книге заказов на верфи Дины и Олаисена всегда числилось много заказов, а в «Гранде» во всех номерах топились печи.

Приезжали люди, которых тут никогда прежде не видели и которым, по-видимому, в Страндстедете нечего было делать.

Но приезжали также и браковщики рыбы, и торговцы, и шкиперы. И те, кто должен был разметить фарватер. Заседания местной управы часто проходили в столовой гостиницы. Бремя от времени там останавливались близкие амтмана. Епископ во время своих поездок по епархии встречался в гостинице с пробстом. Заезжие проповедники, из тех, которые умели заставлять людей выкладывать деньги, тоже жили в «Гранде».

Однако главными постояльцами гостиницы были важные господа с карманными часами на цепочках и металлическими накладками на чемоданах, ожидавшие пароходов, идущих как на юг, так и на север. По неизвестной причине их становилось все больше. Словно они не могли не посетить гостиницу фру Дины в Страндстедете перед тем, как ехать в Тромсё или воспользоваться сухопутным транспортом, идущим по южной дороге.

Одно время мансарду в гостинице снимала гадалка. Но когда выяснилось, что она не в состоянии оплатить счет, несмотря на то что гадала многим мужчинам, фру Дина, как, хихикая, рассказала помощница кухарки своей подруге, переместила гадалку в картофельный погреб и взяла в залог ее стеклянный шарик. Гадалка через кухню убежала с одним рыбаком из Гратанга, но стеклянный шарик так и остался в гостинице.

Бывало, кое-кто как бы невзначай и, разумеется, без всякого злого умысла пытался выведать у Бергльот, не заходит ли кто-нибудь из приезжих в личные покои фру Дины. Ответ был неизменно один:

— Иногда фру Дина в своих покоях играет с редактором в шахматы или принимает доктора с семьей. Там нет места для званых обедов или для посторонних!

Говорили также, будто однажды фру Дина велела Вилфреду Олаисену явиться в ее покои. Ему якобы так хотелось, чтобы верфь скорее начала действовать, что он взялся за какой-то весьма невыгодный ремонт. Но Бергльот по-своему опровергла эти слухи:

— Фру Дина никогда не говорит о делах в своих покоях. Как бы это выглядело? А о чем они говорят в конторе, я не знаю. И я никогда не слышала, чтобы фру Дина и Олаисен сказали бы друг другу хоть одно плохое слово.

И все-таки личные покои в «Гранд Отеле» всегда вызывали у людей любопытство. Входная дверь, в которую разрешалось входить и выходить пристойно и в любое время суток, волновала не только вдову Рют Улесен.

Ходили слухи, будто Олаисен и Дина собираются построить новый слип[11] и расширить свое дело. Для того, мол, и послали Педера Олаисена учиться в Трондхейм.

Телеграфист определенно знал, что Дина купила большой кусок берега у пономаря. Зачем — неизвестно. Но столь узкая полоска земли не годилась ни на что, кроме канатной дороги. Значит, она опередила Олаисена. Он-то уже давно поговаривал о канатной дороге.

Пономарь, который, подражая Олаисену, важничал, как маркграф, честно сказал, что действительно продал фру Дине покрытую гнилыми водорослями каменистую полоску у воды. А для чего она ей понадобилась, он не знает, потому что для пластания рыбы она не годится.

Сара произнесла в Длинных покоях лишь несколько слов, двери были закрыты. Она даже не присела. И сразу ушла через заднюю дверь. Как будто ее здесь и не было!

Дина надела толстые башмаки, теплое пальто и отправилась в дом Олаисена. Без приглашения. Ханна была больна, а Олаисен на «Лебеде» ушел на юг. Куда и насколько, Сара не знала.

Все свидетельствовало, что здесь живет самый влиятельный человек Страндстедета. С тремя сыновьями, женой и свояченицей. Дом был открыт для друзей и деловых знакомых. Председатель местной управы держал двух служанок и няню, не считая работника, который следил за садом и исполнял другую тяжелую работу.

Ханне жилось хорошо. Странно было бы думать, что это не так. Никто и не думал. Правда, Дина слышала, как люди судачили о вспыльчивости Вилфреда Олаисена.

Но, с другой стороны, все, что он делал, вызывало у них восхищение. Что бы он ни затевал, давало людям работу. В положенное время они получали деньги. Он помогал им обрести жилище и занимался благотворительностью.

Смотреть на него с сыновьями было приятно. Вилфред Олаисен был самый любящий отец, самый добрый и веселый. Если, конечно, не считать

его приступов гнева. Но у всех свои капризы. А у себя дома каждый сам себе хозяин!

На дверях Олаисена висел молоточек. Служанка, открывшая дверь, была в накрахмаленном передничке. При виде стоявшей на крыльце фру Дины на ее бледном лице выразился испуг.

— Фру Олаисен плохо себя чувствует и никого не принимает…

— Я знаю. Потому и пришла. — Дина отодвинула служанку в сторону, чтобы войти в дом.

Пока она поднималась по лестнице, служанка, ломая руки, стояла в прихожей.

— Где она лежит?

Ответ был маловразумительный, но тому, кто привык жить в большом доме со множеством комнат, он был понятен.

Задернутые занавески. Слабый запах розовой воды и йода. Сверкающая чистота и порядок. Широкая кровать, скрытая двумя красивыми портьерами, свисающими с потолка. Эта сказочная атмосфера напоминала о «Тысяче и одной ночи».

Ханна с закрытыми глазами лежала на кровати. И не открыла их, когда вошла Дина. На лбу и на одном глазу лежало полотенце, своего рода компресс. Холодный или теплый? Распухшая верхняя губа, синяя щека — все остальное было скрыто одеялом.

Дина затворила дверь, придвинула стул и, не говоря ни слова, села рядом с кроватью.

Ханна открыла глаза. Слегка сдвинула полотенце, чтобы смотреть обоими глазами. Взгляд у нее был тусклый. Она где-то витала.

— Это ты? — беззвучно спросила она.

— Я вижу, ты не только споткнулась о ковер, — сказала Дина.

Ханна не ответила. Попробовала приподняться, не смогла. Но все-таки протянула руку за стаканом с водой, стоявшим на столике.

— Он никак не уймется? — спросила Дина и помогла ей.

Ханна снова откинулась на подушки.

— Пожалуйста, открой окно, — еле слышно попросила она.

Дина открыла. Постояла, глядя на сад, содержавшийся в образцовом порядке. Там няня играла с детьми.

— И часто он тебя бьет? — спросила Дина, снова садясь.

Ханна сделала отрицательный жест рукой.

— Но на этот раз все-таки избил? Лучше расскажи мне, что случилось.

Глухой всхлип донесся с постели. Говорить Ханна не могла. На одеяле

лежала синяя рука с открытой раной.

— Что у тебя с рукой?

— У него твердые сапоги. С металлическими набойками.

Дина, не разжимая губ, с шумом выпустила воздух. Ноздри у нее раздулись.

— Я пошлю за Вениамином. Может, у тебя есть переломы.

— Нет! — Ханна испугалась. — Само срастется!

В открытое окно донеслись звонкие детские голоса. Старший что-то объяснял младшим.

— Ты еще встречаешься с Вениамином? — вдруг спросила Дина.

Ханна побледнела и молчала.

— Я пришла не мораль читать. Хотела посмотреть, что можно сделать.

Ханна пролепетала что-то бессвязное. Словно, привыкнув лгать и обманывать, она вдруг растерялась, когда можно было сказать правду.

Вениамин был у нее как-то вечером, еще зимой. Конрад был болен, а Вилфред ушел на Лофотены.

— Сара сбегала за Вен… за доктором…

— Весь Страндстедет знает, что у малыша зимой было воспаление легких. А что случилось теперь?

— Я тогда не сказала Вилфреду, что у нас был доктор. И вот за обедом… Рикард проговорился про доктора…

— Рикард видел, как он тебя бил?

— Нет, Вилфред подождал, пока они легли.

На лице у Дины мелькнули недоверие, отвращение, гнев.

— А служанки? Они должны были слышать?

— Он их отпустил. На танцы… Он все предусмотрел… — ответила Ханна серым голосом, в котором не было даже тени упрека.

— Этому нужно положить конец! — сказала Дина.

— Может, он в следующий раз ударит посильней…

— Не желаю этого ни тебе, ни ему. Неужели твой выкидыш ничему не научил его?

— То было уже давно.

— А что с Педером?

— Я не сразу поняла, что он серьезно подозревает брата. Ведь Педер еще мальчик…

Дина помолчала. Оглядела комнату. Портьеры. Настольную лампу. Наконец ее глаза остановились на Ханне.

— А до того, значит, ты понимала, что у него есть основания?

Лицо Ханны застыло.

— Я останусь здесь и подожду его, — сказала Дина через некоторое время.

— Будет только хуже.

— Ну что ж, посмотрим, чья возьмет! — Дина прищурилась.

Вечером Вилфред Олаисен соизволил вернуться домой. Из-за неблагоприятной погоды он на полпути отдал приказ повернуть обратно. Штурман был готов к этому. Не из-за погоды. Он все понял по лицу Олаисена, когда тот, не предупредив его заранее, приказал идти на Лофотены без груза.

Олаисен предполагал, что его ждет дома. Поэтому он сначала зашел на верфь. Долго и обстоятельно поговорил с мастером и рабочими. Заглянул в газету к редактору и уже в девять часов взял извозчика и поехал домой.

Служанка поспешила открыть ему дверь, как обычно, когда фру Олаисен не могла сделать этого сама. Ангелы, так Олаисен звал детей, уже спят. Он знал, что они спят, но не удержался от вопроса. Это дарило чувство покоя.

Увидев в передней чужое пальто, Олаисен напрягся и замер.

— У нас гости?

— Фру Дина. Она сама пришла… Хозяйка лежит… — пролепетала служанка, не глядя на Олаисена, таким голосом, будто вся вина лежала только на ней.

— Понятно! — Лицо Олаисена стало суровым. Это выражение нетрудно было понять даже служанке. Она помогла ему снять пальто и повесила его на вешалку. Потом, повозившись в углу, сделала реверанс и спросила, будет ли хозяин есть. Есть он не хотел.

Оставшись в передней один, Олаисен задержался перед зеркалом. Обычно он двигался быстро и решительно, но в этот вечер медленно прошел в гостиную и налил себе рюмку водки.

Двигался он медленно, но мысль его работала лихорадочно. Рюмка еще не опустела, как Олаисен был уже готов к встрече с Диной. Он поднялся по лестнице и постучал в дверь собственной спальни. Никто не откликнулся, и он немного выждал, что было не в его правилах. Пусть считают это необходимым вниманием.

В проеме дверей, загородив его, появилась Дина, но Олаисен разглядел фигуру в кровати.

— Ханна, что случилось? — в волнении воскликнул он.

Ему никто не ответил, и он продолжал:

— Боже мой! Если бы я знал, что тебе плохо, я бы никуда не уехал! К-

счастью, из-за непогоды нам пришлось вернуться.

Он сам верил своим словам.

— Если бы я знал, что ты так больна…

— Где мы можем поговорить наедине? — не здороваясь, спросила Дина.

Он хотел было пройти в спальню, но Дина, приставив ему к груди руку, вытолкнула его в коридор и вышла следом за ним. Потом закрыла дверь.

— Я хотела послать за доктором. Но она не посмела.

— Это так серьезно? — озабоченно спросил Олаисен.

— Я не отвечаю на глупые вопросы. Мы можем спуститься в гостиную?

Да, да, разумеется! Он был само внимание, пропустил ее вперед и без конца благодарил за то, что она пришла к Ханне. Это так великодушно.

— Замолчите! — сказала Дина, спускаясь по лестнице.

Двери гостиной закрыл уже он — чтобы им никто не помешал. Все время он внимательно наблюдал за Диной. И старался соблюдать спокойствие.

— Садитесь, Олаисен! — пригласила его Дина и показала на стул возле кафельной печи, словно гостем был он, а не она.

Он сел поудобнее. Потом рукой показал ей на стул. Взгляд без труда повиновался ему.

Но Дина продолжала стоять, уперев руки в бока. Олаисен догадался, что ей уже доводилось стоять в этой позе.

— Я предупреждала вас, Олаисен! Но вы все-таки снова избили ее!

— Дорогая… Если фру Дина немного успокоится, то, возможно…

— Меня не касается, что вы подозреваете Ханну в связи с вашим братом и с Вениамином. Но вы продолжаете ее бить! А это уже мое дело! У меня с вами деловое соглашение, Олаисен. Вы нарушили часть условий. И это более серьезно, чем вы можете себе представить.

Она приблизилась к нему. Еще шаг, и он мог бы прикоснуться к ней. Он весь побелел, рот искривился, лицо стало некрасивым.

— Я вас не понимаю.

— Вы забыли, что я сказала вам, когда показала плод, который вы выбили из ее тела? — шепотом спросила Дина.

Он поднял было руку, но тут же снова уронил ее на колени.

— Вы помните, что я вам сказала?

Он побагровел от гнева. Красивые губы зашевелились, но все-таки выражали мужское достоинство. Изогнутая верхняя губа нервно растянулась под холеными усами.

— Ханна солгала, чтобы…

— Ей не нужно лгать, у меня есть глаза!

— Это ложь! Ложь!

Его голос вдруг изменился. В нем послышалась мольба ребенка, пойманного на месте преступления.

Дина сделала последний шаг, схватила его за рубашку на груди и рванула ее вместе с волосами.

— Ложь? Может, и то, что я поношу вас в вашем же доме, тоже ложь? Попробуйте ударьте меня! Не стесняйтесь! Но я-то вам отвечу! За Ханну я изобью вас до смерти!

Олаисен попробовал освободиться, но Дина держала его мертвой хваткой. Он хотел встать, тогда она навалилась на него всем телом.

— Я вас проучу, вы еще горько раскаетесь, что когда-то не остались равнодушным к дочери Стине.

На губах у нее выступила пена, но она улыбалась, словно вся эта сцена доставляла ей удовольствие.

Олаисен не привык к такому обращению. Ему ничего не стоило одним ударом сбить женщину на землю. Но женщину-компаньона не сбивают с ног. Это не приносит прибыли.

Он молчал. Только вскинул руки. В его жесте не было угрозы, просто ему захотелось пошевелить руками. Он наконец понял, что перед ним достойный противник.

Олаисен не поверил, когда Дина отпустила его и он услыхал:

— Вставай, парень! Бей!

Он поглядел по сторонам, словно хотел улизнуть. Прислушался, не слышит ли кто-нибудь, что здесь происходит.

— Я не понимаю… У меня нет причин…

— Нет, так будут!

Он оцепенел.

— Боишься? Разве ты не мужчина, который умеет драться? Бей! Не стесняйся! Ведь ты умеешь бить женщин! Бей!

Ее шепот гремел у него в ушах. Но с компаньонами не дерутся. Всему есть предел.

— Вставай! — прошептала она над ним.

— Хорошо, что нас никто не видит. Это какое-то безумие, — произнес он наконец.

— Боишься? Может, мне первой ударить тебя?

Он завертел головой и поднял руку, чтобы успокоить ее.

Тогда она кулаком ударила его в нос. Переносица хрястнула. На

рубашку брызнула кровь.

Еще не веря в случившееся, он прикрыл руками лицо. Потом вскочил со стула.

Дина быстро отпрыгнула назад и схватила кочергу.

— Ну! — выдохнула она, сверкнув глазами.

— Вы сошли с ума! — растерянно проговорил он.

— Тем лучше!

Он видел, что она ждет, сжав кочергу обеими руками. В глазах горела прозрачная решимость. Она все продумала! Все рассчитала! И была готова осуществить свой план.

Олаисен шагнул к ней, протянув руки. Он был похож на укрощенное животное. Дина замахнулась кочергой.

Пока он прикидывал, насколько она сильна и как бы ему, изловчившись, схватить ее за руку, действительность вдруг исчезла. Это было странное ощущение. Даже не ощущение, у него сохранился только слух. И все-таки он еще не верил, что она его ударила.

Должно быть, он упал, во всяком случае, когда он пришел в себя, он лежал на столе. Кочерга висела на своем месте. Служанка, услыхав шум, появилась в дверях.

— Господин Олаисен нечаянно упал на печку. Принеси тряпку, его надо вытереть! — сказал Динин голос.

— Господи Боже мой! — воскликнула девушка.

— Если он не очнется, придется послать за доктором, — решительно сказала Дина.

Общими усилиями они положили его на диван, и служанка принесла воды.

— Дайте мне глоток водки, — слабо простонал Олаисен.

Служанка принесла графин и рюмку.

— Можешь идти. Ему нужен покой, — сказала Дина и поднесла рюмку к губам Олаисена.

Ее насторожило выражение его лица.

— Потише-потише, драться уже поздно, — усмехнулась она.

— Вы могли меня убить. — Олаисен потрогал голову.

— В следующий раз… Но я предпочитаю вас разорить. Что вам больше по душе? Если вы еще раз…

Они измерили друг друга взглядом, словно пытаясь проникнуть в мысли друг друга. Что-то их объединяло. Новая ненависть? Своеобразный союз, возникший из жажды мести? Любопытство? Или то, что они понимали безумство друг друга?

Трудно сказать, из-за этого или из-за того, что Олаисен еще не совсем пришел в себя от удара, но он быстро менялся.

— Я не хотел… Не знаю, что на меня нашло. Но между ними что-то есть. До сих пор. Я знаю! — Он как будто делал признание. Так говорят с матерью, а не с деловым партнером. Порывшись в кармане, он достал носовой платок. Это было естественно — ведь кожа на голове была рассечена. И наконец сказал то, что мучило его больше всего, — сознание, что он обманутый муж. — Во мне словно шлюзы открылись. И я потерял… На самом деле я не такой…

Дина села.

— Вам следует быть осторожней. Так нельзя. В следующий раз вы ее просто убьете. Вы этого добиваетесь?

— Нет! Честное слово, нет! Ведь у меня есть сыновья, мои ангелы. Я не хочу, чтобы они остались без матери. Пожалуйста, поверьте мне!

Он все еще прижимал платок к голове, которая раскалывалась от боли.

— Вам конец, если вы убьете ее. Думайте об этом и днем, и ночью, пока не поймете. Вы в любом случае ее потеряете.

Дина говорила, словно они обсуждали, сколько рабочих можно принять на верфь, не понеся убытков.

Олаисен слушал ее с благоговейным ужасом.

— Вы всем расскажете?.. — спросил он, помолчав.

— Я? Нет, за меня это сделают другие. Уже и так ходят разговоры, что Олаисен бьет свою жену.

— Кто так говорит?

— Например, рабочие на верфи. Ваша служанка…

Он осторожно, двумя пальцами, прикоснулся к затылку.

— Черт! Как болит!

— Охотно верю. Но это пройдет.

Он налил себе еще водки, забыв предложить ей.

— А про их связь они говорят? Ханны и доктора…

— Эта связь существует только в вашем воображении. Но если вы не прекратите ее бить, люди решат, что у вас есть на то причины. Вы же выгнали из дома брата! Мальчишку! У людей будет повод позубоскалить, когда они поймут, что председатель управы дурак.

Он выпрямился:

— Выпьете рюмку?

— Нет, я перестала искать утешение в бутылке. Так лучше.

Она улыбнулась, но у него не было сил ответить ей улыбкой.

— И все-таки между ними что-то есть. Между этими двумя…

— Легко вообразить что угодно, если эти двое играли друг с другом еще до того, как научились ходить, и в детстве спали в одной кровати. Делили друг с другом и радость, и горе. Кружились вокруг елки. Утешали друг друга…

— Он бы признался вам, если бы между ними что-то было?

— Нет, но лгать он не умеет.

— А то, что они встречались у меня за спиной?

— Ханна имела право пригласить доктора к Конраду!

— А до того? В лодке? Я должен расквитаться…

— Так выгоните ее, но зачем же убивать? Эту войну вы все равно проиграете.

Они помолчали.

— Договорились? — Дина наклонилась и положила руку ему на колено.

Он вздрогнул.

— Я буду опозорен, если люди узнают!

— Когда вы избили Ханну в первый раз?

Он уронил голову на руки.

— Когда? — повторила Дина.

— Когда мы были в Рейнснесе первый раз после свадьбы.

— А что Анна? Она тоже думает, что между ними что-то есть?

— Не знаю, заботят ли ее вообще такие вещи.

— Посмотрите мне в глаза! Кого, по-вашему, могут не заботить такие вещи?

— Вас! — почти тепло сказал он.

Дина открыла рот, словно хотела засмеяться, но не засмеялась.

— Ступайте к Ханне и спросите, хочет ли она по-прежнему жить с вами. И если она откажется, вы поступите очень правильно, если не тронете ее даже пальцем. Лучше приходите в «Гранд» и поживите там. За мой счет.

— Вы ведьма! — вырвалось у него.

— Значит, это все-таки серьезно?

Уже уходя, в дверях, она сказала, словно только что вспомнила:

— Я имею привычку выполнять свои обещания. К вам придет мой адвокат. И не вздумайте опять прибегнуть к рукоприкладству!

Она закрыла дверь раньше, чем он успел что-то сказать.

Трудно сказать, проявила ли Дина мягкосердечие, но она изъяла только половину капитала, вложенного ею в верфь. И тут же наняла людей, чтобы

строить канатную дорогу. Это произошло так быстро, что Олаисен понял: у нее все было продумано заранее.

У Олаисена были связи в банке. Он занял денег и залатал дыру. Залогом послужил его дом. Все произошло без огласки.

Дина сыграла партию в шахматы, и новость не попала в газету.

Зато она перестала заниматься счетами верфи, и Олаисену пришлось нанять счетовода.

Б том сезоне верфь, несмотря на хорошую конъюнктуру, понесла убытки.

Люди считали, что Олаисен взвалил на себя непосильную ношу. Он — деятельный председатель управы и судовладелец, но не умеет управлять большим предприятием. А брата, который помог бы ему, нет в Страндстедете. Брат еще учится в Трондхейме, чтобы стать большим человеком.

Зато канатная дорога фру Дины была построена к весне 1886 года. Она, словно смоляная кишка, протянулась по низкому берегу до самой верфи. Дина охотно нанимала рабочих, которых увольнял Олаисен.

Глава 7

Бабушка устроила у себя музыкальный семейный обед, как она это называла. Было промозглое майское воскресенье.

На берега фьорда обрушился град, и грязный снег, которому давно полагалось растаять, покрылся тонким слоем сверкающих градин.

Обеды у бабушки всегда были вкусные. В уютной столовой не было никого, кроме них. Снаружи на ручке двери висела табличка: «Закрыто для частного вечера».

Карне нравилась эта большая комната с пустыми столами и роялем в одном конце. Теперь она уже играла на нем. Правда, еще не так хорошо, как Анна. У бабушки было так просторно! Почти как в Рейнснесе. И когда она вешала на дверь эту табличку, вся столовая была только в их распоряжении.

За десертом Анна рассказывала про школу. Когда она замолчала, бабушка мягко сказала:

— Кстати, пока не забыла… Со следующим пароходом приедет Аксель.

Анна поднесла было ко рту ложечку с морошкой. Теперь она положила морошку обратно в розетку. Слишком спокойно.

— Вот это новость! — сказала она.

Папа звякнул ложечкой.

— Аксель? Сюда? — спросил он, не глядя на бабушку.

Карна поняла, что это не самая хорошая новость. У нее вспотели ладони.

— Кто это? — спросила она, переводя взгляд с одного на другого.

— Наш знакомый из Копенгагена, — ответила Анна.

— И чьим же гостем он будет? — спросил папа таким тоном, словно разговаривал с Олаисеном.

— Гостем «Гранда», конечно, — улыбнувшись, ответила бабушка.

— Это прилично?

Карна подумала, что не помнит, чтобы папа когда-нибудь справлялся о приличиях.

Бабушкино лицо покрылось морщинками, как будто папа сказал что-то смешное.

— По-моему, ты забыл, как вы с Акселем развлекались, будучи студентами. Тогда вас не очень беспокоили буржуазные приличия. Но вообще он будет жить в «Гранд Отеле», как всякий приезжий.

Карна почувствовала на себе быстрый взгляд папы. Ему не нравилось,

что она слушает этот разговор.

— Мы теперь обычные буржуа. — Анна улыбнулась и наклонилась к папе, будто хотела его утешить.

— А кто он? — спросила Карна.

Анна и папа переглянулись.

— Наш общий друг, — ответила бабушка. — Сперва он был другом Анны. Потом — Вениамина. А в последние годы — главным образом моим. Хочешь еще десерта?

Бабушка протянула ей морошку.

Карна взяла немного, папа и Анна отказались.

— Что он намерен здесь делать? — чуть ли не с угрозой в голосе тихо спросил папа.

— Аксель совершает холостяцкую поездку перед тем, как сочетаться браком с одной дамой из Гамбурга.

Бабушка позвонила в медный колокольчик.

— Подайте нам кофе ко мне! — сказала она явившейся горничной. Горничная присела в реверансе.

— Я думала, что вы обрадуетесь! — улыбнулась бабушка, когда горничная ушла.

— Ты все время с ним переписывалась? — спросил папа.

— Не часто, но регулярно. Практика его теперь процветает. Он собирается жениться на представительнице семьи, владеющей верфями. Я хорошо знаю эту семью.

У папы был такой вид, словно он не знал, что ему делать с руками. Анна, безусловно, это заметила.

Все молчали. Тогда Карна спросила:

— Он ремонтирует суда?

— Нет, Аксель — доктор. Они с твоим папой вместе изучали медицину. Я знаю его с детства, — ответила Анна.

— Почему же вы никогда не говорили о нем?

— Разве? — удивилась Анна и взглянула на остальных.

— А почему он уехал в Берлин, если он жил в Копенгагене?

Воцарилось молчание.

— Из-за меня, — ответила бабушка наконец.

— Дина! — В тоне папы звучало предупреждение.

— Вениамин, ты склонен к лицемерию! — таким же тоном ответила бабушка.

Карне стало неприятно, но она должна была узнать, в чем дело.

— Как это, из-за тебя? — спросила она и заставила себя встретиться с

бабушкой глазами.

— По-моему, нам пора перейти ко мне. — Бабушка встала из-за стола.

— Разве мы не будем сегодня играть? — удивилась Карна.

— Мы потом снова спустимся сюда, — сказала бабушка и, поднимаясь по лестнице, взяла папу под руку.

Бабушка налила себе кофе. И Карне тоже.

— Ты задала мне вопрос, Карна, и я должна ответить тебе. Мы с Акселем были очень близкими друзьями, очень. Мы были любовниками.

Папа рассердился. Он вскочил, подошел к окну и заложил руки за спину.

Мысли Карны работали лихорадочно, она по очереди всех оглядела.

— А как же Андерс? — прошептала она.

— Андерс был здесь. А Аксель — в Берлине. Такое случается.

У Карны защипало в глазах. Она перестала видеть. От боли она рассердилась. Дышать стало тяжело. Она хотела что-то сказать. Может быть, заплакать. Но не могла. Только поднялась так резко, что опрокинула чашку с кофе. Кофе пролился на блюдечко и на скатерть. Никто не поднял чашку. Она покачивалась, лежа на блюдце.

Карна не могла смириться, это было слишком бесчеловечно. Андерс, лежавший на полу, его голова на коленях у бабушки. Он всегда один поднимался на бугор к флагштоку, пока бабушка не вернулась из Берлина.

Карна почувствовала себя несчастной.

— Это ужасно! Ужасно! — шептала она.

— Ты права, — согласилась бабушка, обогнула стол и подошла к Карне. Слава Богу, она не обняла ее. Только сказала: — Я решила, что будет лучше, если ты узнаешь об этом от меня.

Анна не поднимала глаз, она как будто отсутствовала.

Папа вернулся к столу. Схватил салфетку и начал вытирать кофе со скатерти.

— Это было необходимо? — спросил он.

— Думаю, да. Ведь Аксель сюда приедет, — серьезно ответила бабушка.

— И снова уедет! По-моему, ты просто не выносишь, когда тебя бросают, — тихо сказал папа. Слова точно текли у него из угла рта.

Почему они все такие?

— Аксель не бросил меня, Вениамин. Это я уехала от него. А теперь он собирается жениться.

— А зачем он едет сюда? — спросил папа.

— Об этом спроси у него, когда он приедет. Я приму его. Вот и все.

— И ты намерена отпустить его, не причинив ему никакого вреда? — Так, по крайней мере, Карна поняла папин вопрос.

— Да, — ответила бабушка.

— А как его невеста относится к этому… сафари? — рявкнул папа.

Анна выглядела усталой.

— Думаю, он в состоянии объясняться со своей невестой без моей помощи, — сказала бабушка и добавила, помолчав: — Надеюсь, вы не откажетесь прийти ко мне и повидаться с ним?

— Конечно, нет, Дина, — быстро сказала Анна.

Папа промолчал.

— Кроме вас, я хочу пригласить Ханну с Олаисеном.

— Час от часу не легче! — буркнул папа.

— Наш председатель должен привыкнуть к тому, что не только он имеет право смотреть на Ханну. Думаю, Аксель будет подходящим учителем.

— Почему? — усмехнулся папа.

— Он очень сильный, — ответила бабушка.

Папа изменился в лице. Побагровел. Необъяснимая тревога охватила Карну.

— Давайте пойдем играть? — предложила она.

— Самое время, — поддержала ее бабушка, но смотрела она только на папу.

Анна сидела в кабинете Вениамина на его месте за письменным столом. Два раза в неделю она приводила в порядок его служебные журналы и переписывала деловые письма.

Вениамин тем временем ходил по кабинету, наводил порядок на полках, мыл инструменты. Они привыкли вместе выполнять эту работу. И оба любили царившую здесь сосредоточенную отгороженность от внешнего мира. Часто они говорили о том, о чем не могли говорить в присутствии служанки или Карны.

Анна любила систему и четкость. Она вела и частные счета, и деловые бумаги Вениамина. Проверяла списки, направляемые в аптеку, и следила, чтобы все было в порядке.

Это повелось с тех пор, как они переехали в Страндстедет. В Рейнснесе такое было бы невозможно. Холодная ветхая контора при лавке не располагала к общей работе.

Здесь же, напротив, кабинет доктора был самой уютной комнатой в

доме. Анне все тут нравилось. Запах. Атмосфера. Блестящие инструменты. Стеклянные кружки. Большие окна, выходящие на море.

И самое лучшее — здесь они были одни. Когда они приходили сюда и закрывали дверь, никто не смел мешать им. Даже Карна.

Анне казалось, что они были здесь даже более близки, чем в спальне. Там главным были тела. Кожа. Близость, не нуждавшаяся в словах. А здесь — разговоры, которым ничто не мешало. Глаза.

Кабинет был отделен от прихожей и от остальной части дома двойными дверями. Здесь можно было даже громко спорить, не опасаясь, что тебя услышат. В спальне же были слишком тонкие стены.

Когда Вениамин уезжал, Анна часто приходила сюда под тем предлогом, что ей надо поработать. Случалось, она просто читала или писала письма. На его месте, за его столом.

Сейчас Вениамин сидел на стуле для пациентов и листал медицинский журнал, присланный отцом Анны. Она понимала, что приезд Акселя все еще тревожит Вениамина.

Несколько раз она ловила на себе его взгляд. Словно он не решался о чем-то спросить ее.

Анна отложила перо и осторожно сказала:

— Карна слишком бурно реагировала на то, что Дина рассказала ей про них с Акселем. Она становится взрослой.

— Я тоже бурно реагировал, а вот ты…

— По-моему, со стороны Дины это было смело и честно. Карна все равно догадалась бы об их отношениях, увидев Акселя. Все тайное в конце концов становится явным.

Вениамин поднял глаза от журнала:

— Ей сегодня не хотелось идти к Дине, чтобы играть.

— Да, но я настояла. Она рассердилась на меня и даже дерзила.

— Ты поставила ее на место?

— И да, и нет.

— Как это понимать?

— Я сказала, что, если ей что-то не нравится, лучше сказать об этом прямо, чем упрямиться.

— Ты слишком церемонишься с ней. Она не должна…

— Кроме меня, у нее есть ты. А ты далеко не всегда с ней церемонишься.

Вениамину нечего было возразить, и он улыбнулся.

— Но она все-таки пошла?

— Да. Но сперва прочитала мне вслух из Библии про распутство. Она

собиралась прочитать это и Дине.

— И что ты сказала ей?

— Что хотя когда-то эта Библия принадлежала Дине, Дина вряд ли оценит, если она прочтет ей это вслух.

Вениамин сложил журнал.

— Они как-нибудь договорятся, — равнодушно заметил он.

Анна вытерла перо, промокнула написанное пресс-папье и закрыла журнал.

— Может быть, — сказала она задумчиво. — Похоже, Карна на нас сердита больше, чем на Дину. Неприятно видеть тех, кого любишь, такими, какие они есть…

Вениамина охватила тревога. Заметила ли это Анна?

— Вернемся к Акселю. Что мы будем с ним делать? Прошло столько лет! — Он быстро взглянул на нее.

Она с улыбкой наблюдала за ним:

— Ты хочешь, чтобы я тебе сказала, к кому из нас он посватается — ко мне или к Дине?

Он засмеялся, положил ноги на стол и откинулся на спинку стула.

— Как я понимаю, он собирается жениться на третьей женщине. И ты еще не вдова!

— Значит, он посватается к Дине, — сказала Анна.

— Ты забыла, что он собирается жениться?

— Думаю, это пустые угрозы, чтобы заставить Дину обратить на него внимание.

— Да ты просто сыщик!

— Нет. Но мне интересно, понравится ли тебе Аксель в роли отчима.

— Не понравится, черт бы меня побрал!

Когда до Вениамина дошло, что она говорит серьезно, он вспылил:

— Что ему делать в Нурланде?

— Он может стать помощником своего пасынка, — съехидничала Анна.

— Тебя не пугают поступки Дины? — раздраженно спросил он.

— Нет, после всего, что ты рассказал мне в пакгаузе Андреаса.

— Ты сказала ей, что все знаешь?

— Конечно нет! Но надеюсь, она сама вскоре мне расскажет.

— Почему ты так думаешь?

— Она начинает с мелочей… например, с Акселя.

— Она тебе неприятна?

— Неприятна? Нет. Одно время я немного боялась ее. Мне казалось,

что она может проделать это еще раз. Но если ты примирился с этим, значит, могу примириться и я.

Вениамин вдруг подумал, что школьники любят Анну, хотя она не разрешает им шуметь на уроках.

— Кроме того, она принимает меня такой, какая я есть. А это редкое качество для свекрови, — прибавила Анна.

— Откуда ты знаешь, что она тебя принимает?

— По-моему, она всегда ясно дает понять, если ей кто-то не нравится.

— Я имел в виду: откуда ты знаешь, какие бывают свекрови? — Он засмеялся, и атмосфера разрядилась.

— Я переписываюсь с моей сестрой.

— И вы обмениваетесь опытом относительно свекровей?

— Нет, это она жалуется и на свекровь, и на мужа. Я не жалуюсь. — Анна стала серьезной.

— Почему же?

— Я сама тебя выбрала.

Он перегнулся через стол, взял ее руки и поцеловал кончики пальцев.

— Думаешь, все дело в выборе?

— Да. И уж раз я сама сделала выбор, сама и должна терпеть, если бывает больно.

— А бывает больно? Из-за меня?

— Я отказалась от своей прежней жизни.

Он смотрел на ее коротко остриженные ногти.

— Из-за меня?

— Из-за себя. Мне нужен был ты.

Она пошевелила пальцами в его руке. В нем проснулось желание.

— Иногда мне кажется, — сказал он, — будто мы — семена, которые несет ветром. Ты и я. И это моя вина.

— Потому что ты не можешь вырваться отсюда?

— Да. Ты разочарована, что я ничего не добился, чтобы ты и твой отец могли гордиться мной?

— Не говори глупостей! То, что ты делаешь здесь, в тысячу раз важнее, чем торчать в Копенгагене над микроскопом. Неужели ты сам этого не понимаешь?

— Иногда я бываю разочарован в себе.

— Тогда почему ты не уедешь отсюда?

— Не знаю… Наверное, не хватает предприимчивости.

— Ты достаточно предприимчив, но, может, что-то удерживает тебя здесь?

Вениамину стало стыдно. Он попробовал увидеть себя ее глазами. Кто же он на самом деле, черт побери?

Он сидел на стуле для пациентов и держал во рту ее пальцы. Желание росло и волновало его, он заметил, что она все понимает.

Но у него в сердце горели полные отчаяния глаза Ханны. Он разрывался на части. И вдруг услыхал свой игривый голос:

— Госпожа докторша, не можете ли вы выписать мне лекарство от непостоянства и трусости?

— Нет, милый господин Грёнэльв. В аптеке нет такого лекарства. Вам придется найти его в собственной душе.

— Вы считаете, что у меня есть душа?

— Несомненно. Но в последнее время вы слишком увлеклись внешней стороной жизни и не замечаете, что упускаете день за днем. Вы сделались слишком нужны своим больным и перестали замечать, что упускаете также и ночи.

— Что же мне делать, госпожа докторша?

— Вы должны рано ложиться спать вместе с вашей женой, и это доставит вам радость, хотя вы и не можете увезти ее в Копенгаген, чтобы там портить себе глаза за микроскопом.

— Это приглашение?

— Нет, серьезное предупреждение.

Они весело смотрели друг на друга. Он все еще держал во рту ее пальцы.

Глава 8

Карна сразу поняла, что этот человек одет с большим вкусом. У него была трость с блестящим набалдашником. И большая, растрепанная, как у тролля, борода. Он спустился по трапу с толстой сигарой в зубах.

Как только он оказался на пристани, все изменилось. Он и не думал здороваться ни с кем за руку.

Большими шагами он подошел к бабушке, поднял ее и подержал на руках. Потом опустил на землю, взял сигару двумя пальцами и буркнул что-то ей в грудь.

Карна огляделась по сторонам. Так и есть! Все смотрят на них. Ни одному взрослому мужчине не пришло бы в голову проделать такое на пристани у всех на глазах.

Но бабушка только смеялась и не мешала ему. Он долго не замечал никого, кроме нее. Нет, Карне он решительно не нравился.

Потом он снова зажал сигару зубами и быстро заговорил. Наклонившись к бабушке, он сообразил, что сигара ему мешает. Тогда он выплюнул ее, и она медленно тлела на просмоленных досках пристани, а он ткнулся носом в лицо бабушки.

Два матроса спустили на пристань его багаж. Два ящика с наклейками, предупреждающими, что в них находится вино и водка. Потом чемодан и докторский чемоданчик.

— Я не привез нот! И ни одной чертовой книги! — воскликнул он, размахивая руками.

Когда этот огромный датчанин заметил папу, он отпустил бабушку и, даже не поздоровавшись, крикнул густым басом:

— Черт бы тебя побрал, Вениамин, как же ты постарел!

Схватив папу, он повертел его во все стороны, обнял за шею и прижался лбом к его лбу, как будто плакал.

— Зато не разжирел, как ты! — крикнул ему папа так, что все вздрогнули. Потом папа ткнул кулаком гостю в живот, и тот задохнулся.

Карне показалось, что приезжий похож на Голиафа с картины, висевшей на лестнице у пробста. Такой же грубый и неотесанный. Такие же мощные мускулы, острые глаза и плотоядный рот.

Никто никогда не называл папу старым!

Здороваясь с Анной, он глубоко поклонился и, не сказав ни слова, поцеловал ее руки. Но, кланяясь, он закатил глаза и покосился на нее. Словно она принадлежала ему.

Карна повернулась к ним спиной и хотела уйти, но папа окликнул ее. Ей пришлось поздороваться с гостем.

— Так это и есть дитя человеческое со Стуре Страндстреде? — спросил он утробным голосом. Губы у него улыбались, но смотреть на них было противно. Гость, как перед маленькой, присел перед Карной на корточки. Она не смутилась.

— Встаньте! Ваше пальто лежит в луже! — сказала она и протянула ему руку, подав пример, как нужно себя вести.

Он тут же вскочил и поцеловал ей руку. Рука у нее стала мокрой, щеки запылали.

Этого человека определенно следовало побить каменьями за распутство!

— Черт бы тебя побрал, Вениамин! Как у человека с твоей внешностью могла родиться такая красавица? У вас тут, наверное, сам воздух красит женщин? Ты посмотри на Анну! И на Дину! Боже милостивый, неужели все дело в этой отвратительной рыбе, которой кишит ваше море!

В обеих люстрах столовой горели восковые свечи. Снаружи на двери опять висела табличка.

Аксель наклонился к бабушке и что-то тихо сказал ей по-немецки.

— Мы здесь немного знаем немецкий, — заметила Карна.

— Очень приятно. И что же я сказал? — насмешливо спросил он.

Все засмеялись. Папа тоже. Карна покраснела и не ответила. Ей казалось, что Анна заигрывает с гостем. У нее пылали щеки и блестели глаза, когда она обращалась к нему. Словно это был какой-то принц.

По другую сторону от Анны сидел Олаисен, он все время улыбался и называл ее «фру Анна». Папа сидел между Ханной и Карной. Но Ханна почти не принимала участия в разговоре.

Бабушка сидела во главе стола. Волосы у нее были зачесаны вверх. Карне она казалась чужой.

Папа через стол разговаривал с Акселем, словно они были детьми. Это выглядело глупо. К тому же папа все время очень быстро говорил по-датски.

Олаисен, не спуская с бабушки глаз, сказал, что они должны создать пароходную компанию.

Бабушка согласилась — это неплохая мысль. Олаисен воодушевился: он хочет заставить правление управы продлить дорогу на юг.

— Фру Дина скоро заметит это по своей прибыли, — сказал он.

— Несомненно. — Бабушка кивнула и спросила у Ханны, как поживают мальчики.

— Спасибо, хорошо, — тихо ответила Ханна.

Она была как будто окутана пеленой. Может, Ханна всегда была такая, только Карна не замечала этого? Под этой пеленой она жила тайной жизнью и настораживалась, как только кто-то хотел проникнуть в ее убежище.

Карна почти перестала слушать разговор взрослых. Ей было интересней смотреть на них. Тогда она лучше их понимала.

Обед закончился, подали кофе, и бабушка сказала, что, если гости обещают не звякать чашками и рюмками, Анна им сыграет.

— А почему не ты, Дина? — спросил Аксель.

— Не сегодня.

— Тогда сыграешь для меня соло, когда гости уйдут!

— В другой раз, — сказала бабушка и положила руку ему на плечо.

— Нет, сегодня! Или я уеду обратно на первой же барже!

Бабушка засмеялась и покорно пошла за виолончелью. Это было странно. Обычно, если она говорила, что не хочет играть, она не играла.

Наконец она вернулась, и все захлопали. Они с Анной пошептались над нотами и заняли свои места, словно, кроме них, тут никого не было.

Аксель повернулся к Ханне.

— Фру Олаисен, могу я пригласить вас на танец, раз уж у нас будет музыка? Вы разрешите? — обратился он к Олаисену, который закашлялся, глотнув табачного дыма.

— Вы разрешите? — повторил Аксель.

Олаисен кивнул.

Удивленные глаза Ханны смотрела на Акселя. Пелена как будто спала с нее. Сперва в ее глазах был испуг, словно ей казалось, что он слишком высок для партнера.

Потом она оживилась. На ней было желтое платье, украшенное лентами кофейного цвета. Черные волосы заколоты на затылке в тяжелый пучок, они поблескивали, когда Ханна поворачивала голову. Какая Ханна красивая, когда выходит из своей оболочки, подумала Карна.

Анна с улыбкой сидела за роялем, бабушка склонилась над виолончелью.

Они заиграли цыганскую мелодию, грустную и одновременно веселую.

Аксель поклонился Ханне и вывел ее на свободную площадку между столиками и роялем. Он держал ее, словно она была хрупкой маленькой куклой. Кружил и смотрел только на нее. Со стороны казалось, что верхняя часть его туловища — плечи, шея и крупная голова — то и дело падала на

Ханну.

И Карна вдруг подумала, что не всегда тот, кого побивают каменьями, бывает плохой. Как он держал Ханну! Отстранив от себя, словно боялся, что она может об него уколоться, но так крепко, что ее ноги едва касались пола.

Это видел и Олаисен. Он расстегнул воротничок и манжеты. Несколько раз, прикрыв один глаз, смотрел в рюмку с коньяком, как будто обнаружил в ней дырку.

Потом Аксель пригласил на танец Карну. Но Карна наотрез отказалась. И он продолжал танцевать с Ханной, больше уже не спрашивая разрешения у Олаисена.

Анна и бабушка заиграли что-то незнакомое и быстрое. Аксель приподнял Ханну и закружил ее. Когда танец кончился, папа зааплодировал. Ханна уже не была такой бледной, как вначале.

— Олаисен, благодарю вас за ваше великодушие! Ваша жена изумительно танцует! — Аксель поцеловал Ханне руку и отвел ее к Олаисену.

— Карна! Спой нам, пожалуйста! «Ты — мой покой» Шуберта, — попросила вдруг бабушка.

Карна уже думала, что о ней все забыли и что бабушка так и не попросит ее спеть. Но она не забыла! И Анна успела приготовить ноты, покуда Карна шла к роялю.

Карна была счастлива. Она постаралась стать поустойчивее, и в то же время она не чувствовала под собой пола. Стала невесомой. Сейчас она могла бы даже летать. И она сама, и мир обрели необыкновенную легкость. Как дуновение ветра.

Анна взяла первые аккорды, и все, кроме музыки, перестало существовать. Радость Карны была необъятна, как горе. Они захотели послушать, как она поет! Наконец захотели!

Она открыла рот и протянула первые слова сквозь музыку. Бережно. Осторожно. И все присутствующие исчезли, хотя она знала, что они сидят там. Слова звучали тихо-тихо. Только для нее.

Когда она спела гётевского «Короля в Фуле», Аксель, не переставая аплодировать, подошел к ней. К удивлению Карны, на глазах у этого датского великана блестели слезы. Неужели это и в самом деле так грустно?

Ближе к ночи, когда Карне уже полагалось спать, Аксель опять стал таким, каким был на пристани.

Он заговорил о том, что называл «бедой медицинской науки».

— От женщин отрезают кусок за куском. Словно это говядина.

— Перестань! — воскликнула бабушка.

— По-моему, хорошо, что врачи своими операциями возвращают людям здоровье, — сказала Анна.

— Здоровье! Айзек Бейкер Браун из страха перед так называемой женской истерией, эпилепсией и душевными заболеваниями искалечил сотни женщин, прежде чем его остановили.

— Но ведь он был англичанин? Истории известны случаи, когда некоторые из них делали людям полостные операции только затем, чтобы узнать, какой пудинг те ели, — сказала Анна.

Папа с удивлением посмотрел на нее.

— Вениамин! Мы с тобой должны заняться гинекологией. Вместе! Женщин нужно спасать.

— Почему же вы этого не делаете?

— Вот именно, к чему все эти разговоры? Почему бы не заняться делом?

— Аксель, ты считаешь, что оперировать женщин становится манией?

— А ты? Неужели тебе не известен этот вид безумия? Некоторые врачи — настоящие мракобесы и фанатики. Они оперируют, чтобы приобрести известность и набить руку. А в результате изуродованные, несчастные женщины даже не знают, что лишились некоторых жизненно важных функций и органов.

— Но это же преступление! — воскликнула Анна, — И это происходит до сих пор?

— Да. Правда, не в таких размерах, как в шестидесятые годы. Теперь пострадавшие стали протестовать. Ведь нанесенный им ущерб нельзя исправить. Часто такие операции проводятся без согласия мужей.

— При чем тут согласие мужей? Разве режут их плоть? — спокойно спросила бабушка.

— А что врачи оперируют? — Карна не могла удержаться от вопроса. Она видела, что взрослые совершенно забыли о ее присутствии.

— При сальпинготомии у женщин из полости живота удаляют важные органы даже в тех случаях, когда с медицинской точки зрения в этом нет необходимости, — сказал Аксель. — Это преступление. Некоторым хирургам место не в больнице, а в мясной лавке.

Карна хотела спросить, что такое сальпинготомия, но вдруг почувствовала усталость. Папа взглянул на нее, словно хотел сказать: «Не обращай внимания на Акселя. Он всегда такой».

— Но ведь какие-то болезни лечатся только так? — спросила Анна.

— Нервные расстройства. Женская истерия, эпилепсия. Возможно, и душевные заболевания…

— Эпилепсия не является ни женской истерией, ни душевным заболеванием, — ледяным голосом сказал папа, глядя в глаза Акселю.

— Я знаю, знаю. Но попробуй убеди этих мясников! Более молодые доктора понимают, что это чистое операционное безумие. Или операционная истерия, если угодно. Ведь даже Дарвин доказал…

— Аксель, дорогой, сейчас не время для длинных лекций! — строго сказала бабушка, словно выговаривала человеку, который недостаточно хорошо выполнил свою работу. Аксель согласился с ней, кивнув как будто всем телом.

Олаисен сидел с открытым ртом, он молчал уже давно.

Ханна не спускала глаз с Акселя, словно не верила, что он настоящий. Анна же, напротив, была сердита.

— Разве эпилепсия сидит в животе? — шепотом спросила Карна.

— Нет! — Папа бросил на Акселя сердитый взгляд.

Аксель как будто опомнился. Он страшно покраснел, подошел к Карне и взял ее руки в свои.

— Прости глупого, невоспитанного старика!

Карна одновременно почувствовала прикосновение его кожи и тошноту. Она оттолкнула его и хотела встать. Но лица и предметы уже завертелись вокруг нее. Сперва медленно, потом быстрее, быстрее. Запах тела затянул ее в свою воронку. Упав на что-то, она ощутила острую боль, но где, так и не поняла.

Вилочка для торта оставила красную царапину у нее на щеке. Закатившиеся глаза не заметили королевского датского фарфора. От удара детской головы тарелочка раскололась пополам.

Аксель, стоявший ближе всех, подхватил Карну на руки. Но Вениамин бросился к нему и унес ее из комнаты.

— Меня надо повесить! — сказал Аксель, беспомощно оглядываясь по сторонам.

Ему никто не ответил.

Карна почувствовала на себе папины руки. Узнала слабый запах сигары, когда он, нагнувшись, вытирал ей лицо. И все время он, как обычно, звал ее по имени. В этом мире не было никого, кроме них.

Потом Анна принесла ей чистую одежду и села рядом с ней, а папа

спросил, хочет ли она поехать домой. И тогда наконец Карна сказала то, что все время вертелось у нее в голове:

— Ни на какое обследование в Копенгаген я не поеду. Когда они меня увидят, они захотят меня оперировать.

— Никто не будет тебя оперировать! И вообще не заставит делать то, чего ты не хочешь. Будь спокойна. Ты только разбила голову… и фарфоровую тарелку. — Папа улыбнулся, но это была ненастоящая улыбка.

— Почему ни у кого больше не бывает припадков? Только у меня?

— Потому что ты особенная. Многие выдающиеся люди страдали падучей.

— Выдающиеся?

— Да, люди, которые кое-чего добились в жизни.

— Я сейчас только злюсь на него, — бессильно сказала она.

— Это пройдет.

— Папа, прочти мне Евангелие от Матфея, глава семнадцатая, стих пятнадцатый и дальше. Иначе я не смогу дойти до дому, — прошептала она.

Папа пошел за сумочкой, в которой лежала Библия. Она сама раскрылась на нужном месте. И он прочел тихо, но внятно:

— «…сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния беснуется и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду; Я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его. Иисус же отвечая сказал: о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне сюда. И запретил ему Иисус; и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час».

Карна вздохнула и закрыла глаза:

— Дело не в голове и не в животе. Дело в вере! Правда, папа?

Глава 9

Биргит рассказала Карне, что люди не верят, будто высокий датчанин — обычный приезжий. Он занял в «Гранде» мансарду, но никогда ничего не заказывает. Еще на пристани люди поняли, что фру Дина и он — добрые знакомые.

— Аксель учился в Копенгагене вместе с папой.

— Почему же тогда он не живет у вас?

— Потому что ему больше нравится слушать рояль, чем пианино. Он ужасно любит рояль.

Биргит подозрительно посмотрела на Карну, но больше вопросов не задавала.

Аксель бродил по верфи, по рыбным фабрикам и болтал со всеми подряд. Карна понимала, что взрослый человек, который днем слоняется без дела, может здесь показаться странным. Люди плохо понимали его язык, хотя кивали ему и улыбались.

Однажды Карна пришла в «Гранд» и услыхала, как Аксель кричит, стоя под Дининими окнами:

— Дина! Если бы не ты, мне бы никогда не пришла в голову мысль похоронить себя в этом тумане вдали от цивилизации!

Бабушка высунулась из окна:

— Ну так перестань жаловаться и уезжай!

— Я останусь, пока меня отсюда не вышвырнут! — крикнул он ей в ответ.

Однажды, собираясь идти домой, Карна увидела в вестибюле Акселя, он простукивал грудь помощнику пекаря.

— Ты разговаривал с окружным доктором, молодой человек? — спросил Аксель.

— Да, но не из-за кашля.

— Ты кашляешь из-за муки?

— Да, но с этим ничего не поделаешь.

— Завязывай рот, когда месишь тесто. Или в один прекрасный день мука тебя задушит. — Аксель сильно хлопнул парня по груди.

И произошло чудо. После того как помощник пекаря стал завязывать рот и нос, когда месил тесто, кашель у него прекратился. С тех пор он постоянно ходил за Акселем по пятам и говорил, что больше не кашляет.

Иногда Аксель плавал на рыбалку. Карна слышала, как он жаловался бабушке, что совсем не умеет грести. Тогда Карна предложила поехать с ним в следующий раз, чтобы он не утонул.

Вообще с Акселем было интересно. Он вытягивал в лодку всю рыбу подряд. Любую — и крупную, и мелкую. И записывал в записную книжку ее размер и название. А потроша рыбу, отрезал от нее чуть не половину.

— Не умею чистить рыбу, — признался он Карне.

Грести с таким большим пассажиром было трудно. Иногда он сидел на корме и как будто дремал. Но вдруг начинал мурлыкать какие-то мелодии. Карне они не нравились.

— С твоей стороны было очень великодушно предложить мне свои услуги. Ведь ты на меня сердишься, — сказал он однажды.

— Откуда вы это взяли?

— Я не слепой.

Она задумалась над его словами и перестала грести. Потом решила: была не была.

— Я хотела побить вас каменьями за распутство!

Аксель вздрогнул и выпрямился.

— Вот черт!.. За что же это?

— За то, что вы с бабушкой были любовниками, хотя по Божьей заповеди она принадлежала тогда Андерсу.

— Почему же только меня, дитя мое? Ведь нас было двое.

— А вы слышали, чтобы кто-нибудь побил каменьями свою бабушку?

Он долго смотрел на нее, потом грустно сказал:

— Нет, должен признаться, не слышал.

Карна снова спокойно начала грести.

— И когда же ты собиралась побить меня каменьями?

— Как-нибудь вечером, когда вы шли бы мимо чердака пономаря. Я хотела набрать каменьев и засесть там. Но передумала.

— Вот как? Почему же?

— Не знаю, — честно призналась она.

— Ты необычная девочка, — сказал он уже у самого причала.

— С этим уже ничего не поделаешь, — вздохнула она.

— Но ты сильная и хорошо гребешь.

— Хоть что-то надо уметь делать самому, — сказала она. Ей хотелось, чтобы он понял, на кого она намекает.

В гостинице Аксель отнес ведерко с рыбой на кухню и потребовал, чтобы ему ее поджарили. Служанкам надоела его рыба. Но Аксель умел всех рассмешить. Он знал множество неприличных историй,

предназначенных не для женских ушей. Но все равно рассказывал их. И получал жареную рыбу в любой день.

Он утверждал, что ест рыбу для красоты, — иначе ему никогда не жениться.

Горничная шепотом рассказывала, что Аксель полуодетый разгуливает по коридорам или просит принести ему завтрак чуть ли не в полдень. Когда служанка приносит ему еду, он часто читает у окна, и хорошо, если на нем есть хотя бы исподнее. Она не знает, куда глаза девать.

Бергльот рассердилась и велела горничной не говорить глупостей.

— В другой раз поставь поднос у двери и постучи, он сам заберет его в номер.

— Я вовсе не хотела… — начала оправдываться горничная.

Однажды Карна пришла к бабушке без приглашения и застала у нее Акселя, он был без рубашки. Карна никогда не видела такого волосатого человека.

При виде Карны он воскликнул, словно ему грозила смертельная опасность:

— Не впускай сюда этого карающего ангела! Она побьет меня каменьями!

— Не глупи! — сказала бабушка, но она не сердилась.

Учителя епархии собрались на свою ежегодную встречу. Те, кто жил далеко от Страндстедета, остановились в «Гранд Отеле».

Карна должна была петь для них.

При виде Акселя, который спокойно сидел на крыльце и пил пиво, учителя переглянулись.

Карна пошла к бабушке:

— Ты должна выбранить Акселя. Он пил на крыльце пиво и опозорил нас перед учителями! Опозорил Анну, которая была там вместе с ними!

— Аксель не может нас опозорить. Он отвечает только за себя. И он любит пить на крыльце пиво.

— Но разве вы с ним не собираетесь пожениться?

Бабушка задержалась у секретера, разбирая свои бумаги.

— Не знаю, откуда ты это взяла. Нет, мы с Акселем не собираемся пожениться.

— Почему же он сидел у тебя без рубашки?

— Потому что снял ее, когда пришел ко мне, — серьезно ответила бабушка.

Карна растерялась. Не найдя больше слов, она опустила глаза. Бабушка

снова повернулась к своим бумагам.

— Я думала, он приехал сюда, чтобы просить тебя… — начала Карна.

— Он и просил.

— Значит, он тебе не нравится?

Бабушка улыбнулась, словно вспомнила что-то смешное:

— Он мне очень нравится.

— Но ты не выйдешь за него замуж?

Бабушка как будто не слышала слов Карны. Наконец она повернулась к ней:

— Нельзя выходить замуж только потому, что тебе кто-то нужен. Это приносит одни несчастья.

Вечером Карна услыхала, как один учитель шепнул другому, что видел, как этот пьющий пиво датчанин подбросил фру Дину к самой люстре.

— Что-то между ними определенно есть!

— И ведь он гораздо моложе ее. Его длинная борода никого не обманывает.

Слова «что-то между ними» звучали гадко.

Но после обеда Анна, бабушка и Карна дали свой концерт, и учителя обо всем забыли. Они благодарили исполнительниц, пожимали им руки и уверяли, что самым приятным на этой встрече был их концерт.

Один из учителей предположил, что такой концерт, данный только для них, дорого обошелся бабушке, но она ответила, что всегда рада доставить удовольствие своим гостям.

Аксель не пил пива, он почтительно сидел на стуле и слушал музыку.

Потом Карна слышала, как два учителя говорили, покидая гостиницу:

— Обществу трезвости вряд ли понравилось бы, что девочка видит, как мужчина пьет пиво среди бела дня. Но фру Дина в этом не виновата.

Другой с ним согласился и сказал шепотом:

— После концерта спиртных напитков не подавали. Только кофе и шоколад. И песочное печенье. Совершенно бесплатно!

Карна не знала точно, когда она впервые поняла, что Анну что-то гнетет. Но это было задолго до приезда бабушки.

И даже до того вечера, когда Анна встала из-за пианино с мокрым от слез лицом.

Карна не помнила, что тогда играла Анна, помнила только, как у нее дрожали руки, когда она, ошибаясь, снова и снова била по клавишам.

Наконец Анна встала и закрыла крышку. Постояла, склонившись над

блестящим инструментом, потом выпрямилась и огляделась с таким лицом, словно ее заперли в пианино.

Карна и потом видела у нее это выражение. Но не столь явное. Она даже подумала, что при папе Анна такой не бывает. Хотя уверенности в этом у нее не было.

Если ей случалось застать Анну врасплох, она видела следы этого выражения. Оно как будто витало в воздухе вокруг Анны. Карна не могла бы определить его словами, но угадывала безошибочно.

По тому, как Анна наклонялась к пианино, потирала руки, согревая их перед игрой, прикрывала глаза, беря первые аккорды. И наконец полностью погружалась в музыку.

Может, это было связано с папой, с чем-то, что он говорил или делал. И потому отчасти в этом была вина и Карны.

Однажды Анна пришла к ней в комнату — им надо поговорить. Карна решила, что разговор пойдет об уроках. Ее успехи в занятиях оставляли желать лучшего. Она кивнула и приготовилась к неприятному.

Анна села к ней на кровать, лицо у нее было доброе.

— Хочу поговорить с тобой, пока не поздно, — сказала она.

Карна похолодела.

— О том, что значит быть женщиной. Взрослой женщиной.

И Карна услышала то, о чем не могла и помыслить. Разговор начался с такого, что Карна не смела поднять глаза, а кончился тем, что они вместе немного поплакали.

Анна открыла ей свое горе — у них с папой никогда не будет детей. И в то же время Карна узнала, что ожидает ее самое. О крови, которой не следует бояться. О тяге мужчин и женщин друг к другу и необходимости ждать единственного верного. О боли. О радости. Прежде всего о радости.

— Я папина дочка, но и твоя тоже, — сказала Карна, не понимая, себя или Анну ей хочется больше утешить.

— Конечно. У нас есть только ты, — сказала Анна.

Так она стала частицей Анниного горя.

И все-таки она была только папина. Они имели право сердиться и кричать друг на друга. Когда папа уставал от нее, он употреблял слова, которых пробст ни за что не одобрил бы.

Случалось, Карна так буйствовала, что у возницы лошадь вставала на дыбы, а тугая на ухо дворняжка искала убежища в кустах красной смородины. Обычно это бывало, когда папа обещал взять ее с собой, но

менял решение, узнав, что человек, к которому он едет, возможно, болен тифом.

И все-таки она была папина. Изменить это было невозможно. Если папа умрет, умрет и она!

С Анной было сложнее. Анна жила с ними. И была папина. Вернее, Вениаминова. Так же как папа был Карнин. У каждого кто-нибудь должен быть.

Но теперь она сказала Анне, что она не только папина дочка, но и ее тоже. И это следовало соблюдать. А как такое соблюдают, Карна не знала.

Она начала каждый вечер перед сном немного думать об Анне. Например, если бы Анны не было, она бы до приезда бабушки не научилась играть на пианино. И не разучила бы столько песен.

А кто читал бы ей вслух все рассказы и книги, которые папа считал скучными?

Кто гулял бы с ней по берегу и сажал цветы? Или заботился бы, чтобы к очередному празднику у нее было новое платье? А папа наверняка ходил бы скучный, сердитый и по нескольку дней не брился.

Карне не нравилась только строгость Анны. Испытывать ее на себе было мало удовольствия. Возразить Анне можно было, только оставив комнату. Анна никогда не бранила ее и не старалась сгладить их разногласия.

Напротив, она подчеркивала их и ждала, пока они не поблекнут. Ей ничего не стоило сказать папе:

— Вчера мы с Карной поспорили. Я говорила, что неразумно гулять по берегу у самой воды, потому что можно промочить ноги. Она со мной не согласилась. И вот сегодня она простужена.

Так Анна показывала, что не боится никого из них, даже если они были заодно. И заставляла папу задуматься о том, что разумно, а что неразумно.

Иногда папа смеялся, иногда был грустный и усталый. Он редко соглашался с Анной. И еще реже — с Карной. Но в таких случаях Анна не обижалась.

— Ну что ж, значит, двое против одного, — говорила она, — Придется мне с этим смириться.

После разговора с Анной тело перестало быть противным.

В женском теле не было ничего позорного. Что из того, что оно ей не по душе? Раньше она думала, что может по желанию остановить свой рост. Но он не подчинялся ее желаниям.

По мнению Карны, Анне повезло, что у нее нет детей. Но она

помалкивала об этом. Она редко видела грудных младенцев, но все они были ужасно крикливые.

Сама она не хотела иметь детей. Пусть, как говорит Анна, мужчин и женщин тянет друг к другу, но она этому не поддастся. Ее никто не заставит иметь дело с мужчинами. Мальчики Карне тоже не нравились. Они были глупые, и от них противно пахло.

Вот если б они были как папа!

Глава 10

— Я попал в немилость к дамам «Гранда», теперь моя жизнь разбита! — сказал Аксель и развалился в лучшем кресле. — Пришел к тебе за утешением.

Вениамин видел, что его друг изрядно пьян.

— Что ты натворил? — спросил он.

— Помешал Дине и Анне в их сладострастном слиянии с Брамсом.

— Каким образом?

— Нежными поцелуями. — Аксель вздохнул.

— Кого же из них ты поцеловал?

— Обеих.

— Стыда у тебя нет! Мою мать и мою жену! — Вениамин засмеялся, но ему стало неприятно.

— Стыда? А чего тут стыдиться? У тебя не найдется рюмочки?

— Ты мало выпил?

— То было уже давно. Давно, слышишь? — воскликнул Аксель.

— Тише! Разбудишь Карну и служанку, — сказал Вениамин и налил две рюмки.

— Я трус! — Аксель выпил свою рюмку.

— Ты всегда был трусом, — утешил его Вениамин.

Аксель понурился, словно хотел задремать. Потом с мольбой протянул Вениамину рюмку, и Вениамин снова наполнил ее.

— Ну? Может, объяснишь, что случилось?

— Она меня выгнала.

— Это не самое плохое, что она могла сделать, — буркнул Вениамин.

— Посмотри на меня, друг! Неужели меня нельзя полюбить?

Разговор вдруг принял опасный поворот.

— По-моему, можно, — тихо сказал Вениамин.

— Ты в этом уверен?

— Да!

— Почему же тогда меня никто не любит?

— Ты напрасно тратишь время на Дину!

— Тебе этого не понять. Она у меня в крови. Для меня она лихорадка и испарина, воспаление и очищение. Все! А вот ты, проклятый обольститель, ничего о любви не знаешь!

— Я подумаю над твоими словами. А сейчас успокойся!

— В этих слухах есть доля правды? — Аксель шмыгнул носом.

— В каких слухах?

— Что председатель Олаисен бьет свою жену, потому что она бегает за окружным доктором.

Вениамин отставил рюмку.

— Кто это сказал?

— Сестра пекаря, как там ее зовут. Двое рабочих на верфи тоже болтали об этом, но совершенно невинно…

— Ты ходишь и собираешь сплетни, как баба, которой нечего делать?

— Тише, тише, зачем столько эмоций? Значит, доля правды в этом все-таки есть? — Аксель опять шмыгнул носом.

Карна знала, что этот разговор не предназначался для ее ушей. Они ее не видели, потому что портьеры между гостиной и столовой были задернуты, но двери оставались отворенными.

Она никогда не старалась ступать потише. Но почему-то сегодня… Наверное, потому, что у папы кто-то сидел, а она была в ночной сорочке. Она уже давно легла спать, но ей захотелось пить.

Голос Акселя! Карна остановилась.

— Черт бы тебя побрал! Ты все еще не унялся?

Папа что-то ответил, но она не разобрала слов.

— Пустых обвинений не бывает! Из-за одних подозрений никто не станет избивать жену до смерти. В этом должна быть доля правды!

— Я тебе уже говорил, как он объяснил случившееся. Зря, наверное… Я думал, ты друг.

— Я добровольно отказался от Анны, чтобы она могла уйти к тебе.

— Не разыгрывай из себя святого! Ты уже тогда прилепился к Дининой юбке! Давай окончим этот разговор, пока не поздно.

— Значит, ревнивец Олаисен прав?

— Аксель, перестань! — тихо попросил папа.

— Меня тошнит от тебя!

— Не читай мне мораль! Ты сам приехал к Дине, хотя собираешься жениться на другой. Ты рассказал своей невесте, что собираешься победить здесь не только горы?

Послышался звук удара. Громкий. Потом еще один. И все затихло. Карна слышала только громкое пыхтение. Один из них, а может, и оба раскуривали сигары.

— Нет. И дело не в этом, — сказал наконец Аксель не совсем уверенно.

— А в чем же?

— Я приехал, чтобы увезти ее отсюда или самому остаться здесь. Про

женитьбу я написал нарочно, чтобы… Но она послала меня к черту! Меня, молодого и красивого! Слышишь, ты, идиот?

Аксель как-то странно засмеялся. Карне стало не по себе.

— А ты сам! — продолжал Аксель. — У тебя есть все, и ты ничего не бережешь.

Карна почувствовала приближение припадка. Нет, нет, только не здесь! Она поднялась по лестнице и села на пол, опустив голову между колен. Тошнота медленно проходила.

Неужели побить каменьями следовало папу?

Рюмки были пусты.

— Вениамин, что означает твой туманный, как у оракула, ответ?.. Про Ханну, жену Олаисена. Бы в юности любили друг друга? — Аксель вытер под носом рукавом рубашки. Скомканный сюртук валялся на полу.

— Мы вместе выросли. Когда я вернулся из Копенгагена…

— Ты так тосковал по ней в Копенгагене, что обрюхатил другую! И так привязал к себе Анну, что ей уже не вырваться, — с горечью сказал Аксель.

— Зачем видеть во всем только плохое?

— С этим ты справишься и без меня! Неужели это того стоит?

— Катись к черту! Я не встречал ее уже…

— Вот-вот. — Аксель шмыгнул носом.

— Ну хорошо, иногда мы видимся. Ей нужен близкий человек. И она говорит, что он бьет ее независимо…

Аксель открыл рот от изумления.

— Принеси еще бутылку! — просипел он.

— Хватит с тебя!

Они сидели, наклонившись друг к другу, и не спускали друг с друга глаз.

— Я не могу ничего объяснить. Не могу думать… Она тоже. Это сильнее нас.

— Так он прав? Это был твой ребенок?

— Нет!

Аксель хотел встать, но сполз обратно в кресло и спросил почти с благоговением:

— И это будет продолжаться?

— Страндстедет небольшой. Я не могу избежать встреч с Ханной, если ты это имеешь в виду. Но я не сплю с ней! Мы только разговариваем! Понимаешь?

— Фу, черт! Только что верблюд у меня на глазах пролез сквозь игольное ушко.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты, безусловно, попадешь в рай.

Они помолчали. Аксель высморкался в сложенный платок и взмахнул им.

— Если я узнаю, что ты изменил Анне, я тебя убью!

— Ты пьян, — сказал Вениамин.

— Спасибо, а то я не знал! Бутылка пуста! — Вскоре он вздохнул и сказал: — Мне следовало помнить, как ты умеешь все переворачивать таким образом, что разговор будет идти только о тебе и твоих делишках.

Вениамин пошел за новой бутылкой.

Когда Анна вернулась домой, они лежали в обнимку на полу возле книжного шкафа. Вениамин тяжело дышал в бороду Акселя. Громкий храп взлетал к потолку.

Она с удивлением долго смотрела на них. Потом осторожно опустила шторы на окнах. Не подняв упавшую бутылку и не убрав со стола, она укрыла их пледом и тихонько вышла из комнаты.

И прикрепила к двери записку для служанки: «Не тревожьте доктора, он спит в гостиной!»

В тот день, когда уезжал Аксель, дул свежий ветер. Бабушка не пошла провожать его на пристань. Но зашедшую к ней Карну встретила в дверях.

— Мне сегодня не до разговоров, — сказала она в щелку. — Даже с тобой.

Кажется, она плакала.

Карна кивнула и вышла на ветер. Пароход шел с трудом, он еще не миновал Тьювхолмен.

Папа уже поднялся к дому, поэтому Карна пошла к Биргит. Там ей обрадовались. Печь у них еще не топилась, потому что труба дымила при западном ветре.

— Карна была бы очень хорошенькой, если б она хоть иногда улыбалась, — сказала вдруг мать Биргит.

Но Карна не видела в этом ничего забавного, сегодня все было не по ней. Она поджала губы.

— Я человек серьезный, — сказала она. Иногда это служило ей утешением. Конечно, она где-то вычитала эти слова, но ведь мать Биргит этого не знала.

— Тебе идут распущенные волосы, пусть все видят, какие они красивые. — Мать Биргит не сдавалась.

Биргит вся съежилась.

— В Библии об этом ничего не говорится, — ответила Карна и начала надевать накидку. Здесь стало слишком жарко.

Через минуту она снова оказалась на ветру. Сегодня ей нигде не было места.

Поднявшись в свою комнату, она заплела косы еще туже и заколола их на затылке, как закалывают пожилые женщины. Остался лишь маленький локон возле уха.

Отныне она будет носить эту прическу до самой смерти!

Поглядевшись в зеркало, Карна спустилась к папе и Анне.

— Может, мне лучше носить распущенные волосы, чтобы все видели, как они вьются? Как по-вашему?

Не поднимая глаз от газеты, папа начал рассказывать Анне о разногласиях амтмана с председателем местной управы — амтман считал, что не следует вкладывать столько средств в южную дорогу.

Анна пробормотала «да-да» и даже не взглянула на Карну — она только что получила письмо из Копенгагена.

Карна подошла к папе и повторила вопрос.

— Это и так видно. Но если тебе самой кажется… Мне все равно, — ответил он, так и не подняв глаз от газеты.

Карна пошла на кухню за ножницами. Потом вышла с ними на крыльцо и прижала ножницы к голове. Дело было сделано.

Анна заметила каштановые пряди, летевшие мимо окна. Она выбежала на крыльцо и увидела Карну с обкромсанными волосами. Она была похожа на каторжника.

До того как Карна должна была в церкви отвечать перед Богом и прихожанами на вопросы пастора, оставалось семь дней.

— Что ты наделала?

Голос Анны звучал точь-в-точь как у матери Биргит. В дверях показался папа. Он онемел от удивления. Потом схватил Карну за руку:

— Ты с ума сошла? Я тебя выпорю!

— Ты сам сказал, что тебе все равно! Что и так видно, как они вьются!

— Ты собираешься явиться на конфирмацию с головой, похожей на помело? — крикнул папа.

Его вид внушал опасения. Он весь побелел. И был угрожающе близко.

Карна чувствовала на лице его дыхание и брызги слюны. Но слов его не понимала.

Анна встала между ними.

— Давайте успокоимся, — сказала она, как будто обращалась к ученику, которого все в школе звали Эдвард Дурачок.

Она забрала у Карны ножницы и спрятала их за спину. Неужели она думала, что Карна хочет остричь и папу?

— Откуда мне было знать, что вы так дорожите моими волосами? Вы ничего не говорили об этом. Только мать Биргит сказала, что у меня красивые волосы. А ты сказал, что тебе все равно!

Служанка высунулась из окна кухни и с открытым ртом наблюдала за ними.

— Идемте в дом, — сказала Анна.

— Чертова девчонка! — крикнул папа и тут же добавил: — Господи, до чего же она похожа на Дину!

Он произнес это с отвращением, потом повернулся и скрылся в своем кабинете.

Анна занялась волосами, которые еще уцелели на голове Карны. Она вымыла ей голову, сполоснула волосы можжевеловой водой, высушила мохнатым полотенцем и красиво причесала, сделав пробор с правой стороны.

Некоторое время она с ужасом разглядывала свою работу, но постепенно ужас сменился одобрением. Наконец она нашла в своей шкатулке жемчужную заколку и заколола волосы с одной стороны. Потом, склонив голову набок, окинула Карну оценивающим взглядом.

— Тебе идет такая прическа, — твердо сказала она.

Весной пастор сказал, что Карна еще слишком молода, чтобы конфирмоваться этим летом. Анна поговорила с ним, и было решено, что Карна все-таки пойдет на конфирмацию.

Однако когда началась подготовка, пастор пожаловался Анне. Карна Грёнэльв умная и сообразительная девочка, но учит только то, что ей нравится. И воображает, что знает Библию лучше самого пастора. Она надменна и разговаривает с учениками только в крайнем случае. Да, она высокомерно удерживала их на расстоянии, пока они не сдались и не оставили ее в покое. Кроме того, она поет, отвечая урок, независимо от того, имеется ли мелодия к этому отрывку. Это всех отвлекает от занятий. Такое поведение недопустимо, даже для докторской дочери.

Анна и папа одинаково строго отнеслись к этому. Карна поняла, что они сговорились. Поэтому она наклонила голову и не проронила ни слова.

— Ты не должна так вести себя! — воскликнул папа.

Карна не ответила. И только когда Анна настойчиво напомнила, что на конфирмации ей придется перед всеми говорить о своей покорности и вере, она сказала:

— Я не чувствую себя виноватой. Но раз ты просишь, я больше не буду петь. Буду только говорить, даже то, что обычно поют.

В день конфирмации у Карны было чувство, будто она осталась последней в их роду. Будто ее жизнь была помечена искрой сотни лет тому назад. Во всяком случае, задолго до того, как она появилась на свет. И все стояли тут до нее лишь для того, чтобы пришел и ее черед.

Она смотрела на серьезные лица взрослых. На толстые каменные стены. Из-за игры света картина все время менялась, словно жила собственной жизнью.

Наверное, сам Бог сидел на вершине дерева и глядел на нее через окно, отчего окно сверкало и переливалось. И с каждым движением Бога, старавшегося получше рассмотреть ее, узор теней менялся.

Темные углы вдруг освещались, а стены, напротив, прятались в сумраке и почти исчезали. А все потому, что Бог сидел на дереве и раздвигал ветки, чтобы лучше видеть ее.

И над всем этим звучали призывы, наставления и приговор пастора. Он-то не обращал внимания на то, что делает Бог.

Припадок случился, когда Карна опустилась на колени, чтобы причаститься Святых Даров. Хуже уже ничего не могло быть. Вдобавок папа все еще сердился на нее за то, что она остригла волосы.

Очнулась она в ризнице. Но она не описалась, и папа больше не сердился. Потом пастор забыл про нее. Так что она, собственно, не заключила договора с Богом, как все остальные конфирманты.

Карну волновало, что ее конфирмация была ненастоящая и что все про это забыли.

В конце концов она не выдержала и спросила у папы, не нужно ли ей конфирмоваться.

— Но ведь ты уже конфирмовалась! — воскликнул он.

Карна не была в этом уверена, и папа обещал поговорить с пастором. Но пастор куда-то уехал по делам службы. А пробст сказал папе, что в церковных книгах записано, что Карна Грёнэльв конфирмовалась в третье

воскресенье июля 1886 года.

В это трудно было поверить. Почему в церковных книгах записано, что она конфирмовалась, если это неправда?

— Важно только то, что записано в книгах, — сказал папа.

— Внешняя сторона не имеет значения, самое важное — твои мысли. Ведь ты пришла в церковь, чтобы конфирмоваться, — утешила ее Анна.

— Почему вы говорите, будто причаститься Святых Даров — это внешняя сторона? Разве это не определено Богом?

— Нет. Это придумали люди, чтобы в приходе знали, кто уже стал взрослым. Насколько я знаю, так постановили отцы церкви, — сказал папа.

Карна поднялась в свою комнату и села читать. Но ответа на свой вопрос она не нашла.

В конце концов Анна договорилась с пробстом, и он конфирмовал Карну в пустой каменной церкви в присутствии папы, Анны и бабушки.

Чувствуя, что Святой Дух вот-вот поглотит ее, как в прошлый раз, Карна подняла глаза на правый боковой алтарь.

Тогда святая Анна спустилась вниз и подошла к ней с большой книгой в руках. Стоя на коленях, Карна чувствовала ее дыхание.

— Отрекаешься ли ты от дьявола и всех поступков его и от всего дьявольского? — мягко спросил пробст.

— Да, — ответила Карна под шелест плаща святой Анны.

— Веришь ли ты в Отца, Сына и Духа Святого?

— Да, — прошептала Карна.

Святой Анне показалось, что Карна говорит слишком тихо, и она громко повторила:

— Да!

— Обещаешь ли ты соблюдать до последнего часа обеты, данные Богу? — спросил пробст.

— Да, она обещает! — ответила святая Анна.

Каменные стены откликнулись эхом, и крыша исчезла.

Карна все еще стояла на коленях, однако припадка у нее не было.

— Дай мне свою руку в знак этого, — добродушно сказал пробст.

Но рука, взявшая ее руку, принадлежала не пробсту, а святой Анне. И последние слова тоже произнесла она:

— … крепость в вере ради спасения души твоей. Аминь.

Вспоминая потом свою конфирмацию, Карна почти ничего не могла вспомнить. И церковь, и гости как будто стерлись из памяти. Лишь папина

речь постоянно слышалась ей, когда она ложилась спать.

Папа красиво сказал о ней и даже назвал ее даром. Но он сказал также и о пяти женщинах, которые сослужили неоценимую службу и Карне, и ему. Это были Олине, Стине, Ханна, бабушка и Анна.

Когда он говорил о них, он смотрел на Анну, бабушку и Карну. Но, благодаря Ханну, которая все эти годы была любящей крестной матерью Карны, и рассказывая, как Ханна приехала в Берген, чтобы встретить их из Копенгагена, он все время смотрел в свою тарелку.

Глава 11

Дина устроила вечер и концерт для состоятельных людей Страндстедета. Вопреки своему правилу не смешивать дела и праздники, она объявила на вечере, что они с Вилфредом Олаисеном собираются расширить верфь и построить новый слип на ее участке рядом с канатной дорогой. Слип будет готов к следующей весне и даст новые рабочие места. И добавила, что чувствует себя увереннее с таким компаньоном, как председатель.

Редактор и телеграфист обратились в слух.

Дина умолчала о том, что Вилфред Олаисен взял новый заем под заклад своего дома, чтобы участвовать в этом строительстве.

Но управляющий банком знал об этом.

Это не помешало Олаисену быть героем вечера. Он встал, поблагодарил Дину за оказанное ему доверие и выразил уверенность, что их сотрудничество послужит всем на благо. Он владеет большей частью верфи, она — слипа.

— И было бы естественно соединить все вместе, — улыбнулся он.

Ханна и Вениамин избегали друг друга. Он давно научился понимать ее быстрые взгляды при встречах. В тот вечер она как будто не видела его.

Анна собиралась еще одну зиму заниматься с Карной, а там они решат, как быть дальше. У Карны было достаточно времени, чтобы играть, петь и биться в припадках до того, как ее отошлют из дома, чтобы она кем-то стала.

С капелланом она учила латынь. Это был добродушный человек, который делал только то, за что ему платили. Вениамин утверждал, что Карна знает уже куда больше, чем он сам в ее возрасте.

Но Карна не очень верила ему. Он говорил, не думая и не придавая значения словам. Порой Карне казалось, что он так добр и с ней, и с Анной только потому, что всегда думает о чем-то другом.

Бабушка и папа часто говорили о том, что правлению управы и комитету по здоровью следует сделать в Страндстедете. Иногда в этих разговорах принимала участие и Анна, ее интересовали дела школьного комитета.

Папа принимал в кабинете своих пациентов, плавал к больным на острова, ездил к ним по южной дороге или посещал какие-то собрания в «Гранде». Он редко рассказывал, что там было. Случалось, после таких

встреч от него пахло сигарами и пуншем.

Политика. Это было новым словом в их жизни. За этим словом скрывалось все, что делалось за пределами докторского дома.

Анна много играла с Диной. Они устраивали открытые домашние концерты. Иногда в них участвовала и Карна. Но чаще она оставалась дома.

Однажды зимой Карна встретила на почте Ханну. С ней был ее младший сын. Он упал, ушибся, и она утешала его.

— Побудь с ним, пока я отлучусь по делу? — попросила Ханна, когда малыш успокоился.

Карна не сумела отказаться. Она посадила малыша на плечи и стала играть с ним в лошадку. Вскоре вернулась Ханна, и они вместе начали подниматься на холм.

У дома доктора Конрад не захотел отпускать Карну, и она повезла его дальше на санках.

Ханна молча шла за ними.

Столбы ворот у Олаисена чуть не доверху были занесены снегом, но дорожки аккуратно расчищены. У доктора дорожки расчищали не часто.

Анна забывала просить помощника пекаря убирать снег, и папа спокойно перепрыгивал через сугробы.

— Хочешь посмотреть, какое я шью платье? — предложила Ханна.

Карна неуверенно согласилась.

В доме было красиво. Сара приготовила им какао и все время улыбалась. Ханна тоже раза два улыбнулась.

И тогда кухня как будто освещалась солнцем.

Вскоре после того бабушка и Анна уехали на пароходе в Тромсё на скрипичный концерт. Карне пришлось остаться дома и заниматься.

Она быстро справилась с уроками и ждала папу. Дома было пусто и тихо, у служанки был выходной.

Карна зажгла фонарь и пошла к Ханне и Саре — она знала, что Олаисен с «Лебедем» ушел на север. С Олаисеном она предпочитала встречаться только в присутствии бабушки.

Было уже поздно, и шел густой снег. Шагов не было слышно. Все блестело, как шелк.

По старой привычке Карна пошла с черного хода. Она уже хотела постучать, как услыхала в сенях тихие голоса.

У нее забилось сердце. Голова налилась странной тяжестью. Не

раздумывая, она сбежала с крыльца и спряталась за углом дома.

Через несколько минут из дома вышел папа. Он тоже воспользовался черным ходом.

Карна ждала, пока он скроется в темноте. Почему она спряталась за углом? Почему не подошла к нему, не взяла за руку и не пошла с ним домой? Почему не смогла заставить себя постучать к Ханне? Не важно, в парадную дверь или с черного хода.

Дома она тихо прошмыгнула в прихожую. Но папа услыхал, что она пришла, и позвал ее в гостиную.

— Где ты была так поздно?

— Гуляла, на улице так хорошо. — Она нехотя вошла в комнату.

— Ты не должна гулять одна в темноте.

Папа читал газету, но, заговорив с Карной, убрал ее. Он улыбался. Словно ничего особенного не произошло. Она невольно вспомнила все случаи, когда у него было такое же выражение лица в разговорах с ней или с Анной.

Она могла бы сказать ему, что пошла к Ханне посмотреть, что она шьет, и видела, как он вышел оттуда с черного хода. Почему с черного хода, могла бы спросить она.

Вместо этого она пожелала ему доброй ночи. И когда он по обыкновению подставил ей щеку, ей захотелось плакать. Она быстро коснулась губами его щеки.

Папа был не живой, он был как тряпичная кукла.

Печка была натоплена. Карну ждали «Дочери амтмана»[12] и латынь. Но у нее не было желания прикасаться к книгам.

Она не сказала папе, где была и о чем думала. И потеряла его.

Вспоминая отдельные мелочи, голос, слова, взгляды, Карна поняла, что если папа и не лгал ей, то и говорил далеко не все.

И потому что она не могла больше употреблять те слова, которыми пользовалась в детстве, она ничего не знача. Только то, что знали все остальные. Даже когда они плыли вдвоем на лодке, он был уже чужой. Неужели потому, что она становится взрослой?

Она по чистой случайности узнала, что папа ходил к Олаисенам с черного хода, когда самого Олаисена не было дома. Анна верила этому человеку. Этот человек лечил больных и утешал людей, когда у них умирали близкие. Он был ее папой. И в то же время им не был.

Карна легла спать, не раздеваясь.

Она проснулась среди ночи. Ей приснилось то же самое. Это был не сон. Это были мысли о действительности. Те, которые она гнала от себя весь вечер. Сара уехала с мальчиками в Рейнснес. Она звала и Карну. Но ведь Карна не смогла поехать даже в Тромсё на скрипичный концерт.

Карна встала, зажгла лампу и растопила печку. Потом умылась холодной водой и надела шерстяную кофту. Было три часа ночи, и темнота пугала ее. Это было необычно.

Дрожа, она, не раздеваясь, залезла под перину и ждала, пока комната прогреется. И вдруг решилась: она должна поговорить с папой! Сейчас же, сию минуту. Пока не растеряла мужества.

Карна взяла лампу и пошла на цыпочках, чтобы не разбудить служанку. У дверей спальни она прислушалась. Потом осторожно постучала.

Ей никто не ответил. Она постучала еще раз. Никакого движения. Она нажала на ручку и вошла в комнату, подняв лампу повыше. Кровать была пуста. Папы в ней не было.

На столике в прихожей не было записки, которую он обычно оставлял, если его ночью вызывали к больному. К тому же она всегда просыпалась, если за папой приходил посланный.

Карна стояла в холодной темной прихожей со странным чувством — она мертвая. И стоит во весь рост в могиле.

Наконец ее мысли прояснились. Надо одеться, пойти к Олаисенам и привести его оттуда домой. Даже если после этого они все умрут.

Она вернулась к себе и подбросила в печку угля, не заботясь о том, что гремит дверцей. Потом села учить латинские глаголы.

Ее затошнило, но она старалась не обращать на это внимания. Старалась побороть тошноту. Схватив латинский учебник, она швырнула его в стену. Медленно, как листок бумаги, учебник упал на пол. Потом стало тихо.

Карна встала и подошла к печке. И услыхала папины шаги. Он крался, как вор. Она перестала дышать и исчезла.

Карна очнулась в кровати — папа натирал ей руку мазью. Значит, она упала на печку.

Потом ей стало больно. Вот и хорошо. По крайней мере, она знает, что именно у нее болит. Лицо было мокрым от слез.

— Карна, я здесь! Карна! Сейчас мазь подействует, и тебе станет легче. — Голос у папы был как раньше. Как в Рейнснесе, в лодке. Где угодно.

Ей захотелось вернуться в то время. Она зажмурилась, чтобы не видеть папу. Потому что не знала, хватит ли у нее сил ненавидеть его.

Он, как всегда, покачивал ее, прижав к себе. Боль почти прошла, но Карна не подала виду. Ведь пока она не подаст признаков жизни, он будет обнимать ее и произносить ее имя. Снова и снова.

Она решила открыть глаза лишь затем, чтобы не промахнуться, когда плюнет на него. Но, встретившись с ним глазами, она не смогла плюнуть.

— Ты не должна топить печку, пока все спят, — шепотом сказал он.

Она не спросила, почему он одет и почему у него в волосах снег. Ей удалось снова исчезнуть. Уплыть от него далеко за шхеры.

Наутро она чувствовала себя больной. Что-то случилось с окном. Оно само то открывалось, то закрывалось. Это Стине пыталась ей что-то сказать, но Карна ее не видела.

Пришел папа и сказал, что у нее высокая температура. Пока он был в комнате, окно оставалось закрытым, и Карне показалось, что в комнате пахнет Ханной.

Она через силу стерпела его объятие. Но когда он спросил, слышит ли она его, не смогла ответить ему.

Он сел рядом, и она поняла, что он останется с ней, если она не откликнется. Это было бы выше ее сил.

— Я здорова, — сердито сказала она.

— У тебя высокая температура, и ты плачешь.

— Нет. — Она плакала.

— Приятно было услышать твой голос, — весело сказал папа и улыбнулся.

Она снова закрыла глаза.

— Карна! Я должен присутствовать на собрании комитета по здоровью, но оно продлится недолго.

Она не ответила.

— Анна вернется из Тромсё после полудня. Но я приду задолго до этого. Кристине протопит печь. И накормит тебя. Тебе уже лучше, правда?

Она слышала, что он встал, и сжала губы.

— Правда? — повторил папа.

Он подул ей в шею. Прикосновение его губ было неприятно. Она увидела перед собой Ханну. Наверное, из-за этого запаха.

Анна вернулась, и все стало еще хуже, но в то же время и лучше. Она была весела, хотя и встревожилась из-за Карны. Сев на край кровати, она

попыталась напоить Карну соком. Говорила она только о Тромсё. Анне там понравилось. В следующий раз они с Карной поедут вместе. Непременно.

Карна покачала головой:

— Я никуда не поеду.

— Что с тобой? — помолчав, спросила Анна.

— Разве ты не видишь, что я обожгла руку во время припадка?

— Вижу, но тебя огорчает что-то другое.

— Нет. — Карне было стыдно. Она стала папиной сообщницей. Солгала ради него.

Весь вечер Анна играла Мендельсона. Несколько раз она поднималась наверх к Карне и рассказывала о Тромсё — этот скрипач должен теперь приехать в Страндстедет!

Карна с забинтованной рукой лежала у себя в комнате. Боль была терпимой, но почему-то у нее все время текли слезы.

Окно снова начало открываться. Это была не Стине, а Ханна. С хищным видом она цеплялась за занавески, но влезть в комнату не могла.

Вот, значит, как выглядели эти библейские блудницы! Карне стало понятно, почему Олаисен бьет Ханну. По ней сразу видно, что она блудница, которую следует побить каменьями.

Лицо Ханны растеклось по темной поверхности окна. Из глазниц, носа и рта поползли змеи и черви. Она съежилась и наконец исчезла.

Но Карна слышала, как она царапается снаружи.

У Карны мелькнула мысль встать, подцепить Ханну совком для угля и бросить в огонь на вечные муки. Но эта мысль тут же исчезла.

На другой день в дверях появилась бабушка. Карна не заметила, как она вошла.

— Я слышала, ты нездорова? — весело спросила бабушка, бросила на кровать какой-то сверток и придвинула к кровати стул.

— Кто это тебе сказал?

— Твои старики.

Карна попыталась сесть.

— Они сказали, что во время припадка ты упала на печку, что у тебя высокая температура и плохое настроение. Но мы тебя вылечим!

Она достала кулек с камфарной карамелью и протянула Карне.

Карна положила в рот одну карамельку. Ощутив во рту приятный, кисловатый вкус, она заплакала.

Подождав немного, бабушка достала носовой платок; по ее словам, от

лучшей кружевницы Вены, и протянула его Карне. Та громко высморкалась. Но платок не помог.

Бабушка положила руку ей на лоб и закатила глаза.

— Ледяной, — сказала она.

— Пусть бы он убил ее в следующий раз! — вырвалось у Карны прежде, чем она успела подумать.

— Кого?

— Ханну, эту блудницу!

Бабушка медленно встала, подошла к двери и открыла ее, словно собиралась уйти, но снова закрыла. Потом села возле кровати.

— Ты очень строга, — сказала бабушка.

— Она впускает чужих через черный ход, когда у нее никого нет дома. А Анна только и знает, что играть Мендельсона.

На бабушку будто подуло холодным ветром.

Карна перестала плакать.

— И кто же этот чужой? — поинтересовалась бабушка.

Карна испугалась, прежде всего бабушкиных глаз. И все же должна была сказать все как есть:

— Папа.

— Ты видела?

— Да.

Но она забыла сказать, что он не спал дома в своей кровати. А может, и не забыла. Но не сказала.

— Послушай, Карна, не надо сразу думать самое плохое. Только не говори про это Анне. Скажи папе, но не огорчай этим Анну!

— Ты хочешь, чтобы она единственная из всех ничего не знала? Разве это не ложь?..

— Вениамин сам скажет ей все, что нужно. Только не ты! Понимаешь?

— А если он ей солжет?

— А если ты что-то неправильно поняла? Ты можешь все только испортить. Обещай, что ничего ей не скажешь.

— Я не смогу долго притворяться, будто ничего не случилось. У меня не получится.

— А ты не притворяйся. Ты спроси у Вениамина, почему он ходил к Ханне через черный ход, когда Олаисена не было дома.

— А ЭТО МОЖНО?

— Это можно.

— А как мне это спросить?

— Так и спроси. Прямо и просто.

— А если он скажет, что я ошиблась?

Бабушка снова встала и быстро заходила по комнате. Наконец она остановилась возле кровати.

— В таком случае, Карна, ему придется несладко.

Они помолчали.

— Теперь ты встанешь? — спросила бабушка.

— Я вообще больше не встану.

— Тогда будешь мучиться, но ничего изменить не сможешь.

— Бабушка, о чем ты думаешь?

— Не только о приятном, поверь мне. Больше всего я думаю, что тебе нелегко становиться взрослой. Но довлеет дневи злоба его. А сейчас, если бы ты оделась, мы бы с тобой пошли в «Гранд». В гавани полно судов, и, думаю, еще сегодня выглянет солнце.

Карна высморкалась. И кивнула бабушке.

Анна удивилась, увидев их обеих в верхней одежде.

— Карна, ты хочешь выйти на улицу? Стоит ли? С высокой температурой?

— Все уже прошло. А температура у Карны не выше, чем у чайки, — сказала бабушка.

По дороге Карна спросила:

— Почему все так отвратительно?

— Когда все пройдет, ты будешь думать только о прекрасном.

— А что прекрасно?

— Творение Господа. Искусство. Музыка. Некоторые мысли. И слова.

— Но люди отвратительны.

— Не всегда.

— Думаешь, люди могут любить и не лгать друг другу?

Бабушка повернула к ней лицо:

— Не знаю. Мне кажется, могут. Но не жди, что они будут думать только о тебе. Каждый думает о себе. Даже те, кто тебя любит, не всегда смогут все рассказать тебе. Но это еще не ложь. Самое главное, чтобы было кого любить.

— Как это?

— Нужно научиться видеть любовь, когда она есть, и не дать ей уйти. Но если ей надо уйти, значит, надо, и тут уж ничего не поделаешь. Любви нужна свобода. Только так можно ее удержать.

— Ты дала ей свободу?

— Нет, я обошлась с ней так же, как ты с птенцами гаги.

— Почему? — почти не дыша, спросила Карна.

— Потому что он не хотел остаться.

— Но ведь ты сама сказала, что Аксель…

— Это не Аксель. Это было в молодости. Его звали Лео. Я думала, что он принадлежит только мне.

— А он не принадлежал тебе?

— Нет, он принадлежал себе, но я этого не понимала.

— И растоптала любовь?

— Да.

Карна вздохнула:

— Тебе ничего не оставалось, ведь он не хотел.

В глазах бабушки мелькнул смех. А может, слезы?

— Думаешь, и папа тоже?..

— Надеюсь, что твой папа умнее меня…

— А ты не можешь с ним поговорить?

— Ты его подозреваешь, ты и должна поговорить с ним.

— А ты его не подозреваешь?

— Я никогда его не подозреваю.

— Почему?

— Потому что меня не обижает то, что он делает.

— Разве тебе безразлична Анна?

— Нет, конечно. Но я не могу вмешиваться в их жизнь. Их жизнь принадлежит только им.

— Ты говоришь так, как будто ты чужая и не имеешь к нам отношения.

— Я имею к вам отношение. Ты, Карна, внешне такая хрупкая. Но это не важно, твой внутренний фундамент прочнее горной породы. У меня не так. И когда мой фундамент дает трещину, все обрушивается на самых близких.

Они вышли на Страндвейен. И тут выглянуло солнце. Его лучи упали на бабушкино лицо и не покинули его, пока они не вошли в гостиницу.

Обед был сущим наказанием. Карна не знала, куда деваться.

Анна была весела и без конца рассказывала о Тромсё. Она познакомилась там с некоей фру Андреа, вдовой кожевника, которая сдает комнаты молодым людям.

Папа буркнул, что жил у нее, когда учился в Тромсё в гимназии.

— Она готова сдать комнату Карне, хотя вообще предпочитает брать мальчиков. Говорит, что с ними меньше хлопот. — Анна засмеялась.

— Хватит, я не хочу о ней слышать! — Папа отложил нож с вилкой.

— Я согласна. С девочками больше…

— Карна не будет жить у нее!

— Почему? Она только что заново переклеила комнату. Получилось очень красиво…

— Хватит, Анна!

— Но почему, милый?

— Не будем больше говорить об этом!

— Она так ужасна? — спросила Анна.

Карна решила молчать, пока к ней не обратятся.

Папа сердито перевел взгляд с одной на другую.

Карна и Анна переглянулись. Потом Анна засмеялась:

— Она морила тебя голодом?

— Прекрати! Карна не будет жить там!

— Сказать по правде, я приложила немало усилий, чтобы найти эту комнату. Это рядом с женской гимназией, и хозяйка производит хорошее впечатление. Объясни, в чем дело. Я не понимаю.

Карна услышала только: «Объясни, в чем дело. Я не понимаю». Анна есть Анна. Если ей объяснить, в чем дело, она поверит.

— Она была… не была… Я хочу сказать, что на нее нельзя положиться! Вот и все.

Карна глубоко вздохнула. Картина в простенке между окнами висела криво. Но это было почти незаметно.

— На кого нельзя положиться? — Слова сами слетели у нее с губ.

Папа поднял глаза. Она заставила себя встретить его взгляд. Что-то тут было не так. Он странно пошевелил рукой. И смотрел не мигая. А потом вдруг глотнул, хотя во рту у него ничего не было. В складках на щеках лежали глубокие тени.

Анна что-то сказала, но ее голос не достиг Карны. Папа тоже что-то сказал. Но это не имело отношения к тому, о чем она спросила. И он все время смотрел на нее.

Карна первая не выдержала и опустила глаза.

Карна выучила урок по латыни и написала немецкое сочинение, заданное ей Анной. Но не стала читать «Дочерей амтмана». Книга была слишком грустная. А у нее и без того хватало огорчений.

Ей предстоял разговор с папой. Бабушка возложила это на нее. Когда от папы ушел последний больной, она постучала в дверь кабинета.

В кабинете пахло блевотиной.

Папа стоял у стеклянного шкафа спиной к двери.

— Карна? — удивился он, обернувшись к ней.

Она остановилась у двери, сложив руки.

— Я должна задать тебе один вопрос.

— Задавай.

— Ты сначала сядь.

— Это так серьезно? — Он засмеялся, но сел за стол. — Итак?

Карна тоже села. На стул для больных. Папино лицо казалось плоским. Она пыталась придумать какой-нибудь вопрос, чтобы не задать тот, ради которого она пришла. Но в голове было пусто. Кроме того единственного вопроса, в ней не было решительно ничего.

И вдруг она придумала! Придумала другой вопрос, но тем не менее о том же:

— Почему ты не видишь Анну?

Папа удивился. Неужели он удивился?

— Я не вижу Анну? Почему ты так решила?

Карна стала теребить бахрому на поясе. Машинально сплела из нее тугую косичку. Тонкие льняные нити резали ей пальцы, но она этого не замечала.

— Потому что я видела, как ты входил к Ханне через черный ход, — прошептала она.

Она не смотрела на него. Хотела дать ему время прийти в себя. Каждому нужно время, чтобы прийти в себя. Но когда тишина между ними стала уж слишком плотной, ей пришлось взглянуть на него.

— Ты шпионила за мной? — тихо спросил он.

— Нет. Я не стала проверять, ходил ли ты туда второй раз, когда ушел ночью из дома.

Она слышала, как он дышит. Потом он вынул ручку из чернильницы и положил ее в пенал. Провел рукой по волосам.

— Я был там второй раз, — спокойно сказал он.

Карна больше не видела его лица. Он плавал среди водорослей. Под водой. Он утонул. И с этим уже ничего нельзя было поделать.

— Почему тебя это интересует? — услыхала она его голос. Значит, он еще не совсем умер.

— Из-за Анны…

Папа стал бесцветным. Исчез.

— Я доктор, Карна.

— И ночью ты тоже доктор?

— И ночью тоже.

— И в ту ночь?

— Да.

— Чем же Ханна была больна?

— Этого я сказать не могу.

— Ты лжешь!

Все. Забрать эти слова назад было уже невозможно. Никогда.

— Карна…

— Ты злой! — Она заплакала и попыталась расплести косичку из красных льняных ниток. Но это не получилось, и она так дернула, что нитки оторвались.

— Ты сказала об этом Анне?

— Нет, бабушка сказала, что не надо.

— Ах, бабушка!..

Она ненавидела его за то, что у него исчезло лицо. Это означало, что она права. Почему он не придумал какого-нибудь объяснения, которому она могла бы поверить? Тогда бы она забыла об этом. И все стало бы как раньше.

— Ты должен сказать об этом Анне, — прошептала она.

— Мне нечего говорить Анне, — отрезал он.

— Скажи ей то, что сказал мне, тогда я перестану чувствовать себя обманщицей из-за того, что мне не разрешают говорить правду.

— В чем, собственно, ты обвиняешь своего отца? — спросил чужой голос.

Она не могла этого произнести. Не знала нужных слов. В Библии это называется блудом. Но как сказать такое слово родному отцу? Она могла бы прочитать ему то место из Библии, но сумка с Библией осталась в ее комнате.

И все, что Анна и Сара рассказывали ей о теле, о любви, о зачатии, о крови, которая будет идти из нее, пока она не станет старой, — все это обернулось лишь отвратительным вкусом во рту. Словно виновата во всем была она одна.

Папа протянул ей через стол носовой платок.

— Ты больше не должен ходить туда! Слышишь?

Сперва он как будто не понял ее слов. Потом подпер щеки руками и серьезно посмотрел на нее.

— Если кому-нибудь из Олаисенов понадобится доктор, мне придется пойти туда. И ты должна это понять.

— Они могут пригласить другого доктора.

— Могут, — согласился он, и у него снова появилось лицо.

Потом он наклонился к ней через стол.

— Ты ведь знаешь, что мы с Ханной давно знаем друг друга. Иногда ей бывает нужно поговорить со мной.

Слова были ненастоящие. Как скрежет железа на ветру.

Глава 12

Карна постоянно встречала его на верфи. Но как-то не отмечала его присутствия. Даже издали она видела, какой он грязный. Сажа. Масло. Еще какая-то грязь. Однако она знала, что под этой грязью скрывается Педер, который умеет чинить машины. Он вернулся в Страндстедет, чтобы работать на слипе бабушки и Олаисена.

Она слышала, как старики, сидя на лавке на пристани, говорили о разнице между паровыми и обычными судами. И что Педер учится на механика, или как там это называется. Значит, он должен будет ремонтировать пароходы. И, по их мнению, слип, хоть и новый, слишком мал для этого.

Однажды Карна дома у Биргит показала ей, что, если приставить друг к другу большие и указательные пальцы и посмотреть через них на окно, чуть-чуть согнув внутрь большие пальцы, получится перевернутое сердечко. Биргит это понравилось, и она поинтересовалась, кто научил Карну складывать такое сердечко.

Неожиданно в сердечке Карны возник человек, окруженный солнечным сиянием. Появился и пропал. От удивления она не успела с ним поздороваться. Зато Биргит успела. Через мгновение Педер Олаисен был уже далеко.

— Он был в твоем сердечке! — восхищенно воскликнула Биргит.

— Он решил, что ты смеешься над ним, — сказала ее мать.

И тут же принялась рассказывать, что Педер соблазняет девушек. Они так и липнут к нему, потому что он хорошо танцует. Если бы он довольствовался одной, еще куда ни шло. А так — стыд и позор!

Она строго посмотрела на Карну и Биргит и перекрестилась. Но она быстро забыла о своих словах. Человек, который учился в Трондхейме, не мог быть простым шалопаем. Педеру было двадцать пять лет, однако выглядел он на восемнадцать. И глаза у него были какие-то странные.

— У всех, кто рано остается без матери, такие глаза. Бедняга Педер… — заключила мать Биргит.

Но полагаться на этого «беднягу» все-таки не следовало.

Дома Карна подошла к зеркалу. Ей хотелось узнать, видно ли по ее глазам, что она тоже «бедняга». Странным в ее глазах был только их разный цвет. Но ничто не говорило о том, что она рано лишилась матери.

После уроков она спросила у Анны:

— Можно ли по глазам человека понять, что он рано лишился матери?

Анна никогда не задумывалась над этим. Однако она не засмеялась. Только внимательно посмотрела Карне в глаза. Потом отрицательно покачала головой.

— Почему ты об этом спросила?

— Мать Биргит говорит, что у Педера Олаисена глаза беззащитные, потому что он рано остался без матери.

— Может, в этом что-то и есть, — согласилась Анна.

— У меня есть ты, поэтому по мне этого не видно.

Анна улыбнулась и поблагодарила за доверие. Хотя и считала, что, наверное, она не очень хорошая мать.

Карна даже испугалась:

— Зачем ты так говоришь? Что с нами было бы без тебя? И с папой, и со мной? И кто бы тогда научил меня играть на пианино?

— А помнишь, ты первое время звала меня Ханной?

Карна покраснела. Повеяло опасностью.

— Я не различала ваших имен, — пробормотала она.

— Может, тебе была нужна такая мать, как Ханна?

— Нет-нет! Ты не должна так думать! Слышишь! Я…

Она уткнулась в тетрадь — у нее был ужасный почерк.

Потом, когда они пили заслуженный, по словам Анны, шоколад, Анна спросила:

— А ты знаешь этого Педера?

Карна замотала головой.

Потом сказала, что когда она, еще маленькой, была с бабушкой на верфи, то приняла измазанного Педера за негра. Анна засмеялась.

Карне стало жарко.

— Но я его совсем не знаю! — быстро сказала она.

— Педер — очень симпатичный молодой человек. Мы с Вениамином познакомились с ним у Дины, он был там вместе с Ханной и Вилфредом. Конечно, Вилфред ярче брата и затмевает его. Но он вообще всех затмевает.

— Почему?

— Такой он человек, этот Вилфред. Ему нужно получить все. Спроси у Дины. Она лучше разбирается в таких вещах. — Анна улыбнулась.

— О чем вы разговаривали?

Анна задумалась.

— Дина и мужчины, кажется, говорили о верфи и слипе. И о вложении

капитала в Страндстедет, как это называет управляющий банком. А Педера Олаисена больше интересовали Копенгаген и Берлин. Он говорил, что хочет поездить по миру и еще поучиться. Только сначала он должен скопить немного денег. Но Олаисен и слышать об этом не хочет, ему брат нужен на верфи.

— А это решает Олаисен?

— Не думаю.

— Но ведь Педера уже долго здесь не было, — заметила Карна.

— Человек не может сидеть в Страндстедете, если хочет чего-то добиться в жизни.

Карна не поняла, кого Анна имела в виду — Педера Олаисена или самое Карну, — но спросить не решилась. Она не была уверена, что ей хочется чего-то добиться в жизни, ей было достаточно и того, что есть.

На другой день Карна сидела в покоях у бабушки и ела подсунутую ей бабушкой «взятку». Чернослив, изюм, сушеные яблоки, сладкий миндаль и инжир.

— Это от Юна Евера? — спросила Карна.

— Нет, на этот раз от Уле Гундерсена. — Бабушка уже перестала есть и закурила. Глядя на Карну сквозь дым, она посасывала сигару. Зажатая в зубах сигара перемещалась из одного угла рта в другой. Потом она бабушке надоела, и бабушка вынула ее изо рта.

— Мать Биргит говорит, что по глазам человека видно, была у него мать или нет.

Карна терпеливо дожидалась ответа. Она привыкла к тому, что некоторые ответы требуют времени.

— Не знаю. Может, и видно. То, что у человека на душе, так или иначе обязательно, проявляется. Возможно, это видно и по глазам. Но, думаю, это больше зависит от того, что человек собой представляет, чем от того, была ли у него мать. Она имела в виду тебя?

— Нет. Педера Олаисена.

— А-а, Педера… — Казалось, бабушка думает о чем-то другом.

— Ты заметила это?

— Не знаю. — Бабушка положила сигару на блюдо с пирожными. — Педер — надежный человек. Но если ты говоришь, что по его глазам видно…

— Не я, а мать Биргит! — У Карны запылало лицо.

— Раз уж ты заговорила о Педере… Пришло время проверить, на что он способен. Спасибо тебе!

— За что?

— Вениамин присутствовал на последнем заседании правления и говорит, что касса для бедных совсем опустела. Вот мы и устроим благотворительный бал! А деньги пойдут комитету по делам неимущих. Пригласим всех, кто может танцевать. Старики пусть платят и следят за приличиями. Мы с Анной возьмем на себя музыку…

— А я?

— Ты будешь танцевать!

— Я не умею.

— Педер тебя научит. Я буду вам аккомпанировать.

— Лучше умереть! — решила Карна.

— Боже упаси! — Бабушка засмеялась, словно не поверила этому.

Педер Олаисен и не подозревал, что по его глазам видно, что он с двенадцати лет остался без матери.

Несмотря на застенчивость, он осмеливался приглашать девушек на субботних танцах. Но после танцев вежливо раскланивался и уходил к себе. Он снимал комнату у коммерсанта Холе.

И он не отказывался от приглашений, если Вилфред или фру Дина решали, что на том или другом званом обеде необходимо его присутствие. Лишь строго следил за тем, чтобы есть не спеша и держать свои мысли при себе.

Поэтому Педер спокойно отнесся к приходу Дины на слип, когда вечером там никого не было, кроме него. Он часто задерживался на работе после того, как все расходились по домам.

Дина попросила его помочь ей в устройстве бала, который они решили дать в пользу бедняков и больных. Ей нужен человек, на которого она могла бы положиться.

Педер ответил ей удивленным взглядом.

— Боюсь, это у меня не получится, — сказал он.

— Ты мужчина. Ты — Петр, то есть Камень, на тебя можно опереться! — пошутила она, оставаясь серьезной.

Сначала он отказывался. Но она даже не слушала его. С его стороны требуется только немного усердия. Неужели не ясно? В Страндстедете все дается с трудом. Души у здешних людей состарились раньше, чем они сами. Ей нужен именно такой человек, как он!

Педер с сомнением почесал в затылке. Но Дина в свое время дала ему беспроцентный заем, чтобы он поехал учиться, — он не мог просто так отказать ей.

— Я постараюсь, — сказал он и подошел к судовому корпусу, в котором зияла дыра.

— И еще одно. Ты должен помочь мне с бухгалтерией. Это важнее, чем торчать на верфи в любую погоду. Посмотришь наши счета?

Он замер, не поднимая головы, но не ответил ей.

— Таким образом ты отработаешь свой долг, и у тебя еще кое-что останется. Я предлагаю только один раз. Ты понял?

Педер Олаисен поднял голову. Он долго переминался с ноги на ногу. Потом отложил инструменты и начал тщательно вытирать руки тряпьем. Палец за пальцем. Наконец он кивнул:

— Покажите мне вашу бухгалтерию.

На столбах появилась удивительная афиша — в «Гранд Отеле» состоится бал. Газета тоже дала сообщение о бале.

Но поскольку бал был благотворительный и весь доход от него шел в пользу комитета по делам неимущих, билеты стоили дорого, что ограничивало доступ на бал.

Служанки и рабочие с верфи не могли на него попасть. А также угольщики и возницы.

Другое дело — семьи управляющего банком, пастора, школьного учителя, часовщика, адвоката и коммерсанта Холе. Нашлись и такие, которые хотели показать, что в состоянии позволить своим отпрыскам посетить это почетное музыкальное действо.

Желающих оказалось так много, что Дина просила позволения устроить бал не в гостинице, а в помещении управы — там было больше места.

Ее просьба вызвала споры: допустимо ли устраивать танцы и все, что им обычно сопутствует, в зале, предназначенном исключительно для приличных целей?

Слово взял Вилфред Олаисен, он напомнил уважаемому собранию о благородной цели, культурном значении и важности такого события для молодых людей Страндстедета. Даже из Тромсё поступили просьбы от желающих принять участие в бале. Молодые люди должны иметь возможность собраться по такому мирному поводу. Убедительная речь Олаисена в защиту бала была встречена одобрительно. Садясь на место, он считал дело уже решенным.

Однако почтмейстер, который был одновременно и попечителем, и членом приходского совета, возразил против того, чтобы дом местной управы был отдан танцам и музыке. Это оскорбительно! К тому же людям придется не только заплатить за билет, но и раскошелиться на приличную

одежду. Он с ужасом думает о тех, кто отдаст последнюю крону, чтобы получить доступ в этот Содом и Гоморру. А какую горечь вызовет это у тех, кто не сможет попасть на бал? Подумал ли кто-нибудь о страданиях несостоятельных членов общества? Бедняков? Сирот, для которых в этом мире нет места?.. Опомнитесь, во имя Христа…

Все опустили глаза и задумались над его словами.

Доктор, который по-своему был заинтересован в этом бале, потому что возглавлял комитет по делам неимущих, тоже попросил слова. Может, ему будет дозволено высказать иную точку зрения и внести свое предложение?

Олаисен был удивлен. Безусловно, окружной доктор может сделать разъяснения. И внести свое предложение.

Но в двух словах!

По мнению Вениамина Грёнэльва, число желающих попасть на бал показало, что Страндстедет несерьезно относится к своей молодежи. Молодым людям негде общаться друг с другом, кроме работы и дома. Этот бал, несомненно, пойдет на благо и молодым людям, и, естественно, опустевшей кассе комитета по делам неимущих. А дабы не допустить, чтобы кто-то из-за отсутствия средств оказался за бортом, он предлагает: пусть люди состоятельные заплатят больше, чем необходимо для посещения их отпрысками этого бала. Тогда не имеющие достаточно средств смогут попасть на него бесплатно. Но оплату билетов следует производить заранее и в другом месте, чтобы избавить людей от ненужного унижения.

Это был один из тех редких случаев, когда председатель Олаисен и окружной доктор ратовали за одно и то же. И они добились своего.

Дина получила полный отчет об этом совещании. Она налила Вениамину и себе можжевеловой водки.

— Может, вам с Олаисеном следует чаще объединять свои усилия? Может, у вас общего не только Ханна?

Вениамин поставил бокал и направился к двери. Но тут же вернулся.

— Что, черт побери, ты имеешь в виду? — спросил он и выпил водку.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Эту зиму. Карну. Берегись, Вениамин!

Он повертел в руке пустой бокал.

— Я вижусь с Ханной только в гостях, — прошептал он и встретился с ней глазами.

Она наклонилась над столом, снова наполнила бокалы и села.

— А теперь, Вениамин, послушай мои соображения по поводу этого

бала…

После воскресной службы пробст пригласил всех на кофе. В этот день он был весьма разговорчив и воодушевлен, потому что служба удалась.

Пробст был доволен своей паствой. Доктор Грёнэльв играет важную роль в жизни Страндстедета. Его работа и способность находить с людьми общий язык сделали его незаменимым. Разве доктор, почти вопреки собственной воле, не начал заниматься политикой? Разве он не печется о благе своих больных и ближних?

Разве он не является солидным налогоплательщиком и надежной опорой комитета по делам неимущих? Кто еще так же незаменим, когда человек попадает в беду? Кого еще зовут и при родах, и при смерти?..

Пробст воодушевился и посматривал на присутствующих. Здесь собрались самые почтенные люди Страндстедета, но доктор и его семья уже ушли. Поэтому пробст мог говорить свободно, не испытывая чувства неловкости. К тому же семьи председателя Олаисена на службе не было.

Редактор сидел, опустив голову. Но едва заметно кивал, соглашаясь со словами пробста.

Другие кивали более явно. В том числе и управляющий банком.

Ханне больше не надо было шить для людей. Но иногда она все-таки шила. Для Дины и Анны. Они уговаривали ее открыть швейную мастерскую. Конечно, пригласив наемных работниц.

Однажды вечером, когда они все были у Дины, Анна сказала:

— По-моему, Ханне следует открыть швейную мастерскую.

— Прекрасная мысль! — откликнулся Вениамин и посмотрел на Ханну. При таких обстоятельствах он мог себе это позволить. У него появилось щекочущее чувство нереальности. Он словно балансировал на краю пропасти.

Но тем не менее он посмотрел на нее. Один раз. Другой. Искоса, не поднимая глаз. На шрамик на верхней губе, оставшийся от швов, что он наложил ей в ту ночь.

Губа от этого словно чуть-чуть раскрылась и сделалась даже красивее, чем раньше. Он исправил нанесенный Олаисеном вред и оставил на Ханне свою метку.

— По-моему, неглупая мысль. — Олаисен был доволен и обнял Ханну.

Когда они поднимались к своему дому, Анна предложила:

— А не съездить ли нам всей семьей в Рейнснес? Ханна с Вилфредом и

детьми и мы?

— Нет! — не успев подумать, ответила Карна. Это прозвучало слишком категорично. Ведь «нет» можно произносить по-разному. Нет! Оно громыхнуло у нее в голове, как каменный обвал. Она не смела взглянуть на Анну. И на папу тоже.

— Почему же? — В голосе Анны слышалось удивление.

Неужели она знает? Или догадывается? Понимает ли папа, что Анна догадывается?

Вениамин был согласен с Карной. Но его «нет» было не столь категорично. Тон был значительно мягче. Слишком много людей, слишком много шума. Он очень устал. Устал от больных. От политики. От совещаний. Они должны понять его. Ведь правда?

И Анна поняла. Но даже если ему не нравится Вилфред Олаисен, что бы тот ни делал, ведь Ханна-то ему нравится?

— Конечно, — мягко сказал папа.

— Тогда я как-нибудь приглашу Ханну в Рейнснес, когда тебя там не будет, — сказала Анна. — С детьми.

— Почему?

— Мне хотелось бы установить с ней более близкие отношения. А при вас, мужчинах, она меня избегает.

— Поступай как знаешь. — Папа не возражал.

Это было ужасно.

— Я забыла у бабушки свою сумочку, — сказала Карна и побежала обратно в гостиницу.

Зал украшали гирляндами из листьев и полевых цветов. Хлопотал весь комитет. Матери и тетки, которым помогали сами молодые люди. И даже кое-кто из доброжелательных отцов семейств, сумевших освободиться, дабы тоже принести пользу.

За всеми действиями наблюдали глаза Педера Олаисена. Спокойные, как ясная погода. И зоркие, как у ястреба.

Что, скажите, могло заставить работника верфи взять на себя такие смешные обязанности? Вилфред дразнил брата, который, по его мнению, занимался бабьей работой и чепухой. Одно дело — поддержать этот бал на правлении местной управы или дать на него деньги, другое — вешать гирлянды и расставлять стулья. Это дело детей и женщин.

Педер соглашался с братом, это избавляло его от необходимости защищаться. Его отсутствующее: «Да, ты прав, но она попросила…» — было непробиваемо.

Еще в детстве он понял, как следует отвечать Вилфреду. Не отвечать же вообще было нельзя — можно было без предупреждения заработать оплеуху.

Пусть Вилфред утверждал свою правоту, подтрунивая над братом. Но соглашаться с ним тоже было опасно. Это было еще хуже. Педер опускал голову и вздыхал над собственной глупостью. Не заходя, однако, слишком далеко и не смеясь над собой, что могло бы вызвать подозрения. Просто напуская на себя пристыженный вид.

Педера огорчало, что Ханна еще не освоила этот прием. Но он никому не говорил об этом.

Педер тщательно вымылся. Только под ногтями остались черные полоски, выдававшие, каким образом он зарабатывает хлеб насущный. Надел чистую рубашку. Он следил за собой, когда шел исполнять свои обязанности по подготовке бала.

Он набросал рисунок, где что должно стоять: здесь — столы, в другом конце зала — пианино и музыканты. Середина была оставлена для танцев. Столы установят по стенам коридора, чтобы люди могли свободно проходить в зал для танцев.

Согласна ли фру Дина с таким предложением? Дина одобрила Педера и похвалила его рисунок. И гирлянды. Как только он догадался? Это же великолепно!

Анна и Дина пожелали ознакомиться с акустикой помещения. Педер сам принес туда Динину виолончель. Осторожно, но без панического страха, какой вызывала у многих эта большая пузатая скрипка. Ведь она в футляре, думал он. А все, что так надежно упаковано, не боится перемещений.

Педер решил развешивать гирлянды, когда все уйдут. Он не хотел выглядеть глупо, вися под потолком и размахивая руками. Лучше заниматься этим в одиночку.

Он не спешил и раздумывал, как сделать стремянку более устойчивой.

Карна сразу узнала его. Он висел вниз головой на железной балке, проходившей через весь зал. Под самым потолком, ухватившись за нее рукой и ногой.

Пахло осотом, клевером и листьями. Низкое солнце глядело в большие окна, просвечивало сквозь ушные мочки Педера и зажигало огнем его золотистые волосы.

Карна остановилась.

Сбоку на столе стояла высокая стремянка. Неужели он собирается по ней спуститься вниз?

Неожиданно он увидел ее. Словно с небес ударила молния. Синяя. Ярко-синяя!

— Осторожней, фрёкен Карна! Я могу упасть вам на голову! — серьезно сказал он. Голос у него был глубокий и чистый. Слишком чистый для человека, висевшего под потолком на одной руке и ноге.

Карна отпрянула, но не могла отвести глаз.

Педер опустил ногу и повис на руке. Потом ухватился за балку и другой рукой и, перебирая руками, двинулся вдоль балки, пока не оказался над стремянкой. Когда он задел ее, стремянка с грохотом упала со стола.

Карна перестала дышать и растерянно оглянулась по сторонам.

— Будьте добры, поставьте стремянку на стол! — попросил он сверху.

С бьющимся сердцем Карна попыталась поднять тяжелую стремянку. В то же время она следила за ним глазами, опасаясь, что он упадет.

Красными у него были не только мочки ушей. Он весь пылал от напряжения.

Наконец Карна водрузила стремянку на стол, но не отпустила ее.

Ей показалось, что его ноги слишком долго кружили над верхней ступенькой, прежде чем нащупали опору. Пока Педер старался обрести равновесие, чтобы отпустить балку, она подумала, что добром это не кончится.

— Подождите, я сейчас залезу на стол, и вы сможете на меня опереться, — приказала она.

Он повиновался, держась за балку попеременно то одной, то другой рукой, словно давая им отдых.

Карна подвинула еще один стол и залезла на него.

— Давайте вашу руку! — сказала она.

Наконец его пальцы обхватили ее руку. Грубые и горячие. Пока он осторожно искал равновесия, она поддерживала и стремянку, и его руку. Потом он отпустил ее и медленно, ступенька за ступенькой, спустился с лестницы.

Наконец они оба стояли на столах, держась с двух сторон за стремянку.

— Это могло плохо кончиться, — сказала Карна.

— Только не с такой помощницей! Спасибо!

Тот же глубокий голос. Словно говорила гора, а не человек, который только что, как обезьяна, висел на железной балке.

В груди у него что-то переливалось, и только потом звучал голос. Но он как будто не сознавал, что в нем скрыта музыка.

Карна покраснела и вспомнила, что когда-то приняла его за негра. И как только человеку, который был совершенно черным, удалось стать таким белым!

Уголки губ у него, втягиваясь внутрь, образовывали маленькие впадинки. Словно хранили тайну. Короткие светлые волосы упрямо вились от самых корней. И не только потому, что он только что висел вниз головой. Она знала, что такие волосы нельзя распрямить, даже намочив их водой.

Лоб был крутой, как скала. И упрямый. Под светлыми бровями мерцали глаза. Эта картина слилась у нее перед глазами во что-то теплое и синее.

К своему стыду, Карна поняла, что вот-вот заплачет. Это было бы глупо, ведь он все-таки не упал. Но она ничего не могла с собой поделать.

— Вы будете играть на балу? — спросил он. До сих пор он еще ни разу не моргнул. Ресницы у него были белесые.

Спрятаться Карне было некуда. Оставалось только смотреть ему в глаза, чувствуя, что у нее начинают течь слезы. Ей хотелось исчезнуть и вместе с тем хотелось, чтобы это продлилось подольше.

Педер вдруг смутился. Он спрыгнул на пол и протянул ей руки.

Тошнота напомнила Карне, что она забыла дышать. Спокойно и глубоко, чтобы предотвратить припадок. Но внизу перед ней стоял Педер. Он был силой. И он повелевал ее дыханием.

Зал начал вращаться. Быстрее, быстрее. Педер тоже вращался. И его глаза. Глубоко в море. На дне. Свет. Ее тянуло туда. Ей было страшно, но она не могла противиться этому.

Она ощущала исходящую от него чудесную силу. Нежную и несокрушимую.

Педер Олаисен никогда не видел припадка падучей и уж тем более не оказывал при нем помощь. Он вдруг осознал, что держит ее в объятиях. Может быть, она уже умерла? Неужели он так напугал ее, что она упала в обморок?

Он в жизни не читал ни одного романа. Но слышал, что хрупкие женщины могут умереть от напряжения. Наверное, стремянка оказалась слишком тяжела для нее.

Карна смотрела на него, значит, она все-таки не умерла. Однако на губах у нее выступила пена. В груди свистело и сипело, тело сводили судороги.

Педер положил ее на стол и попытался выпрямить. Когда он прикоснулся к ней, ему показалось, что он прикоснулся к горячей печке.

Он отдернул руку. Потом снова прикоснулся к ней. Попытался удержать, но не мог. Ее тело дугой выгнулось над столом. Она хрипела, руки и ноги сводило.

Наконец Карна упала на стол и затихла. Тело расслабилось. Рот был приоткрыт, но в горле больше не клокотало. Только глаза неподвижно смотрели в одну точку.

Педер потерял последнюю надежду.

И вдруг вспомнил, что ему дан голос. Он позвал на помощь. PI звал до тех пор, пока к нему не прибежали два парня, которые разговаривали во дворе.

Они замерли при виде неподвижного тела Карны и двух составленных столов со стремянкой.

Увидев, как по юбке Карны расплывается мокрое пятно, Педер вздохнул с облегчением. Слава Богу, она не умерла!

Какое-то чувство, о котором он даже не подозревал, подсказало ему, что девушка не все может показать миру. Он заботливо расправил ее юбки так, чтобы пятно скрылось в складках, и поднял ее на руки. Странно, что такая молодая и хрупкая девушка оказалась такой тяжелой!

В ее глазах появилась жизнь. Она закрыла их и вздохнула.

Педер посадил Карну на стол, но не отпустил — иначе все увидели бы мокрую юбку. Кто-то принес чашку с водой.

Прикрывая Карну своим телом, Педер вспомнил, что видел в коридоре одеяло.

— Принесите из коридора одеяло, оно лежит там, на полке! — велел он парням.

Он больше не понимал, ее или его сердце стучит у него в груди. В голове. В висках.

У Карны начался озноб. По лбу градом катился пот. Он поднес чашку к ее губам. Она пила маленькими глотками. Потом открыла глаза и посмотрела на него. Так на него не смотрел еще никто.

Потом она провела по себе руками. Сквозь тонкую рубашку он чувствовал ее руки. Они нащупали пятно, и у нее вырвалось глухое рыдание.

Педер крепче обнял ее.

— Этого никто не видел, — прошептал он.

Она прижалась головой к его плечу. Наверное, у нее просто не было сил держать голову. И убрала руки из тайника между ними. Из-за этого их тела прижались друг к другу. Педер не сразу осознал это.

Кто-то принес, но не одеяло, а ее пальто. Педер заботливо надел его на

Карну и застегнул одной рукой, другой он обнимал ее.

— У нее бывают припадки падучей, — сказал кто-то. — Это не страшно.

Он промолчал. У него было одно желание — не выпускать ее из своих объятий.

— Мы можем отвезти ее домой на тележке Ларса, — предложил кто-то.

Педер отрицательно покачал головой. И пока он грудью, всем телом ощущал ее тяжесть, тепло и влажность, она вдруг стала легкой, как перышко. Его сила была тут ни при чем. Он не прилагал вообще никаких усилий. Он просто хотел этого.

— Я сам отнесу ее к фру Дине. Это близко, — сказал он.

Карна попыталась что-то сказать, но у нее вырвался только вздох. Руки ее крепко держали пальто.

— Помочь тебе? — предложил кто-то Педеру.

— Не надо, она легкая, — отказался он и вынес Карну из дома.

Она была так близка ему! Ближе всех девушек, с которыми он танцевал и заигрывал. Ближе тех, с которыми обнимался на сеновалах или за ящиками с рыбой и штабелями торфа. И даже тех, которых видел более обнаженными, чем дозволял Бог.

Педер дошел до «Гранда», так и не почувствовав усталости. Фру Дина открыла двери и провела его в свои покои.

— Положи ее на мою кровать, — сказала она.

Он рассказал ей все, что случилось, и понял, что пора уходить. Дина на прощание пожала ему руку и как-то странно на него поглядела.

— Спасибо! Я не ошиблась. Ты — камень.

Глава 13

Педер намочил волосы и старательно причесал их. И все-таки они торчали, будто растрепанные ветром. Рукава черного потертого сюртука были ему коротки. Галстук выглядел взятым напрокат, а штаны из темно-серой фланели не шли к сюртуку.

Прямой широкий нос. Большой рот, слабый и в то же время решительный.

Осторожно, словно лунатик с открытыми глазами, Педер подошел к девушкам, сидевшим у стены.

Карна затаила дыхание, он подходил все ближе и ближе.

Глубокий, хрипловатый голос порхнул между ними. Педер слегка поклонился, Карна не сразу поняла, что он сказал.

— Могу я пригласить вас на танец, фрёкен Карна?

Глядя в его глаза, она поняла, что он останется рядом с ней, даже если она откажется танцевать. Эти глаза заставили ее встать и протянуть ему руку. Заставили вспомнить, что она описалась во время припадка и что он знает об этом, но что это не имеет значения. Потому что пришел он именно к ней.

И когда он легко обнял ее и ее рука легла в его грубую теплую ладонь, ей оставалось только полететь по комнате и взлететь к гирлянде, висевшей на железной балке.

Потому что благодаря Педеру музыка унесла ее за собой.

Он тряхнул головой, и его пробор сбился, губы приоткрылись в тихом смехе. Этот смех, словно котенок, пробрался в ее голову и свернулся там клубком.

Осенью каждый четверг Педер по вечерам помогал Дине вести бухгалтерию и писать письма. Они сидели у секретера в ее покоях.

У Педера был красивый, твердый почерк. Он подходил не только для того, чтобы записывать цифры. Кроме того, Педер говорил не больше, чем следовало. Дине было хорошо в его обществе.

Она как будто не находила ничего странного в том, что Карна под каким-нибудь предлогом тоже приходила к ней по четвергам. Напротив, она говорила:

— Подай нам через час горячий шоколад с печеньем. Ровно в семь!

Таким тоном Дина давала распоряжение горничной, когда у них были гости. Но Карна не обращала на это внимания. Бабушкин тон ничего не

значил. В четверг не значил.

— У фрёкен Карны часто бывают припадки? — спросил Педер. Карна только что вышла из комнаты, и Педер открыл счетоводную книгу.

— Случаются. Она страдает эпилепсией.

— Отчего бывает эта болезнь?

— Думаю, этого не знает никто. Но спроси у Вениамина.

— Это опасно?

— Не настолько, чтобы она не могла прийти в себя после припадка. Если, конечно, не ушибется. Но приятного мало. Ты и сам, кажется, убедился в этом в тот раз?

Она положила перед ним расписки. Показала на почтовые отправления, которые казались ей сомнительными. Указала на тенденцию цифр к повышению. С еле заметной усмешкой — пусть это останется между ними.

Конечно, он все понимает.

Имя Вилфреда Олаисена не упоминалось. Да и зачем было упоминать о нем, если все в полном порядке.

— Но может, она больна? Может, нужно что-то сделать, пока не поздно? — спросил Педер.

— Ее смотрел один профессор из Копенгагена и доктор из Берлина. Они ничего не рекомендовали.

Дина взглянула на озабоченное лицо Педера. Потом толкнула его в плечо.

— Она еще ребенок. О чем ты думаешь?

— О том, что хотел бы помочь ей вылечиться, — серьезно ответил Педер.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— О Господи, солидный возраст для мужчины! — воскликнула Дина и похлопала его по руке, словно хотела утешить. Потом измерила его взглядом и безжалостно сказала: — Но сейчас ты еще слишком стар для нашей Карны. Вот лет через пять…

Он мучительно покраснел и сбился в цифрах.

— Вы думаете… лет через пять? — осмелился спросить он.

— Поговори с ней самой. Несмотря на свой юный возраст, Карна в состоянии сказать, что она думает по этому поводу. Другое дело, что за эти пять лет она может передумать. С девушками так бывает.

— Вы считаете, что мне следует поговорить и с доктором?

— Немного попозже. Сейчас это его только испугает.

— По-вашему, нужно обязательно быть богатым, чтобы породниться с

хозяевами Рейнснеса?

Она снова измерила его взглядом.

— Нет! Но достаточно умным, чтобы выжить в этом мире.

— К этому я привык. — Педер приободрился.

— Я знаю, — серьезно сказала Дина.

Они занялись делами, теперь их интересовали только цифры.

— Ты когда-нибудь кого-нибудь ударил? — вдруг спросила Дина.

Глаза у него сделались беспомощными.

— Нет! — почти с сожалением ответил он.

— Хорошо!

Он осмелел, и с его губ сорвался дерзкий вопрос:

— А вы?

Дина явно удивилась, но глаза у нее были веселые:

— Случалось.

Вилфред Олаисен посмеивался над этими занятиями бухгалтерией по четвергам. Пока ему не пришло в голову, что он мог бы использовать брата, чтобы разузнать кое-что о делах Дины. Но он наткнулся на стену. Без единой щели. Педер прямо сказал, что не намерен говорить о доверенных ему делах.

Вилфред рассердился, и Педер счел за лучшее ретироваться за дверь конторы. Там он почувствовал себя в безопасности. На верфи было слишком много рук и глаз.

— Я платил за тебя, пока ты учился в школе! — крикнул Вилфред ему вслед. — Ты должен работать на меня! На моей верфи!

— Я и работаю на твоей верфи, — спокойно через плечо ответил Педер. — Кроме вечеров по четвергам.

— Что такого особенного должно быть в женщине, чтобы она добивалась всего, чего захочет? — спросил Вилфред у Ханны тем же вечером. Он только что рассказал ей об измене брата.

— А разве ты сам не такой же? — осмелилась спросить Ханна.

— Я предприниматель!

— Не знаю, что есть в Дине. Наверное, то же самое, что в тебе.

— Это мы еще посмотрим. Я в любое время могу выкупить ее долю.

Ханна могла бы напомнить ему, как трудно им пришлось, когда Дина изъяла из дела часть своего капитала и они были вынуждены заложить дом. Но она промолчала. Как молчала все последние годы. Теперь они говорили только о том, о чем хотел говорить он. Даже в присутствии посторонних

Ханна предпочитала не высказывать своего мнения.

Это могло плохо кончиться для нее уже дома, когда дети спали, а служанки были далеко. От необходимости сдерживать себя и всегда быть начеку сердце Ханны заледенело. Этот холод распространялся не только на Вилфреда, но и на всех. Даже на детей.

Зимой, поняв, что ждет четвертого ребенка, Ханна позвала к себе Вениамина. Дома никого не было. Сара с детьми уехала в Рейнснес, а Вилфред отправился куда-то на «Лебеде».

Возле «Гранда» она сунула Вениамину записку, не объясняя, в чем дело. Когда он пришел, она попросила его помочь ей избавиться от ребенка. Вениамин оторопел. Потеряв над собой власть, Ханна схватила его за руки.

— Ты не смеешь просить меня об этом. Пойми, это может стоить тебе жизни.

— Мне все равно! — крикнула она, и ей стало приятно — наконец-то она смогла повысить голос в собственном доме.

— Замолчи! Не смей даже думать об этом! — простонал он и обнял ее.

Она тотчас прильнула к нему, тогда он разжал руки. И продолжал говорить, говорить… Ему хотелось утешить ее.

Ханна была вне себя от отчаяния. В ней проснулась злоба. Захотелось хоть раз потерять голову. Отомстить. Но Вилфреда здесь не было. И все вылилось на Вениамина.

— Он же все равно забьет меня насмерть! — крикнула она.

Увидев его лицо, она раскаялась и стала умолять его остаться. Вениамин все-таки ушел.

Ночью он вернулся, чтобы, по его словам, проведать ее. Ханна обрадовалась — наконец-то он пришел к ней! Но она ошиблась. К ней пришел только доктор.

Она потеряла и его, и себя. Стала другой. Но новая Ханна оказалась сильнее прежней. Ей было легче терпеть.

Она не сопротивлялась, когда Вилфред приходил к ней, и думала о чем-нибудь приятном. Гладя его по волосам, она вспоминала, как пахли пряности, которые сажала Стине. Или клевер на лугу за летним хлевом. Или черника, растертая с сахаром. И даже водоросли под бугром, на котором стоял флагшток.

Но чаще всего перед ней возникал Он. Его запах. Она отвыкла, что у него есть имя. Вспоминала, как они встретились на постоялом дворе в Бергене. Его глаза. Как он пришел к ней в комнату, когда она кормила Карну…

Во время беременности она иногда одна приходила к Дине в «Гранд». Обычно когда Вилфред был в отъезде. Они с Диной никогда не говорили о «тех разах». Но Ханна понимала, что Дина знает все.

Дина часто показывала ей модные журналы из Берлина или Парижа, доставала какую-нибудь ткань и советовалась, что из нее сшить, чтобы выглядело не хуже. Советовалась она с Ханной и относительно меню.

— Что следует подавать привередливым гостям? — обычно спрашивала она.

И Ханна извлекала из памяти рецепты Стине. Она знала, что всегда может прийти к Дине без приглашения, хотя Дина никогда не говорила ей об этом. Ханна только спрашивала у горничной, не занята ли Дина.

О Вениамине они говорили редко, почти никогда. А если и вспоминали о нем, то только в связи с Карной.

Дина позволяла Ханне чувствовать себя свободной. Независимой. Однажды она сказала:

— Если б на твоих плечах не лежала забота о семье, ты могла бы вместе с Бергльот управлять гостиницей. А я смогла бы спокойно съездить в Берлин.

Это был не вопрос. Только признание.

В другой раз Дина сказала:

— Помнишь наш разговор о том, что тебе следует открыть модный магазин? Завести швейную мастерскую. Ты думала над этим?

Конечно, Ханна думала, но ведь это несерьезно.

— Нет ничего невозможного.

— Да, если бы захотел Вилфред, — согласилась Ханна.

Она призналась, что в настоящее время у Олаисена трудности с деньгами. Он ждет, что пойдет сельдь. Тогда он сможет фрахтовать и продавать наживку. Ждет заказов для верфи. Сезон будет трудный. Сейчас он не решится дать ей денег на швейную мастерскую. К тому же у них большое хозяйство. Оно тоже требует денег. Дети.

В следующий раз при встрече с Олаисеном Дина мимоходом выразила сожаление, что пропадает втуне способность Ханны к шитью. Или, как еще говорят, к творчеству.

Олаисен с подозрением относился к подобным разговорам. Он не любил, когда в них всплывало имя Ханны. Это напоминало ему о его унижении. Поэтому, когда фру Дина заговорила о том, что ее не касалось, он дружески поставил ее на место:

— У Ханны и так дел по горло. Большой дом, большая семья.

— Все это может делать прислуга. В Рейнснесе тоже было большое хозяйство и большая семья. Но я не помню, чтобы мне приходилось самой чем-то заниматься. Люди за деньги делают то, что им скажут. Так же как и на верфи. Или вы не согласны? У вас достаточно средств, дорогой Олаисен, чтобы позволить Ханне развивать свои таланты.

Олаисен недоверчиво смотрел на нее, поэтому Дина сказала:

— Не говорите Ханне про наш разговор. Просто мне стало жалко покупать дорогие и плохие платья в Тромсё или Трондхейме, когда Ханна так превосходно шьет. Жена адвоката и Анна тоже могли бы стать ее заказчицами. Ханне надо только нанять двух помощниц. Это небольшие деньги. Да и начальный капитал должен быть не так уж велик. Конечно, надо снять помещение. Купить швейные машины. Ткани. Нельзя недооценивать женщин. Им всегда нужны новые платья. Но не говорите ничего Ханне. Она только размечтается. Между прочим, я хотела сказать еще что-то… Ах да, вчера я получила телеграмму — нам предстоит отремонтировать одно гамбургское судно. Оно завтра придет в Тьельдсунд. Там какие-то неполадки с машиной. Этим судном займется Педер.

— Почему они прислали телеграмму вам?

— Потому что я знакома с владельцем этого судна. Когда-то я имела с ним дело в Гамбурге.

— И поэтому он захотел воспользоваться услугами нашей верфи! — Вилфред сразу расцвел. Глаза его сияли.

Когда Дина перед уходом надевала перчатки, он спросил будто бы случайно, действительно ли она считает, что какой-то жалкий модный магазинчик может принести деньги.

— Не жалкий магазинчик, а магазин Ханны Олаисен! Да, безусловно! Вы в ней не ошиблись. И раз уж мы заговорили об этом: я бы тоже могла вложить в это дело небольшой капитал. Например, приобрести швейные машины. Конечно, они будут принадлежать мне. Аренда машин обойдется вам недорого. Начнете выплачивать за них, когда магазин начнет приносить прибыль. Небольшой процент от прибыли. Пять-десять процентов, что скажете? Только не говорите ничего Ханне. Не надо обнадеживать ее понапрасну… До свидания!

Олаисена мучило неприятное чувство, что фру Дина только делает вид, будто играет по общим правилам, а на самом деле предпринимает шаги, о которых он просто не знает.

Тем не менее он смирялся с тем, что время от времени она противоречит ёму или самостоятельно осуществляет некоторые идеи.

Обязанности председателя местной управы требовали от него столько времени, что он поневоле уступил ей на верфи и на слипе некоторое первенство. Олаисен утешал себя тем, что выявит слабые места Дины, когда у него появится больше времени.

Страндстедет превращался в центр пароходного движения в их краях. А благодаря чему? Конечно же пристани Олаисена! Кого теперь интересовало, кому принадлежат причалы?

Все и так знали, что это пристань Вилфреда Олаисена. Разве он не мог по праву называться управляющим? Но называл ли он себя так? Нет! Только приезжающим приходило в голову называть его управляющим. При этом слове люди благоговейно замирали, как в церкви. Таким образом это звание становилось более значительным.

Даже приезжие из Гамбурга спрашивали, где находится верфь управляющего Олаисена! Разве мог он помешать им? Люди сами видели, кто есть кто.

Больше половины приезжих были женщины, мечтавшие выйти замуж. Они гордо ходили по Страндстедету, выставляя себя напоказ. Работы для женщин здесь было достаточно. В протоколах местной управы она называлась «работой по дому». Кроме того, женщины могли работать продавщицами в магазинах и официантками.

Олаисен начал понимать, что не только состоятельные женщины, но и все остальные тоже стараются одеваться прилично.

Однажды вечером он нежно посмотрел на Ханну.

— Я думаю открыть для тебя модный магазин! — сказал он. — Конечно, дохода это не принесет. Но мне будет приятно, если твои способности не пропадут зря. Дети скоро вырастут. Мне наплевать, если люди начнут злословить, будто я не могу прокормить свою жену. Все равно этому никто не поверит.

Ханна закрыла глаза, ее охватила слабость. Потом она посмотрела на него. Встала и завернулась в платок.

— Не шути так со мной, Вилфред.

— Я не шучу. Я уже давно думаю об этом. Разве ты не шила для людей, когда мы с тобой познакомились? Но на этот раз ты будешь шить не в каморке, в которой была вынуждена также и жить. Мы найдем светлое, просторное помещение. Я даже придумал название… «Швейная мастерская фру Олаисен». Тебе нравится?

— Но тогда нам придется нанять двух постоянных нянь и… может быть, портних…

— Разве я не привык нанимать людей на работу? Найму и теперь и

портних, и нянь.

— А наш долг банку?

— Это своим чередом. Все будет в порядке. Я все улажу. А если мы окажемся в трудном положении, я могу продать третью часть пароходной пристани.

— Кто, по-твоему, ее здесь купит? В Страндстедете? О какой третьей части ты говоришь?

— Не думай об этом. Ты в этом не разбираешься. Так покупать для тебя мастерскую и машины или ты отказываешься?

Треть ее будет принадлежать Дине, как и треть пароходной компании. Остальное — мне. Разве я не сказал тебе об этом?

— Нет.

— Впрочем, это не имеет значения.

— Как получилось, что Дина тоже стала хозяйкой пристани?

— Некоторое время назад мы с ней заключили сделку. Она сказала, что всегда мечтала владеть хоть кусочком пристани. Я счел это естественным. Вот и все.

Людей удивляло, что Ханна Олаисен, как обычная вдова, собирается открыть швейную мастерскую. Да еще в ее положении! Кое-кто считал, что Олаисен хочет расширить свое влияние, чтобы обеспечить себя на случай, если времена изменятся.

Другие полагали, что у председателя управы большой аппетит — он заинтересован в росте Страндстедета. Редкий человек. Сразу понял, какие возможности кроются в шитье женской одежды.

Ведь в Страндстедет время от времени приезжает театр. Это заставляет женщин обновлять гардероб. А домашние концерты в «Гранд Отеле»? А праздники? Приличное платье нужно всегда.

Кроме того, сюда приехал фотограф. Не станут же люди фотографироваться в чем попало!

Страндстедет растет и развивается, говорили люди, понимающие в этом толк. Не это главное, говорили другие. Главное, чтобы на всех хватало работы и хлеба.

Глава 14

Сторонники Олаисена испытали настоящее потрясение, когда председателем местной управы с большим перевесом голосов был выбран Вениамин Грёнэльв.

У Вилфреда Олаисена только что родился четвертый сын, и, по-видимому, сейчас его волновало только это событие. Он вежливо улыбался направо и налево. Этот человек не потеряется ни при каких обстоятельствах, говорили те, кто знал его лучше других.

Окружной доктор не ждал такого поворота событий. Он опасался, как бы это избрание не пошло во вред больным.

Но поскольку он не отказался, ему оставалось только принять новый пост. Так получилось, что Вениамин не только выиграл выборы, но и стал председателем управы, даже не претендуя на это.

И к тому же жена его была уроженкой Копенгагена! Ни у кого в Страндстедете не было жены, которая говорила бы по-датски. За короткое время у некоторых дам появилась привычка на датский манер катать во рту гласные, прежде чем произнести их. Если, конечно, они разговаривали с образованными людьми.

Никто их к этому не принуждал, это получалось само собой. В обществе и на благотворительных вечерах дамы говорили так, даже не замечая этого.

Многие в Страндстедете были уже сыты Олаисеном по горло, а доктор — замечательный человек! И получил образование за границей.

Незадолго до выборов распространились слухи, что дела Олаисена пошатнулись вскоре после того, как он вложил крупную сумму в новый пароход и одновременно открыл модный магазин для фру Ханны. Говорили даже, будто банку пришлось предоставить ему отсрочку займа, потому что после того, как новый слип вступил в эксплуатацию, дела на верфи пошли хуже. Непонятно почему. Уж не потому ли, что брат Олаисена все больше сотрудничал с фру Диной?

Но кое-кто понимал, где зарыта собака. Банковский заем пугал всех — и богатых, и бедных. Олаисен зарвался. А как он важничал, когда был председателем управы!

Высокомерия ему не занимать, говорили люди. И теперь, когда Олаисен перестал быть председателем управы, рабочие наконец признались, что он никогда не отличался щедростью.

Олаисен занимался оставшимися у него предприятиями и в «Гранде», встречаясь с мужчинами за пуншем, проявлял сдержанность. Его никогда не видели пьяным; не то что многих.

Фру Олаисен, напротив, после перевыборов председателя не показывалась в своей мастерской. Да и в других местах тоже.

Однажды вечером дочь пономаря, вернувшись домой после хоровой репетиции, сообщила, что Олаисен бьет Ханну.

Мать выбранила дочь и велела не разносить слухов, но тут же спросила у нее:

— Кто это сказал?

— Кто-то у нас в хоре.

— Может, это и неправда.

— Я спросила у Карны, правда ли это. И она ужасно покраснела.

— Она подтвердила это?

— Нет!

Через полчаса уже многие знали, что Олаисен — чудовище.

В тот день, когда разразился скандал, было пятнадцать градусов мороза и северное сияние зажглось на небе уже в самом начале вечера. Почтмейстер одним словом определил и небесное явление, и поведение Олаисена:

— Дьявол забавляется!

Почтмейстер часто первый предсказывал несчастье. Он уже видел письма адвоката. Толстое письмо было адресовано Олаисену. Тонкое — фру Дине.

У телеграфиста были свои источники. Денежные переводы из немецкого банка. Понять цифры не составляло труда. Они пишутся одинаково и на норвежском, и на немецком. Разобраться в деталях было куда труднее. Немецким телеграфист не владел и должен был хранить в тайне содержание полученных телеграмм. Ему оставалось только удивляться осведомленности людей. Им почему-то все тут же становилось известно!

Многие видели, как адвокат Бринк выходил из «Гранда» с портфелем для документов под мышкой. Среди бела дня. Ясно, что он ходил туда не развлекаться.

Новость быстро облетела Страндстедет. Фру Дина изъяла из верфи свой капитал. Управляющий банком отказал Олаисену в кредите, и двенадцать рабочих могли вот-вот остаться без куска хлеба. В Страндстедете ходили самые противоречивые слухи. С неба валил снег. Цены на уголь были высокие, и ощущалось приближение катастрофы.

Правда, в газете о падении Олаисена не было ни слова. Пока не было. Но этого ждали. Из-за чего газета шла нарасхват. Все хотели быть в курсе событий. Ведь об этом могли сообщить в любой малозаметной статейке.

Люди, зависевшие от заработка у Олаисена, уже потеряли последнюю надежду. Но предвкушавшие настоящую трагедию были полны ожиданий.

Столько всего хотелось рассказать, о стольком спросить, что даже поздно вечером люди выходили из дому, боясь пропустить что-нибудь важное.

Сообщение в газете обмануло все ожидания. Хотя заголовок был сенсационный:

«Фру Дина Бернхофт выкупила долю управляющего Вилфреда Олаисена в верфи, слипе и пароходной пристани».

Далее сообщалось: «Никакого банкротства! Рабочие места в Страндстедете спасены!»

Прочитавшим статью до конца было ясно, что только так Олаисен мог не допустить, чтобы его жилище пошло с молотка. А статью прочитали почти все.

В ней говорилось также, что управляющий сохранил за собой свои два парохода и может спокойно жить в своем доме на холме, созерцая оттуда пристань и верфь, которые некогда построил.

Из-за этого заголовка не одна только продавщица из лавки Холе пропустила, что говорилось в газете о женской эмансипации. А также рассказ о некоем женоненавистнике и объявление о бесплатной раздаче книг под общим названием «Месть цыганки».

А ведь именно этим газета «Сеньенс Тиденде» хотела увеличить число своих подписчиков. К сожалению, для этой кампании был выбран неподходящий день. На нее почти никто не обратил внимания — всех интересовало только то, что фру Дина спасла Страндстедет.

И люди, у которых дома царил образцовый порядок и газета в тот же день отправлялась на свое место на заднем дворе, так никогда и не прочитали статью о женской эмансипации.

Газета Олаисена более осторожно сообщала о его поражении. И это неудивительно — Вилфред Олаисен все еще располагал большей частью ее акций.

Тем важнее было для ее конкурента развернуть военные действия. Через несколько дней появилось сообщение, что некоторые круги выражают сомнение, что капиталовложение Олаисена в местной газете подтверждается его предпринимательской деятельностью.

Олаисен дал опровержение под заголовком: «Злонамеренные слухи о моем банкротстве». В нем он писал, что вполне заслуживает доверия, хотя и счел необходимым несколько ограничить свою деятельность.

В тот же день в газете на двух колонках появилось следующее объявление:

«Модный магазин Ханны Олаисен рекомендует всем посетить свою рождественскую выставку, отличающуюся богатством ассортимента. На ней представлена одежда из гладкой и буклированной ткани, а также «английской кожи» разных оттенков. Любая одежда будет изготовлена мгновенно, как только мы получим ваши размеры».

Старший сын Олаисена Рикард о многом узнавал в школе и по дороге домой. Все то, о чем не говорилось дома. Каждый день он возвращался из школы в синяках и в разорванной одежде.

Младшие мальчики еще находились под защитой Сары и няни. Но и они не могли помешать людям громко делать свои замечания в присутствии детей или бросать на них красноречивые взгляды. Любовь к ближнему многообразна в своих проявлениях.

Педер Олаисен находился между Сциллой и Харибдой. Олаисен недвусмысленно дал ему понять, что он должен прекратить все отношения с Грёнэльвами. Любой из Грёнэльвов хуже шакала или оборотня. Даже если носит фамилию Бернхофт.

Педер плохо представлял себе особенности поведения шакалов и оборотней, но от этого ему было не легче.

К тому же на верфи он столкнулся с тем обстоятельством, что он — Олаисен, а следовательно, человек ненадежный. Хотя прямо ему никто об этом не говорил.

Объяснять Вилфреду, что он должен исполнять свою работу независимо от того, кому теперь принадлежит верфь, было бесполезно.

Но думал Педер только о Карне. О дочери и внучке шакалов и оборотней. И понимал, что его способностям предстоит серьезное испытание.

Тем временем Вениамин вникал в крупные и мелкие дела местной управы. Собрания и разговоры с людьми, которых он встречал по дороге, занимали большую часть его времени. Как только заканчивался прием больных, он сразу хватался за пальто. Анна и Карна уже привыкли к его словам: «Сейчас мне некогда…»

Анна несколько раз пыталась поговорить с ним о будущем Карны. Но

он отвечал невнятно, на бегу. Она подозревала, что он даже не слышит, что ему говорят.

Когда он бывал дома, ее пугал его отсутствующий взгляд. Словно он был где-то в другой комнате, в другом месте. Словно готовился к разговору, но только не с ней.

Жизнь с Вениамином стала напоминать Анне жизнь ее родителей. Они больше не разговаривали друг с другом, разве что где-нибудь в гостях.

Они спали в одной постели. Но расстояние между ними было так велико, что только сонное дыхание напоминало им друг о друге. Вениамин спал крепче, чем Анна. И кто же станет упрекать спящего человека?

Однажды вечером незадолго до Рождества они сидели в гостиной одни. Анна знала, что скоро он вскочит, чтобы идти на очередное собрание.

— Летом я поеду в Копенгаген, — сказала она, не обращаясь к нему.

В этом не звучало обиды. И это не была демонстрация. Однако Анна ждала, что он закроет газету. В худшем случае, раздраженно бросит ее в сторону. В лучшем — объявит, что они поедут вместе.

Но он не отозвался. Даже не оторвал глаз от газеты. Она встала и подошла к окну. Она все еще ждала.

Газета зашелестела. Он перевернул страницу. Анна поняла, что он даже не слышал ее слов.

Она подождала еще немного, потом, несмотря на мороз, стала открывать окно. Рама примерзла и не поддавалась. Анне даже пришлось ударить по ней ногой.

— Анна, что ты делаешь? Здесь достаточно воздуха! — послышалось из-за газеты.

— А мне нечем дышать!

Не оглядываясь на Вениамина, она влезла на подоконник и упала на спину в мягкий, влажный снег. Закрыла глаза и полежала неподвижно. Потом начала медленно двигать руками и ногами.

В сочельник в Рейнснесе они с Карной всегда так играли. Здесь, в Страндстедете, ангелов не изображали. Здесь просто умирали от удушья.

Она глубоко вздохнула. От движений снег проникал под платье. Спина у нее была уже мокрая. Словно она плыла в воде. Или лежала среди строф в новых нотах, которые разучивала с Диной. Смётана. «Моя Родина».

Анна начала напевать. Открыла глаза и увидела фиолетовое зимнее небо с мириадами звезд. Звезды таили знаки ее жизни, но истолковать их она не могла.

В освещенном-окне возник Вениамин. Председатель местной управы. Он казался прозрачным. Словно марля из его докторского чемоданчика.

Когда он перестал быть Вениамином? Должно быть, очень давно. Просто до сегодняшнего вечера она этого не понимала.

И, глядя на него снизу вверх, она вдруг вспомнила его лицо, каким оно было, когда они лежали на жесткой студенческой кровати Акселя.

Как мало она тогда понимала! Это было даже трогательно.

— Прости, Господь, мои желания! — пропела она человеку, стоявшему в окне.

— Анна! Ради Бога, что ты делаешь?

— Прости, Господь, мои желания! — пела она.

Это был совершенно новый Смётана. Родина. Отечество. Жесткая студенческая кровать. Где радость от того, что они согрешили вместе? Куда исчез этот дивный, свободный страх? В Нурланде они потеряли его. Потеряли все. Она потеряла Молодость, Любовника и Отечество. Страндстедет задушил все чувства. Вместе с окружным доктором, ставшим теперь председателем местной управы.

Она запела громче:

— Прости, Господь, мои желания!

— Анна!

— Тс-с-с! Речь идет о жизни и смерти. Я вместе с ангелом лечу в открытое море. Я разговариваю со Сметаной и звездами о моих желаниях.

— Я должен идти, Анна. Меня ждут.

Она слышала, что он хотел засмеяться. Но у него это не получилось, не то что у нее. Она снова громко запела.

— Ты озябнешь и промокнешь! — сказал он.

— Как все, кто плывет по морю!

Он странно посмотрел на нее. И исчез из окна. Кто он, этот человек?

Глава 15

Карна всегда знала, что ей придется уехать из дому, чтобы учиться. Может, получить диплом. Но до этого было еще далеко.

Анна читала вслух газетные статьи о доступности образования для женщин и говорила, как повезло Карне; ее отец понимает, что знания необходимы не только мужчинам.

Правда, Вениамин воспротивился тому, чтобы Карна жила у вдовы в Тромсё и училась в женской гимназии фрёкен Тесен. Хотя, по мнению Анны, так было бы проще и ближе.

Вместо этого он написал в Берген Дагни Холм, вдове ленсмана. Племянница Дагни, у которой было трое почти взрослых детей, была готова принять Карну к себе. Ей предоставят отдельную комнату, и она будет жить в семье, как своя. Со временем они научатся справляться с ее припадками. И она даже сможет брать уроки пения.

Но когда обо всем было договорено, Карна заявила, что она в Берген не поедет. Ни за что. Она не собирается учиться в гимназии. Или брать уроки пения. Ее вполне устраивает, как она поет.

Она хочет жить дома. В Страндстедете.

На первых порах Вениамин сдержался и захотел узнать, что послужило причиной отказа. Может, страх перед чужими людьми?

Но тут выяснилось, что Карна уже не ребенок и он плохо знает свою дочь.

А он-то думал, что знает и может читать ее, как знакомые параграфы отчетов в комитет по здоровью. Но он ошибся.

Сперва Карна отказалась от каких-либо объяснений. Она не поедет ни в Берген, ни в другое место, и точка.

Вениамин пожаловался на нее Дине. Та засмеялась. Разве он не знает, что, когда Карна остается ночевать в «Гранде», она приходит туда не только затем, чтобы повидаться с бабушкой? Разве она не призналась им, что ночует там лишь затем, чтобы в шесть утра в любую погоду постоять у открытого окна? В шесть утра! И только для того, чтобы видеть, как Педер Олаисен идет на верфь.

— Она увидела его в сердечке, сложенном из пальцев, — объяснила Дина и, наблюдая одним глазом за Вениамином, продемонстрировала, как это делается.

Кроме того, по словам Дины, Карна, не спросив ни у кого разрешения, заказала себе платье в модном магазине Ханны. Педером объяснялось и то,

что она вдруг осмелела и стала посещать вечера, не беря с собой Библию.

Неужели они не знают, что Карна пользуется каждым случаем, чтобы покружиться на танцах в объятиях Педера Олаисена? Будь то вальс, мазурка, да что угодно! Она порхает под любую музыку.

— Но ведь в десять часов она всегда бывает дома! — дрогнувшим голосом возразил Вениамин.

— Да, я предупредила Педера, что с его стороны будет благоразумным вовремя приводить Карну домой.

— Но я ни разу не видел его у наших ворот!

— Правильно, я посоветовала ему позаботиться, чтобы у ворот Карну встречала Биргит, а он сам сразу же уходил.

То, что не было известно Вениамину, было известно всем дамам и сплетницам Страндстедета: Педер Олаисен слишком сильно прижимает к себе докторскую дочку. Это уже почти неприлично.

Биргит сообщила Карне об этих слухах и получила объяснение: Педер боится, что во время танцев у нее случится припадок. Он очень сильный. Поэтому так крепко держит ее. Неужели Биргит не понимает? Ему просто трудно рассчитать, сильно или не сильно он прижимает к себе Карну.

Биргит не была уверена, что ее убедило объяснение Карны, но промолчала. Почему бы?

Карна была вызвана в кабинет к папе. Немедленно!

Она остановилась в дверях, зная, что речь пойдет о Бергене.

Сперва она молча слушала Вениамина. Потом ей стало грустно. У него был такой глупый вид, когда он объяснял ей, что ей следует чувствовать и думать.

— Я не поеду в Берген, — сказала она и хотела уйти.

Вениамин налился краской, заставил ее сесть и позвал Анну.

И Анна сказала все то, что забыл сказать папа. Но Карна стояла на своем. Вениамин рассердился и вскочил, Анна предостерегающе посмотрела на него.

Он снова сел и продолжал свою речь.

Карна должна помнить, что немногие девушки имеют возможность учиться. Слышала ли она, чтобы какая-нибудь девушка проявила неблагодарность и отказалась научиться чему-нибудь, кроме домоводства? Они прекрасно видят, что из Карны не получится хорошей хозяйки. Она слишком нерасторопна. Чего она хочет? Может, им следует выдать ее замуж? За какого-нибудь старика? Выдал же ленсман Дину, когда ей было

всего шестнадцать. Это, что ли, ей по душе?

Карна поняла, что ее час пробил.

— Да! Я хочу выйти замуж за Педера! Он тоже хочет жениться на мне. Но боится поговорить с вами, потому что бабушка сказала ему, что это вас напугает. Но если бабушка могла в шестнадцать лет выйти за старика, значит, и я могу сейчас выйти замуж. Тем более что Педер не старик!

Анна испугалась, а папа сидел с таким видом, словно получил затрещину.

— Карна, — сказала Анна. — Замужество — очень серьезный шаг.

— Знаю, но все-таки люди женятся.

— Ты еще сопливый ребенок! — сердито сказал папа.

— Я уже не ребенок. И я всему научусь, когда выйду замуж за Педера. Мне ничего не нужно. Даже пианино…

Папа встал и, тяжело ступая, заходил по кабинету. Взад и вперед. Не останавливаясь, зажег трубку. И курил на ходу. От его мелькания у Карны закружилась голова. В конце концов он остановился.

— Хорошенькое воспитание мы тебе дали! — воскликнул он… — Единственное, что тебе надо, — это выйти замуж! А как же твои способности?

— Никаких способностей у меня нет. Да они мне и не нужны.

— Неужели ты настолько глупа, что готова стать женой первого попавшегося пройдохи…

— Он не пройдоха, — сказала Карна, как только смогла говорить. Слова Вениамина о Педере причинили ей боль.

— А кто же он, если вбил в голову девчонке такую глупость! Я сам поговорю с ним.

Раздался стук. Это Анна громко стукнула кулаком по столу. Сперва она как будто даже сама испугалась этого звука, но тут же забыла о своем страхе. Она встала и, сгорбившись, смотрела на папу. Глаза ее метали молнии.

— Не смей говорить о любви с презрением! Слышишь! Любви несладко пришлось в семействе Грёнэльв. И я рада, что Карна способна любить. Почему бы нам не поддержать ее? С женитьбой можно и подождать. Но зачем ей ехать в Берген? Если она против этого, то и я тоже против. Принуждать ее к поездке в Берген — такое же преступление, как и насильно выдавать замуж. Я этого не разрешу! — властно сказала Анна, по-прежнему не спуская глаз с папы.

Они поссорились, и виновата в этом была Карна.

— Этого я от тебя не ждал, — сказал папа Анне ледяным тоном. — Не

ты ли всегда отстаивала свободу женщин и их право на образование?

— Какая же это свобода, если она не хочет?

— Я думал, мы одинаково смотрим на будущее Карны.

Папа говорил с Анной стиснув зубы. Она не ответила, и он презрительно продолжал:

— Карна может уехать, а когда вернется, посмотрим, выдержит ли эта так называемая любовь испытание временем.

Уголки губ у Анны дергались, подбородок дрожал:

— По-моему, неправильно пытаться делить чувства на порции в зависимости от обстоятельств, как делаете вы с Диной. Вы всегда подсчитываете выигрыш и проигрыш. Ты тоже, Вениамин! Предусматриваешь и выгоду, и пользу. От меня могла быть польза, к тому же я приехала по своей воле. Поэтому ты женился на мне. Но любовь — это дар, Вениамин Грёнэльв! И его нужно беречь. Она может прийти и поздно, и рано. Но ее не понять людям, которые все делят на порции, как для заключенных. Она дает силу тем немногим, кто умеет все отдавать и все принимать. Поэтому я оказалась среди чужих. Из-за любви. В последние годы ты отпускал мне любовь небольшими порциями. Как было удобно доктору Грёнэльву. А теперь и председателю. Спасибо тебе. Но любовь стоила того! Годы, недели, дни! За любовь платят одиночеством!

Папино лицо было как чистая страница блокнота.

Карне захотелось уйти. Куда угодно.

Она повернулась к двери и увидела бабушку. Подбежав к ней, она спрятала лицо у нее на груди.

Тишина. Она слышала только, как у бабушки бьется сердце.

— Молодец, Анна! — сказала наконец бабушка и положила руку на голову Карны.

Ей никто не ответил.

— Я понимаю, Анна, что это касается только вас с Вениамином, хотя ты говорила про всю семью. Мне стало любопытно, и я вошла. Прости, но мне было полезно послушать тебя…

Анна поникла, словно из нее выпустили воздух, но тут же снова выпрямилась.

— Должна сказать, что твои слова задели меня. За себя надо отвечать, Вениамин. — Голос у бабушки был спокоен, не то что сердце. Оно громко стучало под щекой Карны.

Анна отошла к окну. Папа остался один посреди комнаты. Он не пошевелился с тех пор, как Анна начала говорить.

Бабушка переводила взгляд с него на Анну и обратно.

— Мне сейчас нужен большой бокал портвейна. Или лучше докторского рома. Ваша гора меня доконала. Будь мне двадцать пять, я бы купила себе верховую лошадь, чтобы только не мучить ноги, поднимаясь к дому доктора. Но в моем возрасте я предпочитаю ходить пешком, нежели объезжать лошадь.

Папа очнулся. Он подошел к шкафу, достал графин и рюмки. Наливая, уронил одну рюмку на пол.

Отступив на шаг, он долго смотрел на осколки. Потом отставил графин, забыв, по-видимому, что собирался сделать.

Карна отпустила бабушку и подошла к нему. Он ее не заметил. Она наполнила две оставшиеся рюмки. Открыла шкаф, достала и наполнила третью рюмку.

Все по-прежнему молчали.

Карна протянула папе рюмку, он принял ее, не глядя на Карну. Потом она подошла к окну, где стояла Анна, и к бабушке. Дала рюмки и им. Хорошо, когда знаешь, что нужно делать.

Но пить, по-видимому, никто не собирался. Тогда она решила положить этому конец. Она встала рядом с папой, сложила на животе руки и сказала:

— За ваше здоровье!

Дина выбросила из конторы мебель Олаисена и заменила ее новой. Сделала двойную дверь, чтобы заглушить шум верфи. Повесила новые занавески. И переехала в контору. Она повелевала. Приказывала. Проверяла. Сразу отменила два прежних распоряжения.

Мужчины и раньше снимали перед ней шапки, так было всегда. Но когда они начали ей кланяться, она выбранила их и велела продолжать работу.

— Кто не может поздороваться, не отрываясь от работы, пусть лучше вовсе не здоровается, — сказала она.

Они боялись ее больше, чем Олаисена, которого приветствовали, точно оловянные солдатики. В шесть утра в понедельник, минута в минуту, Дина приходила на верфь, вызывала к себе мастера и подробно расспрашивала его обо всем.

К полудню она оставляла их в покое, но они слышали, как она работает в конторе.

Она приобрела крутящееся кресло. Такого здесь еще не видели и хотели бы испробовать, но не смели подняться в контору без ее вызова, а тогда она сама сидела в кресле.

Олаисена больше заботил его костюм, чем обстановка конторы. Фру

Дина умела позаботиться сразу обо всем. Она и для рабочих приобрела хороший стол и удобные стулья, чтобы они могли есть по-человечески. До сих пор они располагались обедать на ящиках или кому где вздумается.

По субботам она угощала их так называемой «стапельной стопочкой». И сама выпивала вместе с ними. После рабочего дня.

— Я не оплачиваю то время, когда вы пьете, — говорила она.

Им было странно получать распоряжения от женщины. В этом было что-то противоестественное. Но выбора у них не было.

Однажды мастер сказал ей, что при Олаисене они закрывали наряды только в конце недели. Такой был порядок.

Дина похлопала его по плечу:

— Если хочешь, можешь соблюдать порядки Олаисена… когда начнешь работать у него. Но тогда нам на верфи понадобится новый мастер!

— Черт бы тебя побрал! — буркнул мастер, когда она ушла.

Но никогда больше не говорил о порядках, которых придерживались у Олаисена.

Они не совсем понимали ее. Но что-то говорило им, что она понимает их.

Она приказала мыть полы не один раз в неделю, а каждый день. Одни рабочие посмеивались, другие чертыхались. Но через две недели все заметили разницу. Теперь им было легко дышать каждый день, а не только по понедельникам.

Олаисен, получив большой заказ, имел обыкновение совершать прогулку на «Лебеде», чтобы выпить по стаканчику пунша с «нужными людьми». Фру Дина спускалась после окончания работы из конторы, объявляла рабочим цифры и следующее задание и предлагала выпить по рюмочке. Но только по одной.

Этого было достаточно, чтобы рабочие становились покладистыми. Возвращаясь домой, они не были даже навеселе. Но на душе у них было светло, и телу было приятно. Однажды цифры оказались особенно хорошими, и рабочим тоже перепало от этого. Дина ничего не сказала им заранее, но велела Педеру после ее ухода раздать рабочим деньги.

Когда они потом благодарили ее, она махнула рукой и сказала: «Работайте на здоровье». Если бы она не была женщиной, они сказали бы, что она хороший мужик.

После Нового года Педер пришел к Дине в четверг, чтобы заняться бухгалтерией. Этот обычай сохранился, хотя теперь они могли бы

заниматься бухгалтерией и в конторе.

Он был угрюм, потому что заранее приготовился объявить ей, что должен взять расчет.

— Почему? — удивилась Дина.

— Вилфред считает, что я не должен работать на другую сторону.

— Что еще за другая сторона?

— Или на его конкурента. Он так сказал.

— А ты?

— Я должен взять расчет.

— Чтобы угодить брату?

— Нет, чтобы что-то сделать.

— И ты считаешь, что ничего лучше ты сделать не можешь?

— Это с какой стороны посмотреть. Или сколько можно заработать.

— И как же ты собираешься зарабатывать?

— Пойду в море. На пароходе Вилфреда. Он хочет, чтобы я возил наживку и всякое такое.

— Та-ак… Выходит, ты занимал деньги на учение, чтобы теперь возить наживку?

Педер наклонил голову и заложил руки за спину.

Дина внимательно наблюдала за ним.

— Извините меня, фру Дина. Я не хочу ссориться с братом.

— Других причин нет?

Он поднял голову и посмотрел ей в глаза.

— Нет. Мы с Вилфредом заключили соглашение.

— И в чем же оно состоит?

— Я перестану работать на вас, но зато смогу встречаться с Карной.

Он глубоко вздохнул, не зная, куда деть руки. Хотел спрятать их в карманы, но передумал. И так все было хуже некуда.

Дина засмеялась воркующим смехом — ну что тут поделаешь! Потом вскинула голову:

— Вот как? И с каких это пор Вилфред Олаисен распоряжается моей внучкой?

Педер растерялся, но не отступил:

— Ведь я намерен посвататься к Карне, когда она станет старше.

Его откровенность всегда нравилась людям. Почти всегда. Подсознательно он знал это. Поэтому не старался избегать трудных разговоров. Кроме разговоров с Вилфредом.

Педер был далеко не красноречив. Совсем нет. Но он имел смелость смотреть людям в глаза. И его лицо говорило им больше, чем слова.

У него и в мыслях не было сообщать фру Дине, что он хочет посвататься к Карне. Но во время разговора он понял, что это будет правильно. Что же касается Вилфреда, он и не думает распоряжаться Карной. Как можно! Просто Вилфреда надо успокоить. Так было всегда. Если Вилфред спокоен и весел, все устраивается само собой.

— Садись и слушай! — велела ему Дина.

Педер сел на краешек стула.

— Я не хочу, чтобы ты у меня работал! Тебе не хватает знаний!

Он слышал, что она сказала. Но смысл сказанного ускользнул от него. Если она хотела оскорбить его, то это не возымело действия, потому что было неправдой.

— Что вы хотите сказать? — спросил он.

— Ты просто возомнивший о себе мальчишка. Я сама увольняю тебя!

— За ЧТО?

— Ты решил, что, если угодишь Вилфреду, у тебя все будет хорошо и с Карной. Но ты мне больше не нужен. А это значит, что не нужен также и Карне. Понятно?

Педер нахмурился. Неужели это серьезно? Или она только хочет задеть его? Что за этим кроется? Какая хитрость? Вид у нее был не сердитый.

— Я больше не смогу видеть Карну? — прошептал он.

— Нет!

Кровь бросилась ему в голову. Он так судорожно стиснул руки, что побелели суставы.

— Тогда, фру Дина, вы ничем не лучше Вилфреда, — спокойно сказал он. Но внутри у него все дрожало. Упрямые завитки волос тоже дрожали. Видит ли она это?

— А почему я должна быть лучше, чем он?

Педер растерялся. Он не был готов к тому, что разговор примет такой оборот.

— Чего вы от меня хотите?

— Чтобы ты поехал в Берген и стал хорошим инженером-механиком. А не просто жестянщиком. Вернувшись, ты выкупишь те акции, которые пришлось продать твоему брату. И уже будешь работать на самого себя.

Педер, не моргая, смотрел на нее:

— Это было бы хорошо. Но у меня нет денег, чтобы учиться в Бергене.

— Я дам тебе заем без процентов и без каких бы то ни было обязательств.

Педер разжал руки. Он оперся на подлокотники и приподнялся с кресла.

— Фру Дина, почему вы это делаете? — шепотом спросил он, снова упав в кресло. Словно пытался переварить несчастье.

— Я собираюсь расширить верфь, пристроив к ней механический завод, а самой мне механику уже не одолеть.

— Механический завод?

— Этого требуют новые времена.

Педер глотнул воздуха и несколько раз моргнул. Потом решился. Будь что будет, Вилфред — не Вилфред.

— Я согласен!

— Значит, остаешься у меня, пока не получишь места на верфи Георгов в Бергене?

Он встал и протянул ей руку.

Педер набрался храбрости и пошел прямо к доктору домой, чтобы рассказать Карне, что поедет в Берген. Осенью. Если его там примут.

Карна во все глаза смотрела на него. Она не обрадовалась. И голос у нее был такой, словно одного из них ждала смерть.

Как он может поехать в Берген, когда она только что отказалась ехать туда?

Так он узнал всю историю. Ей пришлось даже поссориться с отцом, чтобы не ехать в Берген. Теперь в доме никто не смеет произносить это слово.

И вдруг он является go своей новостью. Разве это любовь?

Педер покраснел до ушей. Но сожаления не выразил. Он сказал прямо, что нельзя отказываться, если тебе предлагают учиться. Как она могла отказаться? Да он возьмет ее с собой, сунет в сундук и сдаст в багаж!

Неужели она думает, что любовь умрет, если они зиму или две проживут в разлуке? Плохо же она его знает! Неужели она зря спасла его, чтобы он не упал со стремянки? Или она не верит в такие знаки?

Педер продолжал говорить с мягкой настойчивостью проповедника, он восхищался доктором, который был готов платить за ее учение. Ведь потом она все равно выйдет замуж! Любой другой отец счел бы эти расходы лишними, потому что все, чему она может научиться в Бергене, останется втуне.

Почему она не рассказала ему о своих трудностях? Почему оставила его в стороне, словно немую скотину, с которой бесполезно разговаривать?

Карна никогда не слышала от Педера такой длинной речи. А его голос! Он звучал откуда-то из глубины груди, к которой она могла прислонить голову, когда их никто не видел. Как теперь. В гостиной никого не было,

кроме них.

Стоял трескучий мороз. И хотя печка гудела, откуда-то все время дуло. Пар, поднимавшийся над блюдом с рыбой, не мог согреть им ноги. Но лицу было жарко.

— Замечательно вкусно! — сказала Дина и принялась за рыбью печень. Отломила кусочек хлеба, понюхала его.

Вениамин не любил печени. Но остальные с ней согласились.

Карна беспокойно ерзала на стуле и наблюдала за ними. Сейчас она им скажет. Сейчас!

— Я все-таки решила поехать в Берген!

Папа и Анна перестали есть. Но бабушка как будто не слышала ее.

— Вот как? Интересно, — заметил папа.

— Ты передумала? — Анна обрадовалась.

Карна кивнула.

— И что же заставило тебя изменить решение? — спросил папа.

— Педер считает, что для любви так лучше.

Анна как-то странно вскинула голову и быстро взглянула на папу. Она становилась красивее, когда улыбалась.

Бабушка сидела с таким видом, будто ей ни до чего нет дела.

— Значит, Педер так считает? Пригласи его к нам домой, мы поговорим с ним.

— Он был здесь вчера.

— Без моего ведома?

— Но ведь тебя никогда нет дома!

— Анна, передай мне, пожалуйста, блюдо с печенью, — попросил папа.

— Но ведь ты не ешь печени? — удивилась Карна.

— Не люблю, но сегодня попробую проглотить — и печень, и все остальное.

Глава 16

Однажды в Страндстедет прибыл на пароходе худой человек в черной одежде. Уже не первой молодости. Седой, гладко выбритый, загорелый. Голубые, будто обращенные внутрь себя глаза придавали его лицу отсутствующее выражение. Словно он витал где-то далеко отсюда.

Люди на пристани зашептались под проливным дождем, они не скрывали своего удивления. Кто он? Некоторым он показался знакомым, но они не могли вспомнить, где его видели.

Вид у него был неприступный. Он сам нес свой чемодан и саквояж и спросил у извозчика, далеко ли до «Гранд Отеля».

— Нет, но я могу отвезти вас туда.

Приезжий попросил, чтобы извозчик отвез его багаж. Ему хочется пройтись.

— Поедете вы или нет, цена одинаковая.

Не дождавшись ответа, извозчик тронул лошадь, приезжий трусил следом.

Несколько молодых людей пошли с ним, надеясь что-нибудь выведать. Но приезжий был не из болтливых. Нет, он не из этих мест. Нет, он не знает, сколько здесь пробудет. Он просто путешествует. И все.

Приезжий в черном поднялся на крыльцо гостиницы и постучал молоточком в дверь.

Да, свободные номера есть. Если он не имеет ничего против мансарды. Комнаты там хорошие. Вот только надо подниматься еще по одной лесенке.

Еще одна лесенка его не пугала. Он попросил принести ему в номер бутербродов и крепкого кофе. И теплой воды для умывания.

Ему дали ключ и показали дорогу. Вещи он пожелал нести сам. Однако горничная получила мелкие чаевые за свои услуги.

Оставшись в номере один, он открыл окно и долго стоял, глядя на дома и на гавань.

По дороге поднимались две женщины. На одной из них была широкополая шляпа. Когда они подошли к гостинице, к нему наверх долетел ее низкий голос.

Он медленно отошел от окна.

Горничная постучала в дверь — она принесла бутерброды и кофе. Не желает ли господин чего-нибудь еще, пока они не закрыли кухню на ночь?

Нет, спасибо, больше ничего не нужно. Но он поинтересовался, откроют ли ему дверь, если он вечером пойдет погулять.

Конечно, откроют, их гости еще ни разу не оставались на улице. Если парадная дверь окажется запертой, ему придется воспользоваться черным ходом. Там через буфетную он попадет в общий коридор.

Приезжий был без сюртука, в рубашке и расстегнутой жилетке. Видно было, что он хорошо сложен, но физическим трудом не занимался.

— У вас много гостей?

— Восемь. Но в четверг все номера будут заняты. Впрочем, у нас найдется место для всех. Вы собираетесь остаться до четверга?

— Еще не знаю. Но в таком случае мне понадобится стол побольше, здесь, у окна. Я должен работать.

Она может рекомендовать ему угловую комнату во втором этаже. Там стол побольше. Это нетрудно устроить.

Нет, ему нравится здесь. Нравится вид. Он может сам принести сюда стол.

Горничная обещала все сделать. Найти стол просто. Что еще она хотела сказать? Ах да, она не помнит, записался ли он в книге для гостей? Как его записать?

— Я запишусь завтра утром перед завтраком, — сказал он.

Горничная смутилась и сделала реверанс.

Июнь! Бесполезно ждать, чтобы стемнело. Здесь не стемнеет.

Где-то в доме слышались звуки виолончели. Он открыл дверь, послушал, потом снова прикрыл ее.

Когда все стихло, он взял пальто и спустился по лестнице. Осторожно, словно боялся кого-нибудь встретить.

— Не захотел записаться? И не представился?

— Он сказал, что запишется завтра.

— Мы должны знать, кто к нам приезжает.

— Я видела, как он ушел. Если хотите, я дождусь его и попрошу записаться.

— Не надо. Ступай спать. Но пусть Бергльот проследит, чтобы он расплатился перед отъездом. Безымянных гостей мы не держим в кредит.

Дина нетерпеливо махнула рукой, отпуская горничную.

Личные покои Дины состояли из двух комнат во втором этаже. Гостиной и спальни, соединенных дверью. Окна гостиной смотрели на гавань и на дорогу.

Она увидела его, когда он возвращался. Этот высокий, немного сутулый человек кого-то напомнил ей, но она не могла припомнить, где она его видела. Лицо его было скрыто шляпой.

Дина сидела у открытого окна и курила, следя за ним глазами. В его походке было что-то знакомое.

Иаков? Он? Что-то насторожило ее. Не явление Иакова. Но то, что этот человек был слишком реальным. И чем ближе он подходил, тем реальнее становился.

Дина вздрогнула. Она погасила сигару и выпрямилась, чтобы лучше видеть его. Когда он был под самым окном, она, задержав дыхание, хотела сказать, что сейчас откроет ему дверь. Но не смогла вымолвить ни слова.

Он заметил ее. Снял шляпу и поднял голову.

Тогда она узнала его.

Они встретились в полутемном коридоре.

Что говорится после такой долгой разлуки?

Никто их не видел. Никто не удивился их поведению. Поэтому оба забыли поздороваться, как положено.

Он замер со шляпой в руке, его глаза скользили по ней. Потом он кивнул и начал подниматься по лестнице.

Она шла за ним.

Когда на втором этаже он хотел подняться в мансарду, она молча взяла его за плечо и кивнула на дверь в свои покои.

Поколебавшись, он прошел туда. С таким видом, словно проснулся и обнаружил, что находится совсем не там, где заснул.

Она закрыла за ними дверь.

Вдали у Вогена сердито загудел пароход. Потом все стихло. Они смотрели друг на друга, точно кто-то запер их здесь. Он — с отсутствующим выражением лица. Она — сосредоточенно. Потом, точно придумав, как положить конец неловкости, протянула руку, чтобы взять у него пальто.

Он медленно снял пальто. Движения у него были, как у заводной игрушки.

Дина открыла дверь спальни и положила его пальто на кровать. Дверь так и осталась приоткрытой.

Видно, она сохранила привычку использовать свою спальню для чего придется, подумал он. Сегодня она положила там его пальто. Может, она не изменилась? Только постарела?

Они еще так и не поздоровались. Теперь здороваться было уже поздно.

Он осмотрел комнату.

В углу стояли две виолончели. Мебель была от Бидермейера, но немного. Диван, четыре стула, секретер с верхним отделением, книжный шкаф. У одного окна — курительный столик и два кресла с пуфиками.

По обе стороны от секретера висели картины. На одной была изображена красивая темноволосая женщина с добрым лицом. Глядя на него, она держалась за спускавшуюся с потолка сеть.

На другой — нагая зеленоватая женщина с белой виолончелью. Он подошел поближе и увидел табличку с надписью «Ребенок, заглушающий горе музыкой».

На картине, висевшей над диваном, было изображено развесистое дерево, бросающее тень на молодого человека, который на фоне солнца пахал черную землю.

— Ты поселилась в Страндстедете? У тебя гостиница и верфь?

— А ты все-таки приехал домой из Америки, Юхан?

Он кивнул. Голос ее не изменился. Словно она не пользовалась им с тех пор, как они расстались. Просто лежал где-то без употребления и только что вернулся к ней. Низкий, проникновенный.

Она подошла к шкафчику, достала графин и две рюмки. Наполнила их, не спрашивая у него, будет ли он пить. Вежливо поклонившись, он принял у нее рюмку.

Они стояли в нескольких шагах друг от друга с рюмками в руках. Места вокруг было много.

— Мадера? — спросил он.

— Мадера. Подойдет?

— Подойдет.

— С возвращением!

— Спасибо.

Она сделала движение рукой, и он сел. Но не на указанное ею кресло, а на диван. В глубине комнаты.

Она пошла за ним. Села на стул напротив него.

Он ждал, что она спросит, почему он не предупредил о своем приезде телеграммой или хотя бы письмом. Но она не спросила. Ждала, что он сам все объяснит?

— Как Рейнснес? — спросил он без обиняков.

Он понял, что она ждала этого вопроса, потому что ответила тут же:

— Рейнснес принадлежит Вениамину.

Он посмотрел в рюмку и поставил ее на стол.

— Ты получил сообщение от адвоката? Я не была уверена, что у меня

правильный адрес, — спросила она.

— Да, я получил письмо.

Сейчас она скажет, что, наверное, раздел имущества его устроил, раз он не протестовал против него. Но она этого не сказала.

— Однако Вениамин не занимается усадьбой.

— Нет, он окружной врач. Ты ведь знаешь?

Он кивнул. Попробовал угадать ее мысли, но не смог.

— У Рейнснеса нет будущего?

— Сейчас похоже, что нет. Но все может измениться. Ты ведь не случайно об этом спросил?

— Хотел просить разрешения пожить там некоторое время. Бесплатно, конечно.

Он видел, что она напряженно о чем-то думает. Зрачки, ноздри, подрагивание в уголках губ.

— Вениамин будет рад. Плохо, когда дом стоит пустой.

— Я хотел сначала спросить у тебя.

— Я понимаю.

— Правда?

Она посмотрела на него:

— А может, и нет.

Призналась! Раньше бы она никогда этого не сделала. Словно угадав его мысли, она переменила тему разговора:

— Ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, ты тоже. Возраст не властен над тобой. Ему стало легче, когда разговор принял другой оборот.

Хотя он говорил искренне. Когда-то он не смел даже смотреть на нее. Боялся оказаться в плену. Для этого многого не требовалось. Она вдруг оказывалась так близко.

Пока они молчали, он почувствовал, что она стала мягче. Что ее изменило? Возраст?

— Стине писала из Висконсина, что ты был там пастором.

— Да, несколько лет. Но я уже давно не пастор.

— Почему?

— Я стал пастором не по своей воле.

— Если не ошибаюсь, это было желание твоей матери?

— Ты не ошиблась.

Они опять помолчали. Она подняла рюмку и кивнула. Он последовал ее примеру.

— Стине писала, что паства очень любила тебя.

— Может быть.

— И все-таки ты отказался от сана?

— Я уехал в Миннеаполис. Преподавал там норвежский. Страховал на случай пожара.

Она издала удивленное восклицание. Он усмехнулся, но без тени смущения.

— А теперь хочешь поехать в Рейнснес и посмотреть, что ты сможешь там сделать?

— Нет, — спокойно ответил он.

— А что же?

— Если бы Рейнснес принадлежал мне, я бы считал, что усадьба пришла в запустение по моей вине. Рад, что избежал этого. Но мне все-таки захотелось взглянуть на старые места.

— Понятно. Мне тоже захотелось.

— Ты здесь солидно обосновалась. Я слышал про твои предприятия. Перестраиваешь Страндстедет под новые времена? У тебя неплохо получается.

— Ты слишком высокого мнения обо мне, Юхан.

— Почему же?

Тон, каким она произнесла его имя, заставил его опустить глаза. Может, она так же одинока, как он?

— Новые времена оказались губительны для Рейнснеса. Вениамин сдал в аренду землю и хлев. Дом выглядит как всегда. Но там никто не живет. Он заперт. Иногда мы ездим туда. Все вместе или как придется. Чаще всего летом.

Она помолчала и пригубила вино.

— Тебе, наверное, не терпится попасть туда?

— Если это никого не затруднит.

— Я договорюсь, чтобы тебя отвезли туда.

— А ты поедешь со мной?

Она быстро взглянула на него:

— Если ты подождешь несколько дней, я пошлю туда служанку, чтобы она все привела в порядок. Пустой дом, сам понимаешь.

— Нет.

— Нет?

— Только ты и я.

Он видел, что ему удалось привести ее в замешательство. Но только на мгновение.

— Ах вот как? Но тогда я скажу служанке, чтобы она вернулась, как

только закончит работу.

Ее улыбка была всего лишь нервным подергиванием мышц. Было видно, что она еще не привыкла подчиняться приказам. И она не спросила, что он имеет в виду.

— Спасибо! — Он посмотрел на карманные часы. Это были часы Иакова. Потом допил рюмку и встал.

По пути к двери он вспомнил о своем пальто, лежавшем на ее кровати. Но не спросил о нем. Она тоже не упомянула о нем. Неужели она позволит ему уйти без пальто?

Когда он взялся за ручку двери, она сказала как бы невзначай:

— А твое пальто?

— Что?

Она кивнула на спальню.

Он подождал, но она не собиралась принести ему пальто.

— Ах да, верно! — Он отпустил ручку двери.

Что это, месть или прежняя одержимость? Юхан не знал. Он сделал вид, что хочет забрать пальто, но подошел к ней. Обнял за талию и увлек за собой в спальню. Так человек ведет себя, только когда ему нечего терять.

Он застал ее врасплох. Она позволила увести себя. К пальто американского покроя с большим воротником. К шляпе.

В последний раз ими руководила она. Теперь — он. Он ощутил ее аромат. Не тот, который он помнил. Не такой откровенный. Более спокойный. Мир и дороги оставили свой след.

Она осторожно высвободилась из его рук. Положила руку ему на плечо и оттолкнула его. Не резко. Скорее намекая, что он стоит слишком близко. Когда она начала прибегать к намекам?

Он взял пальто и шляпу. Выходя из гостиной, раза два внимательно оглянулся.

— Красивая комната. Спасибо за угощение! Покойной ночи, Дина!

Вениамин встретил Сару на дороге. Удобный случай для разговора.

— Добрый день! — весело сказал он и пошел рядом. Взял у нее из рук корзинку и спросил, как она поживает.

Она была удивлена:

— Спасибо. Хорошо. Разве тебе в эту сторону?

— Я не спешу. А как дела у вас?

— Ханна почти не выходит из дома, значит, все в порядке, — ответила Сара. Но Вениамин уловил в ее голосе отчаяние.

— Что можно сделать? — тихо спросил он.

Мимо прошли несколько человек.

— Если уж Дина не могла спасти ее, то я и не знаю… Порой мне кажется, что она уже сдалась.

— А он?

— Потеряв верфь, он потерял и мужество. Но пока он хотя бы не трогает ее.

— Скажешь, если что-то случится?

— Да, если смогу улизнуть из дома. Теперь это бывает нечасто.

Он кивнул:

— А ты сама как?

— Что — я? Тоже не могу никуда пойти. Он и меня стережет. Если б ему немного повезло, он бы повеселел.

Вениамин остановился и отдал ей корзинку. И долго смотрел потом, как она, прихрамывая, поднимается по склону.

Анна написала письмо Ханне и Вилфреду Олаисену и отправила его по почте. Она пригласила их в Рейнснес на Иванов день. Будут только две их семьи. Пожалуйста! Карне и Педеру так тяжела эта семейная ссора. Хорошо, если бы до того Вилфред с Ханной пришли к ним в гости. Они бы провели вечер только вчетвером. Письмо было адресовано Вилфреду. Он на него не ответил.

Ханна почти не показывалась на людях. Продавщица и портниха были уволены. Шторы на окнах магазина не поднимались. В солнечные дни сквозь желтую вощеную ткань просвечивало объявление, приглашающее заказчиц. Теперь оно ничего не значило.

От прежнего Олаисена осталась лишь тень. Однако он продолжал посещать совещания в редакции газеты. Иногда приходил на пристань, чтобы встретить деловых знакомых. Но сам редко ездил куда-нибудь на своих судах. Люди полагали, что он устроил контору в одной из комнат своего дома.

Вениамин считал, что теперь Олаисен, не покидая дома, может всегда следить за Ханной. Слухи о том, что он бьет Ханну, прекратились. С другой стороны, и добрых слухов тоже не было. Люди обходили эту семью молчанием.

Зато их внимание обратилось на Юхана Грёнэльва, который, поездив по миру, вернулся домой.

Вениамин едва узнал Юхана. Юхан никогда не был таким. Это смущало Вениамина. Они, правда, переписывались, пока Вениамин жил в

Копенгагене, но чтобы Юхан до такой степени забыл о своем духовном сане, что у него даже появилось чувство юмора!..

Анна, напротив, ничему не удивлялась. Появился человек, с которым она могла разговаривать. Сначала Вениамин обрадовался. Но когда он стал почти каждый день заставать в гостиной Анну, оживленно беседующую с Юханом, он признался себе, что это уже чересчур.

— Чувствуется, что этот человек покинул дом совсем молодым, — сказала однажды Анна после ухода гостя.

— В отличие от других, которые тоже вернулись домой? — насмешливо спросил Вениамин.

— Нет, я имела в виду совсем другое, — ответила Анна, наблюдая за ним.

— Понятно. Когда-то он был отвратительным моралистом.

— Трудно себе представить. Скорей всего, ты сам был слишком молод и чего-то не понимал.

— Может быть. Или он изменился в лучшую сторону, — безразлично сказал Вениамин.

Она промолчала.

— Хорошо, что он тебе нравится. — Вениамин погладил ее по щеке.

— А тебе нет?

— Сначала мне нужно кое в чем разобраться.

— В чем же?

— Не знаю.

— Оставь его в покое, пусть будет таким, какой есть.

— Хорошо, хорошо. — Вениамин встал.

— Он обещал, что пойдет к Олаисенам и передаст им привет от Стине и Фомы.

— Вот как?

— Что-то нужно делать.

— Ради кого?

— Ради их обоих. Ради детей. Они несчастны и отверженны.

— Олаисен и хотел быть отверженным.

— Никто этого не хочет, Вениамин.

— Ты права. Как обычно. — Поднимаясь по лестнице, он обнял ее.

Вениамин привык к их коротким разговорам и всегда старался закончить их полюбовно. Ради покоя в доме. Ему было небезразлично знать, что его ждет по возвращении домой.

Случалось, он ловил себя на мысли, что жизнь быстро проходит мимо.

Но задумывался над этим недолго. Главное — не отстать от нее.

Анна всегда где-то витала. Даже когда они сидели в одной комнате. Тот случай, когда она выпрыгнула из окна, насторожил его. Но постепенно все забылось. Ежедневные дела. Будущее Карны. И в последнее время — Юхан.

И Ханна. И то, о чем знала Карна, — его посещение Ханны, о котором он так и не рассказал Анне. Иногда, когда они с Анной сидели у него в кабинете, он был почти готов открыться ей. Но вдруг она ему не поверит?

Боль со временем выветрилась. Вениамин чувствовал себя опустошенным из-за того, что не смел увидеться с Ханной. Однажды в светлую минуту он назвал свое поведение предательством. Но тут же отогнал прочь эту мысль. Он ничего не может сделать, не ухудшив ее положения!

Когда он понял, что Анна и в самом деле хочет поехать в Копенгаген, его первым порывом было поехать вместе с ней. Но что ему делать в Копенгагене? Жить летом в квартире своего тестя? Или у них на даче? Вместе с матерью Анны?

Нет, он только испортит Анне всю поездку. Или Анна тут совсем ни при чем? Может, ему просто хочется испытать, каково жить, не чувствуя на себе постоянно ее взгляд? Что бы там ни было, а он сказал ей: «Конечно, дорогая, ты должна поехать!»

Она пыталась уговорить его поехать вместе, но он нашел уважительные причины для отказа. Важное совещание в управе. Отчет комитета по здоровью. Предполагаемое строительство молочного завода в Страндстедете. И, наконец, то, что округ останется без врача.

Однажды зимой Вениамин с Анной поехали в Рейнснес проведать дом. На подоконнике стоял бокал из-под шампанского, забытый там с лета.

Анна отнесла бокал на кухню. Вымыла его и убрала в буфет. Теперь его уже нельзя было отличить от других бокалов, стоявших там рядами.

Вениамина преследовал вид этого забытого бокала. Даже когда они истопили печи и легли, он думал только о нем.

Они любили друг друга, им было хорошо вместе, и все-таки он продолжал думать о бокале.

Во что превратилась их совместная жизнь? Почему она напоминала ему содержимое бокала, который кто-то забыл в пустом доме? Когда шампанское вылили из бутылки, оно пенилось и играло. Постепенно содержимое превратилось в тепловатую воду. Золотистая жидкость испарялась все больше, и наконец бокал с высохшими остатками шампанского покрылся пылью. Лишь полоска по краям бокала да немного

гущи на дне напоминали о том, что было когда-то.

Вениамин не мог доверять даже страсти. Иногда, встречая глаза Анны, он читал в них вызов. Как в тот раз, когда она прыгнула в снег.

Как он поступил тогда? Просто ушел. К серой жизни серых людей. Куда, черт возьми, подевалась страсть?

Или права была Анна, когда в кабинете при Карне и Дине сказала, что он делит любовь на порции? Не это ли рикошетом ударило по нему самому?

В нем остался только председатель. Он заставлял себя играть свою роль. Роль человека, на которого все смотрели снизу вверх, к чьим словам прислушивались. Кому верили.

Карна не понимала, как ей следует относиться к Юхану. Он появился неожиданно. Значит, так же неожиданно и уедет. Как Аксель.

Она вспоминала, что еще до приезда Юхана папа говорил о нем с надменностью или раздражением. От бабушки она о Юхане не слышала никогда. Она была вынуждена признаться, что устоять перед Юханом трудно. Хотя папа и относился к нему сдержанно. Может, сдержанность папы вызвана тем, что на самом деле они не братья? Что сыновьями Иакова они считались только в церковных книгах?

Но Анне, безусловно, Юхан нравился. В первый же раз, когда они встретились с ним у бабушки, она пригласила его к ним на обед и играла для него на рояле. Бабушка как ни в чем не бывало наблюдала за этой встречей. Это удивило Карну. Она спросила у бабушки, долго ли Юхан пробудет в Страндстедете, и бабушка ответила, что он хочет немного пожить в Рейнснесе.

— Один? — удивилась Карна.

— Да, отшельником, — ответила бабушка, и, по-видимому, она не шутила.

Но в то время мысли Карны были заняты другим. Они с Педером не расстанутся, они оба поедут в Берген! Он будет практиковаться на верфи Георгов, а она — учиться в гимназии.

Бабушка говорила, что по воскресеньям они смогут гулять по бергенским набережным. Но Карна не должна забывать о приличиях, а то ее отправят домой. В Бергене не принято, чтобы молодые девушки вели себя так вольно, как в Страндстедете.

А если ее отправят домой, Педер останется там один. Ведь он должен научиться строить суда на бабушкиной верфи.

Педер был единственный, о ком стоило думать.

Через две недели после приезда Юхана бабушка отправила в Рейнснес двух служанок. Шторы, занавески, покрывала, весь дом и надворные постройки должны быть вымыты и приведены в жилой вид.

— Он должен вернуться домой, — сказала бабушка.

Сам Юхан говорил, что едет в монастырь. Но он не прочь, чтобы они приехали к нему. Все вместе, одновременно! Если им удастся это устроить.

Анна обещала приехать в Рейнснес до своей поездки в Копенгаген. Они уже давно не собирались в Рейнснесе все вместе. Ее радовала эта предстоящая встреча.

Они заговорили об Олаисене. Анна спросила у Юхана, как им победить вражду. Ведь Ханна тоже часть Рейнснеса.

— Ты согласен, Вениамин? — спросила она.

— Конечно, — ответил папа. Вид у него был обычный. И все-таки Карна насторожилась.

За день до отъезда Юхана в Рейнснес Дина устроила обед в его честь. Карна спросила, нельзя ли пригласить на обед и Педера.

— В другой раз, — ответила бабушка. Она явно что-то задумала.

— Почему нет? — умоляюще спросила Карна.

— Лучше избавить его от наших разговоров о его брате, — ответила бабушка.

И вопрос был решен.

После обеда, когда они расположились в бабушкиной гостиной, бабушка и в самом деле заговорила о семье Олаисена.

— Юхан обо всем договорился, Анна! Ему удалось уговорить Вилфреда и Ханну приехать в Рейнснес. Они обещали.

Анна обрадовалась. А папа как будто даже не понял, о чем шла речь. Он налил коньяк только себе.

— Как это тебе удалось? — поинтересовалась Анна.

— Это оказалось совсем нетрудно. Я пригласил их приехать в Рейнснес, вот и все.

— А ты сказал, что мы тоже там будем? — спросила Карна.

— Да.

— А о чем вы говорили до того? — Анна не могла сдержать любопытства.

— До того я долго рассказывал им про Стине с Фомой и про Америку. Сказал, что Исаак вырос, — теперь он красивый молодой человек. Потом посокрушался, что меня немного пугает предстоящее одиночество в

Рейнснесе и что я буду рад гостям. Что жду вас на Иванов день, но что места там хватит всем. Признаюсь, я не подал вида, что знаю о вашей вражде.

— Похоже, тебе помогал Господь! — сказал папа. В его голосе звучало подозрение.

— Может, и так. Но эта помощь не хуже любой другой, — улыбнулся Юхан.

— Нужно постараться, чтобы все прошло тихо и мирно. У нас не будет другой возможности наладить с ними отношения, — сказала бабушка.

— Ты понял, что за человек Олаисен? О чем он думает? — спросила Анна.

— Олаисен… Не знаю, каким он был раньше, но сейчас это сломленный человек. Хотя, наверное, это неудивительно? — Юхан оглядел всех.

— Ты рассказала Юхану, с чего все началось? — спросил папа у бабушки.

— Нет, я хотела, чтобы он познакомился с Вилфредом, не имея о нем предвзятого мнения и не зная, в чем его обвиняют. И оказалась права. Это подействовало.

— Ну хорошо, задание выполнено. Так в, чем же его обвиняют? — спросил Юхан.

Все молчали.

— Олаисен бьет Ханну, — сказала наконец Анна.

— Почему?

— Ну, например, разозлился, что Дина вышла из их общего дела и он разорился. Или что я получил большинство голосов и стал председателем управы, — быстро сказал папа.

Юхан задумался, но промолчал.

— Не ждите, что Олаисен забыл про это, хотя он и подружился с Юханом, — напомнила Карна.

— В этом году Иванов день задаст нам задачку, — сухо, как он умел, сказал папа.

— Обойдется, только не надо все время об этом думать, — заметила Анна.

— Попробуем. И у всех будет возможность сбежать оттуда, — сказала бабушка и погасила сигару.

Анна перед сном расчесывала волосы. Вениамин уже лег и смотрел на нее.

— Как ты думаешь, Юхан приехал, чтобы вернуть себе Рейнснес? — спросила Анна, глядя на него в зеркало.

— Кто знает? Вообще он не может ничего требовать. Он уже получил свою долю наследства.

— Думаю, Юхан не из тех, кто умеет что-либо требовать. На такого он не похож.

— Всякое бывает, если речь идет о наследстве.

— Как ты поступишь в этом случае?

— Предложу ему мировую. Но отказаться от наследства Карны я не могу.

— Думаешь, она когда-нибудь захочет возродить Рейнснес?

— Трудно себе это представить.

— Тогда почему не передать его Юхану, если он захочет?

— Об этом ему придется поговорить с Карной, когда она достигнет совершеннолетия, — сухо ответил Вениамин.

— Ты не сердишься, что я заговорила об этом?

— Нет, но я устал от всех ссор.

— Мы едем в Рейнснес на Иванов день, как раз чтобы уладить ссору!

— Я бы хотел поехать туда только с тобой. Ты и я!

— Ты серьезно?

— Да.

Она отложила щетку и подошла к кровати.

— Поедем сейчас! — прошептала она и сунула руки ему под рубашку.

Он засмеялся и стянул с себя рубашку. И сразу почувствовал, как налился тяжелым желанием. Добрым тяжелым желанием.

Глава 17

Юхан увидел лодку задолго до того, как она подошла к берегу, и успел встретить ее у воды.

— Ты ловко управляешься с парусом, — с восхищением сказал он.

— С парусом — как с любовью. Стоит один раз испытать, что значит идти под парусом, и уже никогда этого не забудешь.

Она спрыгнула на берег.

Они вместе подложили под лодку катки. Не каждый день в Рейнснес приходили лодки.

— Ты одна?

— Ты дал понять, что хочешь этого.

Она расправила плечи, уперлась руками в бока и запрокинула голову назад. Словно показывая себя.

Платок упал на плечи. Темные волосы с сединой шевелились вокруг лица.

Он тоже выпрямился и смотрел на нее. Словно не понял значения ее слов и потому ждал объяснений.

— Я вижу, ветер был попутный. — Он засмеялся.

— Да, и не слабый. Но у меня устала спина. — Она снова расправила плечи.

— Чем ты тут занимаешься? — спросила она, поднимаясь к дому. Они вместе несли ее плетеную корзину.

— Читал. Писал.

Она удовлетворилась ответом и больше не спрашивала. На полпути она остановилась. Выглянуло солнце. Она подняла к солнцу лицо и закрыла глаза.

— А как жизнь в твоем монастыре? Все в порядке?

— По-разному. — Он засмеялся.

Трава в том году выросла небывалая. Арендатор жил в своей усадьбе дальше в проливе. Хлев стоял пустой, и до сенокоса было еще далеко. Во время сенокоса приезжие косцы жили в доме для работников. Зимой сено увозили отсюда на санях.

Дина сказала, что любила осенью подниматься на сеновал и прыгать в сено. В последний раз она прыгала в прошлом году вместе с Карной. Конечно, теперь, как и раньше, это не разрешалось. Они с Карной возвращались домой, давясь от смеха. И не отвечали, когда у них

спрашивали, где они были. Их тайна пахла высушенным на солнце сеном.

Они остановились посреди двора и огляделись. Юхан улыбался, Дина была серьезна. На обоих действовала царившая здесь заброшенность. Причалы с пакгаузами на берегу, жилой дом, хлев, другие дома, маленькие и побольше. Аллея, одичавший сад. Безжизненная голубятня.

— Что ты почувствовал, вернувшись сюда?

— Радость. Все покрашено, образцовый порядок. Я нашел косу, оселок и выкосил траву вокруг дома. В Рейнснесе я никогда не косил, а вот в Америке…

Узкая выкошенная полоска окружала дом и спускалась к берегу. Посыпанная гравием дорожка заросла травой.

— Я так и не научился ходить под парусом, — вдруг сказал он.

— Это незабываемое чувство свободы! Повелевать ветром! Но плавать в ненастье я не решаюсь.

— А ты пробовала? — спросил он.

— Даже не знаю, что тебе сказать. — Она быстро взглянула на него.

— Не слишком ли накладно держать Рейнснес в таком порядке, если тут никто не живет? — спросил он, когда они вошли в дом.

— Нет, ведь я приезжаю сюда.

Комнаты казались пустыми. Им не хватало чада, запаха пищи и сигар. Запаха людей. В кухне тоже царила пустота. Хотя Юхан обосновался именно в ней. Он принес туда удобное кресло из гостиной и поставил его у плиты.

Маленькой чугунной печке, которая топилась хворостом и щепками, было не под силу вернуть дому жилой дух. Полки пахли зеленым мылом, шкафы с бельем наверху в коридоре — лавандой и шариками от моли. В залу Юхан старался не заходить. Там обитало слишком много призраков.

Они с Диной, словно прислуга, пили кофе за кухонным столом.

— Здесь, в Рейнснесе, мы все мертвые, — сказал Дина, обводя глазами кухню.

Он поднял на нее глаза, но промолчал. Они вообще почти не разговаривали. Она прошла по всем комнатам. Все осмотрела, не выдавая своих мыслей и чувств. Он держался поодаль. Потом позвал ее пить кофе.

Дина подняла голову и прислушалась. Среди криков чаек различила крик кулика-сороки. Казалось, кто-то угрожает его недавно вылупившимся птенцам. Потом она отрезала кусок вяленой оленины и протянула ему через стол на кончике ножа. Он взял оленину. Свой кусок она положила в кофе.

— У кого ты этому научилась? — спросил он.
— У Стине.
— Ты и в Берлине так делала?
— Нет. В каждом месте свои обычаи.
Юхан равнодушно жевал темное жесткое мясо.
— Тебе не нравится?
— Не очень.
— А зачем же ты его ешь?
Он перестал жевать. Потом зажевал снова.
— Потому что его мне дала ты.
Она встала, взяла ключи от погреба и подняла западню.
— Что тебе там нужно?
— Хочу посмотреть, не осталось ли там вина.
— Давай я посмотрю!
— Нет, я хочу сама!
Он слушал, как она возится в темноте. Потом решил, что прошло уже достаточно времени, глянул вниз и окликнул ее. Она не ответила, и он спустился в погреб.
Здесь пахло проросшим картофелем, бочками с солониной, консервированными ягодами и плесенью. Кадушками со старой солью. Мхом и старым деревом. Или? Да, солеными водорослями и семенами.
Дина стояла перед винными полками и не слышала его. Он поднял фонарь, который она поставила на бочку. Погреб был не пустой, но и далеко не полный, как когда-то. Юхан помнил его другим.
В детстве он боялся погреба. И хотел рассказать ей об этом в ответ на ее рассказ о том, как она прыгала в сено… Но ее зловещая тень на стене удержала его.
Дина читала этикетки на бутылках. Выбрав две бутылки, она поставила их на пустую полку и заперла сетчатую дверцу.
Юхан поставил фонарь обратно на бочку и схватил одну из бутылок. Потом поднял голову и встретился с ней глазами. Она смотрела на него с вызовом. И с вопросом.
— Здесь есть три бутылки сотерна и несколько бутылок сен-жульена и рейнское. А это бутылка красного, но я не могу разобрать этикетку. Выпьем?
Разве мог он забыть этот презрительный взгляд?
Они мерили друг друга глазами. Потом оба протянули руки, чтобы взять бутылку. Ее рука коснулась его, и он выронил бутылку на каменный пол. Вино и осколки брызнули во все стороны.

Воцарилась тишина. Слышалось только их дыхание. Их тени, как тролли, шевелились на сводах погреба.

— Тебя не задело? — шепотом спросил он. Но эхо ждало здесь слов не одну сотню лет.

— Ты в порядке? — повторил он.

Она не ответила.

Он подошел к ней. Прижал ее к холодной каменной стене. Его охватило чувство, похожее на торжество. Все подчинялось его воле. Она и не знала, что у него есть воля. До сих пор не знала.

Он все время ждал этого. А она? Понимала ли она, что Юхан Грёнэльв вернулся в Нурланд не для того, чтобы взглянуть на не доставшуюся ему отцовскую усадьбу? Что вернулся не пастор, надеявшийся получить подачку от жены своего отца?

Она не двигалась. Выжидала. Словно прикидывала выигрыш и проигрыш. Потом обхватила руками его шею и притянула его к себе.

Юхан испытан освобождение. Победу. Не над ней, но над пастором. Он нашел ее губы. Руки его скользили по ее телу с жадностью, какой он в себе даже не подозревал. Ее платье расползлось, словно было сшито из паутины. Обнажилась «грудь.

Их тени сплелись. Они двигались, то вырастая, то уменьшаясь.

Юхан поднял ее на бочку, стоявшую у стены.

Он чувствовал в себе необузданную силу. Это была не месть и не реванш. Только удары сердца. Тяжелые, беспомощные толчки. И стоны! Сдерживаемые, громкие, приносящие облегчение. Желать жену отца своего! Он хотел этого, достиг и теперь наслаждался этим.

Потом его руки еще долго дрожали, ощущение ее кожи было как ласка. Все в порядке. Он вернулся домой.

Они поели холодного жаркого, которое Дина привезла с собой. Соус не грели. Не получилось. Дина не могла стоять и смотреть в кастрюлю. О картошке никто из них даже не вспомнил. От них еще пахло погребом. И они выпили почти две бутылки вина.

Было очень светло. Черт бы побрал этот июнь в Нурланде, подумала Дина. Или это подумал Юхан?

Сначала они расположились в столовой. Но там было слишком пусто. Кончилось все столом на кухне.

Юхан смеялся. Этот серьезный человек, поездивший по свету, научился смеяться. Он отрезал толстый кусок мяса и протянул Дине. Они ели, облизывая пальцы.

Лиф ее платья был раскрыт. После погреба пуговиц на нем не осталось. Его глаза были прикованы к ее груди.

— Я никогда не знала тебя, — заметила она.

— Я тоже.

— Когда ты стал таким?

Он задумался.

— Когда понял, что умру, не позволив себе ничего испытать.

Она не спускала с него глаз.

— Я думала, что внушаю тебе отвращение. Ведь я была грешница! Помнишь?

— В таком случае, именно это и сдерживало меня. Я так боялся всего, что скажут люди. Думал, что это видно. Страсть… Я не понимал, что страсть и любовь могут быть одним и тем же.

— А могут? — спросила она.

Юхан внимательно посмотрел на нее:

— Я бы хотел, чтоб мы думали одинаково. — Он отложил мясо и схватил ее руку. — А ты как смотришь на это?

— Думаешь, из меня получилась бы пасторша?

— Да! Если бы Иаков не…

В ее глазах мелькнуло грустное недоверие.

— Нет, Юхан, я бы погубила тебя, — проговорила она еле слышно.

— Почему?

— Так мне суждено.

Они сидели в креслах в курительной. Дина пускала к потолку колечки дыма. Юхан рассказывал про Америку. О Фоме и Стине. Они много трудились, но им там нравилось.

— Стине еще в молодости мечтала об Америке, — заметила Дина.

— Это твое возвращение в Рейнснес заставило их уехать?

Она взглянула на него и насторожилась.

— Почему это могло заставить их уехать? — спокойно спросила она.

— Не знаю. Но когда-то давно… Ведь между тобой и Фомой что-то было?

Она ушла на кухню и принесла графин воды и стакан. Стоя к нему спиной, большими глотками выпила воду. Все время она держала в руке сигару.

— Вяленое мясо было очень соленое.

Наконец она села и с вызовом посмотрела на него, словно он был в чем-то виноват.

— Между вами что-то было?

— Очень давно. Но это еще не причина для отъезда в Америку.

— Расскажешь?

Она покачала головой.

— Здесь не хватает пианино. — Дина встала. Вышла в гостиную и прошлась по ней. Половицы отозвались скрипом на ее шаги.

— Я думал, мы теперь сможем говорить откровенно! — крикнул он ей.

Но она ушла на кухню и начала чем-то греметь там.

Ну ладно, подумал он. До этого мы добрались, но не дальше.

Он вышел из дому. Пошел по тропинке к озерку, ветер дул ему в лицо. Не дойдя до него, он услышал, что Дина идет за ним. Он обернулся и подождал ее.

На Дине была старая волчья шуба. Она волочилась по земле, оставляя примятый след на склоне, поросшем арникой и щавелем. Он невольно засмеялся.

И продолжал смеяться, когда она, задохнувшись, остановилась перед ним.

— Мороза все-таки нет.

— Иди сюда! — Она схватила его за руку и попыталась вместе с ним завернуться в шубу. Они упали на траву. Она выскользнула из рукавов шубы и накрыла ею их обоих. Они лежали и смотрели на бегущие облака.

И он отправился на небеса к ослепительному июньскому свету. Под волчьей шубой!

Неуверенно, то и дело замолкая, Дина начала рассказывать, как она жила в Рейнснесе после отъезда Юхана в Копенгаген. О Ертрюд, которая приходила к ней в пакгауз Андреаса. О том, как ей не хватало Лорка и как она ждала письма от Юхана. Как бегала к флагштоку. О бешеной скачке на Вороном. Об Иакове. Она рассказывала ему об Иакове, словно Юхан не знал его. И уж тем более не был его сыном. Коротко помянула и о вдове в Страндстедете.

— Какой негодяй! — горько заметил Юхан.

— Кто? — Она повернулась к нему. На фоне света она казалась Юхану черной.

— Мой отец. Иаков!

— Ах, он!

— Бабник!

Дина покачала головой, не спуская с него глаз.

— Тс-с-с! — Она прислушалась.

Он тоже прислушался. Что она услыхала? Плеск весел? Лодку у берега?

— Он еще здесь. Он приехал сюда за мной. Он преследует меня всю жизнь. В Берлине он одно время исчез. Но сейчас он здесь. Ты его чувствуешь?

— Нет! — Юхан обнял ее. От нее пахло шариками от моли. Из-за шубы. Пахло старым, ушедшим временем. Они помолчали.

— Жаль, что я не написал тебе из Копенгагена! — вдруг сказал он.

— Я думала, ты испытываешь ко мне отвращение.

— Я питал отвращение к себе. И к отцу. Он не пропускал ни одной юбки, ни одной служанки. И не считался с тем, что я уже большой и все понимаю. Мама мирилась с этим. Но вот ее не стало. И тогда он привез домой девочку. Ты была ребенком, который лазил по деревьям! Помнишь вашу свадьбу? Я был готов провалиться сквозь землю от стыда. За него, за себя. Больше за себя. А помнишь вечер перед моим отъездом? Беседку? И как мы с тобой купались в заводи? Я всю жизнь хранил воспоминание об этом.

— А помнишь, как тебе было страшно? Как раз в этом месте. В ночь перед твоим отъездом в Копенгаген.

— Я боялся. Я вообще был трусом. Мне следовало рассказать тебе о своей страсти.

— Ты был такой юный. А я… я никогда не была юной…

— Когда же я приехал из Копенгагена… ты видела только русского. Я тогда понял, что я сын Иакова. Русский все поставил на свои места, назвав нас мачехой и пасынком. Помнишь?

— Да.

— Ты видела только русского?

— Я видела только его, — ответила Дина и схватила его руку…

Солнце склонялось к шхерам и посылало им снопы лучей.

— Он умер страшной смертью?

Она отвернулась, и он перестал спрашивать.

И вдруг услыхал ее голос:

— Это я убила его.

Конечно, он ослышался.

— Тебе холодно? — спросил он.

— Из охотничьего ружья…

Юхан сел, его охватило странное чувство. Удары сердца он ощущал на губах. Ему было холодно. Ее лицо в волчьей шубе. От холода его стало трясти.

— Ты? — выдохнул он.

— Да, — просто ответила она.

Он сидел и, приставив к глазам ладонь, смотрел вдаль.

— Ты понял, что я сказала?

— Да, — хрипло ответил он. И спросил: — Почему?

— Я думала, что это единственный способ… удержать его навсегда…

Юхан снова лег рядом с ней.

— Ты ничего не скажешь мне? Даже пастор ничего не скажет? — В ее голосе послышались нотки старого презрения.

— Ничего, кроме того, что я храню обет молчания.

— Ты не осуждаешь меня?

Он повернулся к ней.

— Нет, — твердо сказал он. — Мне не за что осуждать тебя. Но я хотел бы, чтобы твоя душа обрела покой. И примирилась с Господом.

— А твоя душа обрела покой? Ты примирился с Господом?

— Да. В тот день, когда я перестал быть лживым и трусливым пастором, я обрел покой.

— Кто она была? — быстро спросила Дина.

— Индианка. Она переходила от одного белого мужчины к другому. Чтобы выжить. Я не знал более чистого существа… И я был слишком труслив, чтобы сказать кому-нибудь, что она принадлежит мне.

— Что с ней случилось?..

— Однажды в трактире, где она служила, все перепились. Их было семеро… Обычные мужики. У них были семьи и… Если б я сказал им, что она моя, они бы ее не тронули. Из уважения к пастору… Она защищалась…

— И что?

— Я нашел ее потом…

— Поэтому ты перестал быть пастором?

— Да. Я не мог простить их. Ни сам, ни от имени Бога.

— Тогда ты не сможешь простить и меня?

Он задумался.

— Как ни странно, но простить тебя я могу. И сам, и от имени Бога. Если ты попросишь меня об этом.

— Но если бы я была одним из тех мужчин?

— Ты не могла бы…

— Но если б это был не Лео, а твой отец? Что тогда? Смог бы ты тогда простить меня?

Он не шелохнулся.

— Мне не нравится этот разговор. Но я смог бы простить тебя. Потому

что ты — это ты.

Глава 18

Приближался Иванов день. Приехали служанки. Они должны были протопить печи, нагреть воды, постелить белье и приготовить еду.

— Мне бы хотелось, чтобы они опоздали, — со вздохом сказал Юхан и «съел» Дининого коня, стоявшего на черном поле.

— Люблю коней, — сказала она с таким видом, словно обдумывала следующий ход. — Пусть приезжают, а мы с тобой сбежим в Страндстедет, — прибавила она.

— Ты это серьезно?

— Да.

— Тогда так и сделаем. Встретим их, отпразднуем Иванов день и вернемся в Страндстедет. Только мы с тобой.

— Хочешь убить сразу двух зайцев? — засмеялась она.

В гостиную вошла служанка. Он сделал вид, что поглощен игрой, а потом шепнул Дине:

— Я приду к тебе, когда они заснут!

— Ты плохой шахматист, — ответила она и взяла его ферзя.

Они прибыли на трех лодках. От Ханны осталась половина. Но она несколько раз улыбнулась по пути к дому. Вилфред Олаисен тоже был не тот, что в дни своего величия. Мальчики вели себя тихо и послушно. Старший ни на кого не смотрел и говорил, только если к нему обращались. Он поглядывал по сторонам, словно думал, что кто-то наблюдает за ним.

Олаисен позволил Юхану уговорить себя. Отказать Юхану, не рассказав ему всей истории, было невозможно. А рассказывать Олаисен не хотел.

Ханна считала, что на самом деле Олаисен рад поездке. Он уже слишком давно чувствовал себя отверженным. Она и сама радовалась случаю вырваться из дома. Оказаться в море. Увидеть небо. Больше ей ничего не было нужно.

В тот день Олаисен был добрым и терпеливым отцом. Он показывал детям островки, селения, говорил, как они называются. Заботился, чтобы им не было холодно. А как Ханна, ей не холодно?

Ему не нужно было разговаривать с Вениамином. Грёнэльвы плыли на другой лодке. Они поставили паруса и шли наперегонки. Выиграла третья лодка, в которой плыли Карна и Педер. Две другие подошли к берегу одновременно.

Вениамин пропустил лодку Олаисена к причалу первой.

Бесчисленное множество коробов, ящиков, корзин и бочонков, в которых было все необходимое на четыре дня, следовало перенести на берег. Но и народу было немало. Шестеро Олаисенов, трое — семья Вениамина, Педер, Биргит, служанки из трех домов и парень с верфи. Плюс те, кто раньше приехал в Рейнснес, — Юхан, Дина и ее две служанки.

Всем требовалась пища. Сладкие булочки и сливки из-за жары следовало поскорее убрать в погреб. А также молоко и пиво. Бутылки с белым вином.

Юхан и Дина вместе встречали прибывших, словно давно привыкли к этому. Вениамин нахмурился. Но ему было сейчас не до них. Нужно было все убрать на свои места.

Старшие сыновья Олаисена бегали по двору, как выпущенные по весне жеребята. Педеру поручили подумать, как обезопасить колодец.

Рейнснес ожил. Пустынность постепенно уступила место жизни. Уже к вечеру все выглядело так, будто никто отсюда не уезжал.

Педер и Эверт, рабочий с верфи, прошлись вокруг домов с косами. И узкая полоска, выкошенная Юханом, была посрамлена. Молодые люди сняли рубашки и шли рядом, подчиняясь единому ритму. Косы повизгивали. Косцов окружал аромат лета и молодости. Они насвистывали мелодию, помогавшую им не сбиться с ритма.

Карна стояла в воротах сада и смотрела на них. Биргит принесла грабли. И они с Карной тоже стали частью этих запахов. Частью травы, тел, смеха.

Жизнь была проста. Небо высоко. Карна видела только спину Педера. Белую после зимы. Но под гладкой кожей играли мускулы.

Служанки расстегнули блузки и закатали рукава. Было очень жарко. А где кувшин с соком? Разве он не должен стоять в тени?

Оказывается, Педер спрятал кувшин в заросшую клумбу с примулами. Когда Карна наконец нашла кувшин, Педер украдкой поцеловал ее. Их никто не видел.

Потом они собирали выброшенные на берег бревна, чтобы сложить из них костер. Бревен было много. Их не собирали тут уже целый год. Самые тяжелые бревна мужчины носили вдвоем. Дети таскали доски и другую мелочь. Младший сын Олаисена, который еще не умел ходить, сидел между двумя камнями и смотрел на всех.

Наконец в светлое вечернее небо взметнулись первые искры. У костра

угощались сливочной кашей. Лепешками и соком. Кофе. Хворостом и сахарным печеньем.

Кричали чайки. Не так, как в мае, но громко и настырно.

Карне казалось, что в Страндстедете чайки кричат не так весело, как здесь. Она смеялась. И прыгала с камня на камень, хотя ей было уже шестнадцать и в августе она собиралась уехать в Берген. Вместе с Педером.

Биргит повезло меньше, но она не жаловалась. Ей было семнадцать, и всю зиму ей предстояло варить рыбий жир. А там будет видно.

Семья Олаисена расположилась в доме Фомы и Стине. Ведь Ханна в нем выросла. Дети быстро заснули после поездки по морю и новых впечатлений. Только старший долго еще бродил среди взрослых, переводя осоловелый взгляд с одного на другого. Но наконец сон сморил и его.

Было уже поздно, когда взрослые наконец сели за стол. Копченая лососина с гарниром, приготовленная Бергльот. Из погреба явились зеленые бутылки с высокими горлышками. Консервированную морошку со взбитыми сливками подали в хрустящих вафельных стаканчиках.

— Здесь валяется разбитая бутылка, — сообщила служанка Олаисенов, высунувшись из погреба.

— Смети осколки в сторону, чтобы кто-нибудь не порезался, — велела ей Бергльот.

Хозяева и служанки ели вместе в столовой. Так бывало в Рейнснесе только на Рождество. Но об этом никто не вспоминал. Это было бы неуместно.

В Рейнснесе изменились не только обычаи. Люди собрались вместе, чтобы преодолеть нелады и пойти дальше. Пили за лето. За молодых. За будущее.

Карна с удивлением заметила, что Вилфред Олаисен делит свое внимание между Анной и Ханной. Ей было не очень приятно смотреть, как он наклоняется к Анне и разговаривает с ней.

Вечером Педер поразил Вениамина. До сих пор Вениамин относился к нему как к мальчику. А он оказался уже зрелым мужчиной.

В книге Соммерфельдта о судовых конструкциях Педер столкнулся с понятием «центр гравитации». Что это такое? Вениамин объяснил, что это то же самое, что и центр тяжести. Для судов он очень важен. Педер понимающе кивнул и спросил, не знает ли доктор, что такое шкала водоизмещения.

Вениамин признался, что точно не знает, наверное, это имеет отношение к размерам судна.

— Я слышал, ты будешь учиться на верфи Георгов? Это большая удача. Там тебе все объяснят, — сказал он.

— Они строят лучшие суда в Норвегии, — заметила Дина.

— Я хочу записаться и на вечерние технические курсы. — Педер смущенно кашлянул. Он не привык к такому вниманию к своей особе.

Но зеленые бутылки с высокими горлышками вскоре разрядили атмосферу. Как и кофе с коньяком, привезенным из «Гранда». Они закурили тут же, в столовой. Юхан засмеялся — в дни правления матушки Карен такое было бы невозможно. Все засмеялись вместе с ним.

Служанки, вернулись на кухню к своим обязанностям, молодые люди и Сара взяли корзины с рюмками и бутылками и ушли на берег жечь костер.

Старшие сидели с открытыми окнами и удивлялись, что в Рейнснесе почти нет комаров и слепней. Не то что раньше. Правда, теперь здесь нет и животных.

Тема была исчерпана, и воцарилось молчание. Юхан попросил у Вениамина разрешения прожить в Рейнснесе лето и осень. Ему надо кое над чем поработать.

Вениамин обрадовался. Да это подарок судьбы, если в старых домах будет кто-то жить!

Но разве Юхану не нужна служанка, чтобы вести хозяйство? По мнению Олаисена, мужчина не может жить один.

Юхан возразил, что мужчина, который выжил один в американских прериях, проживет один и в Рейнснесе. Говоря это, он так смотрел на Дину, что Вениамин насторожился.

Анна попросила Юхана рассказать, о чем он будет писать. И Юхан оказался удивительно словоохотливым. По сравнению с тем, каким он был в Страндстедете. Писать же он хотел о своей эмиграции. Об Америке. О том, как там приходится норвежцам.

— И как пришлось тебе самому? — поинтересовалась Анна.

— Да, конечно. — Он снова взглянул на Дину. Интересно, подумал Вениамин и произнес это слово вслух.

— Ты рано уехал из дома? — спросила Анна.

— Не так рано, как Вениамин. Мне было уже двадцать.

— Из всех нас только мы с Ханной никуда не уезжали из Нурланда, — заметил Вилфред.

Все вежливо посмотрели на него и промолчали. Это его задело. Он почувствовал себя посторонним. Его достоинство было уязвлено.

— Учиться за границей читать и писать и вообще чему бы то ни было стоит немалых денег, — сказал он.

— Теперь другие времена, Вилфред, — возразил Вениамин. Он обратился к нему по имени, как к собутыльнику. Или того хуже — как к своему работнику.

Олаисену это не понравилось.

— Хорошо, кому есть чем платить за себя, — обиженно сказал он.

В этом прозвучала угроза. Ханна беспокойно переменила позу. Ее плечи словно вырвались из платья и встали, как щиты.

— Вы и сами платили за своего брата, когда он кончал реальное училище, — заметила Дина.

— А я за свое образование отдал все наследство, оставшееся мне от отца, — сказал Юхан и многозначительно посмотрел на Дину.

Она вспыхнула. Только ей был понятен его взгляд.

— Хочешь остаться здесь и превратить Рейнснес в образцовую усадьбу, Юхан? — спросила она.

— Нет, я никудышный крестьянин и никудышный торговец. Это все, что роднит меня с Вениамином.

Вениамин быстро взглянул на Дину. Она невозмутимо откинулась в кресле. Но промолчала.

— Иногда эти качества проявляются через поколение. Я имею в виду умение вести дела, — сказал Олаисен, забыв обиду.

Он, единственный из мужчин, был в галстуке. И сюртук у него был застегнут даже после обеда.

— Нам с вами, Олаисен, предстоит работать в Страндстедете. Мы не можем полагаться на тех, кто придет после нас, — добродушно сказала ему Дина через стол.

Он зарделся. От стыда? Или от благодарности?

Вениамин видел, что Ханна вся напряглась.

— Трудно быть первопроходцем. Во всех отношениях трудно. Мало кто это понимает, — прибавила Дина.

И — о чудо! — Олаисен погладил Дину по руке и поблагодарил ее. Так благодарят подчиненного, проявившего понимание там, где от него этого не ждали.

— Мы должны заставить купцов построить газовый завод. В Страндстедете слишком темно. Зимой на улице не видно собственных пальцев. И аптеку! Глупо, что у нас нет своей аптеки, правда, Олаисен? — доверчиво спросила Дина.

Вениамин разглядывал свою салфетку. Как ей это удается? Она делает

человека податливым, точно мягкое масло, дав ему понять, будто верит, что он еще может творить чудеса.

Остальные и глазом не успели моргнуть, как оказались лишними. Дина и Олаисен заговорили о будущем Страндстедета. И они явно не собирались посвящать в это Вениамина.

Он закурил новую сигару, наполнил бокалы, дымя над головами присутствующих. Он знал, что обычно это раздражало Анну. Один раз он попробовал вмешаться в разговор Дины и Олаисена с практическими замечаниями по поводу аптеки. Но тут же сдался.

Ханна ушла взглянуть на детей. Анна тихо разговаривала с Юханом о его предполагаемой книге.

Вениамин оказался лишним. Наконец он извинился и вышел.

— Я разбираюсь только в цифрах и музыке, — услышал он, уходя, слова Дины и ее короткий смешок.

Анна даже не подняла головы, когда он уходил. Она увлеченно слушала рассказ Юхана о Миннеаполисе.

Вениамин сразу увидел ее. Значит, он все-таки думал о ней? Знал, куда она пойдет, если захочет побыть одна? Не в дом Стине, а на крыльцо перед стеклянной верандой. Ханна сидела там и смотрела на пролив. Из большого дома ее не было видно.

Но он не пошел к ней. Он пересек двор и пошел к хлеву.

Молодые играли на берегу. Они снова разожгли костер. Пахло смолой и горелыми водорослями. Бергльот, Сара и служанки тоже были там. Они смеялись и водили какой-то хоровод.

В хоре громче других звучал голос Карны. Раньше Вениамин видел, что ей весело. Теперь он это слышал.

Как в старые времена, он влез на сиденье уборной и выглянул в высоко расположенное окно. Знал, что оттуда видно крыльцо веранды. Но для этого ему пришлось наклонить голову и согнуться.

Вениамин вспомнил, как ему приходилось подниматься на цыпочки, чтобы увидеть не только небо.

Ханна сидела на нижней ступеньке. Перила крыльца почти скрывали ее. На ней было летнее платье в синих цветах. Он видел только ее ноги от колен и ниже.

Оборки платья шевелились от ветра. Ханна двинула ногой, словно почувствовала, что за ней наблюдают. Обхватила руками колени и наклонилась вперед. Теперь стали видны ее волосы. Обнаженные руки. Они больше не были золотистыми, как когда-то. Ханна поблекла. Как

блекнет молодость.

Вениамину стало жалко — ее, себя, их воспоминаний?

В нем, словно огонек, еще тлела страсть к ней. Но теперь это было невозможно…

Может, она знает, что он стоит здесь и смотрит на нее? Его волновало запретное. И то, что они, быть может, думают об одном и том же.

Стекло было грязное, он попытался протереть его рукой, но это не помогло. Он не мог оказаться рядом с ней. Или все-таки мог?

Подойти к ней по пути к большому дому, заговорить. Как ни в чем не бывало постоять в траве поодаль от нее, спрятав руки в карманы.

Он так и сделал. Обошел дом и остановился на порядочном расстоянии от Ханны. Пошевелился, чтобы она подняла голову.

Она плакала.

— Идем! — сказал он, хотя этого не было раньше в его мыслях. — Идем на берег играть с молодыми!

Ханна быстро взглянула на дом. Потом, не отвечая ему, вытерла лицо подолом нижней юбки, встала и пошла к берегу.

Вениамин последовал за ней. Хотел догнать ее и спросить, почему она плакала. Но это было бы глупо. Поэтому он продолжал идти на почтительном расстоянии от нее.

Их встретили радостными криками. Но только не Карна. Она замерла и посмотрела на дом. Наконец они оказались в кругу. Держались за руки. Пели вместе со всеми. Подошла очередь Ханны обежать круг и ударить кого-нибудь по спине. Она ударила его.

Она задыхалась. От усилия. От еще не утихших слез. От смеха. «Выбери моего дружка» пели вокруг. Они побежали под общий смех. Ханна прибежала первой. Теперь была его очередь выбирать.

Никто не заметил Олаисена, пока он не разорвал круг. Но не для того, чтобы принять участие в игре, как подумали молодые, встретив его дружными приветствиями. А лишь затем, чтобы схватить Ханну за руку и выдернуть ее из общего круга. Лица у него не было. Одна чернота.

Все замерли, держась за руки. И со страхом смотрели на Олаисена, уводившего с собой Ханну.

А она? Сжалась и всхлипывала. Ни гордости. Ни сопротивления. И ни одного вопроса.

Вениамин пытался стряхнуть оцепенение. Его колени унизительно дрожали. Сердце стучало недостойно мужчины. Ну что, трус? Час настал. Что ты теперь будешь делать?

Он словно проснулся и начал переставлять ноги. Медленно пошел за ними. Соблюдая расстояние, пытался заговорить с Олаисеном.

Этот человек все держал под контролем. Он умел подчинять себе без слов. Сильный, опасный. Он охранял свою красивую собственность. Не терпел поражений. Они никому не по душе, но Олаисен умел извлечь из них пользу.

— Это я предложил Ханне поиграть с молодыми, — сказал Вениамин в спину Олаисену.

Олаисен не обернулся. Он крепко держал Ханну за платье на спине. Скрутил его. Толкал Ханну перед собой.

— В чем она провинилась?

Олаисен стал толкать сильнее и ускорил шаг. Ханна споткнулась и упала бы, если б он не удержал ее. Словно муха в летнем платье, она взмахивала крылышками и билась в его сильной руке. Он сам возвысил ее, сделав женой управляющего Олаисена. И не желал обсуждать это ни с кем. Он требовал порядка. Не бранился, не кричал. Только восстановил гармонию.

Вениамин нагнал Олаисена и тронул за плечо:

— Скажи, что плохого в этих играх?

Наконец Олаисен обернулся. Спокойно улыбнулся. Почти дружелюбно. Он держал себя в руках. Потому что видел, как к ним от дома спускаются остальные. Они тоже хотели принять участие в играх. Никто не говорит, что в играх есть что-то предосудительное. Почему Вениамин так решил?

Олаисен уже давно отпустил платье Ханны. Взял ее под руку и галантно повел навстречу Дине и остальным. Они решили поиграть с молодыми? Ну что ж, хорошо.

Ханна освободилась от его руки и продолжала подниматься к дому. Он ласково позвал ее обратно. И она, словно в трансе, повернулась и пошла к нему. Без единого слова. С каменным лицом. И стала играть вместе со всеми. Бегала вокруг хоровода, когда приходила ее очередь. Споткнувшись, вбегала в разорванный круг.

Вениамин больше не стал играть. Все это было ужасно. Он сел возле костра. Потрогал его палкой. Ему было невыносимо смотреть на унижение Ханны. Это было и его собственное унижение. Он сидел спиной к играющим, слушал их голоса и песни, и в нем вспыхнула ненависть к Олаисену. Вспыхнула, как костер. Красные языки пламени лизали светлое небо.

Когда-нибудь он доберется до этого человека. Раздавит его. Уничтожит!

Педер знал, что это скоро пройдет. Только бы никто не стал сейчас перечить Вилфреду. Он-то понимал, как надо себя вести в таких случаях.

Но Карна не привыкла к такому, и у нее не было его терпения. Вскоре она остановилась перед Олаисеном и крикнула ему в лицо:

— Все, хватит! Это уже не весело!

Хоровод закружился медленнее и наконец остановился совсем.

Педер подбросил в костер поленьев, наблюдая за лицом брата.

Дина взяла Олаисена под руку.

— Это не для таких стариков, как мы с вами, — весело сказала она и предложила ему свой бокал. Олаисен отказался. Покачал головой. В глазах мелькнула тревога. Он был не в духе.

Дина поставила бокал в корзину, взяла Ханну и Олаисена за руки и медленно повела их к дому. По пути она говорила о выгоде, какую принесет строительство газового завода. О расходах. О потребности в газе. О том, что он даст пристани и верфи. О пароходах. Погрузке и разгрузке. Понимает ли он, какие здесь таятся возможности?

Конечно, он понимает. Но где взять капитал? И толковых людей, чтобы осуществить этот проект?

— Вы самый подходящий человек, Вилфред! Честно скажу, мне вас не хватает. После того как вы ушли, вас никто не смог заменить. Я собираюсь ходатайствовать перед управой, чтобы она тоже гарантировала свое участие в этом проекте. Что скажете? Я буду выплачивать вам жалованье, пока вы обдумываете проект. У вас два судна для фрахта, еще один сезон, и вы станете на ноги. Сможете снова приобрести долю в верфи. Вместе с Педером. Только сперва мы позаботимся, чтобы Педер получил в Бергене нужные знания. И тогда у нас будет свой специалист. Понимаете?

Олаисен понимал. И не понимал. Или она уже забыла, как дала ему по рукам? Унизила его? Думает, что он забыл? Он хотел спросить у нее об этом, но рядом шла Ханна, не поднимая глаз от земли. Говорить об этом при ней было немыслимо. Но мог ли он позволить себе отказаться от такого предложения?

— Так что вы мне скажете? — спросила она. — Можете сразу не отвечать, подумайте о моем предложении. Но не слишком долго. Вы мне нужны.

Ханна немного порозовела и поднималась по склону, уже перестав горбиться, пока ее муж шаг за шагом вступал в тот мир, в который его вела Дина.

Придя на берег позже всех, Анна сразу заметила, что случилось что-то ужасное. Она поняла это не только по Ханне, но и по Карне, и по всем остальным. Особенно по Вениамину.

Он окликнул Сару и помог ей нести большую корзину. Анна растерянно смотрела ему вслед.

Все это была ее затея. Этот Иванов день. Примирение. С участием Дины и Юхана. Все оказалось напрасно.

Она попробовала расспросить молодых, но никто ничего не мог толком ответить ей.

— Ему не понравилось, что она играла с нами. Это было ужасно, — сказала Бергльот.

А по мнению Эверта, Олаисен разозлился еще до того, как пришел на берег. Он был не в себе…

Служанка Ханны, ничего не сказав, ушла в дом.

В постели Анна прижалась к Вениамину:

— Что, собственно, произошло во время игры? Что Вилфред сделал?

Вениамин погладил ее по руке.

— Я его больше видеть не могу. Завтра я пойду в горы, — решительно сказал он.

— Может, ты все-таки объяснишь?..

Вениамин вспылил:

— Такой уж он, что тут еще объяснять!

— Ты сердишься на меня за эту поездку?

— Нет, дорогая, — устало сказал он и прикрыл ее периной.

Анна откинула перину в сторону.

— Мне кажется, что мы с тобой… — начала она.

— Неужели ты не понимаешь, что я его не выношу? Он все только портит. Портит! У тебя были добрые намерения. У Юхана были добрые намерения. У всех…

На другой день погода опять была как на заказ. Вениамин хотел показать Педеру и Эверту горное озеро, где было много рыбы. Они взяли с собой еду, кофейник, удочки. Дразнили Юхана, уговаривая его идти с ними.

— Нам нужен следопыт, знакомый с прериями, — сказал Вениамин.

Но Юхан объявил, что никогда не любил рыбалку. Даже в молодости. Он собирается выйти в море, на веслах, но не будет рыбачить. Они с Диной хотят побездельничать.

— Разбудите Вилфреда! Он не откажется!

В наказание за вчерашнее было решено разбудить Олаисена. Но вернувшийся от него Педер сказал, что Вилфред обещал сыновьям ловить с ними с ялика мелкую сайду.

— Похоже, сегодня все собираются рыбачить дома, — сказал Педер и кинул взгляд на Карну.

— И ты тоже? — поддел его Вениамин.

— Нет, почему же, — смущенно ответил Педер и вздохнул.

Анна попросила Карну помочь ей навести порядок в чуланах и на чердаке. Ей нужно найти кое-какие вещи.

Во время уборки она сказала Карне, что хочет поговорить с Вилфредом, пока мужчин нет дома. Не поможет ли ей Карна остаться с ним наедине так, чтобы это не выглядело нарочито?

— Что ты хочешь у него узнать?

— Про вчерашнее… его отношение к Ханне…

Глаза у Карны забегали.

— Не надо с ним говорить! Вчера он налетел на Ханну, словно она… Он может тебя ударить, если рассердится!

— Глупости, — весело сказала Анна.

Карна пошла в дом, где жила Стине, чтобы попросить Олаисена помочь Анне передвинуть на чердаке один тяжелый сундук. Анна хочет спустить его вниз и разобрать. На чердаке для этого слишком темно.

Олаисен охотно вызвался помочь. Не хватало, чтобы он отказался! Анна принялась благодарить его еще до того, как он взялся за сундук, и тут же отправила Карну нагреть воды для уборки.

Она засучила рукава, волосы у нее растрепались. Щеки пылали. От волнения она даже не смотрела в его сторону, хотя у нее уже было придумано, как начать разговор.

Олаисену ничего не стоило одному спустить вниз этот сундук. Он отстранил Анну, вознамерившуюся помочь ему, и удовлетворенно перевел дух, когда сундук был уже спущен.

На площадке Анна немного смущенно сказала ему:

— Я угощаю портвейном. У меня всегда припрятано в зале немного портвейна… Я люблю там сидеть и думать… У окна… В плетеном кресле…

Она волновалась. Заметил ли он это?

Олаисен не без колебания вошел в залу. Прилично ли это? Они были

одни. В ее спальне. Он старался не подать вида. Невозмутимо улыбнулся. Поднял рюмку и огляделся. Красивая комната. Между прочим, чердак у них тоже хорош. Большой. Там вполне можно сделать еще одну жилую комнату. Правда, там нет дневного света…

Услыхав, что Карна поднимается по лестнице, Анна открыла дверь и попросила Карну сходить на чердак и погасить оставленную там лампу.

— И забери оттуда ведро, мы вымоем его внизу. Так будет лучше.

Она снова закрыла дверь и села рядом с Олаисеном.

— Эти старые вещи стояли там со времен Мафусаила, — сказал он, стряхивая с себя пыль.

— Да, мы с Карной любим бывать там, — отозвалась Анна и разлила портвейн по рюмкам.

— Спасибо за помощь! — Она подняла рюмку.

— Не стоит благодарности! — Он улыбнулся ей своей самой обворожительной улыбкой.

Анна отставила рюмку, ее явно что-то тревожило.

— Можно задать тебе один вопрос?

Он удивился.

— Мы одна семья… — начала она.

Он ждал.

— Что произошло вчера? Ты… тебе не понравилось, что Ханна играла с молодежью? Может, ты против этого из принципа? Или по религиозным причинам?

Несмотря на свою сообразительность, Олаисен не нашелся, что ответить на такой прямой вопрос.

Подождав немного, Анна продолжала:

— Молодые говорили, что ты… как бы это сказать… проявил несдержанность. У вас с Ханной плохие отношения? Может, тебе трудно говорить об этом? Может, это слишком болезненно? Я понимаю, что в каждом браке есть свои…

Она замолчала и, покраснев, посмотрела на него.

Он тяжело вздохнул. Наконец он понял, зачем его попросили спустить с чердака этот старый сундук и угощают теперь портвейном. В нем боролись удивление, недоверие и любопытство. Когда в последний раз кто-то интересовался его чувствами? Или тем, какая обида вызвала его гнев? А ведь именно об этом спрашивал у него сидевший перед ним ангел.

Мысли Олаисена спутались. Вчерашнее унижение — его хотели понять. Он был готов забыть, что Анна — жена этого проклятого Вениамина. Или именно это он и не хотел забывать? Может, ему наконец-

то представилась возможность взять реванш? Рассчитаться за угрозу разорения? За то, что он оказался обманутым мужем? Нелюбимым?

Ведь, если вдуматься, разве справедливо, чтобы страдал он один?

Олаисен как будто поблек прямо у нее на глазах. Но вид у него был не несчастного человека, а оскорбленного мужа. Он глубоко вздохнул. Вокруг рта обозначились морщины.

Сперва он смотрел в сторону, но потом поднял на Анну глаза, честные глаза, полные боли.

Он признал свою вину. Да, иногда он теряет рассудок. И потом корит себя за это. Особенно в последние годы. После того, как узнал правду. О Ханне…

Больше он ничего не сказал. Все было отмерено с аптекарской точностью. Нельзя спешить. Надо сидеть, обхватив голову руками. И помнить, какую боль причинит ей этот разговор.

— О Ханне? — прошептала она.

— Если б ты знала… правду, — тихо проговорил он и покачал головой.

Анна смущенно попросила рассказать ей правду. И тогда она все узнала. Не сразу. Нет. Постепенно. По мере того, как задавала вопросы. Но не больше, чем ей хотелось знать.

— Мне трудно об этом говорить! Хотя много раз я порывался все тебе рассказать. Один раз, застав их, я сказал им, что пойду к тебе. Но не пошел… Не хотел доставлять страдания невинному человеку…

— Вилфред! Чего ты не хотел мне говорить?

Он взглянул на нее — кажется, она держится высокомерно? Не верит ему? Это его задело.

Тем не менее он начал издалека. Стал рассказывать, как семейство Грёнэльв хотело разорить его и поссорить с Педером. Да, у них с братом было тяжелое детство, но у них никого нет, кроме друг друга. Ему было непросто уволить Педера. Он пытался наладить…

Вилфред замолчал и посмотрел на Анну.

— А при чем тут Ханна? — спросила она.

— Как будто ты не знаешь! Весь Страндстедет говорит о Ханне. О ее неверности. Уже сколько лет…

Оказывается, младший сын, которому Олаисен так радовался и которого оберегал, когда тот был еще в утробе матери, скорее всего, не от него…

— Вилфред, милый, ты ошибаешься! — Анна побледнела и стиснула руки. Потом потерла их, словно хотела согреть.

Он помотал головой. Разве она не видит, что этот мальчик не похож на

него? У него черные волосы! А у трех других…

— Ты не должен так думать о Ханне! Надо верить тому, кого любишь, иначе ты пропадешь!

— Я стараюсь терпеть. Ты ведь тоже это знаешь, хотя и делаешь вид, что тебе ничего не известно, — грустно, но спокойно сказал он. Слишком спокойно.

— Что я знаю? — выдохнула она.

Бедняжка, как она испугалась! Как испугалась! И это понятно. Раньше у нее не хватало мужества признать это, но теперь-то ей все ясно. Ведь так? Прямой вопрос требует прямого ответа. Но бояться нечего, ведь это касается их обоих.

— Да в чем же дело?

Теперь уже оставалось сказать все как есть. Лгать ей он не может. Это ее муж… Неужели она не знала?

— Я застал их на месте преступления. Один раз видел в лодке. Они возвращались с какого-то островка. У доктора много возможностей уединяться с Ханной. Все эти годы у них была связь.

Руки Анны успокоились и замерли на коленях. Она слушала Олаисена, и глаза у нее были неестественно большие. Это пьянило его.

— Один раз я нашел в блокноте копию ее письма. Она назначала ему свидание. Я сохранил ее, могу показать…

— У их встреч могли быть и другие причины, — прошептала Анна.

Но Олаисен не слушал ее — скоро она будет на его стороне. Очень скоро.

— Я тоже так думал. Но когда я прямо спросил ее об этом, она во всем призналась. Призналась, что они любят друг друга. Так и сказала: любят! Чтобы было ясно, что я ничего не значу для нее. Ничего! И ты — тоже. С нами они продолжают жить только потому, что когда-то так получилось. Это слова Ханны…

Когда звук этого имени затих, женщина перед Олаисеном начала смеяться. Сначала тихо.

Он не обиделся, но это показалось ему странным. Он почувствовал, что должен любой ценой остановить ее смех.

— В этом нет ничего смешного, — сдержанно сказал он.

Но она продолжала смеяться. От смеха у нее по лицу текли слезы, плечи вздрагивали. Смех был такой жесткий, недобрый, что он допил свой портвейн и встал. Никому не дозволено смеяться над трагедией его жизни! Тем более ей! Это уж слишком.

— Прошу прощения, — сказал он.

Но видно, в последнюю минуту у него мелькнуло какое-то подозрение, и он прикоснулся к ее плечу.

— Не будем никому говорить об этом ради детей, — попросил он. — Договорились?

Олаисен вышел из залы, но в ушах у него продолжал звучать ее смех. Он спустился вниз, вышел во двор. Что-то не так. Как она может быть такой толстокожей? И смеяться?

Ничего, скоро это пройдет. Главное, он теперь не один.

Карна поняла, что что-то случилось. Так люди не смеются. И ничего смешного Олаисен Анне не сказал.

Карна слушала у дверей. Когда Олаисен выходил из залы, она быстро, по-кошачьи, взбежала на чердак.

Анна продолжала смеяться. Незнакомая, недобрая Анна. Может, она не поняла, что Олаисен сказал о папе? Но это невозможно было не понять!

Карна слышала, как Анна, не переставая смеяться, вышла в коридор. Спустилась по лестнице.

Карна хотела окликнуть ее. Утешить, сказать, что это неправда. Что на самом деле все не так. Как Олаисен мог сказать это Анне? Ведь Анна все понимала. И может быть, уже очень давно!

Что теперь будет? Все непоправимо испорчено.

Она слышала, как во дворе смеется Анна. Входная дверь после нее осталась открытой. По дому гулял сквозняк. Пламя лампы колебалось. Карна опустила руки в теплую воду, принесенную сюда для уборки. Хотела согреться.

Когда она нагнулась над ведром с водой, ее охватила тошнота. Окутала мешком голову, не давала дышать.

Карна пыталась перебороть себя. Хотела отойти подальше от крутой лесенки. От открытого лаза. Последнее, что она помнила, — это желание оказаться подальше от лаза.

Глава 19

Карна упала на крышку лаза, но боли не почувствовала. Она была уже далеко.

Крышка с размаху легла на свое место, и ее заклинило. Никто не слышал стука. Бергльот и служанки в беседке наслаждались хорошей погодой.

Падая, Карна задела пустой ящик, на котором стояла оставленная Анной лампа. Лампа качнулась, упала и покатилась по полу. Резервуар с керосином разбился.

Однако стекло лампы чудом уцелело, и горелка, продолжая тянуть керосин, поддерживала пламя. Фитиль коптил. Вскоре стекло стало черным. Но лампа горела. Разбился только резервуар. И теперь керосин медленно растекался по полу.

Старое платье матушки Карен было завернуто в шелковистую бумагу. Анна проложила складки шариками от моли — она собиралась убрать его в сундук. Керосин постепенно добрался до бумаги.

Шло время. В фитиле еще был керосин. Огонь слабо попыхивал в закопченном стекле и не хотел сдаваться. Наконец он погас.

Но одна искорка, может быть, вылетевшая из лампы при падении, еще тлела. В горелке? В стекле? В пыли на полу?

Когда керосин добрался до нее, все было решено. Сперва огонь был небольшой — осторожный, игривый золотой язычок. Он лизнул кружева. Венецианские кружева на платье матушки Карен. Тихонько зашипел и распустился красным цветком.

Карну залил свет. Небывалый, необычный свет. Она старалась вернуть тело к жизни. Руки. Хотела за что-нибудь ухватиться. Поджала под себя ноги.

Дышать было трудно. Гораздо труднее, чем обычно. И откуда такой свет? Он должен был уже погаснуть. Ведь она почти пришла в себя.

Память начала проясняться. Она в ловушке! Лаз! Где лаз? Ее крик рванулся и затих. Нужно было думать, как укрыться от жара. Она толкнула ведро, и оно опрокинулось на нее. Прохладная, приятная вода.

Несмотря на дым, от воды пахло щелочью. Карна закашлялась. Ее чуть не вырвало. Она понимала, что должна укрыться где-нибудь подальше.

И поползла прочь от дыма, который стерег лаз. Другого выхода здесь не было. Может, это не случайно? Может, это ей наказание за то, что она,

познакомившись с Педером, перестала читать Библию? Может, ей положено сгореть здесь, на чердаке?

Она хотела позвать Педера. Постучать в пол. Поднять руку. Но могла только кашлять.

Слышал ли ее кто-нибудь? Понял ли, что она на чердаке?

Страх, сильный, как удар по голове, заполнил ее, вытеснив все другие чувства. За ней пришла музыка моря. Сегодня она гудела и трещала.

Карна пыталась спастись. Заползла как можно дальше. Наконец ее пальцы нащупали бревенчатую стену — дальше пути не было.

Дина вернулась за более удобной обувью. Стоя на черном крыльце, она пыталась вспомнить, где оставила сапоги.

И почувствовала запах дыма. Он шел из дома. Инстинкт животного толкнул ее в коридор. Она быстро взбежала по лестнице.

Дым сочился из щелястой крышки лаза.

— Пожар! — крикнула она, взбегая по чердачной лесенке. Но поднять крышку было невозможно.

Олаисен поднялся на второй этаж дома, где когда-то жила Стине. Прилег. Что-то, чего он не мог себе объяснить, томило его. Мысль об Анне и ее смехе. О людях. О границах дозволенного. Ему хотелось побыть одному. Тут его и застал крик: «Пожар!»

Ханна внизу вытирала кухонный стол. Она стряхнула за окно тряпку. И услышала то, от чего ей стало жутко: «Пожар!» Но спрятаться было некуда. Она сунула тряпку в карман передника и выбежала из дома.

Сара, Бергльот и служанки пили в беседке сок и поверяли друг другу тайны. Не важные. Ничего не значащие мелочи. День был такой погожий. Но и они услыхали: «Пожар!»

Ханна первая прибежала в большой дом.

— Горит на чердаке! Заклинило крышку лаза. Я не могу ее поднять. Принеси топор и позови кого-нибудь на помощь! — велела ей Дина.

— Гам кто-то есть? — спросила Ханна.

— Не знаю!

К чердачной лесенке с обезумевшим лицом подбежала Сара:

— Анна наводила там порядок!

— Анна! — эхом откликнулись подоспевшие служанки.

Ханна принесла топор, и, когда появился Олаисен, Дине уже удалось проделать в крышке лаза небольшое отверстие.

— Наверное, она лежит на крышке! — Дина громко позвала Анну.

— Позвольте мне! — попросил Олаисен.

Но Дина продолжала разбивать доски.

— А где Карна? — крикнула Биргит, которая прибежала последней.

Имя Карны прокатилось по дому.

— Господи милостивый, только бы ее не было на чердаке! — всхлипнула Бергльот с ведрами в руках.

— Анна! Карна! — кричала Сара на бегу к колодцу.

Из прорубленного в крышке отверстия на Дину повалил густой дым.

Олаисен побежал доставать воду. Ведра с грохотом ударялись о стенки колодца. Старый ворот скрипел, и быстрые ноги девушек мелькали во дворе.

Юхан слышал странный смех, но не обратил на него внимания. Смех скрылся вдали. Наверное, это служанки. Бывает, человек слышит что-то, но не отмечает этого в своем сознании.

Он зашел в лодочный сарай за веревкой для лодки. Они с Диной хотели съездить на какой-нибудь островок, воспользовавшись хорошей погодой.

Вдруг он прислушался.

— Пожар!

Юхан бросил веревку и побежал к дому.

Когда он прибежал, Дина была уже на чердаке. Она намочила в воде куртку и замотала ею рот и нос.

— Кто там, наверху? — со страхом спросил Юхан.

— Дина. Она пытается вытащить их оттуда. Анну. Карну. Никто не отзывается…

Они услыхали, как Дина, кашляя и зовя Анну и Карну, двигается на чердаке.

Под крышей висел старый ткацкий станок. Жадное пламя дотянулось до веревок. Послышался грохот, и из чердачного лаза вниз вырвался сноп искр.

Юхан окликнул Дину, но она не ответила.

— Там что-то упало! Что-то тяжелое! — закричала Бергльот.

Юхан оттолкнул Ханну и попытался пролезть на чердак, но наткнулся на стену дыма. Ему пришлось спуститься на несколько ступенек.

— Дина! — звал он, но никто не отзывался.

— Здесь нам не пробиться. Где топор?

— С ней, на чердаке! — крикнула Ханна и бросилась за другим топором.

— Вилфред! Помоги! Нужно прорубить потолок в другом месте! — крикнул Юхан.

Но Олаисен стоял у колодца. На бегу за другим топором Ханна передала ему просьбу Юхана. Олаисен бросился через двор с полными ведрами.

Юхан сорвал со стены стремянку. Притащил ее в ту комнату, которая, по его мнению, находилась дальше всего от огня, и забрался на нее. Тут он вспомнил о топоре.

— Где топор? — Голос у него сорвался.

Вернулась Ханна с двумя топорами. Она чуть не упала на лестнице, но держала топоры, словно они были стеклянные.

В слепом отчаянии Юхан рубил потолок. Но у него ничего не получалось. Теперь в Рейнснесе больше никто не точил топоров.

Бергльот знала, что на галерее лежит еще один топор. Олаисен сменил Юхана. Он стал поудобнее на стремянке, которую держала Ханна, и с силой начал крушить потолок.

Юхан вернулся к лазу — он пытался погасить огонь, плеща на чердак воду. Но огонь только шипел. Как раздраженный вулкан. Дым было отпрянул, а потом повалил с новой силой. Вода и искры, не щадя Юхана, устремились вниз.

Служанки и старший сын Ханны подносили воду. Но этого было недостаточно.

Юхан не сдавался. Кто-то достал из шкафа простыню, намочил ее и протянул Юхану. Он обмотал ею голову и плечи и нырнул в огненное море.

Это был ад. Юхан звал женщин, потихоньку отступая перед огнем и дымом.

В это время Олаисен крикнул, что потолок прорублен.

— Я должен быть здесь, чтобы помочь ей вылезти! — крикнул он, понимая, что надеяться не на что.

Он хотел пролезть на чердак, но отверстие оказалось мало для него. Тогда Ханна, обернувшись мокрой простыней, приказала:

— Подними меня на чердак!

Глаза ее горели решимостью и безумием.

— Ни за что! — крикнул Олаисен, стараясь расширить отверстие.

Повалил дым. Непроницаемый, как стена, он окутал Олаисена и заставил его спуститься, чтобы глотнуть воздуха.

Ханна тут же оказалась на стремянке. Бросила на чердак скомканную старую простыню. Конец простыни свешивался из прорубленного

отверстия.

Прежде чем Олаисен успел отдышаться, она была уже на чердаке. Кашляя, крикнула ему, чтобы он помог ей спуститься, когда она скажет.

— Ты сошла с ума! — в ужасе крикнул он.

Они поднялись высоко на пустошь и остановились, чтобы перевести дух. Любовались проливом и отвесной горной стеной на том берегу. Внизу в зеленой дымке лежали поля и дома.

Педер первый заметил неладное. Дым.

— Что это они развели там такой огонь? — удивился он.

— Да. — Думая о предстоящем разговоре с пробстом, Вениамин не спеша раскурил трубку, затянулся.

Они поговорили о погоде — в такую ясную погоду клева не бывает. Сейчас бы небольшой ветер…

Неожиданно Педер показал вниз рукой. В глазах застыло удивление.

Красный язык лизнул крышу большого дома. Лизнул и вырос. Пополз во все стороны. И хотя было очень светло, они увидели взлетевший над крышей сноп искр.

Пока они старались осознать увиденное, в небо взметнулось еще несколько огненных языков.

— Пожар!

Вениамин первым бросился вниз. На пустоши остались брошенные рюкзаки. Педер оказался из троих самым проворным. Вскоре он намного опередил Вениамина и Эверта.

Теперь на чердаке было два отверстия. Огонь получил достаточно воздуха и пищи. Пламя принялось за лесенку, ведущую к лазу. Ведра с водой подносили уже не так часто — служанки и сын Олаисена выбились из сил.

Услышав кашель Ханны, Олаисен крикнул:

— Спускайся! Ханна! Сейчас же спускайся!

Он стоял на стремянке и плескал в отверстие воду. Юхан снизу подавал ему ведра. Время от времени им приходилось подбегать к окну, чтобы глотнуть воздуха. Меняться местами. Ведра, ведра — они без конца поднимали их наверх.

Наконец из-за мокрой простыни послышался хриплый голос.

— Тяните! — Они потянули.

В отверстии показалась Карна. Несколько драгоценных секунд ушло на то, чтобы спустить ее вниз. Она была без сознания, но ожогов на ней как

будто не было. Она дышала.

Юхан вынес ее из дома, передал служанкам и повернулся, чтобы идти обратно.

Тогда он увидел, что огонь вырвался на крышу возле двух труб и что пламя прогнало Бергльот и девушек со второго этажа.

Его охватила паника. В открытом окне кашлял Олаисен.

Лестница! В прежние времена на стене хлева всегда висела лестница. Бергльот помогла Юхану притащить лестницу, и они вместе приставили ее к окну.

Олаисен что-то кричал, но Юхан не мог разобрать слов. Он схватил камень и полез вверх. Выбил стекло во второй половинке окна. На Бергльот посыпались осколки.

Он влез в комнату, и дым почти парализовал его. Легкие грозили разорваться в любую секунду. Он, скорее, догадался, чем увидел, что Вилфред что-то тянет, стоя на стремянке. Тут же Юхану пришлось отбежать к окну, чтобы глотнуть воздуха.

Юхан сорвал рубаху и обвязал ею рот и нос. Забравшись на стремянку, он увидел руку, свисавшую из отверстия. Дина!

Он потянул, но что-то мешало. Видно, Дину чем-то придавило.

— Боже милостивый! Помоги грешнику! — громко молился Юхан.

В ту минуту, когда он подумал, что еще не все потеряно, в нем проснулись силы, о которых он не подозревал. Наверное, берег их как раз для такого случая.

Он дернул, словно хотел сдвинуть с места весь дом. На чердаке гудел огонь. Ближе, ближе.

Юхан больше не слышал Олаисена. В панике он решил, что Олаисен, спасаясь, вылез через окно. Невыносимое чувство одиночества чуть не сломило его.

В последний раз он повернулся спиной к отверстию и дернул. Дина сдвинулась с места! И они оба упали со стремянки.

Он вскочил и потащил ее к окну, громко зовя на помощь Олаисена. Потом бросился к окну, чтобы набрать в легкие воздуха.

Олаисен был у окна, он свесился вниз и тяжело, со свистом, дышал. Юхан ногой распахнул раму целиком, чтобы им обоим хватило места.

На одно мгновение. Потом они вместе перетащили к окну Дину.

Женщины принесли из людской и других домов все тюфяки и перины и постелили их под окном. Войти в большой дом было уже невозможно. Юхан сорвал тюфяк с кровати и сбросил его вниз.

— Уберите лестницу, чтобы она не упала на нее! — крикнул он. Ему повиновались. Они подняли Дину на подоконник. Держа ее под мышки, Юхан свесился как можно ниже и выпустил ее из рук.

Оглянувшись, он увидел, что Олаисен пытается вернуться к стремянке. И тут же с потолка с грохотом упала горящая балка. Вся комната мгновенно вспыхнула. Они с Олаисеном оказались в аду.

Юхан всем телом ощутил, что такое адский огонь.

— Уберите Дину, мы прыгаем! — крикнул он.

Люди сгрудились над Диной. Растерянные, еще не осознавшие случившегося.

— Прыгай! — заорал Юхан в ухо Олаисену, словно их разделял океан.

— Ханна! — Олаисен обернулся к огню.

— Слишком поздно! — Юхан грубо схватил Олаисена, пытаясь повернуть его к окну.

Олаисен вырвался.

— Ты спятил! — крикнул Юхан.

Олаисен не видел его. Шатаясь, он пошел к стремянке, напоминавшей огненный столп. На чердаке с грохотом рушились стропила.

Юхан пошатнулся. Потом его охватила ярость, которой ему не хватало всю жизнь. Наконец он ее обрел. Он бросился к Олаисену и ударил его. Ударил по голове и не промахнулся.

Теперь предстояло подтащить его к окну. Олаисен был большой и тяжелый. Юхан думал, что это конец. У него вспыхнули волосы. Одной рукой он пытался смахнуть огонь.

Наконец он вывалил Олаисена за окно, крича что-то поднятым к нему побелевшим лицам.

Он не помнил, как прыгнул сам. Но, должно быть, все-таки прыгнул, потому что над ним встал огромный светло-голубой купол неба.

Юхан чувствовал, как его оттащили подальше от огненного ада. Он снова мог дышать и попытался понять, не сломал ли он руки и ноги во время прыжка. Каждой мышцей он ощущал смертельную усталость. Очень медленно он повернул голову.

И увидел Дину. Она лежала на черной от сажи перине. Волосы обгорели. Правая сторона лица обуглилась. Сверху лицо покрывала вековая пыль с чердака Рейнснеса. Из вздувшейся массы, прикрытой обгоревшими клочьями ткани, торчала одна рука и верхняя часть туловища.

Шея, как ни странно, не пострадала. Белая, молодая. Но не очень чистая. Как в первый раз, когда Юхан увидел ее.

Ему было трудно осознать увиденное.

У него вырвался вопль, как у быка, раненного мясником, у которого соскользнул нож из-за того, что он не рассчитал силу удара.

Сыновья Олаисена стояли у садовой изгороди и смотрели на небывалый костер, с гулом рвущийся в небо. Старший держал на руках младшего.

Ни у кого из взрослых не было времени поговорить с ними, пока не пропала надежда спасти тех, кто остался в доме.

Всем хотелось быть там, когда их спасут. Хотелось узнать. Помочь. Хотя бы только тем, что затаили дыхание.

Когда рухнула крыша, Олаисен с поднятыми руками и сжатыми кулаками бросился к парадному крыльцу.

— Выходи! Ханна! Я кому сказал, выходи! Сейчас же выйди оттуда! Вспомни о своих сыновьях!

Старший из них, десятилетний Рикард, в эту минуту превратился в старика. Собрав вокруг себя братьев, он стоял с ними у изгороди.

Сара, прихрамывая, подбежала к мальчикам, и они все вместе опустились на траву. Вскоре жара и тут сделалась невыносимой, и им пришлось еще раз перебраться в другое место.

Время от времени в небо взлетали снопы искр.

Мальчики цеплялись за Сару. Хватали ее за руки и за юбку с такой силой, что их нельзя было оторвать от нее.

Карна несколько раз приходила в себя. Но у нее снова начинался припадок. Ее пугало это зарево. Она не хотела туда!

Один раз, открыв глаза, она увидела Юхана, стоявшего на коленях перед чем-то, лежавшим на белом покрывале. Он лил на это воду. Ведро за ведром. На Карну он даже не взглянул. Никто не смотрел на нее.

Все были заняты своим делом. И над всем колыхалось зарево. Нет, это была не музыка моря, а гудящий, кошмарный треск. Свет должен быть тихим, во всяком случае — спокойным. Он не должен грохотать.

Где же Педер? Неужели и он покинул ее? Наконец он появился. Поднял ее и куда-то перенес. Там тикали часы. Часы Стине.

Тогда Карна вспомнила все. Чердак… Стине, упрекнувшую ее в том, что она перестала читать Библию… Но ведь там было и еще что-то? От Педера пахло костром, который они жгли на Иванов день. Или костром пахло от нее самой? Ну конечно! Костер! Он в этом году был необычно большой.

— Педер, это костер? Да? — хотела спросить Карна. Кажется, у нее это не получилось. Но Педер обнимал ее. И без конца повторял, что она жива.

Начали лопаться стекла. Зазвенели осколки. До них донесся сердитый голос Олаисена, в нем слышались слезы.

— Помоги мне выйти отсюда! — попросила наконец Карна.

Сперва Педер замотал головой, но потом уступил и вынес ее во двор.

Первым Вениамин увидел Вилфреда Олаисена, который, потрясая кулаками, требовал, чтобы Ханна вышла из горящего дома. Смотреть на это было страшно. Безумие. Пламя. Но не смотреть он не мог!

Вдруг Вениамин обнаружил, что среди людей нет Анны. Он ходил от одного к другому, глаза застлал туман.

— Анна?

Олаисен молча обнял его.

— Анна! — крикнул Вениамин.

— Она там! Уже поздно… — рыдал Олаисен.

Вениамин вырвался и побежал к горящему дому. Жар огня сбил его с ног. Он так и остался лежать, уткнувшись лицом в прохладную траву, его заполнил свежий аромат клевера и почвы.

Карна пыталась произнести нужные слова. Слова Стине. Они помогли бы Олаисену вызвать из дома Ханну.

Нужно было встать. Но она не могла. Лишь цеплялась, хватая ртом воздух, за сваю, на которой стояла голубятня. Голоса у нее не было.

Если бы Педер был рядом, он поддержал бы ее, чтобы она не тратила столько сил на то, чтобы встать на ноги. Но он пытался увести Олаисена прочь от огня.

Пришлось справляться самой. Она открыла рот. Вздохнула. Тяжелый дым заполнил тело. Она закашлялась и опять схватилась за сваю. Наконец она одолела себя, и к ней вернулся голос. Этот псалом Анна пела в церкви.

Когда б я вся звучала…

Голос снова пропал, и ей пришлось начать сначала. Зато теперь голос звучал лучше. Он летел прямо к гудящему костру:

Когда б я вся звучала
Лишь песнею одной
И громко повторяла
Небесных звуков строй,
Я не смогла б воздать

Достойными хватами
За Божью Благодать!

Когда я вспоминаю
О юности своей,
Когда перебираю
События тех дней,
Сквозь пыль своих дорог
Я вижу с изумлением,
Как Бог меня берег!

Пусть бьет источник жизни,
Нам освежая грудь,
Пусть свет Иной Отчизны
Нам освещает путь
С начала до конца,
Чтоб мы нашли дорогу
К объятиям Отца!

Допев этот псалом, Карна запела другой. Псалмы приходили сами собой.

Сара и мальчики встали на колени. Хриплый, нетвердый голос Юхана поддержал Карну. Люди только этого и ждали. Нестройный хор летел к огню. Безумные крики Олаисена стихли.

Глава 20

У маленькой шлюпки Карны были красивые шпангоуты и изящный корпус. Грести на ней было легко, и ее легко было вытаскивать на берег. Шлюпку Карне подарила бабушка, ее построили на верфи Олаисена.

В тот день на ней был необычный гребец. Анна теперь умела грести, но она еще никогда не заплывала так далеко.

Она уже давно перестала смеяться и даже не заметила этого. Она только гребла. Если на то пошло, она гребла в открытое море с первого дня, как приехала в Рейнснес. Но раньше она этого не понимала.

Лодка лежала на берегу. Ждала за камнями. Оставалось только столкнуть ее в воду и сесть в нее. Теперь же на руках у Анны были водяные мозоли, и берег был далеко. Но она этого не замечала.

Она ждала ветра. Наверное, ждать осталось уже недолго. Солнце дрожало высоко в небе. Поверхность моря была похожа на масло.

Время от времени она ощущала под лодкой волны. В них была сила. Они несли и манили ее. Анна подняла весла и отдыхала. Ей было приятно. Здесь, вдали от берега, она не слышала шума волн. В такой день он был не слышен.

Камни и берег остались далеко позади. Слышался легкий шорох. Но ветра не ощущалось. Может, он был в ней самой?

Держась за борта лодки, Анна выпрямилась. Почувствовала глубину под ногами. Вечное движение моря.

Раньше оно всегда немного пугало ее. Но не сегодня.

Она наклонилась за веслами. Снова выпрямилась. И, вынув уключины из гнезд, одно за другим пустила весла в море. Они почти беззвучно коснулись поверхности воды, прошуршав по обшивке.

Теперь Анна была свободна. Она распустила волосы, уронив шпильки в воду. Легкие, они мгновение держались на поверхности и исчезли.

Наконец явился долгожданный ветер. Он растрепал ее волосы и холодком проник под платье. Поверхность моря посерела и ожила. Постепенно. Часть за частью. Далеко впереди. Не грозно, не сильно. Скорее, ласково.

Приняв решение, Анна подняла глаза на берег. Закрыла их, снова открыла.

Она больше не чувствовала боли. Боль прошла. Все прошло. Ей было больно не от того, что случилось недавно. А от того, что случилось раньше. Очень давно. Она просто не хотела понимать этого.

Она построила свою жизнь на том, чего не было. Впрочем, так поступают многие. Но ее это не устраивало. Это было мелко. Слишком мелко…

На фоне зелени белели дома. Но они больше не имели к ней отношения. Это была чужая усадьба. Солнце бросало на крышу молнии. Одну за другой. Это было так красиво, что Анна невольно залюбовалась.

Неужели ей и сейчас еще хочется, чтобы все оказалось таким, каким представлялось ей до этого дня?

Но ведь она больше не обманывается. Она все понимает. И не хочет быть ничтожной соринкой в ничтожной жизни. Ни за что!

Она закрыла глаза и приготовилась. Но боль в сердце росла. Анна дрожала. Нужно подождать, чтобы она прошла. Это не может длиться долго.

Теперь лодку несло довольно быстро. Ее гнал ветер. Скоро дома скроются из виду и ей станет легче. Она была в этом уверена.

Анна открыла глаза. Но дома Рейнснеса не исчезли. Небо над ними окрасилось небывалым цветом. Оно встревожило Анну и как будто взывало к ней.

Сначала это была картина, не имевшая к ней отношения.

Неожиданно к небу взлетел столб пламени. Потом еще один. Анна поняла, что это пожар. Рейнснес горел!

Она слышала, как над морем пронесся ее крик. Ему не откликнулось эхо. Одинокий. Бессильный. Бессмысленный крик:

— Карна! Девочка моя! Лампа…

Анна хотела схватиться за весла, но их не было. Вцепившись в борта лодки, она раскачивала ее и кричала. Легла ничком на нос и попыталась грести руками.

Напрасно. Добрый ветер, которого она так ждала, гнал ее в открытое море.

Вениамин ходил от одного к другому. Заглядывал в лица. Спрашивал. Анна? Почему Анна осталась в доме?

— Анна с Карной устроили на чердаке уборку. Ханна и Дина бросились туда за ними… — сказал Юхан.

Вениамин почувствовал, как Юхан быстро обнял его. И побрел дальше. Анна? Это неправда?

Вокруг стоял грохот.

Неожиданно он увидел Дину. Она лежала неподвижно. Иногда поднимала веки. Вздрагивала.

Доктор Грёнэльв сразу понял, что эта женщина обречена.

Но Вениамин отказывался это понять. Мысль его кинулась к докторскому чемоданчику, который стоял в зале. В зале?

Он шел по полю боя. Солдаты звали маму. Ему оставалось только подбирать их и отправлять в лазарет. Как они выглядели, не имело значения. Среди грохота, в облаке искр, он клал их на носилки и отправлял в лазарет.

Вокруг летали его приказы. Эверт отправился за помощью. Нужно вскипятить воду. Чистые простыни, если они есть, нужно постелить на кровати в доме, где жила Стине.

Он позвал Карну. И она пришла к нему. Они работали вместе. Карна, сделай то, сделай другое, говорил он.

И она делала все, что он говорил. Они были на войне. Помогали раненым. Тем, кого ждала смерть.

— Посиди с ней! Я сейчас вернусь! — сказал он.

И Карна села.

Тем временем из пламени вышла Анна. В светлом платье. В том же, которое было на ней в первое утро. Видел ли он ее потом в этом платье?

Анна. Да видел ли он ее после того?

Из Страндстедета и окрестных селений приехали люди. Огромный костер был виден с моря и далеко окрест. Они привезли ведра, веревки, брезент.

Но еще до того как их лодки уткнулись в прибрежные камни, они уже поняли: нужно прикрыть брезентом что можно и лить воду, чтобы спасти остальные дома. И быть начеку.

Они почти не говорили. Только о том, что могли сделать их руки. И куда следовало бежать их ногам.

Они не могли даже порадоваться отсутствию ветра — ведь в море ветер уже поднялся. Они даже не перешептывались. Все и так было написано у них на лицах. Жизнь пропала. И там лежит фру Дина.

Мальчики уехали домой вместе с Сарой. Никто из них не произнес ни слова. Они позволили увести себя и посадить в лодку.

Вениамин отвел Педера в сторону:

— Привези мне все, что перечислено в этом списке. Из кабинета. Не забудь порошки! Они лежат наверху в запертом шкафу. Ключ — в вазе на

письменном столе. Ошибиться трудно.

— Что это?

— Морфин против боли. Только поскорей! Возьми мою лодку и не жди остальных!

К началу вечера на фоне чистого синего неба чернели три закопченные трубы. Но жадные языки огня еще находили себе пищу. Остатки того, что еще не было уничтожено.

Олаисен ходил вокруг пожарища в высоких сапогах. Он не думал о том, как будет выглядеть то, что он ищет.

Сгорбившийся, измученный, он пробовал перехитрить пылающий пепел. Вырвать у него тайну. Но раз за разом был вынужден отступать.

Вениамин не мог пощадить Карну, ей пришлось увидеть Дину. Впрочем, она сидела с ней еще до того, как Дину перенесли в дом. Он даже не удивился, что у Карны не случилось припадка.

Остатки платья присохли к телу Дины. Он переодел ее в чистое, начиная от талии и ниже. С помощью Юхана и Бергльот.

Потом стал снимать приставшие к коже нитки. Нитку за ниткой. Но в глубине души он понимал, что обожженную кожу очистить нельзя. Голова. Половина лица. Большая часть груди и плечи. К ним нельзя было прикасаться.

Он попытался соорудить над грудью Дины нечто вроде палатки. Из чистых тряпок. Ему помогал Юхан. Они сделали каркас из проволоки, чтобы ткань не касалась обожженной кожи.

Это было непросто, потому что Дина металась и все время стонала.

Но они прикрыли ее. И пощадили тех, кто мог ее увидеть.

В первые часы было неясно, в сознании она или нет. Может ли слышать и видеть. Наконец она открыла налитые кровью глаза. Застонала. Звук вырвался откуда-то изнутри, минуя голосовые связки.

Вениамин хотел увести Карну. Но она вцепилась в него и не двинулась с места.

Когда Дина немного успокоилась, Юхан шепнул им:

— Ступайте и отдохните. Нам еще понадобятся силы.

Прижавшись друг к другу, Вениамин и Карна сидели на крыльце веранды лицом к морю.

Карна не смотрела на Вениамина. Смотрела куда-то вдаль. Потом ее начало трясти.

— Это я виновата.

Он сразу понял, о чем она.

— Нет! — твердо сказал он.

— Ты не знаешь. Я опрокинула лампу.

Он крепко обнял ее. Между ними было только дыхание. Их общее дыхание.

— Вы с Анной были на чердаке?

— Нет, только я… и лампа. Анна, наверное, поднялась потом, чтобы помочь мне.

— У тебя случился припадок? Да? И лампа опрокинулась?

— Мне так кажется, — прошептала Карна.

— Но ты в этом не виновата. Слышишь!

— Я думала, что это для всех нас единственный выход, мы должны были исчезнуть.

— Карна! Милая…

Она не выдержала:

— Анна все понимала.

— Что она понимала?

— Все. Про Ханну.

— При чем тут Ханна?

— Вилфред рассказал ей. Я все слышала. Зря я говорю об этом сейчас. Но я не могу держать это в себе. Ведь мы все равно умрем. Все. Теперь я это знаю. И слова, которые мы так и не сказали, обернутся проклятием.

— Что он сказал?

— Что Ханна ему во всем призналась. Что вы любили друг друга и не могли отказаться от этой любви… Он застал вас в лодке. Он знал все уже очень давно, только не хотел говорить Анне. Но раз она спросила, он должен был сказать ей правду. И вот ее больше нет.

Вениамин не чувствовал ни скамьи, на которой сидел, ни своих рук, обнимавших Карну. Только продолжал твердить: она ошибается, она не виновата, что лампа упала. Никто не виноват.

Она подняла на него широко открытые, не верящие глаза.

— Бедный папа!

Вернулся Педер с тем, за чем его посылали. Вениамин встал и взял у него чемоданчик. Проверил содержимое. Все было в порядке.

— Спасибо! — хрипло сказал он и вошел в дом.

Вениамин и Юхан сидели с Диной. Ими владело какое-то тупое оцепенение.

Они понимали, что конец — только вопрос времени. У них не было сил разговаривать друг с другом. Но оба надеялись, что она умрет, не приходя в сознание.

Боль. Они видели и слышали эту боль. Пытались пережить ее вместе с Диной. Но постичь не могли.

Дина слабым голосом звала Ертрюд. Маму.

Может, все-таки Бог слышит человека в трудную минуту, думал Вениамин. Хотя бы один-единственный раз?

Поздно вечером она со стоном позвала Лео. Произносила отдельные слова, что-то цитировала. Но в них не было смысла Вениамину удалось дать ей морфин. Она немного успокоилась.

Время от времени он смотрел в окно. Наконец из тлеющей черноты к нему вышла Анна.

В полночь Дина открыла глаза. Подняла к лицу необожженную руку и попробовала приподнять голову. И тут же с беспомощным, непонимающим взглядом уронила ее обратно.

— Скажи им, чтобы они пришли за мной, — прошептала она сквозь черные губы.

Юхан наклонился к ней:

— Кому сказать?

— Ленсману и судье… Пусть приходят.

— Дина! — прошептал он, низко склонившись к ней.

Она тяжело дышала, хватаясь за каркас с тряпками. Вениамин встал и убрал его. Они с Юханом оба склонились над ней.

— Мама, я Вениамин. Я с тобой.

Он взял ее здоровую руку. Подождал.

Юхан дал ей воды из ложечки. Дина втянула ее губами. Жадно проглотила. Оттолкнула Юхана. И тут же схватила его обожженной рукой. Ее крик прокатился от стены к стене.

— Юхан! Это я… Я столкнула его! Мама, не уходи от меня!

Она открыла глаза и оглядела комнату.

— Лео!

— Дина, ты узнаешь меня? — спросил Юхан.

— Да… прости…

Юхан кивнул Вениамину:

— Оставь нас. Ей нужен пастор.

Вениамин вышел во двор. Подошел к колодцу. Достал воды. Опустил в холодную воду пальцы. Плеснул на лицо.

Значит, помочь ей получить прощение должен Юхан. Если она сможет что-нибудь сказать. Юхан, которого никто не брал в расчет.

Два рыбака пересекали Анд-фьорд в северном направлении. Они хотели пройти фьорд при хорошей погоде. Один из них заметил далеко в море что-то, похожее на небольшую шлюпку.

Весел они не видели, людей тоже. Но лодка плыла, и, так как кому-то она принадлежала, они взяли курс на нее. Ярко светило солнце.

Подойдя близко, они увидели на дне шлюпки скорчившуюся фигуру. Это была женщина. Она куталась в шаль и выглядела безумной.

Весел в шлюпке не оказалось. Рыбаки перетащили женщину в свою лодку и взяли шлюпку на буксир. Закутав женщину в свою одежду, они пытались расспросить ее, почему она оказалась в море в таком состоянии. Но она не могла говорить, и они оставили ее в покое.

Посовещавшись, они решили плыть дальше на север, чтобы оставить женщину в первом же селении, — ей надо было согреться, а им — избавиться от нее.

Неожиданно женщина попросила:

— Пожалуйста, отвезите меня домой, в Рейнснес!

Люди спали по очереди. Если это можно было назвать сном. Раскладные кровати и испачканные сажей тюфяки постелили в доме, где жила Стине, и в людской.

Олаисена уговорили уехать в Страндстедет с рабочими с верфи. Им на смену на всякий случай должны были приехать свежие силы.

Олаисен бессвязно бормотал о каких-то делах. Иногда начинал судорожно рыдать. Педер утешал брата. Но Олаисен едва ли слышал его.

Перед тем как лодке отойти от берега, он сказал, что хочет удвоить страховку за свой дом, чтобы Ханне и мальчикам что-то осталось после него.

Рабочие тихонько посовещались, и один из них побежал к доктору Грёнэльву за советом. Вениамин выслушал его и кивнул головой.

— Не обращайте внимания. Все в порядке. Отвезите его в Страндстедет!

Рабочий не стал переспрашивать и заспешил обратно на берег.

— Что сказал доктор? — поинтересовались его товарищи.

— Доктор тоже не в себе. Они оба не понимают, что говорят… что один, что другой.

Прошло полночи. Юхан дремал на стуле. По нескольку минут. Вениамин спать не мог. Они не говорили о том, что Дина сказала пастору. Это все равно была тайна. Но по лицу Юхана Вениамин видел, что он все знает.

Неожиданно Дина открыла глаза. С трудом произнесла одно слово. Но вполне отчетливо. Она хочет видеть Карну. Одну.

Послали за Карной, мужчины вышли. Но Вениамин стоял за дверью — у Карны мог случиться припадок.

От недостатка сна он отупел. Картины, события, лица чередой сменяли друг друга. Он уже не понимал, где прошлое, а где настоящее.

Подошел Педер и сказал, что шлюпка Карны исчезла, ее нет на месте. Странные вещи занимают людей, подумал Вениамин.

Но его организм работал как машина. Он передвигал ноги, держался за косяк двери. Следил за руками, чтобы они не дрожали, когда он что-нибудь поправлял или давал Дине. Тихо говорил с ней, успокаивал, надеясь, что она его слышит.

Всю ночь он повторял старое детское слово «мама». Снова и снова. Слышала ли она его?

Вениамин ни у кого не видел таких страданий. Давно уже не видел. Дюббель? Нет. Даже там. Он должен был пройти через них вместе с ней. Если может она, может и он.

Для этого она и послала его учиться. Чтобы он мог облегчить ее боль. Хоть немного. Для этого она и родила его.

И чему же он научился? Ничему. Он стоял и, чтобы не упасть, держался за косяк двери.

Наверное, он все-таки уснул стоя, потому что рядом оказалась Анна.

Ему вынесли стул. Но он отказался сесть. Боялся, что не проснется вовремя. Ведь Карна была в доме. Кто позаботится о ней, когда у нее начнется припадок?

Вышла Карна и тронула его за руку:

— Папа, поспи немного. Я разбужу тебя…

Ясно и просто. Словно она была старшая сестра, а не его маленькая Карна, страдавшая эпилепсией.

Он лег на тюфяк возле кровати Дины.

Тогда из тумана к нему вышла Анна. Она шла к нему и одновременно обнимала его. И несла его на руках. Наконец она подошла к нему вплотную, и он принял у нее ее ношу. Самого себя.

— Анна?

Он вскочил на ноги, не понимая, что его разбудило.

И тут же услыхал хриплый голос Дины:

— Я не нашла ее.

Юхан встал и вышел из комнаты. Вениамин даже не знал, что Юхан был здесь. Яркий свет резал глаза.

Он сел на стул и взял Динину руку в свои. Звуки за окном и весь остальной дом исчезли.

Она была неспокойна. Дышала с трудом. Но глаза смотрели прямо на него.

— Ты узнала меня? — спросил он.

— Да! Вениамин…

Она хотела что-то сказать. Но не смогла. Борьба отняла у нее все силы.

Он наклонился к ней:

— Мама!

Она жалобно застонала. Страждущая душа.

— Вениамин!

Он кивнул. Вот оно! Он вздохнул. Спокойно! Руки не должны дрожать. Порошок. Надо дать ей порошок.

Но она толкнула его руку, и порошок просыпался на ее покрытое черной коркой лицо. Он встретился с ней глазами.

— Мы с тобой одолеем и это! — сказал он, встал на колени и положил голову к ней на-подушку.

— Я искала… Ее там не было… — проговорила Дина, потом спросила, помолчав: — Ты меня осуждаешь?

— Нет! Я только хотел, чтобы ты всегда была со мной. И ты приехала… наконец…

Он сдался.

Вскоре вернулся Юхан.

Дыхание Дины стало неровным и свистящим. Вдруг она открыла глаза:

— Мама? Уже?

Тихий, чистый голос.

Открытые, глядящие куда-то глаза погасли.

Глава 21

Вениамин закрыл за собой дверь. Постоял, сгорбившись, на крыльце. Потом нетвердым шагом спустился на землю.

Он искал, разрывал пепел лопатой и руками. Осматривал все обуглившееся, что можно было осмотреть. За ним постоянно ходил кто-то

из людей, он только не знал — кто.

Раскапывал то, что в Рейнснесе называли картофельным погребом.

Не кислый запах дыма, совсем другой ударил ему в лицо. Вениамин не знал этого сладковатого запаха сгоревшей плоти.

Он поднял остатки обуглившегося конька крыши и обгоревшие лохмотья ткани. Под тем, что осталось, лежала рука. Обручальное кольцо все объяснило. Твой Вилфред.

Так он узнал, что это не Анна.

В Страндстедет было послано за тремя гробами. Люди оставались практичными.

Четверо рабочих с верфи еще раз осмотрели все пожарище вместе с ним. Но ничего не нашли.

Всякий раз, ступая на землю, Вениамин наступал на Анну. Ему не стало легче и в доме, где жила Стине. Половицы там тоже были Анной.

По утоптанной тропинке Вениамин шел к бугру, на котором стоял флагшток.

Морские птицы. Влажные вздохи воды между камнями при каждом откате волны. Солнечные блики на мелях. Темные пятна между ними. Там дно было черное. Он повернулся к морю спиной.

Перед ним высилась гора. По ее склону он бежал вниз в ту минуту, как их пожирало пламя. Или когда же это было?

Солнце презрительно смотрело на черный пепел. Трубы еще стояли. Вокруг них поднимались к небу ослабевшие спирали дыма.

Вениамин подошел к скамейке возле флагштока. Его глаза пытались зацепиться хоть за что-нибудь в проливе. Но он видел только ветер. Движение в глубине зрачков. Шум воды. Словно на площади какого-то неизвестного города вдруг забили фонтаны. Там встретились все загадки, и все горизонты сошлись в одной точке.

А запахи лета! Неужели они думали, что смогут заглушить запах смерти? Соленый, тяжелый, резкий, летучий.

И звуки! Лодок, которые приходили и уходили. Людей, говоривших о пустяках. Шагов. Неужели они не знают, что звуки заглушают друг друга и что единственным милосердием может быть тишина?

Он лежал на скамье, подложив руки под голову. Может быть, даже спал. Но мысли все равно не покидали его. Хотя в них не было смысла. Перед ним была стена.

Закрывать глаза было теперь бесполезно.

Анна! Она шла по блестящим на солнце водорослям. Как будто и не сгорела. Шла, плотно закутавшись в шаль. Сначала ее походка была нетвердой, как у человека, выходящего из воды на берег.

Шум волн отступил перед ней. Словно Вениамин вовсе не спал.

Ничто не отнимет у меня облика Анны, думал Вениамин.

Анна стала большой и близкой. Нависла над ним, точно свод.

Он ощутил тепло. Руку. Она прикоснулась к его груди. Ко лбу. Он чуть не сошел с ума от ощущения прохладного жара ее кожи.

— Вениамин!

Голос… Целительный сон! Теплая, нежная кожа. Он не удержался и притянул ее к себе.

— Анна!

— Прости меня, Вениамин!

Почему она так говорит? Почему на ней мужская куртка? Он вытер рот рукавом этой куртки. Откуда на ней чужая одежда? Он тер руки о штаны, пока не решил, что они уже достаточно чистые.

Потом осторожно прикоснулся к этой чужой куртке, внутри которой была Анна.

Глава 22

Призри на страдание мое и на изнеможение мое, и прости все грехи мои.

Сохрани душу мою, и избавь меня, да не постыжусь, что я на Тебя уповаю.

Псалтирь, 24:18 и 20

На похоронах останков Ханны Олаисен все безудержно рыдали.

Пробст сам произнес надгробное слово. Он говорил о мужестве, без которого невозможно помочь ближнему. Ханна Олаисен пожертвовала собой, чтобы спасти чужую жизнь. Он тепло говорил о любви к ближнему. И о том, что в любой трагедии есть промысел Божий. Никто не должен думать, будто Бог забыл о нем.

Все без исключения скорбели о Ханне, эта скорбь заставила людей забыть о себе. Ханна стала примером для всех. Она была гостеприимной и доброй при жизни. И отдала свою жизнь, чтобы спасти чужую.

В Страндстедете не было своего святого. До сих пор не было. Ханна должна была умереть, чтобы жизнь людей обрела смысл.

Вид четверых мальчиков, оставшихся без матери, и красивого бледного мужа сделал сочувствие искренним. Одни говорили о тяжелых ударах судьбы. Другие — о том, что Бог в своей неизреченной мудрости возлагает тяжелую ношу на плечи избранных.

Церковь была полна. Пока говорил пробст, Вилфред Олаисен стоял с закрытыми глазами. По его серому лицу бежали капельки пота.

Свет был не яркий, и от хоров до первой скамьи было большое расстояние. Это позволяло женщинам не спускать глаз с Вилфреда Олаисена. Они упивались признаками его безграничного горя.

Незамужняя дочь коммерсанта Холе не отрывала от него глаз — как красиво он держит руку на плече старшего сына!

Сара сидела с другими детьми, держа младшего на коленях. Они являли собой серое отчаяние, но оно не произвело на фрёкен Холе сильного впечатления.

Сначала пробст и слышать не хотел о том, чтобы исполнить волю фру Дины, которая просила, чтобы ее, как моряка, похоронили в море. Подальше от берега.

Но Юхан поговорил с ним с глазу на глаз. Неизвестно о чем, но он утвердительно кивнул Вениамину и Анне, когда они спросили, как прошел разговор.

Юхан взял ответственность на себя: «Я очень уважаю нашего пробста. Но я сделаю все, как она просила».

Правление местной управы решило выстроить на площади портал в честь фру Дины. Он должен быть украшен цветами, и на нем золотыми буквами будет написано ДИНА БЕРНХОФТ.

Она была главной в Страндстедете, вложила в него много сил и денег. Похоронная процессия должна пройти через этот портал.

Было достигнуто своего рода соглашение. Духовенство отслужит в церкви торжественную панихиду, правление возведет портал, и тогда уже море получит свое.

Юхан и Карна сидели в Дининых покоях в «Гранде». Они читали вслух Библию.

Бергльот объясняла всем, кто выражал удивление по этому поводу, что Карна еще не пришла в себя и нуждается в духовном утешении. Ей нужно с кем-то поговорить. А вообще она почти не разговаривает. И почти ничего не делает. Бергльот приходится заботиться обо всех и в доме доктора, и в «Гранде». Она бегает между домом доктора и гостиницей, носит еду.

Бергльот шёпотом сообщила служанкам, что доктор совсем поседел и все члены семьи так исхудали, что она могла бы унести их всех на спине за один раз.

Анна и Вениамин почти не разговаривали с тех пор, как вернулись из Рейнснеса. Только держались за руки. Боялись выпустить друг друга из виду. Ведь тогда все могло случиться. Что именно, они не знали.

Однажды Вениамин спросил:

— Что он тебе сказал в тот день?

— Это утонуло в море, — ответила Анна. — Я не хотела оставлять это у себя.

Анна понимала, что все ее существо должно быть поглощено случившимся. Но это было не так. Она не могла даже оплакать тех, кто погиб.

Для нее понятие «ненависть» было чем-то нереальным. Во всяком случае, до сих пор. Его придумали исторические личности, чтобы оправдывать себя, когда они убивали друг друга. Она всегда считала

ненависть бессмысленной и ненужной.

Но за последние дни ненависть заняла столько места в ее жизни, что это отвлекало от горя.

Однажды ночью, когда Анна лежала без сна, ею овладело такое бешенство, что она уже не могла оставаться в кровати. Она встала — ей нужно было выйти из дома. Бежать, кричать. А лучше всего пойти и растерзать того человека.

В прихожей она стала надевать пальто, но ярость помешала ей. Нужно было немедленно что-то схватить, разбить, разорвать. Не помня себя, она руками вырвала из стены медный крюк для одежды.

И тут же ее обхватил Вениамин:

— Анна! Умоляю, буди меня, если тебе станет невмоготу. Не замыкайся в себе. Я не выдержу…

Анна выпустила крюк из руки, и он упал ей на ногу. Это принесло облегчение.

— Я ненавижу! Ненавижу! Разве ты не понимаешь? — Она заколотила кулаками по его груди.

Он напрягся, но не стал ее удерживать.

— Я так ненавижу…

— За то, что он сказал тебе… до…

— Да! Я должна была сама видеть и понимать.

— Идем! — Он повел ее вверх по лестнице.

Помог снять пальто, уложил в постель, лег рядом и закрыл их обоих периной.

Свет был беспощаден. Несмотря на спущенные шторы. Казалось, они лежат на пронизанной лучами льдине.

Она услыхала его голос:

— Я должен был все рассказать тебе. Но боялся, что ты меня не поймешь… Это никогда не касалось моих чувств к тебе. Но все равно я должен был сказать. Тогда бы… Тогда бы ты, может, ненавидела меня не так сильно.

— Тебя? — удивилась она.

Он молча смотрел на нее. Черты его лица как будто стерлись. Глаза были совсем близко. Анне хотелось спрятаться. И вместе с тем хотелось еще крепче прижаться к нему.

— Нет. Я ненавижу Вилфреда Олаисена за то, что он год за годом беспрепятственно отравлял все вокруг своим ядом, пользовался своей силой. И ведь никто, кроме Дины, даже пальцем не шевельнул, чтобы помешать ему. Я ненавижу его так сильно, что не могу жить с этой

ненавистью. Я даже горя не чувствую. Если б я могла, я бы… я бы…

Он смотрел на нее, как на чужую. Потом крепко прижал к себе.

— Ты ненавидишь его за то, что он рассказал тебе про нас с Ханной?

— Ты встречался с ней? — прошептала она.

— Да.

Анна смотрела через его плечо. На зеркале, что стояло на комоде, в правом углу были пятна. Должно быть, сырость испортила амальгаму.

— Почему?

— Она нуждалась во мне. И я пользовался этим.

Она слышала его слова. О чем мы говорим, думала она. С кем я говорю?

— Теперь я все понимаю. Когда-то я дал Ханне основания считать, что мы поженимся. Я изменил ей. Он избивал ее, а я с этим мирился. Из страха потерять тебя я не признавался, что всегда был неравнодушен к Ханне.

— Неравнодушен? — Она сама слышала, как жалко звучит ее голос.

— Из-за того что я иногда… хотел ее, я не все мог рассказать тебе. Ты бы превратно это истолковала. Я, например, был однажды у Ханны, когда ни Вилфреда, ни тебя не было в Страндстедете.

— Почему ты пошел к ней?

— Она хотела, чтобы я помог ей избавиться от беременности.

— И ты помог?

— Нет.

— Вы часто встречались? — Она почти не слышала своего голоса.

— Когда она нуждалась во мне. И была возможность. Не часто. Но случалось.

Анна внимательно смотрела на Вениамина. Ей казалось, что на его лицо наброшена пелена, словно кто-то пытался скрыть его от нее. Ей хотелось спросить у него, когда, где и каким образом он встречался с Ханной. Сколько раз. Ведь она слышала, как он расспрашивал своих пациентов, чтобы поставить диагноз. Чем серьезней болезнь, тем важнее получить точный ответ.

— В последние годы между нами ничего не было. Но много лет назад… Даже после твоего приезда. Я сам все испортил. Ложь росла и росла.

Его слова отозвались в ней острой болью. Он вдруг куда-то отодвинулся от нее.

— Чью смерть ты оплакивал, когда мы умерли?

В ушах у нее шумела тишина.

— Смерть? Я оплакивал смерть сестры. Но потерял я тебя. Когда я тебя обнял, мне как будто вернули назад мою жизнь.

— Сестер не желают, — жестко сказала она.

— Я знаю. Но так было.

Она хотела повернуться к нему спиной. Или встать и уйти. Но увидела свое прозрачное одиночество. И это парализовало ее.

— Я не могу состязаться с покойницей.

— Тебе не нужно было бы с ней состязаться, даже если б она не погибла.

— Но я состязалась, хотя и не понимала этого.

— Нет. Виной всему мое непостоянство. Моя измена.

— Как я могу верить тебе?

— Не знаю. Но я готов отдать жизнь, чтобы ты мне поверила.

Она повернулась к нему. Хотела найти честность, но нашла только отчаяние. Он не спускал с нее глаз. Его губы превратились в сухие трещины, которые он все время смачивал языком.

— В конце июля я поеду в Копенгаген. Как собиралась.

Долгое время слышалось только его дыхание.

— Ты вернешься? — спросил он наконец.

— Не знаю.

Свет был слишком тихий и холодный.

— Я это заслужил, — сказал он и сжал ее еще крепче.

— Это все, что ты можешь сказать мне? — прошептала она.

— Я люблю тебя, Анна! Если ты не вернешься, я приеду за тобой. Буду молить и осаждать тебя. Я тебя не отпущу. Никогда. Слышишь? Даже если ты найдешь другого! «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность…»[13]

От чувства невесомости у нее закружилась голова. Он был так близко! Не только его тело, кожа, дыхание. Но и мысли. Как давно это было!..

— И когда-нибудь я спрошу, можешь ли ты простить, что я не рассказал тебе… Но сейчас я не смею.

Их глаза встретились, и она увидела, что он боится не меньше, чем она сама.

На другой день Анна пошла к Олаисену. Сказала, что должна поговорить с ним наедине.

Он был приветлив и благодарен, что она пришла к нему. Но его глаза выдавали тревогу.

Когда они сели и дверь была закрыта, Анна объяснила цель своего визита.

Ей нужно поговорить с ним о том, как случилась эта трагедия. Кроме него, ей поговорить не с кем.

Олаисен растроганно слушал Анну.

Она начала неуверенно, но потом голос обрел твердость.

— Мне хотелось сказать тебе, что иногда слова способны роковым образом изменить нашу жизнь.

Она замолчала и наклонилась к нему:

— Когда ты рассказал мне про Ханну и Вениамина, со мной что-то случилось. Сперва я сомневалась, но потом поверила тебе. Поверила, что я одна все эти годы пребывала в неведении.

— Мне неприятно говорить об этом сейчас. Я не хочу плохо говорить о покойнице, — строго сказал он.

Но она пропустила его слова мимо ушей.

— Из-за этого я потеряла голову. Забыла погасить лампу на чердаке. И к тому же напугала Карну.

У Олаисена забегали глаза. Однако она не обратила на это внимания. Она виновата, что лампа опрокинулась и Дина с Ханной погибли. Вот как велика бывает сила слов! Понимает ли он хоть отчасти, какой виноватой она себя чувствует? Понимает ли, что с этим чувством вины ей придется жить всю жизнь?

Олаисен хотел что-то сказать. Но не мог найти слов.

Много дней она ненавидела его за то, что он сказал ей. Ненавидела так сильно, что не могла даже оплакать погибших. Способен ли он понять это?

Он опять хотел заговорить. Но не мог даже дышать.

— Я понимаю, с моей стороны жестоко говорить сейчас об этом, прошло еще слишком мало времени. Тем более что мной движет не сострадание, а ненависть и месть. Тут уж ничего не поделаешь. Но уверяю тебя, никто никогда не относился к тебе так же серьезно, как я. Ты, конечно, знаешь, что меня нашли далеко в море, а не на чердаке. И сегодня я рада, что это так.

Она опять вспомнила про лампу. Они погибли именно из-за этой лампы, и Дина, и Ханна.

— Хотя погибнуть должна была я, — продолжала Анна. — Для этого я и оказалась в море! Эта лампа!.. Она спасла меня, убитую твоими словами. Когда я увидала пожар, я поняла, что наделала. Ты понимаешь, что я сейчас чувствую? Ты когда-нибудь чувствовал вину за свои поступки, Вилфред?

Он смог только кивнуть. Хотел прикоснуться к Анне, но лишь слегка шевельнул рукой.

Анна помолчала. Она сидела на краешке стула, строго выпрямившись, как на допросе. Потом заговорила снова:

— У меня к тебе еще одно дело, Вилфред. Оно касается младшего мальчика, который, по твоим словам, сын Вениамина. Мне невыносима мысль, что ты, может быть, ненавидишь его за то, в чем он не виноват. Поэтому я хочу забрать малыша к нам, чтобы он вырос в нашем доме.

Тут уже он больше не мог молчать. Она не оставила ему выбора.

Олаисен разрыдался, и Анна, к своему удивлению, обняла его. Она провела с ним почти весь день. Ненависть исчезла, когда они разделили друг с другом и вину, и отчаяние. Мальчик остался дома. Олаисен вымолил себе отцовство.

Перед уходом Анна послала за Юханом.

— Нам обоим нужен сейчас пастор, но ему в первую очередь, — сказала она.

Эпилог

Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.

Евангелие от Матфея, 10:27

Карна ждала знака от Юхана.

Она чувствовала на себе глаза Девы Марии и святой Анны, глядевшие на нее из-за алтаря. Слышала шуршание их одежд. Святая Анна держала в руках раскрытую книгу. Совсем как Юхан.

Он говорил, стоя у гроба.

Карна попыталась понять, какое место текста он читает, но не смогла. Он сказал ей, чтобы она не боялась. Если она не сможет, он сам скажет за нее то, что должна сказать она.

Если же у нее случится припадок, папа унесет ее в ризницу. Они даже постелили там на полу одеяло. Значит, они ждали, что припадок все-таки случится.

Сложенный листок стал влажным от ее рук. Она разгладила его на коленях, надеясь, что он быстро высохнет.

Потом прикрыла глаза, чтобы из-за яркого света, бившего в высокие окна, у нее не начался припадок. У черного платья были слишком длинные рукава, но она была рада этому. Даже она сама не видела, как у нее дрожат руки.

Юхан подал знак.

Карна встала и медленно подошла к нему.

Он кивнул ей и осторожно подвел к гробу. Она знала, что теперь он стоит у нее за спиной.

Святая Анна вышла из-за алтаря и встала рядом с Карной. Лицо ее было скрыто белым покрывалом.

Карна почувствовала, как святая Анна взяла листок у нее из рук, но не смела поднять глаза. И сразу же услыхала ее голос под высокими сводами церкви:

«Мертвым не дано говорить. По желанию моей бабушки я получила в наследство все, что принадлежало ей. В том числе и ее признание.

Для меня это слишком тяжелая ноша. Поэтому я прошу понять то, что я

должна сказать вам.

Здесь, перед гробом моей бабушки, я прошу у Бога и у людей милости и прощения за оставленное мне наследство.

Ибо я, Карна Грёнэльв, от имени покойницы должна сообщить вам следующее:

«Я, Дина Грёнэльв Бернхофт, урожденная Холм, в ноябре 1844 года повезла через горы к врачу Иакова Грёнэльва. Я собственноручно столкнула сани с ним в пропасть, что привело к его смерти.

В октябре 1857 года на вересковой пустоши южнее Рейнснеса я из охотничьего ружья застрелила русского, Лео Жуковского.

Я признаю свою вину.

И все-таки прошу простить мои останки.

И похоронить их в море»».

Святая Анна отдала Карне листок и вернулась на свое место.

Теперь была очередь органа. И пения псалмов. Но этого не произошло. Стояла оглушительная тишина. Впрочем, это не имело значения, потому что припадка у нее не случилось. Она по-прежнему стояла на ногах. И все написанное на листке было сказано.

Карна подняла голову и увидела бесконечную заснеженную равнину. И много людей. Среди них был Педер. И папа. И Анна. Все.

Карна медленно пошла по среднему проходу. Не потому, что хотела уйти, просто так было нужно.

Дойдя до конца прохода, она распахнула двери, чтобы они могли вынести Дину из церкви.

Примечания

1

Иными словами, если бы отдельный человек мог совершенно отпасть от рода, его отпадение сразу изменило бы весь род, и, напротив, если некое животное отпадет от своего вида, вид к этому останется безразличным.

2

Пробст — старший протестантский священник, — *Здесь и далее примеч. пер.*

3

Ленсман — государственный чиновник, наделенный в рамках своей округи полномочиями по поддержанию правопорядка, сбору налогов и т. п.

4

Синий понедельник — старое норвежское название последнего понедельника перед постом, когда по обычаю алтари в католических церквах застилали синим покрывалом.

5

Амтман — губернатор провинции.

6

Песнь Песней Соломона, 4:7; 6:10.

7

Здесь и далее стихи в переводе Ю. Вронского.

8

Хюльдра — персонаж норвежского фольклора. Хюльдра выглядит как

женщина, она очень красива, но имеет коровий хвост, который прячет от людей, коварна и опасна.

9

Колыбельная песня *(нем.)*.

10

Эрик Понтоппидан (1698–1764) — датский теолог. Его объяснениями к катехизису и сборником псалмов в начальной норвежской школе пользовались на протяжении более 150 лет.

11

Слип — наклонная береговая площадка для спуска судов на воду или подъема их из воды.

12

Роман норвежского классика Юнаса Ли (1833–1905).

13

Песнь Песней Соломона, 8:6.